

Г.Д. Гачев

ОСЕНЬ С КАНТОМ

Образность в «Критике чистого разума»

Москва
2004

В авторской редакции

Г 24 **Гачев Г.Д.** Осень с Кантом: Образность в «Критике чистого разума». — М., 2004. — 329 с.

А так ли уж чист «чистый разум»? — таким вопросом задался филолог Гачев, в ревности к философии приступая к скрупулезному перепрочитанию философской «библии» — классического труда Канта. Обнаруживается, что в подспуде логического построения залегает некое исходное видение, образный априоризм, который являет именно германский образ мира. Кант роет фундамент для дома разума. Рассудок (*der Verstand* — «стояк»), мужчина, ориентирован на Опыт (*die Erfahrung* — «поездка»), женщину.

В основе «строгих» терминов «точной» науки залегает метафора, что особенно проступает при сопоставлении немецкого текста и русского перевода, который не просто с языка на язык, но с одного национального Космо-Психо-Логоса на другой. Книга написана в жанре дневника жизни и размышления, и их диалог выражен двумя шрифтами.

Книга рассчитана на философов, филологов и всех интересующихся национальными особенностями в культуре.

Со страхом приступаю

5.IX.68. Работу эту я предпринял, движимый следующим интересом: принизить чистую логику на свой уровень, заземлить ее. Всю жизнь ужасали меня сухостью, трудно давались, отталкивали числа, математика, опытные знания — их жесткость, деревянность, непреклонность — и самодовольство. Механичность и безжизненность чудились в них, отпугивали регламентом, железной дисциплиной, насилием, волей, порядком. Я ж, когда уравнения решал иль гаммы играл, ловил себя на том, что ум бродит где-то, о другом думает, привходящие образы, желания — не здесь и теперь я был весь. И с большим усилием приходилось отгонять.

С другой стороны, я чувствовал возвышенность чисел, строгой логики и что те, кто отдавались опьянению расчетов, формул иль самозабвенно мастерили радио иль что другое, и, забыв окрестности, жили в этом мире, — превосходили меня (я отчаянно с досадой и униженностью ощущал) чистотой строя мысли, и я смотрел на них снизу вверх с обидой: что, значит, не дано мне...

Из чистых, отвлеченных от жизни занятий духа я вхож в философию и музыку. Однако они в сравнении с математикой и логикой не столь дистиллированы, находятся на более нижнем, по чистоте, этаже, засорены: философия — тем уже, что это «фило», т.е. любовь, а значит — пристрастие; а музыка — звуком, сердцем и душой, их каналом выводным, клапаном и дыханием. Но и в занятиях философией, в чтении отвлеченных трактатов ловил себя на том, что, во-первых, очень медленно читаю, не запоем, так, чтобы, увлекшись чужой мыслью, ей отдаться, себя забыв; но непрерывно примерял каждую мысль и звенья ее — к себе, к загвоздкам своей жизни, мысли и поведения, выверял и все время эту живину...

Ну вот, пожалуйста, на расхристанность эту жизни своей наткнулся и сию минуту: чернила черные¹ в ручке кончились, а бутылка где? За городом, где всё, и книги, а я вот здесь — жена болеет. Слава богу, захватил с собой сюда на всякий случай самое «Критику чистого разума», чтоб, единство духовной среды сохранив, амортизировать этим рытвины и сногшибательные тычки жизни. Так что вот — пришлось сразу хаос на второй странице новой работы, осенней (моего времени!), к которой с таким пиететом приступаю, впустить и писать си-

¹ Чернилами черными я положил тогда писать куски-сюжеты объективные, предметные, а синими (цвет души, психеи) — куски личные, исповедальные. — 5.6.96.

ним чернилом (единственное число народнее и более подходит моей детской досаде и надутости). Словно сразу арлекинное одеяние — из лоскутов разноцветной материи — на меня судьба набрасывает.

Однако ж мы и этот случай пришили к единству строя моего, склада и судьбы, извлекли и из него достоверное самопознание, так что и он прямо от сейчасшего, текущего бытия проиллюстрировал то, что я мыслить о своей особенности хотел через припоминание. Так что и этот горбыль пошел в дело — ибо большая стройка затевается и разворот хайла; так что все пригодится, и свинья все съест.

Так вот: плывя по философской системе (любой), я все лот опускал в себя, в воду и гладь, и парение мысли на поверхности и на свету — с зазубринами дна во тьме, с илом вязким и скалами, костями и кишками своего нутра и жизни соединял, выверял: как мне быть и что я теперь о жизни понимаю, и как все элементы, состав моих отношений перекомбинируются в моем жизнепрохождении в зависимости от вновь воспринятой мысли? Да, и вот что: значит, существо мое не успокаивалось, не отрешалось, не забывал я о жизни своей, теле, обо всем на свете, в сферу чистой мысли иль музыки погружаясь, но чувствовал, как особенно бурлит во мне жизнь, и жизненности соки и хоти, жажда жить полно, мудро и правильно одолевала — именно во время чтения, мышления, иль музыки; итак, не удавалось мне чисто и абсолютно в душе и уме жить, в интеллигибельном мире, но интенсивная смесь и брожение шли в моем сосуде меж душой и телом, мыслью и жизнью, так что в итоге — муть, ошеломление и неясность, путаница. И в то же время чувство, что помудрело мое тело, мудро я пожил в ходе умозрения (ибо чтение и мышление для меня были и суть интенсивнейший и драгоценнейший акт жизни, когда вся она клокочет, и я ею всею как бы владею, и миром всем: все помыслить = обжить могу); так что, хоть мысль не парила, а мутнела в осадках и частицах телесных чувствований и хотений, но зато тело, существо мое все парило и парит, витеет: именно все существо в целом, с телом, а не ум лишь, дух и душа. Тело и жизнь ощущаю, но особо легкими, летучими: материальными и духовными. Такова, наверное, плоть у ангелов: они ж не бесплотны, и у праведников по воскресении тело новое будет подобное...

Так истаивала строгость и сухость отвлеченной мысли; она набухла, сочилась: я орошал ее соками своей жизни, все время корни ей давая, а себя — как сосуд, ствол и трубу для обмена меж мыслью (общей, чужой) и жизнью (своей, общей) — полагаю. Так это в чтении. А в писании ум, напротив: из жизни (своей) доил мысль (общую) — в связи их и зависимость обнаруживал.

Но если при чтении это свойство неплохо (ибо сия рассеянность внимания производила и активность понимания), то при слушании музыки это бурление жизненности оказывалось ужасоюще несвоевременно: музыка течет себе в концерте, уплывает, а то на лодке я, то нырну: отвлекся какой-то шальной ассоциацией, забытой, хотью, — и, когда очухаюсь, корабль симфонии уж далеко уплыл, не догнать: ах, проклятья! Потому и в музыке полная поглощенность мне давалась не когда я играл чужое, а когда начал сочинять свое: хоть и домогренно и убоговато бывало, но все ж сам принцип истечения, перворожения музыки к себе меня причастил, приоткрылся.

И все ж и там, и здесь происходила профанация. (Аж плачу сейчас от того, что такое осквернял, и так редко мне давалось, прошибала мою заскорузлость чистота любви не к себе и жизни и мысли, во мне текущей, но к другому существу: будь то симфония, человек, цветок, философема или облако.) Господи, чувствую свое рабство и червиную малость; и как гнусны эти надменные, в гордыне, разбухания червиного туловища, которое уже застит себе пространство и свет, а трубку свою в *tuba mirum* предлагает. Однако ж, и червь дивен, и мудрость творения и в нем сказывается — не вполне, ничтожно, но все — она ж... И в себе не собой, но бытием восхищаться можно.

Так что ж делать? Значит, по росту малому тебе и доступно: лилпучьи твои понимания.

Однако, божий ли это подход: малое, великое? Это ж наш, математический, числовой — тому, что мы единица среди множества, обязанный. Для Всеединого ж и всеобъемлющего и всепроницающего, какая разница, где ему зазвучать, себя узнать и услышать? Ибо все — он, и червь — такой же центр бытия, как и облако; и все в нем сказывается.

/Это ты себе создаешь одну из регулятивных, по Канту, максимум для поведения, жизни и мышления. И во всяком случае, она бодрит и велит не зарывать талант, а на что способен (не меряя всегда удручающей шкалой количества и чисел) — то и давать, уповая, что и качество моей жизни и мысли недаром такое: зачем-то угодно бытию, раз такое чудище и монстра в тебе сотворило./

Так вот: в силу такой своей природы давно уж я себе позволяю фамильярничать в бытии и мысли: что в принципе — все звоны и точки и силы бытия, и все когда-либо подуманные мысли, теории и системы, поскольку мы сопринадлежны единому протяженному бытию, которое сплошняком (вот сколько заранее принимаемых на веру предпосылок!) и через мою точку прокатываемо и отдается, — мне доступны и могут быть воспроизведены заново из моего опыта. Это и

гордыня, но может и иначе трактоваться: как широко на мир и все раскрытые глаза, отверзтость врат моего существа и благочестивое упование, что любое слово (тварь и существо мира) и ко мне прямо относится, и я обязан его уловить и понять; а не то, что я — особь статья, моя хата с краю, я ничего не знаю, при чем скромностью освящают и оправдывают сидячий эгоизм (тогда как мой эгоизм — разомкнутый, агрессивный, империалистический).

Воля и подсказ имени: «Гачев» и «Кант»

Вот уже кое-что и для темы нынешнего мышления просвечивает. Задор Канта — как раз поставить притязания мышления человеческого в границы, хату с краю построить и участок ее и владение точно очертить. И что меня касается и есть мой долг; что я точно должен исполнять, а что — не моего ума дела и куда не след мне путаться под ногами бытия и нос совать.

Я же приступаю к нему с иным складом существа моего и с иным умонастроением: **захватить все** (слова Толстого и его принцип жизнеотношения: Лев Толстосум все в суму свою заграбастать захотел).

Мистика и воля фамилий и имен здесь сказывается.

Кант — окантовка, грань, окаемщик, пограничник: призвание таково в самом имени, которое нам дано как подсказ от бытия на свою судьбу, колею и дело. Достоевский — достоин ли? Гордыня и унижение — выяснением этого всю жизнь в писании занят.

Я ж — Гачев — что значит? Ну, Георгий Дмитриевич — тут яснее. Георгий = «земледелец» (значит: земли сын — и ей служить) и звучит гордо и красиво; «Георгий Димитров» — из локально-политических, исторических ассоциаций моей зоны во времени — тоже бодрящая ассоциация: на волю и дело. А так Гачев — Грачев — птица (воздух), но черная, тяжелая, земляная, длинноносая, длинноклювая — для сования носа и рытья. То же призвание и в тебе: меж небом и землей вращаться; взлетать, правда, невысоко, но все ж — взлетать и трансцензус меж воздухом и землей, зоной ума, души — и тела, жизни — осуществлять: свет и воздух — к земле притягивать и клювом внедрять (землю рыхля). А еще Гачев — от болгарского «гаши» (русское «гачи») — портки. Здесь ноги народно одетые и хождение по бытию подчеркнуто. И еще: болгарское «гаче» — это «като че ли» = «словно», «как будто» — призрачность существования, сонность, нереальность, условность; что это я еще живу **как будто**, а настоящее — еще предстоит (иль было?); так что я в состоянии вечного дитяти, все уяс-

няющего, что к чему, и к жизни лишь готовящегося — чтоб прожить истинно и по-настоящему. И эту кандидову наивность сознательно в себе удерживаю и развиваю. С точки зрения мистики звуков, то «га» — это «а» = звук открытого пространства, глас всего бытия, его гласности; рот-мир при «а» наиболее открыт, без утайки и тайны, просторен в себе: без усилий субъекта (челюсть отвисла) произносится — просто входит мир этим звуком в нас. Это наиболее объективный звук: словно само все мировое пространство и воздух так звучит. «Г» — звук зада горла, клещей церберовых при входе в Ад существа нашего. Это звук земли (humus, gupo) и усилия, труда — взрывной. «Г» — это взрывное размыкание, бунт, мятеж, революция, предполагающая, значит, замок, теснину, притеснение, подавленность.

Итак: «а» — открытое бытие; «г» — клещи, цап его царап. И «га» = сцепление бытия открытого — и узкого горлышка — умишка; но все ж их смыкание:

Я понять тебя хочу, Смысла я в тебе ищу²

«Г» = «я» (недаром «г» и «ја» — одноместные в небе звуки); а «а» = мир, «не я». «Га-га-га!» — гуси-гуси так кричат, острием шей своих пронзают пространство, и крик их — тоже агрессия земли, взлет ее в телах птиц — в небо.

«Чев» — «чиф» же: тоже птичий звук, но мелкого чирикания, словно после агрессивного с замахом «Га» — свился стыдливо в норку, гнездышко и в перышки, их чистить и младенчески по-воробыному пищать: «чиф-чиф», как в детской песне чибисята — «чьи вы?»

И вот существо и ум с такими замашками приступает — к Канту. Зачем?

Кант! «Я буду говорить о человеке, одно имя которого звучит как заклинание, — я буду говорить об Иммануиле Канте!»³

Ну что ж, у нас есть общее: Га — Ка.

Основная причастность — к открытому пространству бытия: к «а», к его гласу-согласию, смыслу, строю и ладу к воздуху-духу. Но в Канте оно словно поймано в клетку герметически закрытого единого слога: Кант. «К» и «т» — глухие согласные с обеих сторон, как стены, грани и стражи, обступили бытие, пространство, Raum — превратили его в помещение, дом, Haus. Правда, это насквозь музыкальный дом, и в нем звенит натянутой струной и отдается АН. Это дом-орган, город бытия, однако ж — огражденный, огороженный.

² Это из Пушкина — «Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы». — 6.6.96.

³ Гейне Г. К истории религии и философии в Германии // Гейне Г. Полн. собр. соч.: В 12 т. Т. VII. М.—Л. 1936. С. 102.

Глухи и безжалостно механичны окружающие стены — согласные «К», «Т». Они взрывны — значит: усиленные, трудовые, замок и смертность в исходе своем предполагающие. «К», хотя и парно «Г» по положению (тоже задненебное, адово), но если «Г» — звонкое, живое, животное существо (пусть Цербер, но пес, собака, чувствующее), то «К» — глухой, значит: бесчувственный, медведь на ухо наступил, звук не живого существа, но выделанного, механизма — его удар, взрыв и скрежет. «К» — подлинно, клещи, щипцы, тогда как «Г» — горло, гортань, глотка, пасть. «К» и «Т» — глухие, мастерские, трудовые, огнеземельные, из обожженной и закаленной матери(и). И как симметрично они обступили «ан»: «Т» — сзади, «К» — ровно так же спереди. Безвыходно: Кант — капкан.

Из стихий, таким образом, имя-заклинание «Кант» магически вызывает: «а» = **воздух**-дух, пространство, и в то же время низ и верх мира образуя: опущена нижняя челюсть = **земля**, поднято небо-небо = крыша мира-дома. Высоко вознесено само имя «Кант» — как готический собор: огромной высотой и глубиной, но с узкими стенами. «А» переходит в «Н»: из воздуха средь земли и неба — рождается дрожание, колебание, волна — носовая, сопливая, **вода** (в отличие от дрожания пламени, языка огня — «р»): носовые = звуки воды. Но если «м» губно-земно, то «н» — более открыто, воздушно. «К» и «т» — глухие взрывные. Взрыв = **огонь** в земле. Через эти звуки представляет **огнеземля** = не естественная природа-жизнь, а обожженная: перетворенная искусством, трудом, инструментом, машиной.

Так что бытие («а») и жизнь («н») выступают не вольно, сами по себе господа и вещи в себе, но впускаются, дозволены лишь настолько, насколько это допускает стража: «к» и «т» = выделанная природа, труд, искусство, общество, история — словом, человечество, культура, которые предопределяют: что из бытия, из природы входимо в нас, впускаемо, — и образуют собой априорные формы = ворота, через которые бытие и природа уж в виде явлений (с этим пропуском, в этих тапочках и под этим соусом) входят в наш кругозор, в город-огород нашей цивилизации. Естество необходимо предопределено искусством, и общество выступает судьбой природы, так что максимы практического разума: требования морали, нравственности и всесовершенного существа можно и должно, по Канту, помещать в основание работы чистого теоретического разума и познания природы.

«К» и «т» для «ан» — предел, иже не перейдеш. И только благодаря «К» и «т» — граням формы, «ан», само по себе аморфное бытие, содержание, наполнение, жизненное пространство, которое звучало б

просто как французский носовой звук an (действительно: «а» — пространство, «н» — жизнь), — образует что-то по-германски определенное: фамилию, явление, предмет.

Если имя «Кант» выступает как заклинание пространства («ан») и его уловление в априорную форму, то не меньшую осмысленность имеет это имя в шкале времени. Кант — такт времени, единица его, один слог, со всех сторон ограниченный. Это имя: Кант — как звук от одного удара колокола или струны⁴

Так что недаром в себе нашел Кант априорные формы чувственности: пространство и время — и открыл в них массу доопытных смыслов. Имя это — и заклинание бытия, и монада германского мира. Кант — это Burg, город, бытие за стенами.

«Гачев» рядом с «Кант» звучит низкоросло, земно, суетливо, не едино, раздвоенно. Бытие, было, уловлено в «а», однако ворота ему открыты (слог открытый), и оно постепенно выпускается. Выдыхается через щели и свистение: «чиф». Замах большой «Га», а в итоге гора (гара) родила мышь, что пищит: «чиф».

Так вот и амбиция моя, и интерес проступают: нельзя ли раскупорить на все пуговицы в сюртук застегнутый мир Канта, породнить с собой, побрататься и найти и в Канте щели, отверстия, через которые открытый простор бытия тайно в его дом вторгается, воздух и тягу в нем создает, и усмотреть в «Кант» нечто вроде «Кантчев»? Тогда я обогащусь — формой и единством, порядком, строгостью и дисциплиной, а с того сниму одежду-форму-сюртук, заклятье закупоренности, и дам его телу вольно дышать, и живую жизнь подсоединю и для нее выходы из Канта найду.

А для этого сяду в сторонке и понаблюдаю и прислушаюсь: как в этом герметически, вроде на все сто замкнутом доме-мире Кантовой философии осуществляется дыхание, обмен веществ: какие вещества, пища из бытия туда входят, и чем там питаются, и из чего, по переработке, взвиваются высокое усмотрение, логика и отвлеченные выкладки чистого разума?

20.11.69. Да, поистине «Кант» — ему имя. Магия своего имени влияла на него, формировала его, давала задание его жизни и уму (см. Платон в «Кратиле» и Стерн в «Тристраме Шенди» о подобном), — и он **окантовал** познание, рамку ему и пределы прочертил, закупорил человека в границы его «я».

⁴ Как же не расслышал я тогда в его имени и canto = «петь», cantor = «певец» и «кантата»? — 9.11 96.

6.IX.68. Так что причаститься хочу — и уязвить. Ну да: как паразит — попользоваться, чистого духа хлебнуть, ума набраться, а в итоге — кровь пустить. Но ведь это и полезно бывает: так пиявок прикладывают — и спертая кровь выходит, и апоплексическому человеку легче дышать, и жизнь продлевается. А Кант — чопорный, бронированный от неученых людей, уж наверное, бедняга, и задыхается в своей изоляции, и людям от его богатства не достается. Хотя таков Кант как миф, когда о нем — понаслышке и по звучанию имени-заклинания судишь. При ближайшем же к нему прикосновении обнаруживаешь, что совсем не чопорный он, а простодушный человек, миляга и свой парень, и все понимал и добр был, радушен и снисходителен к людям, и как раз он-то в философии и выступил как голос простых здравомыслящих людей:

Чем кумушек считать трудиться,
Не худо⁵ на себя, кума, оборотиться?

— сказал он философски и выяснять стал, вообще на что она способна, и снял с нее надменность. Так что и на то, что я так фамильярно к нему пробую подойти, вряд ли он будет сетовать. Напротив, он сам рекомендовал тому, кто начинает о чем-либо мыслить, отдать себе отчет в том, куда будет влечь его живущая в нем склонность, субъективное пристрастие, заставляющее его избрать на почве разума интерес к единству или к разнообразию (которые, и то и другое, спарены в бытии).

«Все субъективные основоположения, происходящие не из свойства объекта, а из интереса разума к известному возможному совершенству познания объектов, я называю максимами разума». Они имеют регулятивное для ума значение в ходе познания, организуя мышление и склоняя его к преследованию в опыте того или иного, но не образуют и не изменяют самого объекта познания (не имеют конститутивного значения). Если эти склонности разума, его максимы понимать так, регулятивно, «то между ними нет никакого противоречия, а есть только различие интересов разума, вызывающее различия в способе мышления. На самом же деле у разума есть только один единый интерес, и спор между его максимами сводится только к различию и взаимному ограничению методов, удовлетворяющих этому интересу». Так что и кантова склонность к единству, и моя — к

⁵ У Крылова в басне «Зеркало и обезьяна» — «не лучше ль». Однако ошибки памяти — эвристичны: возможные варианты-оттенки открывают; «не худо» нейтрально, учительно; «не лучше ль» — язвительно. И потому я оставляю, как тогда вспомнилось. — 6.6.96.

изобилию бытия — дружественны могут быть, если каждый из нас понимает ограниченность своего подхода и ценит его восполнение в подходе сомыслителя. Между тем, если не отдают себе в этом отчета, «когда наблюдаешь спор между пронизательными людьми из-за характеристики людей, животных, растений или даже минералов, причем одни допускают, напр., существование особых народных характеров (как раз то, к исследованию чего я склонен последние годы, изучая национальные космоса и логосы. — Г.Г.), обусловленные происхождением, или резкие наследственные различия между семействами, расами и т.п., а другие, наоборот, настаивают, что природа всему дала совершенно одинаковые задатки, и все различия обусловлены только внешними случайностями, что стоит только принять во внимание природу этого объекта и тотчас же станет понятно, что для обеих сторон она слишком глубоко скрыта, чтобы они могли говорить на основании знания ее («природа объекта» — как он есть сам по себе, а не произведен формами нашего познания, в том числе склонностями разума, — нам вообще не доступна, отвернута от нас, спиной, как в платоновой пещере, есть вещь в себе. — Г.Г.). Каждая из спорящих партий принимает к сердцу не что иное, как одну из сторон двойственного интереса разума, т.е. отличающиеся друг от друга максимы многообразия природы или единства природы, которые, конечно, могут быть примирены, но, если принимаются за объективные знания, являются источником не только споров, а и препятствий, надолго задерживающих истину, пока не будет найдено средство объединить противоположные интересы и таким образом доставить удовлетворение разуму»⁶

⁶ *Кант. Критика чистого разума*. 2 изд. /Пер. Н. Лосского. Пг., 1915. С. 377–378. Далее при ссылках на это издание в тексте в скобках указываются лишь страницы. — Почему же по этому изданию читаете и цитируете Канта, когда уже в 1964 году в Сочинениях Канта в шести томах в издательстве «Мысль» вышел третий том, где «Критика чистого разума» дана в отредактированном переводе? — Да. Знаю, имею это издание. Но когда глянул на титул — не указано, ЧЕЙ перевод! А в примечаниях стыдливо сказано, что «взят за основу» (как при принятии резолюции на собрании) перевод Н. Лосского, но его отредактировали и унифицировали наши... Как-то тошно стало мне от этого стиля безличности савейской, да и свои мучения от редакторов припомнились. Да и им, философам-марксистам, видно, стыдно было упоминать имя «идеалиста» Лосского. И потому я, радуясь, что в домашней библиотеке есть еще отцов, ветхий экземпляр издания 1915 года, стал с пиететом работать по нему. А для моей цели — выявлять образность в «Критике чистого разума» — перевод такого большого мыслителя, как Николай Онуфриевич Лосский, живой и личный, с чутким чувством русского языка, — в работе по сопоставлению национальных образностей и лучше, нежели нейтрализованные и унифицированные, стертые обороты марксистски вышколенных философов Ц.Г. Арзаканьяна и М.И. Иткина. — 18.6.96.

Разум и культура человеческая сами собой в итоге примирят эти различия в подходах и обогатят ими свою кладовую, так что это не наша забота — сразу печься о конечном удовлетворении двуединого интереса разума. Забота ж каждого — дать максимально выложиться и развернуться тому складу мышления, который сейчас в тебе жив и воинствен, соками существа твоего заряжен и напитан. Хотя полезно умом и остужать его пыл (как мотор воляной рубашкой охлаждения) тем, что совать ему в нос знание того, что ты, дружок, лишь одну жилочку преизобильной истины бытия копаешь и разрабатываешь.

Итак, мы у порога работы, у входа в шахту, где уж далее тьма и ориентироваться по звездам будет невозможно, честно делаем **заявление о сугубом интересе**, который будет нашим двигателем и куда-то будет подталкивать и направлять. Так в добрые старые времена честные воители не из-под-тишка нападали, а с объявлением войны: «Иду на вы!», — ибо сохранение добродетели война было дороже даже, чем победа. Ведь победа: «сегодня ты, а завтра я» — зона случайных стечений временности и условий, тогда как долг нравственности — уже есть устой более дорогой человечеству в целом и бытию (для них-то ведь все равно: Алая ль, Белая ль роза победит в Столетней войне), на чем они стоят и зиждутся; так что выполняя этот долг, я живу в вечности, тогда как радея лишь о победе любой ценой, — в корысти, суете и иллюзии пребываю.

А чист ли «чистый разум»?

«Критика чистого разума» — назвал свой главный труд Кант. А так ли уж чист сам чистый разум, каким он вышел из кантовой домы? — вот мой вопрос. То есть, я — грязноватый сам, в кишках, крови и поте, хочу пощупать чистюлю-белоподкладочника, окантованного галунами: ишь ты, чистый разум, паскуда! — и под микроскопом поискать у него вшей, родной мне живой грязнотцы. Для этого я обуздал свою рассеянность и наложил на себя благую эпитимью: в смирении и послушании месяц с лишним шаг за шагом, не торопясь и не отвлекаясь, восходил на кантов Монблан, частично по-немецки и сопоставляя перевод с оригиналом. При этом стремился понять и охватить всю постройку-систему в целом, в сочленениях, в способе движения мысли, и порыться в тех строительных материалах, из которых она воздвигалась и на чем замешана; и — главное: безразлична ли стройматерия: камень, дерево ль, глина и т.д., которые неизбежно национальны, местны, локальны, из национального германского кос-

моса берутся, — для самого силуэта, плана, архитектуры самого собора — воздушного здания Логоса? Не национален ли и он в зародыше был и итоге получился?

Национальная логика. Давно подкапываюсь выяснить: есть ли она? В народном складе ума, на низовом уровне — есть и легко проследить: в пословицах; у Крылова, Лессинга, Лафонтена в баснях и т.д. Ну а в высокой республике отвлеченной мысли, науки, естествознания, математики и т.д., которые вроде космополитичны и язык которых и проблемы — всеобщи? А там как? Нельзя ли уловить связь отвлеченных проблем, поворотов задач и методов решения с субстанцией народных почв, солнц, вод и воздушных, из которых выходят ученые, мыслители? Ведь если нам суждено когда-то столкнуться с живыми и разумными обитателями иных миров⁷ — их-то особая плоть, конфигурация, разум и язык чем иным могут быть произведены, как не особым стечением стихий и элементов бытия, ритмом времен и т.д. в том месте вселенной, откуда они? И чтоб суметь прочесть их текст и понять их язык, исходить нам придется из выяснения их почвы, сочетания первоэлементов, общих всей вселенной, и, выяснив это сочетание, сможем понять уже духовный вырост на этой почве. Так что приуготовлением к подобной расшифровке надо заняться и здесь, у нас, на материале разнообразия Земли, ее народов, языков и логик, выясняя вертикальную зависимость национальных духов от национальной телесности. Вот почему я и нацелился на, по общему мнению, отвлеченнейший продукт человеческого разума — на главный труд Канта — с целью посравнить да посмотреть, не удастся ли там зацепку какую найти, чтоб осуществить, как говорят архитекторы, «привязку на месте» — заземлить его, а точнее, исконную и первородную его заземленность в национальном германском космосе обнаружить и, главное, выяснить: не проявляется ли она конкретно в задачах, идеях, ходах мысли?

Прямо до национального характера отвлеченной мысли с земли вскочить невозможно; однако, можно попробовать добратся через землю национальной жизни и небо отвлеченной мысли связующую

⁷ Кстати, сам Кант настолько этого желал и в это верил, что объявлял это своей «доктринальной верой» и готов был поставить на это пари — как способ и критерий испытания прочности убеждения: убеждение ль оно (*Überzeugung*) иль самоуговор (*Übertredung*)? «Я бы держал пари на все, что у меня есть, за то, что, по крайней мере, на какой-либо из видимых нами планет есть обитатели, если бы можно было проверить это опытом. Поэтому я утверждаю, что мысль о существовании обитателей других миров есть не только мнение, а сильная вера (за правильность которой я рисковал бы многими благами жизни)» (451). Вот ведь какой азартный был!

плазму языка и выражения, которая, как ствол и плоть, окружает взнесения и порывы отвлеченной мысли и соками земли и жизни ее снабжает и питает. Так вот: какие именно соки потребовались кантовой мысли, какие слова и образы составили ее сугубое питание? А слово (а в нем уж живет образ, первичное созерцание) всегда есть древо, где листья отвлеченных духовных значений сообщаются с корнями прямых, телесно-материальных. Но кроме таких сокрытых в словах и даже отвлеченных терминах образов⁸ все тело и порода «Критики чистого разума» — во вкраплениях собственно образов, сравнений, метафор. А образ-троп тем и необходим в культуре, что в нем — духовное значение, смысл — и материальная вещь природы скреплены прямо и друг в друге живут (как в человеке душа и тело). Так что соотнося отвлеченные ходы мысли Канта с окружающей и питающей их образной плазмой, мы и надеемся укоренить умозрение и обнаружить его соответствие с первичными национальными созерцаниями природы, быта, стихий — того, что хорошо и плохо в данном национальном космосе и что дети всасывают с молоком матери. Так что и Канта на этом уровне будем анализировать: что такое хорошо и что такое плохо — у него.

Например: *reïn* — «чистый» — это хорошо (недаром в заглавие и в проблему поставил) и не только для него одного, но и для всего немецкого народа: недаром свою основную национальную реку назвал этим словом: *Rhein*, буквально, — «чистый». Случай? Но ведь все-таки ни одна из русских рек таким понятием не названа; значит, оно хоть важно и в России, но не такое центральное, каковую роль играет здесь другое понятие — «белый» («белый свет» и т.д.): не случайно, как показывает этимология, «Волга», основная русская река-матушка, — от слова, означающего «белый».

Схема и образ

Правда, сам Кант, поскольку его целью было выяснить: что мы можем знать только из разума, а *prigigi*, не прибегая еще к опыту, т.е. до смычки с природной материей и веществами мира? — ведет рассуждение, тщательно изолируя мысль от образов и ассоциаций, которые заразу эмпирии, телесности неизбежно вносили бы и угрожа-

⁸ Например, основное у Канта понятие «трансцендентальный» — от лат. «*transcensus*» = «переход» — и это уж многое говорит и выдает простое, наивное, народное воззрение на мир, лежащее в основе философии.

ли б дистиллированной чистоте трансцендентальных форм, понятий, категорий и их сцеплений и рушили б отвлеченно-логическую самоопорность построения; однако он, во-первых, не может избежать образов, созерцаний, зарытых в самом языке и которые, бессознательно и безотчетно для него, вносят национальную телесность в умозрение; во-вторых, иногда он и сам, или снисходя до читателя простого, прибегает к прямым образам, или давая себе в иных местах расслабиться после трудных участков пути, тешит себя образами (как в начале второй книге трактата — «Трансцендентальное учение о методе», когда, осуществив главное построение системы, он уже занимается ее украшением); и, в-третьих, в учении о трансцендентальных схемах как раз это требование и задача выставлена: иметь мост от априорных понятий рассудка — к наглядным представлениям, которые мы встречаем в опыте: чтоб возможно было понятию узнать свой предмет, — иначе тыкался бы разум, как слепой, не в силах осуществить, реализовать свое умное доопытное понимание, соединить его с вещами и с предметами природы, жизни. Вот так выражена эта проблема в «Критике»: «При всяком подведении предмета под понятие представление о предмете должно быть *однородным*⁹ с понятием, т.е. понятие должно содержать в себе то, что представляется в подводимом под него предмете, так как именно такое значение имеет выражение: предмет подходит под понятие. Так, эмпирическое понятие тарелки однородно с чистым геометрическим понятием круга, так как круглота, мыслимая в геометрическом понятии, наглядно представляется в эмпирическом понятии тарелки.

Но чистые понятия рассудка совершенно *неоднородны* с эмпирическими (и вообще чувственными) наглядными представлениями и никогда не могут быть найдены ни в одном наглядном представлении. Отсюда возникает вопрос, как возможно *подведение* наглядных представлений под чистые понятия, т.е. *применение* категорий к явлениям, так как никто ведь не станет утверждать, будто категории, напр., категория причинности, могут быть также наглядно представляемы посредством чувств и содержаться в явлении. ... В исследуемом нами случае, очевидно, должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении с категориями, а в другом отношении с явлениями и обуславливающее возможность применения категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым

⁹ Курсив Канта. Свои выделения (люблю дву-, а то и много-смыслицу! опять же — избытие бытия и духа!) буду выражать иначе.

(не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой — *чувственным*. Такой характер имеет *трансцендентальная схема*.

...Схема сама по себе есть всегда лишь продукт способности воображения, но так как этот синтез воображения имеет в виду не единичное наглядное представление, а только единство в определении чувственности, то **схему следует все же отличать от образа**. Так, если я полагаю пять точек одна за другою..., то это — образ числа пять. Наоборот, если я мыслю только число вообще, безразлично, будет ли это пять или сто, то такое мышление есть скорее представление о **методе соединения** множества (напр., тысячи) сообразно известному понятию **в одном образе**, чем сам этот образ, который к тому же в случае мышления о тысяче едва ли мог бы быть доступен обозрению и сравнению с понятием. Это представление об общем приеме способности воображения, доставляющем понятию образ, я называю **схемой** понятия.

В основе наших чистых чувственных понятий действительно лежат не образы предметов, а схемы. Понятию о треугольнике вообще не мог бы соответствовать никакой образ треугольника.

...Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений и чистой формы их есть сокровенное в недрах человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам едва ли когда-либо удастся проследить и вывести наружу. Мы можем только сказать, что **образ** есть продукт эмпирической способности продуктивной силы воображения, а **схема** чувственного понятия (как фигуры в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения а priori; благодаря схеме и сообразно ей впервые становятся возможными и сами образы, но сочетаться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем и сами по себе они не совпадают вполне с понятиями» (118—120).

Итак, прорисовывается путь: понятие — схема — образ — явление (предмет). У Канта это и иерархия: выше всего то, что при нас, в нашем *Innere*, чем мы владеем, — это понятие; а дальше — то, в чем мы все менее властны и посредством чего мы нисходим в природу, вязнем в опыте. Этот путь для нас (в этом исследовании) должен иметь обратную направленность, поскольку мы занимаем позицию природы, почвы национального космоса, и хотим проследить: как по узкой трубке этого пути давление бытия восходит вверх и заражает и предопределяет собой само понятие (и именно кантово, трансцендентальное, что врождено, а priori, а не эмпирическое — не то, что выведено путем индукции и обобщения частного). Но начинать мы, есте-

ственно, будем не с явлений (предметов) самого германского национального бытия, а с наличных в тексте Канта (и значит, в его мышлении и духе) образов, и по ним восходить через схемы к понятиям, категориям и затем спускаться к телесности явлений национального космоса. Собственно, до понятий, категорий мы не дойдем, но это и не надо: достаточно добраться до этажа «трансцендентальных схем», поскольку они «врождены» априорным понятиям и значит, их структуру, модель вполне представляют; а наша цель выявить именно эту «модель» национального космо-логоса, национальное чистое, априорное наглядное представление (*Anschauung*), предопределяющее как иерархию и вид самих трансцендентальных идей, категорий, понятий, а priori, так и набор, построение, последовательность и вид явлений, поступающих к нам в дух из бытия.

Поскольку эта «схема» имеет свое питание как из образа, так и из понятия, мы будем брать наличные в тексте Канта образы и уточнять их до более чистых умозрений. Притом образы, каковы они в тексте и как мы их понимаем, это не совсем тот род образов, который имеет в виду Кант, упоминая образ в связи с трансцендентальной схемой. Образ здесь, по Канту, — отражение данного в опыте единичного предмета, его слепок в нашем чувственном восприятии. Мы ж имеем в виду художественные образы — сравнения, которые уже суть узел, свод, клубок и содержат идею в телесной форме и потому представляют собой не мгновенную в текучке опыта вспышку, но устойчивые в национальном воображении постоянные представления — представители телесности в национальном духе (и обратно). То есть они уже в этом своем априоризме — в отношении к данному мигу опыта и единичному предмету — сродни трансцендентальным схемам; только в них (образах) допускается больше изобилия, вариантов, узоров всех национальных стихий, вещей, линий, облаков и т.д. — весь состав национального бытия, тогда как горлышко схемы — много более узкое.

Например, трансцендентальная схема для понятия собаки будет выглядеть следующим образом: «Понятие собаки обозначает правило, согласно которому моя способность воображения может нарисовать форму четвероногого животного в общем виде, не ограничиваясь каким-либо единичным частным образом из сферы моего опыта или вообще каким бы то ни было возможным конкретным образом» (120). Художественный же образ собаки может брать любую единичную (данную, как, например, собака Качалова в стихотворении Есенина, или вымышленную — как пудель, что жметя к Фаусту) и фиксировать ее прямо как прообраз и архетип — собаку *par excellence*:

вся идея собаки вообще в этой единичности таинственно сочтится. Не совсем то. Как она есть, без всяких там общее-единичное (это логические распределения) представляет, как какая-то необходимая вежа, тело отсчета в национальном континууме.

Фабрика. Место красит человека

7.IX.68. Вот я глянул на кусок неба из окна, улыбнулся: сейчас оно в меня войдет, причастит и промоет (от мелочей житейских) — и пойдет дело. Прямо чувствую, как череп-небосвод мой, кумпол, расширяется, виски трещат, как туда сейчас небо, свет и воздух входят. Теперь, с божьей помощью, и на Канта обратиться силы прибыло.

Так вот: до понятий, категорий, идей нам доходить незачем, ибо они у Канта — заемные: берет готовыми и из аристотелевской логики, и из философской традиции: количество, качество, отношение, модальность, субстанция, причинность, абсолютно необходимое существо, Бог, душа и т.д. Доклад Канта к философской традиции — не в толковании понятий и категорий, а в их ошеломляюще новой перестановке, связи, распределении — словом, перестройке, в новой архитектонике (по его термину) всего философского целого — как здания. Так что не понятия и категории важны, а где лежат, куда направлены и какую функцию, партию в оркестре играют. Функция важна, место в системе разделения труда, а не человек (твердь и вещь сама по себе): у Канта поистине место (априорная форма, функция) красит (определяет) человека (содержание, всего лишь явление). Ну да — рабочее место в мануфактуре иль на фабрике остается, а тот или иной человек приходит и уходит: наемник он — явление случайное. Так что вся «Критика чистого разума» предстает как совершенная фабрика, где все производство идеально продумано во всех соотношениях, откуда куда что идет: и впуск есть (трансцендентальная эстетика, первичная обработка поступающего сырья по априорным формам чувственности — сортировка, штамповка и отлив в пространство иль время); далее вторичная переработка уже в цехе понятий и категорий рассудка, где добавляются растворы, вещества в разном количестве, качестве и соотношениях; далее, накладываются, отливаются штампы трансцендентальных схем, мнут жернова основоположений. Далее попадает на этажи трансцендентальных идей, где испытывается на крепость — растяжение и сжатие — в антиномиях чистого разума, пока, наконец, высший разум регулятивных максим о Боге, о душе (как золотник в паровой машине — главная деталь, ибо распределяет

меру пара и куда что) в отделе технического контроля не утверждает изделие — к цели (этаж технологии) и на выход, поучая его (в трансцендентальном учении о методе) дисциплине и как вести себя в жизни среди людей по нормам практического разума. То есть — гомункулюса, в общем, производят, как в современной Канту лаборатории доктора Фауста. Вечная это проблема германского духа — еще от швейцаро-германского врача и алхимика Парацельса.

Можно, правда, эту фабрику расположить с таким же успехом и в глубину, в подземелье, бункер германской империи, ибо действительно: то, что выше, — залегает глубже¹⁰ в фундаменте основоположений, так что прием явлений на чувство — это лишь поверхностный слой (как и в теле человека: на кожу, сетчатку глаза), а далее идет в глубь, и как в-нутрь существа, души, до сердца; и можно в этом случае представить кантовы понятия по аналогии с органами живого существа. Эстетика = чувственность, кожа; понятия = нервно-сосудистая ткань; категории = кровообращение; способность суждения и соединитель нутра с поверхностью = дыхание, легкие (обмен веществ: ведь у дыхания единственно есть из внутренних органов прямой выход наружу — рот, нос). Или дыхание вместе с сердцем причислить тоже к зоне эстетики, чувственности? Только в отличие от кожи и наружных органов: глаза, уха, которые воспринимают пространство, — дыхание и сердце ритмом вдохов-выдохов и трехтактовых биений (вот откуда числа 2 и 3 — субстанциальные: от них **анти-**номии, **диа-**лектика — и **триада**, **троица**) создают шкалу и сетку времени на которую накладывается любое явление мира, попадая на нас как на восприимчик, — и обволакивается, как волосками в кишечнике, — током времени, его априорных, внутри нас, форм (=тактов сердца и дыхания); и когда в германской музыке часто один голос движется в ритме дуолей, а другой в ритме триолей, — оттого так полнокровна ткань музыки тогда и все нутро тебе прошибает и грудь распирает, что в резонанс бьется с тактами вдоха-выдоха (дуоль, более медленно и тяжело ворочаются мехи) и более дробным, триольным биением сердца.

Однако, не будем подсовывать Канту свои умозрения (хотя они сформировались во мне а posteriori: в ходе и по прочтении Канта, так что им в некоторой мере уже пропитаны и обусловлены; а сравнение с фабрикой и четко налаженным производством совсем в духе англофила Канта, приглядывавшегося заинтересованно и к промышленному перевороту, и к государственному устройству, и к науке и фило-

¹⁰ С этой взаимозаменяемостью глубины и высоты в германской космологии встретимся и у Канта неоднократно, и в немецком языке.

софии современной ему Англии; и идеал разумно упорядоченного производства, как и общественного устройства, правового строя и судопроизводства — постоянно предносился и витал перед внутренним взором Канта, когда он писал «Критику». — и не мог, как полюса в магнитном силовом поле, не предопределять и не влиять на связь тяготений, расположений и соотношений понятий, категорий, идей в Кантовой постройке), а вникнем в его собственные. Тем более, что для органов низа не могу найти у Канта соответствий: словно обрубил он туловище человека по пояс, и философия его — не статуя, а бюст. И это метко у меня получилось, и самую суть в Канте уловило: ибо обрезал материю, телесность мира. Хотя — и это будет поглубже — ведь верхняя половина берется Кантом не сама по себе, а **только** как обслуживающая возможный опыт. Постоянно об этом Кант твердит: что все формы и категории а priori имеют смысл и предмет только в предвидении и настройке на возможный опыт с веществом мира, материей, телесностью, в котором они будут работать и обслуживать. Так что верхняя половина тела (дух, мир идеальный) берется у Канта, только и прямо считаясь с нижним миром, где пол, живот, кишки и задний проход; однако стыдливость не позволяет ему это обнажать, и, как сыновья Ноя, отводит взор и прикрывает наготу пращура.

Наша работа и призвана как бы восстановить низовую половину статуи кантова миропонимания — при наличном и открытом им самим людским взорам бюсте. И точнее: живое тело (статуя — внешняя форма, внутри — ничего) восстановить, кровообращение верхом и низом, о важности которого Кант непрерывно твердит: опыт! Опыт! (как Эрос, Эрос!) — все для него; но прямо в глаза посмотреть боится и стыдливо умалчивает. Однако косвенно он проговаривается, и весь текст «Критики» испещрен такими обмолвками, невинными шутками за столом в кругу друзей, где просачиваются телесность и подспуд, заявляет о себе низ Кантова бытия и миропонимания. Вот на эту живую кровь и обмен веществ между отвлеченной верховной мыслью и телесно-чувственным низовым образом и направляется наше внимание.

В какой же последовательности осуществлять наше предприятие? Пожалуй, наилучше будет в начале подать сам товар лицом, т.е. то, на чем я основываюсь, предоставить читателю, чтоб он сам мог увидеть материал, своими руками пощупать, — и тогда уж вместе со мной думать, рядить, толковать. А для этого — явить свод и как бы хрестоматию употребляющихся в «Критике» образов. Хотя «свод» — произволен: материал кантов, а расположение мое, и отсюда — возможен обман и подтасовка, а, главное, не очевидна будет живая жизнь образов в ходе кантова философствования и воздвигания системы. Так что правильнее будет представлять образы, как они последовательно яв-

ляются в ходе самой кантовой мысли. Значит, нам прежде всего предстоит дать изложение «Критики чистого разума» с акцентом на образную ткань: ее мы выпятим, а скелет отвлеченного рассуждения, вокруг которого, как плющ вокруг ствола, вьется образность, подсурдим. Как в современном радиоприемнике: басы (ибо телесные образы — чувственны, низовы, а значит — басы) усилим, а пронзительный дискант рассудка поубавим.

А настолько всезаглушающ этот дискант отвлеченного рассудка в «Критике», что, когда я робко предложил женщине-философу побеседовать об образности в «Критике чистого разума», она необычайно удивилась: «Но ведь там же ничего такого нет!» И ей-то это, слава богу, известно: она ведь три года вела в Университете спецкурс по «Критике чистого разума». И действительно, когда читаешь Канта, все парадное и лицевое внимание сосредоточено на том и все силы ума уходят на то, чтоб уловить последовательность мысли, понять все переходы (коридоры) рассуждения, так что идешь по ним, не оглядываясь по сторонам, где на стенах, оказывается, развешаны всякие картинки, да и половички постелены... Они-то идти помогают и скрашивают утомительность пути, и наполняют ассоциациями, и воздух, воду, тепло и питание подают; однако, сыграв роль свою, не помнятся. Так что дать пересказ «Критики» с точки зрения образности — операция полезная, хотя б для напоминания и профессиональным философам; и раз уж я проделал такую работу, что почти все образы постарался заприметить, то она даже сама по себе, как хрестоматия образов из «Критики чистого разума», может иметь цену — как материал для возможных последующих разных истолкований.

Истолкования ж наши предложим во второй части настоящей работы.

Название. Эпиграф. Посвящение

Название — уже испускает некоторые наивные ассоциации: «Критика» — значит, ругать будут, а не восхвалять и не воспевать; значит, отрицательный пафос мысли, поиск недостатков. «Критика» — как стругание, ограничение (что и есть замысел кантова труда). «... Чистого разума»: за что его драить будут? За то, что недостаточно чист: еще смеси и грязь, чужеродные в себе вкрапления содержит, что просеять надо (*reïn* этимологически — см. «Paul»¹¹ означает «просеи-

¹¹ *Hermann Paul*. Deutsches Wörterbuch. Halle, 1959. При ссылках далее обозначается: «Paul».

вать» — sieben, решетом-ситом — Sieb)? Или за то, что слишком чистюля он, разум, в себе замкнулся, из пальца сосет, с опытом не имея дела? Как окажется, с обеих этих сторон разум критикуется: и за то, что грязен: не за свои дела берется — толковать о том, что выходит за пределы его компетенции (о вещах самих по себе и т.д.), и за то, что пуст и бесплоден, если не ориентируется на опыт. «Чистый разум», reine Vernunft, непременно ассоциируется в немецком языке с постоянным сочетанием gesunde Vernunft — «здоровый смысл», и от него заимствует тоже лучи значений в полемике или сходстве: чистый = здоровый; чистенький = болезненный, худосочный. Во всяком случае, слова названия идею чистоты и порядка сразу сообщают, и «Критика чистого разума» — как генеральная уборка в доме воспринимается.

Ну а «разум» — Vernunft? От nehmen — «брать». Ver... — окончание действия. Значит: «об-бор», «забор» — набрал, нахватал... Критика «фернунфта» означает суд над грабителем. В сравнении с русским, где «раз-ум» — оттенок выхода, начала действия, расширения: <, Vernunft — оттенок завершения, сведения концов с концами, свод:]. Еще оттенок: Vernunft — от vernehmen = «слышать» или «внимать»; подчеркнуто значение звука, слуха — из чувств — в германском мире. О том, что «разум» — мужчина, а Vernunft — женщина, еще будем дальше думать.

Итак, «Критика чистого разума» — как зазывание на средневековую мистерию страстей господних, где предстоит растерзание, распятие, Голгофа Христа — высшего, чистого Разума.

Эпиграф — из Бэкона Веруламского.

Англофилия Канта, ориентированность «Критики» не на французскую, а англосаксонскую культуру — в этом проступает. Упор — на том, что сочинение это имеет прямое отношение к общему благу и достоинству людей, а не для собственного удовольствия автора написано, что ему на ум взбредет; апелляция не к секте ученых, а к массе и к простому, здравомыслящему человеку, который отныне (после того, как этот труд свежевания и прочистки потрохов разума соделан) может сам уже к своему благу обсуждать всеобщее. И главное — успокаивает на счет **бесконечности**: к ней у германцев мистический страх, так что в пику ей торопятся выступить с идеей целого, законченного, с идеей единства и законченности — по плечам и по мерке человека, что можно понять его разумом; здесь он найдет «конец и природе соответствующую границу бесконечных блужданий» (ошибка — Irrtums), так что, пространствовал, домой можно в уют вернуться и успокоиться. Здесь тот же пафос завершения, пределов и границ, что и в термине Vernunft, тогда как русский раз-ум — «размах-

нись, рука, раззудись, плечо!» — разойтись во всю, распоясаться, т.е. из точки, с порога — в простор и бесконечность выход; Vernunft же возврат и завершение пути.

Однако, тревожащая бесконечность тем в германстве не отменяется: отменяется только ее бытие и значение во вне, но зато вбирается во внутрь целого и там будет, в Jnnere и сокровенном, буравить и червоточить.

Посвящение подписано: *untertäniggehörsamster*¹² — «покорнейший слуга»; но буквально будет иначе: *untertan* — «подданный», букв. — «подделанный»; а *gehorsam* — «послушный». Итак: деяние (Tun) и слух и звук (опять, как и в Vernunft — *vernehmen*) прощупываются как какие-то важные исходные ориентиры в германском космо-логосе.

Разум — принц в темнице

Толкую предисловие к первому изданию. Разум в одном отсеке (Gattung) своих знаний — как в темнице томится под бременем судьбы (как вагнеровский Вотан под бременем договоров и обетов): на него нагружены вопросы, которые он не может отклонить, потому что они — его родственники. природе его присуши; однако и ответить на них, расплатиться (ибо ответ = плата на долг — вопрос) и тем самым скинуть бремя и успокоиться он не может, так как они превосходят (*übersteigen*) все его состояние (*Vermögen* = «способность», «возможность»).

Вот исходная, почти сказочная ситуация: прекрасный царевич Разум томился, бедняга, в плену: нужно, значит, собираться в путь его освобождать. Причем в отличие от сходного по работе эллинского Атласа, который тоже на плечах держит великое бремя — неба, Разум замышляет о действительном когда-нибудь освобождении от груза, на это надеется, и это стремление есть движущая сила его статического бытия; он, хоть и недвижим, но исполнен взрывчатой энергии, как пружина, — тогда как Атлас покорен судьбе, без стремлений, и разве чтоб сыграть шутку, дает подержать на денек небосвод Гераклу.

Итак, в Разуме — стремление и обреченность судьбой, тогда как в Атласе — только судьба; так что своей внутренней энергией Разум сродни внутренне динамическим героям, рыцарям христианского

¹² Kritik der reinen Vernunft von Immanuel Kant /Hrsg. Von Dr. Karl Kehrbach. Leipzig, S. 2. При ссылках на это издание далее в тексте указывается лишь страница.

средневековья (Тристан, Лоэнгрин, Парсифаль, которые, кстати, внешне тоже весьма статичны), а покорно стоящий Атлас — покорно подвижному Ахиллу.

Сразу, как тема в бетховенских симфониях, задается напряженно динамическая ситуация: сгусток энергии и стремлений, потенциал движения — в оковах!

В это затруднительное положение попал Разум (будем его с большой буквы именовать, как и по-немецки, где с большим пиететом относятся к предметам — ко всяким, даже неодушевленным, подзревая в них «я», самость, личность, **собственное** имя, а не нарицательное, безличное, как в русском, где «безымянные на штурмах мерли наши» — т.е. даже люди нарицательны: «гвозди бы делать из этих людей», не то, что бездыханные вещи) не по своей вине (невинно страдает!). Далее исследуется грех и без вины виноватый проступок.

«Он начинает с **основоположений**, применение которых в опыте (im Laufe der Erfahrung — S. 3, букв.: «на бегу поездки», так что Разум — как колесничий, а Опыт — езда, тогда как русская ассоциация к «**опыту**» — неподвижность: пытаемый на месте прикован. — Г.Г.) является неизбежным, и в то же время достаточно оправдывается опытом. С ним он **восходит** (как этого требует также природа) все **выше**, к условиям все более отдаленным. Но так как он усматривает, что таким образом его труд навсегда должен остаться незаконченным (вот он — страх бесконечности разум разума лишил! — Г.Г.), потому что вопросы никогда не прекращаются, то он видит себя вынужденным прибегнуть к основоположениям (zu Grundsätzen ihre Zuflucht zu nehmen S. 3 — букв. «убежище у сажень в грунте принять»¹³), которые выходят (überschreiten букв. — «перешагивают») за пределы всякого возможного применения в опыте и тем не менее настолько не возбуждают против себя подозрений, что даже и обыденный человеческий разум соглашается с ними (значит, это основы, ложно посаженные в грунт сваи виновны: их преступление, они перешагивают, переступают за пределы, но исподтишка, не видно как, тихони. — Г.Г.). Однако вследствие этого разум погружается во мрак противоречий (stürzt — букв. «низвергается, сбрасывается во тьму и противоречия»), из которых он может заключить, что где-нибудь в основе им допущены ошибки (verborgene Irrtümer zum Gründe liegen müssen — где-то, зарытые **в грунте**, лежат ошибки — заблуждения, неверные старые

¹³ Дословный перевод — тем, что неуклюж, задирает наш скользящий по поверхности и торопящийся ум и останавливает его позадержаться и призадуматься над прямым (а не переносным — вторичным) значением слов, что и способствует выявлению материально-телесного подспуда отвлеченных понятий.

хождения, прежние шаги, прежние шаги. Как рок, как кровь младенца в фундаменте дома. — Г.Г.), но открыть их не может, потому что основоположения, которыми он пользуется, **выходят за границы** (вот главный в германстве грех, однако ж и импульс и соблазн у этих стесненных, как вон Разум, велик. — Г.Г.) всякого опыта и вследствие этого не признают (больше) пробного **камня** опыта» (вот самоуправство своевольных основоположений! — Г.Г.) — с. 3.

Итак, в чем проступок Разума? Начал он бег опыта по праву и стал восходить (направления: в даль и снизу вверх), но, испугавшись бесконечности (=неупругость пространств, невесомость), повернул домой, назад к началу, бросился вниз, зарылся в лоно матери земли — в грунте основоположений прибежище нашел. А они-то как раз и суть подлинные преступницы: лживые, ложно посаженные. Итак, вырисовывается образ **дома с неправильно заделанным фундаментом**, оттого он и косячится: противоречия в нем, неуютно и раздоры всякие.

Так что же: ломать дом и строить заново или, сохраняя дом, суметь безболезненно подменить в нем фундамент?

«Арена (по-немецки сильнее: Der Kampfplatz — плац, место борьбы) этих бесконечных препирательств называется метафизикою» (с. 3).

Вот еще вводится важный в германстве, с его традицией средневековых турниров рыцарей или состязаний цехов, мастеров, певцов, образ — **арены**, места состязаний, где, значит, и места для зрителей есть. Образ этот неоднократно далее используется Кантом: он выводит воинство Разума на ристалище и сталкивает их (в антиномиях, например) на потеху и суд почтеннейшей публики.

Априоризм в бытовой жизни

В.ИХ.68. Вчера, возвращаясь из магазина с сетками, шел и думал смешанно: о своем, о Канте — и наткнулся на нарядного человека, ожидающего. Я глянул в стороны и вижу: к нему идет, улыбаясь, уж несколько после-молодая женщина, ножки-спички и лицом сморчок, но улыбается, цветя, и он улыбается. И я подумал: так вот что значит функция! Она, такая невзрачная, но — в роли тайной возлюбленной; и сразу ее окутывает, благословляя, ореол тайны мерцающей, свободы и расширения существа всего и духа, — словом, то многое, что **априорно присуще месту** возлюбленной, независимо от того, кто на него попадает и является громоотводом и приемником этих сил: красавица или сморчок. Так что влюбленный и не может, и не должен видеть ее как вещь самое по себе, а лишь как явление, попадающее в его орбиту в априорной форме и в ореоле свободно-любовных отношений.

А у меня дома прекрасная женщина, но отчего временами так жутко давим мы друг друга? Оттого, что попались на места первопринчин в жизни каждого, сводов и полюсов, куда стягиваются нити многих отношений с миром и с другими людьми: т.е. они-то — проходные, с них взятки гладки, а на нас — груз ответственности за все: сюда она стекается, в эти узлы, пучки отношений, в фокусе которых каждый из нас для другого оказался.

А ведь тот же самый я или та же самая она для другого кого — хотя и не это главное, а вот если в другой связи и функции: увлечения, влюбления, тайной любви, как вон эти, на кого я наткнулся, — светились бы, сияли, были (нет, точнее: являлись бы себе и другому) легкими, прекрасными, высвобождающими и расширяющими чувство бытия. И я знаю того, для которого встреча с ней — свет и отрада. Да что другие! Мы сами, если б друг друга в иной функции: отдушины и отрады в жизни, вне привинченных обязательств и тягот, встречали — на свидании, гулянии, но не в дому, — какая светящаяся, шампанская была б атмосфера меж нас! **Так вот что значит функция:** что мы сами как есть перестаем что-либо значить; то же и любая вещь: тройка почтовая огневых вороных, на которой ямщик-друг везет поклон жене и слово прощальное, или проволочка-антенна полупроводникового радиоприемника в спичечной коробке, через которую жене то же сообщают, — одно и то же: функция ведь одна, и то же страдание жена примет, а что за восприятием ее стоит, за явлением несчастья: проволочка иль тройка лошадей, — эти вещи сами по себе без значения и не важны. Ведь само небо с овчинку в переживании представляется; отчего ж тройке не свиться в проволочку?

Итак, за одним явлением могут крыться разные сами по себе вещи: толстые, тонкие, красные, бесцветные — не знаю, какие они, не могу знать. И это и неважно; а знаю лишь свое горе (или любовь) и т.д. Так и на фабрике на рабочем месте удар молотом по детали может осуществлять удалой добрый молодец, кузнец-цыган в кудрях черных, Лойко Зобар — Эх! Эх! — иль пружинка, свивающаяся и разжимающаяся — шмяк, шмяк! Для детали, плывущей на конвейере, все один удар доходит: се — явление, а от кого: от цыгана иль пружины? — се неизвестно: вещь в себе.

Вот и Кант такую ж операцию и перераспределение произвел над традиционными философскими категориями, проблемами: все они сами по себе обесцветились, обесплотились: и субстанция, и причинность, и Бог, и душа — перестали быть узлом, твердью, числом, величиной, значимостью сами по себе, а выступили как условные наименования того или иного отношения, связи, функции, невидимой линии тяготений. Бог был Бог, «совершеннейшее существо» и всё. А теперь «Бог» — значок для удовлетворения потребности чистого теоретического разума в безусловном, в абсолютно необходимом существе. А что там такое: есть нечто иль нет ничего за этой идеей и каково оно? — не может быть известно и не важно. Но как же должно заститься небо и сузиться, уйти в себя внутрь взгляд, чтобы перестать ви-

деть, различать тройку иль полупроводник — чтоб это было без значения! Иль наоборот: это есть расширение нашего взора до проникания всеединого магнитного поля бытия, в разных точках которого вспыхивают, как кажется, разные предметы с разным составом элементов («дхарм» по-буддийски) и красками, — но по сути важны точки, которые они занимают и силовые линии, их направления (отношения, связи); а краски их, красота иль величина, плотность иль эфемерность — условность: ну как для диспетчера разные кнопки иль глазки, светящиеся для более легкого различения функций, — разным цветом окрашивают и в различные места на щите распределяют?

Город разума против Природы

Да, тут, конечно, главное — отъединенность. Раскол мира надвое: что я в одном мире живу (очевидно, в людях, в обществе, в производстве, в цивилизации, — неважно, как назвать: главное, что я себя чувствую живущим в одном мире и уровне бытия), а то, на что падает мой взор иль рука касается, иль куда мысль воспаряет, — предполагаются обитающими в другом. Утрата сродства и любви, Эроса меж мной и миром и существами, предметами в нем. Ибо когда я до экстаза и слез углубляюсь в желтеющую ниву, как она волнуется, и через нее на меня и счастье на земле, и Бог в небесах снопом лучей обрушиваются, — это ж воживание и нивы, и ландыша как божественных, абсолютных существ пламенеющей любовью моей, растворенностью груди и дыхания: я крылом их овеваю, голублю — и мы вместе друг через друга утверждены в бытии, так что сросток этот — поэта и нивы, меня и ландыша привой-подвой — уж для всех живет, колышется, вечно осеняет и есть прибежище и безусловно существующее.

Иль когда я улыбаюсь, когда солнышко восходит, и хмурюсь, когда небо тучами покрывает, и давление в крови моей опадает, — то сродство и единая меж нами жизнь и взаимопроникание. Когда ж времена года могут быть какие угодно, а я, профессор философии в Кенигсберге, Иммануил Кант, в любую погоду, но в точно определенный мною час, с камышевой тростью восемь раз прохожу взад и вперед липовую аллею, — это уж другое отношение: там (появилось уже «там», а не — все одно «здесь») хоть трава не расти, снег падай, тучи, ужасы и слезы ручьями, я этого не вижу и знать не знаю, а знаю лишь одно, что по моему ритму жизни сейчас 4 часа и надо 8 раз пройти в моционе аллею. Вот эта замена качеств бытия различиями чисел и цифр, так что я ориентируюсь не на погоду и настроение, а на седьмой день неде-

ли — воскресенье, когда мне пойти на природу, — эта препоясанность наших чресл внутрилюдскими (трудовыми и проч.) отношениями, откуда — закупоренность в одном, своем мире, интравертном, связи которого для нас первоопределяющи, первичны, априорны, и ритмом своим (шесть дней + седьмой) предопределяют содержание моих восприятий из «там» природы, и что может в качестве возможного опыта оттуда войти в меня, — вот образ и склад жизни, предпосылочный к кантовой рассекающей мечом бытие надвое философии. Тут главное, конечно, выдается в конце «Критики», где я жестко закрепляюсь как прежде всего член общества, житель среди граждан, а потом уже землянин, член природы и космоса, — так что моральные законы практического разума для меня абсолютны, и выведенное из них абсолютно необходимое совершенное существо (чтоб свод нравственности поддержать, закончить и реальной силой, волей и существованием подтвердить) подставляется уже как (реальный предмет?) под природу — на выполнение той функции теоретического разума, где ему требовалось безусловно необходимое существо для обоснования ряда причин и на завершение мира в систематическое единство целей.

И это так и есть: горожанин, бюргер живет за оградой города, стен, и их прежде всего видит и людей в них; а уж гром, молния, дождь и снег... — контакт с ними вторичен, через крыши и стены, и прямого к ним отношения, сочувствия и взаимопонимания я иметь не могу — то, что как раз было и должно быть у земледельца, кочевника, мореплавателя — словом, сожителя с природой и временами года, а не у гражданина — сожителя стен, законов, календаря и расписания. Явление сенокоса не может наступить для земледельца зимой, а лишь летом, 6 июля примерно, так что резонанс здесь существует между трудом, его формой — и бытием, природой; и форма труда здесь не априорна, а вызвана к жизни выросшей травой, молящей колышась волнами, о своем пресечении: ей коса, ею вызвана, а не когда мне помахать ею вздумалось. А вот ручкой писать иль задний мост на конвейере складывать — это уж от времен года не зависит, выведено из отношений и связей с природой, а зависит от места работы, смены и подачи материала общественным разделением труда.

А уж к природе он выходит на опыт, се — поездка за город: Erfahrung (опыт) — от слова fahren «ездить» — на пикник, во всеоружии провизии, припасов, созданных в городе инструментов для эксперимента. Т.е. с природой — уже не жизнь, не сожизнь, сожительство (как с женой, во Эросе), а выход со стороны на опыт, Erfahrung, поездка в бордель, для отправления моей функции, когда мне время по внутреннему ритму и часам приспело-приспичило и понадобится

лось, — совершенно не ставя ни во что: хочет ли она, природа, есть ли у нее вождление к тебе (а к земледельцу — есть: чтоб он ее возделывал, пахал, орошал, мял, тискал, любил, и она парами и трубными звуками весны зовет пахаря к себе в объятия, на соитие)? Да еще не голым выступая, а во всеоружии инструментов-презервативов, так что прямого контакта с влагилищем, лоном природы я все равно не имею, а предопределен в ощущении априорной формой, на член (= пыталельное чувствилище, шупальце и луч, в нее испускаемый) надетой. А ведь как моряк Шамалашвили мне говорил: «Девочку иметь через презерватив — все равно, что розу нюхать через противогаз». Оттого и мучатся экспериментаторы главной загадкой: насколько данные, что получают они в опыте в ответ на свое воздействие, есть знак самой природы, исследуемого явления, а не вклад и голос приборов, т.е. того, что уже я знаю, что при мне, априорно известно?

Кант в конце «Критики чистого разума» потешается над «натуральным методом» и «натуралистом», который полагает, что обыденный разум без помощи науки (**здравый разум**, как он называет его) может достигнуть большего в возвышенных вопросах, составляющих задачу метафизики, чем спекуляция. Это равносильно утверждению, что величину и расстояние от луны можно точнее определить на глазомер, чем окольным путем математических вычислений. Это простая мизология, возведенная в принцип, и, что нелпее всего, пренебрежение к искусственным средствам (презерватив и противогаз — противозачаточны, как и все приборы и инструменты опыта — противозросны, не дают прямого контакта, а, значит, естественного зачатия — поятия — по(н)ятия — познания, ибо **по(н)ять** — в жены, **познать** — женщину — изначально эросны все гноселогические понятия; но заменяют все это — отвлеченным, искусственным, механическим процессом. — Г.Г.), восхваляемое в качестве самостоятельного метода расширения наших знаний» (464). Но жаль, что сам Кант не обращает свою критику и на эту свою иронию над наивным натуралистом и его здравым смыслом и не обнаруживает, что, как «хитер ментер» и лиса подсовывает журавлю тарелку вместо кувшина, — так и он сам разговор о луне поворачивает стороною количества (что одно и понимает математика и в чем она как рыба в воде), предлагая здравому смыслу мыслить о луне с точки зрения величины, в чем он — слабак.

Но разве роль луны в бытии земли, жизни людей сводима к определению ее величины и расстояния? А свет ночью средь звезд, взамен солнца, а солнце и месяц, их любовь, взаимная погоня и вечная разлука; а приливы в океане и приливы чувств влюбленных, отчего соитие и продолжение жизни; а утренние искры росинок — отлив луны,

ее и звезд осколки, как водоросли на берегу моря; а вдохновение поэтов, а лунная соната, баркароллы и ноктюрны — это что, числом и прибором вошло в бытие человечества? А ведь в этих во всех качествах луны и разбирается «натуралист», естественный человек и природный (недаром так назван, в отличие от искусственного ума) здравый смысл, и тупа вся математика со всеми своими приборами и астролябиями.

Однако, как ни замыкается внутренний мир города, общества, цивилизации, культуры в систематическое единое целое, которое подкладывается под природу и ее для нас существование и познание, но даже Кант со своим независимым от природы ритмом времени, хоть гулял в 4 часа дня в любую погоду, — вставал с восходом солнышка; и по светилам часы, на которые он, как на руке висящие смотрел, заводятся; так что завод городской жизни — не **самозаводной**, а где-то, в каких-то точках и прорывах ключом бытия возжигается и к нему подключен.

Вот и мы хотим бытийный контекст, в котором завод кантовый системы, кажется, самодвижется, выявить — и те отверстия и каналы, по которым он в нее, мнимо герметическую, просачивается; открыть глаза на телесную, образную плазму, в которой ядро — плавучий храм в океане плавает.

А теперь продолжим нашу сказку про «Критику чистого разума». Мы остановились на том, что принц (или принцесса: die Vernunft — она) Разум томится в темнице, поскольку доверился лживым основаниям.

Теперь появляется новое действующее лицо — Метафизика. «Было время, когда метафизика называлась *царицею* (die Königin — королева) всех наук, и если принимать намерение за дело (Willen für die Tat: **воля** и **дело** — важнейшие измерения германского бытия. — Г.Г.), то она, конечно, заслуживала этого почетного названия в виду выдающейся важности ее предмета. Наоборот, в наш век вошло в моду (Modeton — «голос моды», опять — звук. — Г.Г.) выражать к ней презрение, и эта матрона, покинутая и отталкиваемая, жалуется, подобно Гекубе (в «Метаморфозах» Овидия — Г.Г.): modo maxima rerum, tot generis natisque potens — nunc trahor exul, inops»¹⁴ (с. 3).

Итак, вслед за принцем королева — тоже в опале. В чем же ее трагическая вина иль беда? «В начале, в эпоху догматизма (у Канта очеловеченнее: «под управлением догматиков» — как визирей-сатра-

¹⁴ «Недавно во всем изобильна, Столько имев и детей, и зятьев, и невесток, и мужа, Пленницей нищей влачусь» (Овидий. Метаморфозы. М.—Л., 1937. Кн. XIII. С. 505, 510). Так жалуется Гекуба, жена Приама и мать Гектора, ставшая пленницей после разрушения Трои. Вот сразу еще сколько образных ассоциаций! — 8.6.96.

пов. — Г.Г.) правление метафизики было деспотическим. Но так как ее законодательство носило еще следы древнего варварства, то вследствие внутренних войн ее правление постепенно выродилось в полную анархию, и скептики, своего рода номады, презирающие всякую постоянную обработку почвы (Anbau des Bodens — «постройка земли»: один корень «Вап» в германстве и для стройки, и для земледелия, что связано с близостью Tat и Wachsen — труда и растения — в германском мировоззрении. — Г.Г.), разрушали (zertrenneten — «разделяли»: идея целого и частей, тогда как в «разрушать» целое — в кучу и кишмиш валится, а не на части и куски, детали, пригодные для сбора. — Г.Г.) время от времени гражданское единство. Но, к счастью, их было мало, и потому они не могли мешать сторонникам догматизма постоянно вновь приниматься за работу (anzubauen — опять: «воздвигать» или «возделывать». — Г.Г.), хотя и без всякого общепризнанного плана» (с. 3–4).

Вот пожалуй-та: внутренне исходен для Канта образ государства граждан, желанны закон и мир; между тем, с одной стороны — деспотизм, вина самоустранившейся королевы и ретивых министров, с другой — внешние нападения, растерзание земли и мирных крестьян, как в давнюю, но памятную Тридцатилетнюю и недавнюю Семилетнюю войну. И оттого кочевники способны разорять, раз без плана (без верного закона и правового строя) государство-здание сложено: следы в нем прежнего варварства. Однако, **кочевники-скептики** тоже нужны оказались, чтоб вызрела необходимость строить дом заново, но уже по плану, а не хаотически, и чтоб был готов вынести штурм скептиков.

Но дело все замешано глубже: в какой-то тайне рождения и загадочности генеалогии самой королевы: законная она иль самозванка? «В новейшее время был момент, когда казалось, что всем этим спорам положен конец своего рода физиологиею человеческого ума (известного Локка), и что правомерность притязаний этой науки вполне установлена. Из этого однако вышло следующее: происхождение этой пресловутой царицы выводилось из плебейской среды обыкновенного опыта, и это уже должно было справедливо вызвать подозрения против ее притязаний, но так как эта генеалогия на деле была приписана (angedichtet — «приплетена») ей ложно, то она продолжала настаивать на своих правах (значит, самозванные доброхоты — опытни-ки спасти королеву хотели на новых основаниях — конституционной монархии, и даже еще далее — всеобщего избирательного права, по которому короля избирают— но это уже очевидная нелепость: тогда король — не король, а президент, королевство и кровь его благородная уже не при чем, и всякий может претендовать. Кстати, не даром в

Англии все это случилось: и Локк, и конституционная монархия, в чем прагматическая половинчатость, эклектика и мудрая терпимость, и даже пристрастие к сосуществованию разного англичан сказывается, которым достаточно полпути, а нет потребности в Целом на основе единого принципа, чего непрерывно домогается германская мысль. — Г.Г.), и потому все вновь погрузилось в устарелый, **источенный червями** (как стены дома. — Г.Г.) **догматизм**, вызывающий к себе презрение, от которого желательно было спасти науку. Теперь, когда все пути (как уверяют себя многие) тщетно испробованы, в науке господствует пресыщение и полный *индифферентизм*, **мать Хаоса и Ночи**, однако в то же время заложено начало или, по крайней мере, появились **проблески** близкого преобразования и прояснения наук, после того как дурно приложенные старания сделали их темными, запутанными и непригодными к делу» (с. 4).

Всё — динамика: восставание — погружение в глубь, там путаница Хаоса и Ночи и ложно заложенные основоположения. Но там и корни, и сила роста, припадание к земле — и вновь ростки-проблески. Черви важны в германском мире. И они тоже братают, как и слово «bauen», земледелие и строительство, ибо и землю и дом точат, сим их тождество, для их само— и взаимно-познания, — демонстрируя.

Преимущество малого государства

9.IX.68. Но, конечно, все это (что я вчера надумал о плазме бытия, которая остров кантовой системы окружает и в него просачивается) самочувствием предопределяется: Кант вот чувствовал себя прежде всего жителем города, а потом уж мира, обитателем общества, а потом уж бытия. Для такого самочувствия общество должно быть уютно, по мерке человека приходится, каковы и были немецкие города-государства: герцогства, королевства — мелкие, как античные полисы. И в этом, в частности, сходство Эллады и Германии, которое немцы чувствовали и туда тянулись; и если французы = римляне, то немцы = эллины в новоевропейской цивилизации, и культ Эллады сплошь проходит в германской культуре и ее пропитывает, и они первые глубоко ее осмыслили: Лессинг («Лаокоон»), Винкельман, Гёте, Шиллер, Гелдерлин, Шеллинг, Гегель, Ницше...

Ну да: маленький, уютно обжитой мир с интенсивной бытовой и духовной жизнью: Иена, Веймарское княжество, Кенигсберг, Берлин, Галле, Геттинген, где университет, театр, общество, музыка, политика (в каждом мелком государстве — французские, английские послы,

мировая политика словно сама на дом пришла, как приходящая домработница) — все это выкапывало таланты и духовные силы, ибо в каждой маленькой точке был мощно их вытягивающий из почвы магнит, так что четвертый сын беднейшего седельника-шорника, шотландского переселенца Канта смог ощутить этот взывающий ко всем, всем, всем близко расположенный магнит культуры и, не без усилий, конечно, но подтянуться к нему; главное, что зов его близок и уместен, не далеко (как Ломоносову с Холмогор в Петербург идти), а тут же, у места рождения. Так что раздробленность Германии, на которую с экономической и государственно-политической точки можно было и сетовать: не мощна, не богата даже, так что клеймили ее словами: «одна гниющая и разлагающаяся масса»¹⁵, — стала почвой, на которой возникла великая эпоха немецкой литературы. Вот эта мелкополисность и способствовала энергичному вытягиванию даровитых людей к духовному творчеству, которое в высшей степени ценилось, и каждое государство маленькое, герцогство, гордилось своим поэтом, театром, философом или математиком — больше, чем количеством войск, биржей или заводом. И поскольку именно обществом так высоко ценился дух, то незачем были поэтам и философам и деньги, которыми в буржуазном или ином мире интеллигенты компенсируют неуважение общества к их труду и тем ограждают свою относительную независимость, — и могли поэты, философы существовать на скудное жалованье, имея малые потребности: каждый аристократ за честь почитал иметь за обедом философа или поэта, так что, как в Элладе Сократ или Симонид, так Кант и Шиллер могли бы пропитаться на иждивении богатых почитателей, которые, хоть аристократы, но понимали, что Кант или Бетховен, эти плебеи, — Богом одаренные, а они — лишь своими предками, и смирились и притихали в их присутствии, и за честь почитали, что такой придет и их косвенно осенит дыханием всебытия. Вон как, заискивая, умолял прусский министр фон Цедлиц (передаю по Куно Фишеру): «21 июня 1777 г. по смерти Г.Фр.Мейера, одного из известнейших вольфианцев, освободилась философская кафедра в Галле. Цедлиц страстно желал, чтобы эта первая в Пруссии профессура была принята Кантом. Он дважды предлагал ему ее, описывал все преимущества переселения в Галле и заключил свое вторичное предложение словами: «уступите моей убедительной просьбе. Невозможно выразить, как Вы меня этим обяжете». Однако даже эти просьбы ничему не помогли. Ни лучший климат, ни удвоенное жалование вместе с перспективой несравненно большего

¹⁵ Слова Энгельса. — 9.6.98.

круга деятельности не могли заставить философа покинуть Кенигсберг, еще того менее — титул, приготовленный для него министром. И не одна только любовь к родному городу удерживала его. Получив второе письмо министра, он искренно высказал причины своего отказа именно в письме к Герцу. Это объяснение настолько характерно для его образа мыслей, что я привожу его дословно: «Получение материальных выгод и перспектива **большой** аудитории, как Вы знаете, мало привлекают меня. **Спокойное** и как раз удовлетворяющее моим потребностям **положение с чередованием** работы, размышления и беседы (свой город во времени. — Г.Г.), в которых без напряжения поддерживается деятельность (труд, активность, деяние — первоценность в германском бытии. — Г.Г.) моего легко возбудимого, в остальном, впрочем, беззаботного духа (первое по важности. — Г.Г.) и моего еще более прихотливого, хоть вовсе не больного тела (аксиоматично для германца это расщепление существа надвое: дух и тело. — Г.Г.) вот все, чего я желал и что получил. Всякая перемена пугает меня (в том числе, поездка, Erfahrung — опыт. Так что Кант своей критической философией хочет до дна выяснить, что он может знать и насколько умен быть, не сходя с места, — т.е. a priori, трансцендентальным — «допереходным» знанием. — Г.Г.), хотя бы она сулила почти несомненное улучшение положения, и я думаю, что нужно обращать внимание на этот инстинкт моей природы (т.е. подсказ изнутри, из Innere. — Г.Г.), если только я хочу протянуть еще несколько ту нить, которую Парки прядут для меня очень тонкой и нежной»¹⁶

В интонациях слышно, кто здесь господин положения: Кант даже позволяет себе слегка пошалить и покапризничать (о беззаботном духе, прихотливом теле — настолько уютно ему бытуется), а прусский министр суетен, тщеславен и на эту струну думает действовать (профессор, деньги, большая аудитория — слава). Но все количественные мерки, если и начинают все большее значение приобретать в нанизавшем себя на количественную амбицию государстве Пруссии, которому от Господа и природы один лишь дар дан — величина и которая этим хочет и дальше брать, давая другие, — то за талантами ведь в мелкие «гнилые» местечки обращается, где как раз щедро раздаются из мира качеств дары — своеобразия, характера, склада ума, души, слуха, глаза, руки. Поэтому исполненное пустой, дутой гордыни понятие «большое» не имеет ровно никакого веса в мелких эллинских городах-государства, карликовых германских княжествах-государствах XVIII в., живущих по закону качества — и не больших, а истинных ценностей: их не гипнотизируют числа, количества.

¹⁶ *Куно Фишер. История новой философии. Т. IV. СПб., 1901. С. 71–72. При ссылках далее на это издание в тексте: Куно Фишер, с.).*

Оттого и Гёте, как его ни соблазняли в большие арены деятельности, обосновался в Веймарском герцогстве и был там министром; и такое соединение поэзии с общественной деятельностью в малом полисе было домашним, лишено отчуждения, как в натуральном хозяйстве: сам себе и поэт, и министр, и естествоиспытатель, и живописец, и семьянин, и путешественник... Оттого и олимпийство Гёте: Олимп ведь — не Эверест, а маленькая горка — трех тысяч не дотягивает. На Эвересте уж не будешь олимпийцем, а только горнорабочим-альпинистом, специалистом узким: к тому побуждает, в эту сторону гнет все **большое**. И когда загипнотизированные на большом, замешанные на количестве производства, а не на качестве жизни и бытия экономические мыслители высокомерно поучали Гёте, что неправильно он жил в Веймаре, что в этом его «филистерство» и «мелочность», — то инстинкт сохранения своего таланта и истинных, качественных ценностей, наверное, Гёте, как и Канту, подсказывал вернее, что нужно и где ему почва. «Мелочность» — это ведь плохо именно с точки зрения загипнотизированного числом и количеством, т.е. уже дутого, абстрактного, денежного, пространственного, но без субстанции — существования. С точки зрения качества вещи и бытия — мелочен Страдивари, изготавливающий несколько скрипок за жизнь: кустарь — одиночка, а размах — у фабрики «Красный Октябрь». Так что Гёте и Кант предпочитали оставаться филистерами, мешанами — от слова «место» (город) — бюргерами, гражданами города своего. А не беспочвенными, без субстанции, жителями мира, пролетариями всех стран, которым *ubi bene ibi patria*¹⁷, у которых ничего нет, никакого качества (таланта, характера, своеобразия), кроме чистой способности к количеству — рабочей силы, руки; так что им «нечего терять», а значит: только брать могут чужое, нажитое веками в ходе бытия по качеству — и распределить это, вырвав деревья — живые ценности с почв. «Кроме своих цепей» — т.е. оков, **внешней формы**: она лишь в них — что-то, а помимо того — ничто, т.е. в форме — никакого содержания. Так они чисто кантовские — эти существа, пролетарии: априоризм в них, т.е. формы и трансцендентальная способность к возможному опыту = рабочая сила для возможного труда. Труд же (как и опыт для трансцендентальных категорий и идей) — все равно какой, абстрактный: не предполагается любви меж трудящимися и предметом труда, прямого («догматического», «натуралистического») соединения, как у художника-ремесленника в натуральном хозяйстве.

Рабочий сопряжен не с предметом своей работы (к нему — наплевать, он его не видит и забыл, нет личного отношения), а с товарищами по классу, классовой солидарностью, как и кантовы априор-

¹⁷ Где хорошо — там родина (лат.).

ные формы чувственности и рассудка — связаны в трансцендентальную систему между собой в целый мир, а не прямо с предметами опыта, так что отношение любой категории (например, априорной категории причинности) к предмету не прямо происходит, а с соизволения всей остальной взаимодействующей системы понятий, идей, регулятивных принципов. Так и рабочий в трансцендентальности своей — в классовой солидарности — примыкает к профсоюзам (обшераспространенным, еще не напряженным связям, что подобно трансцендентальной эстетике, всеобщим формам чувственности: пространству и времени), затем уж и к партии (более узкий круг, что соответствует уровню категорий рассудка) и т.д.; так что прикосновение его к предмету с инструментом труда — гайку свою на конвейере завинчивать — не любовью его к этой гайке продиктовано (как у Акакия Акакиевича к буквочкам-фаворитам), а, с одной стороны, капиталистом — капиталом (тоже особый этап априорных отношений — скажем, из зоны трансцендентальных идей), а с другой — профсоюзом, так что могут, как «штрейкбрехера» (т.е. проламывающего стену дома союзов) и не допускать к гайке, даже если она вдруг полюбилась.

Остужаю рефлексией жар мышления

Что же это делается! Домогался я до неориентированного мышления только по истине, свободно от общества, где я живу и моих здесь отношений, мыслить лишь как член бытия, *orgi*, а не *urbi*, — и вот ловлю себя на том, что мысль возжигается желчью: ведь сплошь здесь пошла полемика с общими местами распространенного вокруг меня учения, и, главное, при этом отталкивании действительно живая мысль образуется, и жалом желчи прокусываешь кожу и в поддыхало истине забираешься (вон ведь и образы самочувственные какие не мирные, кровожадные, раздраженья дети: раздраженные и раздражающие!). Ведь благодаря этой энергии обиды и раздражения на склад города, где я обитаю и на его дух, — вьедливо и глубоко мыслю и в зону истины добуравливаюсь. А может, не истины, а так лишь мне кажется, оттого что весело и тонусно тебе мыслится, и в этом самочувствии ты находишь критерий близости к истине? Но, наверное, так и есть: раз тебе горячо (как в игре, когда один с завязанными глазами ищет условленный предмет, а окружающие ему возглашают, указуя: «тепло», «холодно», «теплее», «горячо»), значит, жар истины (а почему она — жар, а не напротив, холод? Ведь недаром для мышления требуется хладнокровие и держат ноги в тепле, а голову в холоде, при пузе в голоде?)...

Во всяком случае, опаску эту – к жару и разгоряченности чувств моих при писании – надо помнить и культивировать. Хотя и то верно, что разгоряченность чувств кровь живую в мысль вгоняет, питает и как горячего коня ее седлает и гонит, и связь отвлеченного духа и истины с телесно-кровным бытием (а это – мое призвание, как я его пока чувствую) осуществляет. Однако, остроумие – боковина мышления, так что как бы не соскользнуть в кювет...

Утиши разгоряченность и думай по существу. Но ведь разве не глубока по существу как раз эта мысль о сродстве трансцендентальной философии и абстрактного, наемного труда и их структур? А проник ты в нее не без помощи желчевого азарта.

Однако, святости нет в таком мышлении. Ее домогайся, а для того отринь всякое раздражение и покой в душе установи. Лишь свет истины люби, мудр будь, установи мысль. Как ведь в «Дхаммападе»: «Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу... Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало (вот я и мои ассоциации, отходы, броски и скачки. – Г.Г.), – благо. Обузданная мысль приводит к счастью. Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную (фразы-то у меня какие! – Г.Г.), спотыкающуюся где попало. Стереженная мысль приводит к счастью... В непорочной мысли, в несположенной мысли (а моя такая – как чуткая, всполоненная птица. – Г.Г.), отказавшейся от добра и зла (а я еще нет-нет, а по ним допускаю себе мерить. – Г.Г.), в бодрствующей нет страха (а из-за того, что, бывает, ввергаюсь в зону добра и зла, впутываюсь в их разрешение, высказываю про себя мысли, за которые, если разведают, худо придется, – и так допускается страх. – Г.Г.)... Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику, ложно направленная мысль может сделать еще худшее. (Хотел на этом остановить выписку, но ведь это – угроза, отрицание, испуг и сферу отрицательных же в тебе эмоций питает, а ее ведь ты и хочешь утишить, так что приводи далее эту мысль в любовном, положительном варианте. – Г.Г.). Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник, истинно направленная мысль может сделать еще лучше»¹⁸ Ну вот на этих образах: матери, отца, родни, истины, лучшего – опять не выходит по ту сторону добра и зла мыслить! – свет впускается, и улыбка открывает рот – для впускания откровения духа, бытия.

Переписал – как помолчился. Ведь мало того, что я себе сказал страницу назад: «покой в душе установи». Вот я и устанавливал – переписывая и исповедуясь перед тем словом, где грешен.

Итак, закончим мысль о благоприятствовании малых обществ и очагов для культуры: немецкие города, государства XVIII в. малы по объему, но велики по времени (в отличие от стран новых: Америка,

¹⁸ Дхаммапада 33, 34, 36, 39, 42, 43.

Россия, которые велики по объему, но не интенсивны, не сбиты во времени: без преемственности, без традиции); каждый городок насыщен веками городской жизни: средневековые мистерии, цехи, соборы — утрамбован плотно временем, из плоти времени состоит, которая, накопленная, и выковыривается обратно — в вырывающихся из земли талантах во временном искусстве музыки и поэзии (Бах, Гайдн, Моцарт, Бетховен, Гёте, Шиллер), в философах, кладущих в основу время (Кант: время у него категоричнее пространства), *Jппере, Jch...*

И когда Германия — при Бисмарке — начинает жить по закону количества (объединяться, разбухать), — пропорционально этому опустошаются источники национальной культуры, выравниваются ложбины и горы...

И если что и возникает, как Томас и Генрих Манны, то выковыривается опять из какой-нибудь ложбинки — старинного малого городка, который ту еще субстанцию носит, на той же плоти заквашен, что и городки — ракеты-носители гениев рубежа XVIII—XIX вв. Если та «гниющая и разлагающаяся масса» смогла быть почвой, на которой гении как грибы в разнообразном лесу вырастали, то единая неделимая Германия конца XIX в. и в XX в. — как ровно высаженная роща и осушенная земля, где грибки разве что в некоторых лощинах и лесках малых водятся.

Так вот, возвращаясь к Канту, по его письму видим, какое уютное у него было самочувствие в своем *urbi* и что он себя чувствовал абсолютно припаянным к нему, ибо здесь его место родное и устроенный, скроенный по нему ритм бытия (чередование, перемену трудов и отдыха допускает для себя во времени, но не перемену в пространстве — поездка на иное место жительства, — что опять превосходство категории времени над пространством в германском космологосе акцентирует); и природа ему являлась в априорных стенах города: липовая аллея меж улиц и зданий Кенигсберга. И это каждодневное бытовое проникновение так скроенных, в таком сочетании, волн бытия в его существо, окуливание его существа этими испарениями бытия, — без его отчета (что странно, ибо уж кто хотел первый быть педантично самоотчетен, так это Кант), но могло ли такое каждодневное массивование и именно таким наглядным созерцанием (а важность *Anschauung* в его философии — о, как велика в трансцензусе от априорных форм к опыту!) — не индуктировать выкладки и наклонения его умозрения?

Хилый здоровьем, он тело свое наладил как безукоризненный инструмент: «Его здоровье, для которого так мало сделала природа, было как бы его собственным, хорошо обдуманым творени-

ем», — хорошо говорит Куно Фишер (112). «О силе духа превозмочь свои болезненные чувства одним намерением» — такую статью написал Кант в старости. Везде в этих фактах под природу подставлен дух, общество.

Тут уже сфера верований начинается. Мое верование — что не могло не влиять, входило в него бытие (быт города) и его прямой подсказ ему чрез Anschauung. А почему у меня такое верование, аксиома и умонастроение? Да потому, что, если Кант любовно каждый день созерцал и прохаживался по городу, чьи стены, строй и быт источают разум — Vernunft = забор, оббор, урожай (город — элеватор¹⁹), вобрали в себя бытие, так что город и его стены и заборы и есть для Канта Vernunft во плоти, в материи, в кирпичках и зданиях, — и такой же, по образцу города, хотел он дом: собор или ратушу — построить на почве философии, то для меня опора истины и неложного бытия — это ветер, воздух, лес, поле, небо, снег, простор — словом, открытое бытие; а город, общество, даже люди (оттого и не гуманист я, человек мне не модель и не цель) — двигатели, извратители, цапучие (как родные и близкие, семьей и любовью со мной связанные, так что и любовь я чувствую как силу и покоряться ей долг чую, — но тоже лгушую, как «кама» и «воинство Мары» в буддизме). Так что основной мой долг я чую перед бытием: я должен встать вслед за солнцем, побежать в рощу — храм на моление телодвижениями: в резонанс себя с космосом, воздухом и светом приветли, приветствие солнцу исполнить. Потом воду на кожу принять, плоть и плоды во внутрь, и воссесть на транс — утреннее умозрение, мое жреческое священнодействие, где я с бытием, с истиной, с мудрецами беседую, в граде Божьем духа живу. Так что онтологично мое самочувствие: бытие и мышление (свет и ум, воздух и душа) для меня одна субстанция (как у Спинозы): и облако внушает, глаголет, и мысль мороз по коже прошибает и дышать помогает. Ну далее и Эросу служу: опять же бытие!

А с людьми, а, значит, в общество вступаю не дальше, чем Эрос и его отношения туда меня вводят и достают: только с родными, семьями, женами, детьми, матерью. Все дальше в общество и на люди я не ходю; даже к друзьям мало хожу и их теряю — страшусь дурного воздуха, спертости помещений и засасывающей лжи, зависимостей — и всей птичке пропасть. Уж раз я сделал усилие и вырвался (когда семь лет назад ушел из института Академии наук — в никуда, в открытое пространство и оказался слесарем в деревне, матросом на Черном море) — спасибо, что дано мне было силы катапультировать в бытие; с тех пор бытие — мой сосед, а не общество, и стараюсь такой модус выработать, чтоб **жить в обществе и быть свободным от общества**²⁰ Это я перефразирую, а он прав: с волками

¹⁹ Эх, опять дрожащая и спотыкающаяся мысль пошла!

²⁰ По Ленину: это «нельзя» — 9.6.96.

жить = по волчьей выть, так что не надо в обществе жить, а в бытии, ну, в крайнем случае – на обочине общества, на окраине города. Где я и устроился – и имею возможность непрерывно небо, поля созерцать, простор и в рощу бегать. А «через шумный град я пробираюсь торопливо», когда редко-редко (в месяц пару раз) меня туда нужда заносит. Живу как естественный человек. На беседы в люди не хожу, обрастаю, не бреюсь, хожу босиком. Таков я. Не Кант. Даже очень не Кант.

И мысль моя и его совсем разны по типу. Он – профессор, каждый день внедрял, для людей старался и что думал – выговаривал и издавал, т.е. все в общество возвращал; круг: из города питание истиной духу получал – ему ж возвращал. Его мысль – общественна по происхождению и назначению, цели. Моя ж мысль – помощник мне прожить по истине и с Богом-бытием, по существу, – от общества оттолкновена (издание – кошмар издательств и редакторов: от него вырвался, и, слава Богу, без сбивающих с пути истины надежд на издание привык жить и мыслить). И даже когда этим летом книжка моя вышла²¹, обнаружил, что только суету мне это принесло! Обязанность считаться с людьми, думать, кому посылать, чтоб не обиделся, что надписывать, – ажиотаж, сбил с ритма чистого утреннего мышления, некоторый зуд тщеславия внедрил и раздражил суетные остатки во мне. Но хорошо, что скоро устал и уехал с сыном на сенокос, – и уж теперь вспоминаю, будто это давно и не со мной было.

Конечно, раз пишу, то тем самым возможность людскости допускаю – на будущее, потом, досадливо отмахиваюсь (правда, слово «после смерти» тоже не впускаю – слишком в нем тоже есть суетный душок: жертвенности что ль какой и считания с жизнью и обществом). Нет, просто безотносительно ко времени мыслить и писать – мне радость; как колобок: «я от дедушки ушел, я от бабушки ушел, а от тебя, серый волк, и подавно убегу»... Все-таки дорого это добытое чувство: выпадения из общества, времени – в бытие, во вневременность. Вот почему я сегодня и подсадовал, когда поймал свою мысль, что в ней сок желчи социальности протекает.

Жаль, конечно, если пропадет и сгорит мое писание; однако, главную свою роль оно для меня выполнило: помогло прожить тот день, и другой месяц – и вот он я, жив курилка, и все в бытие нырять продолжаю, с истиной собеседовать. Чем плохо? А писание – просто сосредотачиваешься так лучше; а потом бумага – белая, белый свет, небо с овчинку у меня на столе: организуют-цепляют меж себя и себя небо на небе и небо на столе – и вот я со всех сторон бытием окутан.

Правда, это – ассоциация русского космолога: для эллина б странно, что небо – белое: небо ему – лазурное, синее. Но уж у нас – белесое, и сероватое бывает – цвета оберточной бумаги, низенькое – писать можно. Родное – свободное, высво-

²¹ Содержательность художественных форм. Эпос. Л. Рика. Театр. М.: Просвещение, 1968. — 9.6.96.

бождующее, дышать дающее. Что б без тебя средь серых громад и красных плакатов? И всех ты в России подкармливаешь и на слепок свой = бумагу нацеливаешь; так и русскую словесность, нет, именно **литературу**: и она не в слове, а в букве лучше живет, дольше сохраняется – питаешь. Оттого литература так важна в русской жизни: она небо средь нас, воздух нам и дыхание.

Ну а хлеба не дает, конечно. Это уж особь статья – статьями, кстати, иногда и добывается. Но мост меж «не хлебом единым» и «хлебом насущным» – если когда и бывал, и то с прорехами (цензурными) в России, – то уж ныне начисто сметен: пропасть и зияние. Ну и слава Богу, зато чистой и незапятнанной может зона «не хлеба единого» пребывать, абсолютно не соединимая (спасибо запретам!) с пользой, – только так, как у меня: мысль чистая есть чистый воздух, и настроение души питает, отчего и тело, заседаниями и табачными беседами не искаженное, – простодушно и здорово.

Поведение и нравы понятий

10. IX. 68. Однако к Канту.

Далее удивила меня в предисловии к первому изданию и во всем тексте психологическая характеристика отвлеченных понятий: описание их поведения и нравов. «В самом деле, напрасно было бы **напускать** (erkünsteln — от Kunst — «искусство», разновидность Tat, «деяния», т.е. введения чего-то, заключения в форму; «**напускать**» же как раз — выхлоп, дать выход изнутри наружу естественным путем. — Г.Г.) на себя **равнодушие** к таким исследованиям, предмет которых **не может быть безразличным** для человеческой природы. Ведь и мнимые **индифферентисты**, сколько бы они ни старались изменить философию до неузнаваемости с помощью популярного тона и преобразования школьного языка, как только начинают действительно мыслить, неизбежно **возвращаются** (кантов и германский ход: стремление на выход, к расширению, за границы — и словно изнутри пружина «Я» притягивает тем сильнее вновь на возврат в Jппеге — как блудных сыновей: сюжет, до степени мирового прообраза, идеи и архетипа доведенный именно германцем Рембрандтом²² — Г.Г.) к метафизическим утверждениям, к которым они **на словах** обнаруживают такое **глубокое презрение**. Но так как это равнодушие развивает-

²² Тут преувеличение. Архетип Блудного Сына всеобщ в христианской цивилизации. — 9.6.96.

ся²³ как раз во время **процветания** (корень Flog — опять по миру растений ориентировка бытия идет. — Г.Г.) всех наук и **выпадает на долю** тех, чьи знания, в случае, если бы они были достижимы, должны были бы пользоваться наибольшим влиянием (элегия-то, меланхолия какая! Та же интонация, как и в образе томящегося и обманувшегося по простодушию принца Разума, королевы в опале, — досада на несправедливый удел некогда великого и царственного; и падшая аристократия соединяется с самым низом, полным нетронутых сил, и пружиной выпрямляющегося плебея Канта вновь возносится к господству; так в сказках солдат, крестьянин, мастеровой²⁴ низвергнутому ложью королю трон возвращают. — Г.Г.), то это явление заслуживает внимания и обсуждения» (с. 4).

В примечании — тоже эта психологическая характеристика теорий и учений: «Нередко **слышать жалобы** на поверхностный характер (Seichtigkeit — «мелководье»: seicht — от sinken) мышления нашего времени. Однако я не нахожу, чтобы те науки, основы которых заложены хорошо (опять: главное — фундамент дома науки. — Г.Г.), как-то математика, естествознание и др., сколько-нибудь **заслужили этот**

²³ Ereignet: ereignen — см. «Paul» — eraugnen — «vor die Augen bringen» — «перед **глаза** приносить»; во всяком случае — направление действия извне во внутрь, к «Я», стяжение; к тому же «народная этимология, кажется, склонна прислонить это слово к «eigen» — «**собственный**»; т.е. опять оттенок «я»; и ereignen — делать собственным, присваивать; к тому же eigen — от староверхненемецкого eigan, англосаксонского agen, own — нет ли сродства с латинским agere — делать? Во всяком случае, значение eigan — besitzten — «**владеть**», букв. — «**усаживать**», энергичное действие означает.

Приставка «ег» означает: 1. завершение действия, 2. начало действия — во всяком случае, враг бесконечности, отграничивает начало и конец. Таким образом, в слове ereignen, Ereignis — «событие, случай, происшествие» — клубок германских отношений и направлений представлен, где звучат: Jппеге как центр притяжения, направление извне во внутрь, склонность к оформлению и завершению бытия через действие (Tat), и другие. Ereignis — если по-русски «**происшествие**», то по-германски скорее «**во-деяние**». Так что перевод ereignet как «**развивается**» меняет германскую модель мира на российскую: развитие — исход из начала в бесконечность, по модели: → ∞ однонаправленной бесконечности. Я знаю: есть германское слово entwickeln — «**развивать**». Но почему же русский философ Лосский так перевел другое слово? Значит по какому-то чутью национального мировоззрения.

²⁴ Кстати, именно в германских сказках мастера большой, как ни у какого другого народа, удельный вес имеют. Вспомним семерых мастеровых в сказке братьев Grimm: один — скороход, другой — мастер по дутью, третий — шпагу вертеть, четвертый — стрелок и т.д.... Со всеми стихиями справляются сами, а не как Иван-дурак божьей благодатью за ночь дворец строит, иль с помощью прямо самой стихии: «**золотой рыбки**» иль «**по-шучьему велению**» — стихия воды в стране, где земля — «**мать-сыра**», обращает на себя внимание.

упрек, скорее наоборот, они еще более *упрочили* за собою свою **старую славу основательности** (Gründlichkeit — опять грунт, основы, низ, фундамент дома — ориентир расценки, что хорошо и что плохо. — Г.Г.), а в естествознании даже превзошли ее. Тот же самый дух обнаружился бы также и в других отделах знания, если бы только ученые позаботились прежде всего улучшить их принципы. В случае недостатка правильных принципов равнодушие и сомнение, а также строгая критика скорее служат доказательством основательного (gründlichen — опять «грунт». — Г.Г.) образа мышления. Наш век есть настоящий век критики, которой все **должно подчиниться**. *Религия*, на основании (здесь в немецком тексте durch — «через», «сквозь»; русский переводчик тут переборщил. — Г.Г.) своей *святости*, и *законодательство*, на основании своего *величия*, хотя бы обыкновенно стоят (entziehen — «оттянуться», увильнуть, избегнуть. — Г.Г.) вне этой критики. Однако, в таком случае они справедливо вызывают подозрения и теряют право на искреннее уважение, оказываемое разумом только тому, что может устоять перед свободным и открытым исследованием» (с. 4).

Что же это такое? Не напоминает ли это средневековые аллегорические повествования, где, допустим, путь влюбленных по стране Любви пролегал через рошу Очарования, ручей Сомнения, поле Разлуки и т.д.? Олицетворение отвлеченных идей разные причины иметь может. В средневековье, возможно, это — не без влияния философского реализма, по которому идеи реально существуют в бытии, имеют онтологическое значение, а не произвольные лишь от людей названия (как утверждали номиналисты). Еще раньше, в бытии первобытных людей среди природы, то был антропоморфный анимизм — одушевление сил природы. Ну а у Канта что это значит: что точки зрения, учения прежде всего характеризуются Кантом по их поведению, балансу, а потом уж встанет вопрос об истине, лжи, ошибках и т.д.?

Не есть ли это обволокнутость отвлеченного мышления и его категорий и понятий городом, гражданским обществом, подобно тому как и природа в виде липовой аллеи априорными формами зданий стен обставлена? Не сродно ль это с тем ходом мысли Канта, которым он практический разум подставляет под теоретический, «спекулятивный», нравственность под теорию? Точнее, в этом не его добрая воля и склонность, а признание факта: что человек отныне живет не прямо в бытии, а опосредованно — через общество. Город, cives, цивилизация — как плазма и фундамент, и со всех сторон спирает; и философия Канта — героическая попытка в этой сдавленности раздвинуть плечами спирающую толпу и отвоевать пространство для государства философии, оградить его со всех сторон — стенами априорных форм

и заклѣтиями и запретами непѣреступаемости (и извне сюда, и отсюда во вне «трансцензус»²⁵ не дозволен) — и заявить: «а все-таки она вертится!» — жива метафизика, философия, умозрение!

Суд

И пока еще не потянули философию заново на суд (еще потянут: Лавуазье — на гильотину, поскольку «республика не нуждается в химиках» — ответ Конвента на апелляцію; Кибальчича — на виселицу, Флоренского — в лагерь, а Маркса книгу — на эсэсовский костер), она, премудрая дева, умом целомудренного девственника Канта, принимается за самосуд — дело критики, самопознание, что она может и чего не может.

И вот появляется лейтмотив «Критики» — образ **судилища**: «Очевидно, оно (равнодушие к философии. — Г.Г.) есть результат не легкомыслия, а *созревшей способности суждения* нашего века, который не хочет более держаться мнимого знания и требует от разума, чтобы он вновь взялся за самое трудное из своих дел, за самопознание, и установил **судебное исследование**, которое утвердило бы справедливые требования разума и в свою очередь могло бы устранить не путем начальственного приказа (durch Machtsprüche), а на основании вечных и неизменных законов самого разума все его неосновательные притязания; такой суд есть не что иное, как *критика* самого *чистого разума*» (с. 4–5).

Суд — это не вспомогательный образ, привлекаемый для пояснения, а исконный, первородный; не экивок и *mot* для популярности, но внутренний трепет самого, с детства пиэтически-богобоязненного Канта: за образом этим стоят древняя мистерия Страшного Суда и апокалиптический акцент германского светопреставления (что в картинах Реформации сказывается; Дюрер, Кранах, Босх... — вперенность в конец бытия, в Смерть и ее орудия, как мастерового; расплата Фауста и т.д.) — тяга к сведению начал с концами: рождения со смертью. Так что операция критики, проделанная над философией Кантом, трансплантация ее сердца на другое место — это априорный Страшный Суд: попытка предугадать тот, что, возможно будет *a posteriori*, и в предвидении, как он ворвется из *Erfahrung*'а и может пробить брешь, — покинуть старое гнилое место и здание, расчистив и почву, на новом месте: не в открытом бытии, где все подвержено стихиям, но

²⁵ Шаманское, каббалистическое, непонятно звучащее слово: «трансцендентальный» — бракадабра это для профанического слуха.

по сею сторону городских стен, воздвигнуть новые, непробиваемые стены и ими град и замок философии неприступно оградить. Орудия суда, инструмент хирурга — «созревшая» (опять растение!) *Urteilkraft* — «сила» (все термины германские энергичнее русских аналогов, больше в себе таят действия и внутреннего напряжения) «суждения». *Urteil* — от *teil* — «часть»; *urteilen* — *erteilen* — уделять, наделять, расчленять на части. Приставка «*ur*» имеет еще оттенок как русское «пра» — исконности, первоначальности. Так что *Urteil* — «первоначальное распределение» (у)частей, (с)частья, уделов; значит, обладающий силой суждения — реконструирует **судьбу** (как мастерового-разметчика каждому полочек в мироздании) и сборку деталей этих также осуществить способен. Русское «суждение» — этого акцента мастеровой работы в себе не содержит. Здесь же, в самой процитированной фразе, много видов работы: *Wirkung* — от *Werk*, «действие» (Лосский перевел — «результат», сняв этот оттенок), *sich hinhalten* — «держаться», *beschwerlichste aller ihrer Geschäfte* — «тяжелейшее из занятий» *übernehmen* — «перенять», *einzusetzen* — «установить» (букв. «всадить»), *sichern* — «утвердить» (хотя по научной этимологии с «*sich*», из сферы «я», не связано, но в народной этимологии и в чувстве языка не может с этим не соотноситься, что тоже показательно для германства, где твердь, начало, опора — в *Innere*, в «я», внутри), *abfertigen* — «устранить» («из-готовить», «от-делать»). Как бы весь цикл работ: от установления — до изготовления здесь размечен.

Судилище есть *Gerichtshof*. Лосский переводит это как «суд» или «трибунал», от чужеродного бесчувственного латинского корня. Но здесь важны именно народные простые слова: «двор суда», а еще буквальное — «двор выправления» (*richt*, *recht* — «прямой»), выпрямления, т.е. где прямую линию общества из кривых природы выковыывают, вытягивают; ибо прямая линия есть эмблема, принцип и первоначало общества, необходимости (обход и кривизна), труда, искусства — так же как изогнутая = черта природы, произвольности (свободы, прихоти), естества.

И очень важно, что это именно **двор** — *Hof*, не *Haus* и не *Raum*, не дом и не пространство (основные полюса германского космоса), но нечто посредничающее между ними, ибо двор — у дома, огражден стенами, изгородью, однако ж — без крыши: бока и стены — людские, трудовые, а верх — небесный, крыша естественная — небо, чем двор есть отсек мирового пространства, его колодец, куда небо, справедливость и высший судия может заглядывать, тогда как дом — чистое «я»: непроницаем, особенно когда глаза=окна и дверь=рот заставлены, закрыты для откровения. Так что, и Кант, мысля «Критику чисто-

го разума» и все в ней, и мы, читая, должны чувствовать себя на дворе, под двойным глазением: сбоку из окон дома (домов), к которому двор примыкает (это — людской уровень, гражданского общества), и сверху, с неба, которому двор меж оград наверху сам глаз вставил, вырезал, образовал (вместо крыши): оно б, небо, и не смотрело на нас — только ему и делов! — но мы сами (двор построив) веки ему вырезали и на себя устави́ли небесное яблоко.

Итак, мы на дворе выпрямления — не дышит ли это средневековыми божьими судилищами железом, огнем и водой, которые так распространены были у германских народов? Кстати, эти превостихии просвечивают и в тексте: Кант имеет в виду «решение вопроса (Entscheidung — отрезание, железом: Scheide — ножны) о возможности или невозможности метафизики вообще (ведьма она иль людская женщина, жить ей или не жить? — Г.Г.) и определение источников (Quellen — вода), а также объема (Umfang — охват, от Fang — капкан, то, чем ловят, куда ловят; и пойманное — полость, где стихия воздуха — душа. — Г.Г.) и границ ее (Grenzen — грань, чистая форма для литья. — Г.Г.) — все это на основании принципов» (с. 5). В середине текста где-то Кант единожды, но многозначительно сравнивает Критику с огнем — с этой стихией: спиритуализм «разлетается как дым, под влиянием огненного испытания критикою» (с. 256) — «in der Feuerprobe der Kritik sich in tauter Dunst aufzulösen» (с. 340). К тому же спиритуализм — Pneumatismus, от греч. «пневма» — дыхание, душа, воздух.

Кольшушееся мироощущение

11.IX.68. Есть, правда, еще один тип самочувствия человека в мире, при котором человек ощущает себя кругом обставленным обществом, цивилизацией только и исключительно, так что ничего в мире более нет: ни Бога, ни природы, ни бытия, ни истины. Это самочувствие человека цивилизации XX в., где отчуждение, абсурд, экзистенциализм — все от сплошной герметической закупоренности человека среди людей, в обществе (ср. Сартр: Huits clos — «За закрытой дверью», где ад — это не котлы и огни, не вихри — то космический, бытийственный ад Данте, — но комната с навеки запертыми дверями и трое людей в ней: «ад — это другие»; у Данте ад — космос Хаоса, у Сартра — абсурд), каково и самочувствие Кафки. Однако, не совсем.

У него, еврея, изгоя, и несколько на периферии вулкана европейской цивилизации, в Праге живущего, как и у Спинозы, который тоже — изгой и в малых Нидерландах, — ощущение того, что главный

мир, источник и суть не здесь, а сюда лишь доходят волнами цунами; так что, хоть общество и облегает, давит и душит со всех сторон и паутину свою Процесса (иль еврейской общины — для Спинозы) ткет, но не оно — хозяин, а само — призрак: Замок плавает среди снегов, метелей, холода, хозяйство же далеко в глубь восходит, где Библия, Тора, Бог-отец и творение вод и суши, и света, и рыб всяких. Так что бытие распростерлось сращенной субстанцией, где общество и дух — лишь модус, и природа — модус. Так Грегор в «Метаморфозе»: он же — «Я», и он же человек, превратившийся в чудовишное склизкое животное; субстанция его существа едина, а «я» и «тело» в нем — переменны. Однако, у Спинозы акцент здесь — на существенности благой природы, у Кафки — на том, что и природа заражена обществом абсурда и перепоясана его отношениями.

Итак, и когда кому уютно в обществе, и когда оно — Левиафан, давит — не продохнуть, так что, кажется, страшнее этой кошки зверя нет, — общество в самочувствии и познании предшествует природе и предопределяет наши с ней контакты. Так это — в последовательных мировоззрениях и системах. Но чаще, конечно, нестройность, несплошность общества, так что природы сыном тоже себя человек ощущает. Тогда половинчатые: Декарт, Лейбниц²⁶; да и Кант — ибо из малого города чистого разума, величиной с Кенигсберг, на природу выглядывал, зная, что она за стенами, и на нее, на возможный опыт, ориентирован чистый разум и в своем внутреннем строении, и только благодаря этому отношению ко вне себя возможно его устройство внутри себя.

Любопытно, что в Англии, где общество развилось богато и расчленено гораздо больше, чем в Германии, все ж господствует опытное знание (Бэкон, Локк, Юм, Дарвин), в котором человек чувствует себя в контакте с природой, ее гражданином, и к ней прислушивается, а не к жерновам внутренней истории общества, и законам юридическим предпосылает свое ощущение естественных законов природы. Ну да — остров, океан клокочет, Робинзон и Гулливер на обломках корабля еле выживают, так что непрерывный прибой волн бытия тут же ставит на место всякий писк общественно-государственного самовеличания, которое выглядит Лилипутией среди океана бытия. Такого чувства, конечно, не могло быть у тупо континентальных немцев, у кого земля никогда не колебалась под ногами и кто поэтому непреложно веровал в возможность построить твердое здание навечно, лишь бы фундамент заложить прочно.

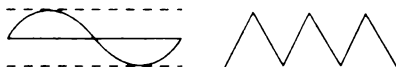
²⁶ Лейбниц — в порах меж Германией, Францией, Англией, Россией, в порах всей Европы обитавший, естественно чувствовал себя такой спящей монадой, самоопорной в бытии, принцип которой: «все мое ношу с собой».

Англия ж привыкла к колышущемуся познанию эмпирии, данного факта, эксперимента, удовлетворяться локальным прагматическим знанием (как моряк привыкает твердо ходить по палубе и чай пить, и трубку там курить — словом, полностью все жизненные функции исполняет, кроме Эроса, который уж — на земле: твердой почвы, чтоб на ней уж самим колыхаться и катиться, требует), ибо знает: только начинаешь обобщать это свое малое познание и распространять, как до фальшборта дойдешь и в океан упрешься. Немец же материковый так не чувствует и этого не видит: ему кажется, что далеко идти можно, практически без внешнего ограничения, а конец полагается лишь внутренней природой: насколько далеко центр часть свою на периферию отпустит. Потому и строят немцы философские **системы** — здания, а англичане — практически опытные **приемы**, инструменты: компасы кораблю своего острова на плаванье и для локальных самоориентировок. Правда, и в закупоренном общезнании XX века, со всех сторон обставившем человека общественностью, так что ощущение природы, открытого бытия как божественной законодательной силы извне для него почти исчезло, — все равно цивилизной сплошности нет, и хаос ушел извне — во внутрь: в ту природную стихию Эроса, секса, либидо, которая как вулкан, прет и взрывает и выкидывает человека из города на берег, в лес, на траву и смыкает естество наше внутреннее закрытое с естеством открытого бытия — через головы законов и правительств.

Двухголосье моего текста

Так вот приходится двухголосо и двухпластово вести наше повествование о Канте: то я рассуждаю глобально, помещая самого Канта во вселенский контекст, то — локально: микроскопически приглядываюсь к тексту и вытаскиваю таящиеся там залежи вселенной (если я их там усмотрю таможенным своим досмотром) за ушко да на солнышко. Так и мне мыслить естественнее, и читателю вдумываться: ибо все расширяется, кругами расходясь, наше концентрическое жерло, и большую магнитно-захватывающую силу и пронизательность в текст и восприимчивость к детали, частице — такой самоувеличивающийся прибор проявить может. Расширение охвата и диапазона рассмотрения должно способствовать большей глубине, тонкости и чувствительности усмотрения. А последнее все время корни, соки, стебель и стартовую площадку листов для вспархивающей мысли предоставляет: отлетит и опять вернется.

Правда, последовательность однородных пластов нарушается. Ну, мог бы я глобальное выстраивать в затылок глобальному, а локальное рядом с локальным прищипливать. Во-первых, — тоска, а во-вторых, просто неверно: ибо последовательность взлетов зависит не только от предшествующего взлета, а столь же и от предыдущего заземления и заправки, так что сюжет настоящей работы движется двумя параллельными, не обособленными, но в каждой точке взаимно индуцирующими пунктирами = = =, так что его лучше изобразить синусоидой иль зигзагом:

где все точки низа и все точки верха могут в итоге составить одну линию, но она неизбежно будет скачущей, пунктирной, а не сплошной, и переходы и основания будут, кажется, теряться в пустоте, тогда как они нырнули на другой этаж или высунулись подышать на воздух²⁷

Так что жизнью мысли начинает уже нарушаться исходный план: сначала, мол, хрестоматию дам образов из Канта, а потом толкования. Нудно и глуповато б было.

Однако, начинает уже смущать ползучесть вслед за текстом Канта слово в слово. Пока еще так подвигусь, а там что-то мне, верно, само мышление подскажет: живая кривая — вывезет!

Английский островной Логос

Вот пожалуйста: к сопоставлению английского островного и немецкого (ибо оба — германцы) материкового космо-логоса тут же следующее место из предисловия:

«Этим единственным оставшимся (übrig) путем пошел я теперь... (с. 5). Во-первых, самочувствие **путника**, который не уклонился, но пошел, нашел средство устранить все заблуждения — Jgungen, раздваи-

²⁷ Для облегчения восприятия, может быть, двумя разными шрифтами эти два отличных потока изобразить при когда-либо печатании, как это я в «60 днях мышлении» (в 1961 г.) уже раз сделал. Кстати, открытый там мною жанр явно продолжает работать и жить и здесь: двупластовость самого рассмотрения, лично-исповедальный пласт, комментарий их взаимной связи, перебрасывающий мосты, — все эти партии струнного квартета (пока) налицо: два голоса мышления и анализа — первая и вторая скрипки: голос сердца, жизни и Эроса — виолончель. Альт — связной, комментирующий, подпевающий.

вавшие до сих пор разум с самим собою, пункт (разногласия — как перекресток раздвоения дорог, где все путались), ключ (решения) и дал полное расчленение (вопросов). Кант здесь — вроде пилигрима средневековых аллегорий, странствующего в поисках Добродетели: проходит пункт Разногласия, ключ Решения... — или вроде странствующего подмастерья и школяра — столь типичный образ для германского быта и сказок: по пути сколько работ проделывает, упорядочивая космос! Мир = заросль: лес, горы, где надо твердые пути пролагать и здания фундаментальные строить. Труд изнутри самоуверенно во вне, природу преобразующий.

Может ли быть такое самочувствие и логика у островного народа — мореплывателя? Вот Кант решил, что ему остался единственный путь — методом исключения. Но для этого надо владеть целым и чтоб оно было расчленено разнообразно, так что можно твердые пути — части отбирать, обозревать и отбрасывать. И на земле где вон — перевал, а вон гора, вот долина, — легко найти выход методом исключения. Ну а когда кругом — безбрежный океан, который есть не целое и полнота системы, а засасывающая аморфность и неопределенность, когда никакой дифференциации путей и частей на воде нет, а все однородное крошечное марево, — возможно ли здесь действовать методом исключения? Это бы то же самое, что перебрать всю воду в океане, все капли, и найти единственную верную. Так что направление ума и усилий не изнутри во вне: чего по воде вилами писать, «твердые» пути-дороги пролагать? — а притягивание извне к себе: прислушиванье, улавливанье, ехрегёисе (ехрегё — «из погибели»).

А Канту такое самочувствие и в голову и под кожу не приходит: у него живо ощущение мира не как хляби, а как тверди: раз, два, три, ну — четыре: больше граней (стен) в доме мира нет, числа его ограничены. Недаром и о разуме так им сказано: «вопросы, раздваивавшие разум». Откуда эта уверенность в числе 2 частей разума? А потому что опять от целого исходит: «раздваивавшие разум с самим собой» — т.е. имеет в виду его самозамкнутость на себя. То же и путь избирает — «единственный оставшийся». Как «третий лишний» (после двух: догматизма иль скептицизма), и уверен, что дал полногу расчленения всех вопросов. Все это — от ощущения мира — как отграненного целого.

Во всяком случае, для национальных логик нашупан здесь, похоже, важный различитель. Английскому мировоззрению я, насколько образован, знаю, а про остальные предполагаю (а вернее переставить, ибо мое рассуждение, как и кантово, — априорно и трансцендентально, так что не из количества фактов опыта и обилия познаний и эрудиции мне исходить, а выводить надо отличия из прямого умозрения):

рассуждение методом исключения не должно быть присуще, ибо целое не дано. Если Кант опирает свой «единственный оставшийся» путь (т.е. часть) на твердо чувствуемое им целое — и это основной ход германской мысли и философии: оттого у всех (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель, Шопенгауэр, кроме Ницше, далее: Гуссерль, Ясперс, Хайдеггер) системы, целые единства, откуда дедуктивно выводятся части, члены сообщества идей, — то в английском философствовании из бытия ловится часть, факт, утверждается мною: своей любовью, привычкой (Юм), практикой и может гипотетически распространяться на возможное целое, однако при скромности (ибо это всего лишь ассоциация и аналогия) обобщений. Точнее: не на целое, а от факта-части — к следующему, соседнему факту-части мост перебрасывается, а о целом — не загадывается, ибо в мирочувствии оно — безбрежно и аморфно: нет идеи мира как целого, а идея мира как однонаправленной бесконечности — $> \infty$.

Оттого и в науке: англосакс Ньютон дает **принцип** всемирного тяготения: пропорционально массам и обратно пропорционально квадратам расстояний, а немец Йоганн Кеплер формулирует **три закона** и формулы самих этих расстояний, исходя из чувства мира как законченного целого и системы. Т.е. Ньютон изобретает компас для мореплавания, а Кеплер рисует карту — картину мира: он не мог успокоиться до тех пор, пока круг, взорванный наблюдениями вращения планет, не заменил на эллипс. Однако и то, и другое — какая-то определенность мира как целого. И числа: если вся германская мысль пестрит единствами, монизмами, дуализмами, антиномиями, диалектиками, противопоставлениями, раздвоениями единого, триадами, троицами, — то в английском мировоззрении есть **один** (единица — этот данный факт) и **много** (неопределенное множество). Числа же 2 и 3 — числа от Целого: 2 — его расщепление, 3 — его восстановление. В мире прагматической системы отсчета эти числа и логические понятия, от них происходящие, не имеют смысла.

Еще важное словечко здесь у Канта — «übrig» — «оставшийся», «лишний». Übrig от über — «над», сверх, поверх, над крышей, значит; во всяком случае, мы — в глубине, точка отсчета и центр тяжести — в глубине, а оставшийся — над поверхностью. Это выдает глубину, Tiefe, как более важный, интимный и домашний определитель германского космолога, нежели высота, Höhe (как на Руси важнее и глубины, и высоты — даль, страна, сторона, сторонка). И русское «оставшийся», «лишний» — то, что **сбоку**, кроме, полагается; так это чувство языка подсказывает, но ни в коем случае — не поверх.

В путь или в глубь?

Однако, тут же после образа философа-путника как положительного, таковым утверждается с места не сходящий. Представляя себе на лице читателя презрение и недовольство по поводу нескромности притязаний автора объяснить все в чистом разуме, Кант разъясняет, что на самом деле он гораздо скромнее какого-нибудь популярного рассуждателя, берущегося доказать простую природу души иль необходимость начала мира. «Такой автор **берется расширить** человеческое знание **за границы** всякого возможного опыта, тогда как я смиренно сознаюсь, что это совершенно превосходит мои силы; вместо этого я имею дело исключительно с самим разумом и его чистым мышлением, а за обстоятельным знанием о нем **незачем ходить далеко**, потому что это мышление я нахожу в самом себе» (с. 5). Значит, это плохой философ уходит вширь: «ума искать и ездить так далеко» — новые земли и острова, например, открывать, а истинный находит целое здесь.

И вот типичное сальто германского мировоззрения: определенное целое мира, которое только что — в образе путника — виделось как мир, в котором я нахожусь, теперь словно свертывается в точку и вворачивается во внутрь мою, в *Innere*: оказывается, там гнездится — в «я». Потому в германских философских системах декартово аксиоматическое «я мыслю» разрастается в «Я» — как *Selbst*, самость, субъект, и целое мира мыслится изнутри положительным: это «Я» («Я» и «Не-я» Фихте), *Jch*, *Jchheit*, Самость, Субстанция-Субъект Гегеля. Итак, вот с чем надо твердо в германстве свыкнуться: что истинно целое — это *Innere*: не окольность окрест нас (то — инобытие, *Raum*, пассивное пространство), но что-то изнутри действующее, которое можно представить как «Я», как ключ-источник, как душу, как *Haus* — дом, как время — *Zeit* и т.д.; но все это какие-то знаки и образы этого *Innere* для относительно удобного нам представления.

Так что Кант, собираясь определить границы разума, совсем не намеревается путешествовать, чтоб найти берег суши-разума и океана-опыта и обрисовать контуры, но, оставаясь в доме своем, погружается во внутрь себя, как горняк в шахту, чтоб разработать и исчерпать все наличные там жилы и пласты. На корабле по бытию плывя, углубляться в себя недалеко и неглубоко: трюм да днище, ну а там — шпангоуты и (что — продольное?). Так что «я» здесь таким и осознается: малым, эмпирическим, не с большой буквы, корабликом в бытии; *Innere* тут — не бездонно. Другое дело материковый *Bauer*, который, как растение, — в глубь, в землю (*Bauer* = крестьянин, земледелец), и вверх, в небо (*Bauer* = зданий-мирозданий строитель). Такое

«я» — «ich», действительно, зерно, способное к прорастанию в мировое древо — «Ich»: пределы-то извне не заказаны, а лишь изнутри — из способности.

Потому, затеяв определять границы разума, Кант занялся определением не того, докуда он дотягивается по краям его орбиты, а из центра: скрупулезно вглядываясь в «механизмы» самой способности, как часовщик: трансцендентальные (в коробочке) колесики разбирая — там понятия, категории, идеи. И весь пафос Канта: как прожить и промыслить, не завися ни от кого и ни от чего: от женщины, семьи, мира, опыта, самодостаточно, — а все извлечь из себя: полное самообслуживание. Таков он и в философии, и в своем жизнепроеждении и быту.

Его дело было в германстве — свиться, умалиться, зерно-пружину установить и укрепить. Распряжением ее, выбросами и глобальным вращением механизма во вне — займутся уже последующие философы. Он же — архимедова точка опоры, исходный пункт: Кант — грунт, фундамент. Кант — это самопознанием занятое рефлектирующее зерно: когда оно не растет еще (и он — девственник, без семьи, без осеменения²⁸), а лишь в себе набухает. Так и он: жил один, а все видел и в себя на натяг втягивал, создавая из себя тяжелейший и напичканнейший зарядами всебытия атом-ядро. Его предмет — ген чистого разума, и по нему он хочет прочесть, как астролог предсказать, — возможную судьбу своего рода. Ну да: чистый разум — как ген, ибо и ген — не ген, не действителен, если он не будет род производить; и чистый разум не действителен, если он в себе замкнут, а не нацелен предназначением на возможный опыт; так что лишь в отношении к нему существование и действительность набирает.

Англичанин и немец. «Есть» и «должно быть»

12.IX.68. Различие английского и немецкого мышления четко проступает в различии между Юмом и Кантом. Юм наткнулся в опыте на проблему **причинности** и, исследуя ее, показал, что связь последующего явления с предыдущим не есть необходимость, а привычка нашего усмотрения. Тем он разбил в этой точке вдребезги оба уровня: и опыт, поскольку он, оказывается, не сам по себе действителен, а трак-

²⁸ А чего ему о продолжении рода думать — ему, тринадцатому ребенку в семье, где дети рожались, как поросята? В тот век деторождение (как и Природа) не были проблемой, как ныне, в конце XX в. Так что Кант еще — в «Чацком» веровании: «А чтоб иметь детей, кому ума не доставало?» — 10.6.96.

товка вещей и их связей зависит от нашей склонности именно так, а не иначе мыслить; но и уровень рассудка тоже подточил, ибо категория причины — принцип не истины, а привычки. Точнее, он не различал четко этих двух уровней — это уж последующее дело — германца Канта, а уловил, зафиксировал и забил тревогу и беспокойство в сфере познания, там, где ему стало неуютно и неловко практиковать жизнь, опыт и мысль. Свежий он человек, не забитый предрассудками, промытый ветрами и морем ум — хороший приемник и мембрана-улавливатель того, что **есть**, смеющийся отбросить мнения насчет того, что **должно бы быть**.

Немец, насчет того, что есть, меньше печется. У Канта в «Критике» это очень видно, особенно, когда он иронизирует и низвергает: онтологическое, космологическое и физикотелеологическое доказательство **бытия** Божия отвергаются именно потому, что главная забота людей здесь доказать, что **Бог существует**, привести к осмысленному существованию. У Канта в отношении Бога и души задача — понять: зачем нужны эти идеи, откуда они появились, состав этих понятий — т.е. их необходимость; и оттуда уже, т.е. из должествования, он заключает к их возможному существованию: они **должны**, Бог и душа, **быть** для нас, как принципы, ибо мы нуждаемся в абсолютно необходимом существе: 1) для нравственного поведения, в сфере практического разума; 2) для понимания природы, опыта, так как там нужно опереть ряд причинности на нечто безусловно необходимое и иметь в виду целое бытия. Но отсюда он не может заключить, что они, Бог и душа, существуют сами по себе. Потому он потешается над Декартом, который из эмпирического самочувствия себя мыслящим заключил о необходимости своего и мира бытия: «я мыслю — следовательно, существую».

В отношении бытия германский философ довольствуется простым «есть». И Кант говорит это «есть» про мир сам по себе, состоящий из вещей в себе, вне моего сознания. В «Пролегоменах» в опровержение обвинений его в идеализме, он так это поясняет: «Итак, я оставляю вещам, которые мы представляем себе посредством чувств, их действительность и только ограничиваю наше чувственное созерцание этих вещей в том смысле, что оно во всех своих частях, даже в чистых созерцаниях пространства и времени, представляет только явления вещей, но отнюдь не свойства их самих по себе... Действительно, мой так называемый идеализм касался не существования вещей — сомневаться в этом мне и в голову не приходило (а ведь именно такое сомнение и составляет суть идеализма в общепринятом значении слова), — а только чувственного представления о вещах... Слово

же *трансцендентальный*, которым я обозначаю отношение нашего познания не к вещам, а только к *познавательной способности*, должно было бы предохранить от этого ложного истолкования»²⁹

Есть — и баста. Это «есть» — основа всего. Но для немца это — универсальное «ЕСТЬ» вообще, делающее действительным целое бытия. Для англичанина это — малое «есть», конкретное «есть» данного факта: «вот это есть» — они не расчленимы на «есть» и «это» (что), сами по себе универсальные, что выделяет германский ум. Весь Кант — в сфере определения «что» и «это», относительно неопределенного марева «есть»; Гегель в «Феноменологии духа», как бы иронизируя над склонностью англичан утверждать лишь частное, конкретно-единичное: «это есть», показывает, что, стремясь высказать нечто предельно единичное, мы, благодаря божественно-обобщающей природе языка, высказываем лишь самое всеобщее, ибо все есть «это», обо всем можно сказать: «это есть».

У англичанина они держатся сцепленно: «это есть» и так образуют относительно устойчивую точку отсчета в бытии для временного, локального, прагматического действия; сыграв эту роль свою, могут далее убираться ко всем чертям во всем составе своего единства. Но все равно важно это суждение: «что есть» при том, что и «что» малое, и «есть» малое. И Бэкон, и Локк, и Юм, и Беркли, и Рассел вот это определить стремятся: чем и к чему держится малое, воспринимаемая вещь и малая истина о ней, каков ее состав.

Германскому уму не хватает в таком «есть» необходимости, а в таком «что» — всеобщности, и в ту сторону он устремляется от «есть» и «что». В итоге появляется сначала Кант, который, оставив в стороне смутным маревом всю зону «есть», разработал это универсальное «что», с каким мы можем подходить ко всему «что есть», т.е. что мы мыслим — не эмпирически, как факт (что зафиксировал Юм: причинность = привычка мыслить), т.е. не в том плане, какая мысль в нас **фактически есть**, а в том, какое мышление в нас **необходимо есть** (т.е. принудительно, насильственно — вечный оттенок германского космолога, откуда там проблема: свобода — и необходимость, мир как воля — и как представление), что мы мыслим о предмете необходимо, а значит, что мы **должны** мыслить.

А далее явится Гегель со своим «все действительное разумно (т.е. то, что есть, не просто есть, а потому что оно должно быть) все разумное (т.е. то, что обладает истиной и необходимостью) действительно» (есть не как факт, а как закон). И Энгельс хорошо показал, что у Геге-

²⁹ Кант. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 110–111.

ля не все существующее действительно: существует всякое (и эмпирическое), а действительность состоит из необходимо существующего (т.е. по Канту, исходя из априорных форм: идеи, понятия), так что тезис этот превращается в следующий: «достойно гибели все то, что существует».

Во всяком случае «существует» не есть для немцев столь неприкосновенное, и они позволяют себе крошить существующее, то, что обладает бытием, во имя должного по их понятиям существовать, и вместо произвольного бытия стремятся установить волевую разумную действительность, «новый порядок».

Для англичан же то, что уже обладает бытием, существует, священо, неприкасаемо, с ним надо сосуществовать, к нему прилаживаться, а не менять. Оттого **английский парк**, в отличие от французского — искусственно симметричного, приравнивается к естественному, вольному беспорядку природы, оставляет деревья, линии, как они есть, лишь слегка их ретушируя уходом. И в строе своем — **консерватизм** как раз означает это доверие и уважение к бытию больше, чем к своему разуму, предписываемому бытию, каким оно должно быть по моим сегодняшним — переменчивым, как волны, понятиям, которые потому и не могут стать устойчивой точкой опоры бытия. Оттого в Англии действуют до сих пор: Великая хартия вольностей XIII в., законы, уставы, одежды, ритуалы архаические, допотопные, что вызывает ухмылку у скоропалительных, быстротечных, которые добродетелью считают все разрушить, а потом построить — опираясь на что? А на наши понятия — нас, смертных без году неделя, о том, что хорошо и что плохо.

Но в этой эклектике и быта, и мышления англичан, над которой достаточно посмеялись немцы («нищенская эклектическая похлебка!»), каждый раз стремящиеся привести обязательно все бытие, глобально, тотально, к единому общему знаменателю и из единого принципа вывести, а части в угоду этому целому переставить, — на нас, особенно в мельтешашем переменами и модами XX веке, излучается святость и вескость просто бытия, которое, раз оно есть, значит, для чего-то нужно, быть может, нам, людишкам-сосункам, и непонятного, ибо не по узкой мерке наших временных представлений. Так что чти, не меняя существующее, а себя перемени, и примени, и умей сосуществовать со всем наличным; в этом добродетель, гений и гибкость, и разум Homo sapiens, а не в том, чтоб сегодня бодро и единодушно разрушать, а завтра восстанавливать, ибо ошибкой единодушно признали вчерашнее разрушение и постановили посмертно реабилитировать — Старый Арбат, например.

Эта вескость и святость реального существования, что в пестром сосуществовании разного, разнотипного, разновременного и различного сказывается, которые терпимо и улыбочиво, по-джентельменски относятся друг к другу, априорно уважая в другом ценность (раз существует — значит, надо), хотя и для самоосвобождения и самоутверждения безвредно иронизируя над этим (английский юмор), благодаря чему другое теснится — хотя бы в моем сознании, и я вольно самоутверждаюсь, — все это объясняет, почему в Англии не распространен экзистенциализм, столь эпидемически охвативший Францию и Германию. Экзистенциализм — оттого, что **существование** стало проблемой, его надо доказать себе: из принципов, нравственных максим... Это — гордыней, вызовом и «револютом»-бунтом исполненное мировоззрение. И это — от пертурбаций и смятий, не оставляющих камня на камне. В Англии ж камень с камнем по-джентельменски со-стоят в общем клубе страны и излучают на любое поколение идею «Esse!» как торжественную и неприкасаемую. Бытие просто — есть, и не нуждается в обосновании. Напротив: все остальное уж — ты, я, дом новый, теория — в этом нуждаются, однако так, чтоб не на место другого (которое уже существует, и тем свято, ибо причастно бытию) вставать, — но рядом с ним, как угодно приноровившись и изворотясь (самозащитные для вещи существующих — приличия, ханжество и лицемерие английские).

Английский и немецкий Логос. Юм и Кант

Однако, отдавшись мысли цеплять одно за другое, стремясь уловить ее полет, я не привел той цитаты, которая со вчера уже у меня в уме и работает — и ко всему этому дальнейшему хождению мысли привела; но читателю-то она не явлена и мной еще не переписана и не обсосана, так чтоб из нее свой сок вытянуть на дальнейшее. Итак — вот она³⁰ ввожу без предварительных комментариев, так как опасуюсь: начну предпосылать, а в ходе этого уяснения что-то меня зацепит — и опять отлечу.

«Я охотно признаюсь: указание Давида Юма было именно тем, что впервые — много лет тому назад — прервало мою догматическую дремоту и дало моим изысканиям в области спекулятивной философии совершенно иное направление (вот: «направление» — то, что есть жанр вклада англичан в мировую мысль: указание пути, компас, а для

³⁰ Кант. Соч.: В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 74 и сл.

этого достаточно не целого бытия, а двух или нескольких фактов — ориентиров, и по их сцеплению — маршрут. Бэкон дает направление на опыт, Локк — на восприятие чувств, Юм — на обработку чувств рассудком, Дарвин — на естественный отбор в природе. Но всякие «-измы» и «-анства», т.е. уже целостные системы из этого, творят другие народы, подхватывая и развивая принцип и метод в законченное целое, и прежде всего — германцы и французы. — Г.Г.). Но я отнюдь **не последовал** за ним в его выводах, появившихся только оттого, что он не представлял себе всей своей **задачи в целом**, а **наткнулся** (какое точное слово для способа англо-саксонского открытия идей и вещей — экспериментом, методом проб и ошибок!). Но зато мембрана много чище, чем у немцев, у которых замусорена всякого рода априорными «врожденными идеями» и пред-рассудками. Кстати, именно это выдвигает вообще германский ум: еще Лейбниц против Локка, который вслед за Аристотелем утверждал, что человек — *tabula rasa*, чистая доска, и лишь опыт на ней письма наносит. — выдвинул теорию монад и врожденных идей. — Г.Г.) лишь на одну ее часть, которая, если не принимать в соображение целое, не может доставить никаких данных для решения (вот ведь как резко! Англичанин судит осторожнее: и по части делать честь по чести умозаключения допускает, однако не тотальные, а прагматические — достаточные для определения в этой данной точке нужного и естественного направления. — Г.Г.). Когда начинаешь с обоснованной, хотя и незаконченной, мысли, доставшейся нам от другого, то при дальнейшем размышлении можно надеяться пойти дальше того пронизательного мужа, которому мы обязаны первой искрой этого света».

Кант не совсем точен: подхватив направление, он пошел не вслед за ним вперед, дальше в выводах, но направил взор вспять: «но я отнюдь не последовал за ним в его выводах», — говорит раньше. То есть, одержимый априорной для германца идеей целого, искать он его пошел не вперед вслед и дальше, а вспять, назад от факта и идеи (сомнения в причинности), установленных Юмом. Вперед идти — это только к практическому употреблению: плыть по найденному курсу. Вспять же идти — это углубиться в выяснение: а как и на основании чего вычислялся сам курс? И немцу, который на материке, — больше возможности углубиться в первопричину, смотреть в корень, нежели англичанину, который на острове-корабле с днищем и для которого бесконечный простор лежит не в «я» — его глубине возможного прорастания, а вокруг: океан, небо, опыт. Т.е., если англичанин берет два факта, строит из них связь и по ним проводит линию наперед, то

немец движется вспять: от курса — к фактам, из которых он; в фактах: от второго — к первому; а когда первый повисает в воздухе или на воде, и это привыкшего к относительности англичанина не пугает, — для германца это невозможный страх и ужас — бездна; и ему обязательно требуется этот исходный факт заземлить, укоренить, найти его основания, подвести под него, — и тогда лишь успокоится; и теперь уж позволит себе назад вперед идти и систему выстраивать, целое здание там, где чуткий и подвижный англичанин нащупал и наметил лишь верное направление, ориентиры и курс.

«Итак, сначала я попробовал, нельзя ли представить возражение Юма в общем виде, и скоро нашел, что понятие связи причины и действия далеко не единственное, посредством которого рассудок мыслит себе а priori связи между вещами, и что, собственно говоря, **вся** (сразу послушно идея целого явилась. — Г.Г.) метафизика состоит из таких понятий. Я постарался удостовериться в их **числе** (для немца числа предполагаются ограниченными, ибо внутри замкнутого целого. — Г.Г.), и, когда, это мне удалось, и притом так, как я хотел, а именно **исходя из одного принципа** (вот семя, зерно и корень — к нему привел, и, всадив, начал теперь подниматься. — Г.Г.), я приступил к дедукции (разветвление ствола. — Г.Г.) этих понятий, относительно которых я теперь убедился, что они не выведены из опыта, как этого опасался Юм, а возникли из чистого рассудка».

То есть, не искра они и вспышка, как огонь и свет, добытый Юмом в ночи в океане, но ровный земляной огонь. Недаром и сам Кант себя представляет эдаким трутом, к этой искре приставленным, а **трут** — от древа и из стихии растения: «Он не пролил света на этот вид знания, но выбил искру, от которой можно бы было зажечь огонь, если бы нашелся подходящий трут, тление которого старательно поддерживалось бы (как здоровье хлипкого тела Канта им самим регулировалось. — Г.Г.) и усиливалось».

«Эта дедукция (вырастание ветвящегося древа. — Г.Г.), которая моему проницательному предшественнику казалась невозможной (ну да: он же на палубе до днища лишь путь и обоснование иметь мог; однако ж в тригонометрии, нужной мореходу, и этого отрезка до угла бывает достаточно для самоопределения. — Г.Г.) и которая, кроме него, никому даже в голову не могла придти, хотя всякий смело пользовался этими понятиями, не спрашивая, на чем обосновывается их объективная значимость, — эта дедукция, говорю я, была самым трудным из всего, что когда-либо могло быть предпринято для метафизики (еще бы! Это ж воздвигание как прорастание — в духе земледельчес-

ки-строительного единства германского бытия, что в корне «Ваи» уже нами отмечалось³¹ — Г. Г.), и, что хуже всего, сама метафизика, как бы многообразна она ни была, не могла мне при этом оказать ни малейшей помощи, потому что только дедукция и должна была решить вопрос о возможности метафизики».

То есть, это — рытье во тьме, в глубине, до выхода на поверхность; зона Канта — в глубинах, где корни и фундамент, так что не мог он пользоваться дневным, открытым, солнечным светом и опытом и тенью, шелестом — подсказом листвы самого наличного выросшего дерева метафизики как готового. Нет, он должен был принципиально отказать от этих наводящих подсказок — и, веря лишь верным инструментам, направлению и магнитному склонению, и исходя лишь от предпосылки, что он меж земным центром, тяготением, откуда все, и светом опыта, — ствол во тьме на корнях наращивать и фундамент здания закладывать.

«Так как мне удалось разрешить юмовскую проблему не только в одном частном случае, но и относительно всей способности чистого разума (а «чистый разум», оказывается, — не порхающий наверху бесплотный чистюлька, а свая в кромешной тьме, работяга, камень краеугольный, на котором здание метафизики далее спокойно может воздвигаться. — Г. Г.), то я и мог теперь идти твердыми, хотя все еще медленными шагами (уже вылез на поверхность из шахты, на свет божий. — Г. Г.), дабы наконец **полностью** и исходя из общих принципов определить **всю сферу** чистого разума в его границах, а также в его содержании (вот ведь — опять лишь о целом дума: находясь в глубине бытия, в Иннеге, амбиция немца — из одного принципа исходить = из единого зерна прорасти; выйдя наружу, из Haus'a в Raum, — исходить из общих принципов и полностью целое представить, очертить. — Г. Г.); а это именно то, в чем нуждалась метафизика для возведения своей системы по верному плану»³²

³¹ Кстати, в «Народной книге о докторе Фаусте», которую я вчера читал, о происхождении Фауста дано жено так: «Доктор Фауст был сыном **крестьянина**, родился в Роде, близ Веймара. В Виттенберге имел он немалую родню, и родители его также были добрые христиане и богобоязненные люди. А для его, что находился в Виттенберге, был **г рож ни** и с достатком. Он воспитал Фауста и обходился с ним как с собственным сыном, потому что не имел наследников, и принял к себе этого Фауста как свое дитя и наследника и послал его в университет изучать богословие» (Легенда о докторе Фаусте. М.—Л. 1958. С. 50). То есть, Фауст, основной образ германства, — и крестьянин, и горожанин выходит; словом, — Bauer («крестьянин», «строитель»). *Кант. Соч.* В 6 т. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 74–75.

А вот сам Юм (а не мое предположение о ходе его мысли) дает указания насчет мышления: «Таковы, следовательно, принципы соединения и сцепления наших простых идей (сходство, смежность, причинность. — Г.Г.), принципы, заменяющие в воображении ту неразсторжимую связь, которая соединяет эти идеи в памяти. Мы имеем здесь дело с родом притяжения, действия которого окажутся в умственном мире столь же необычными, как в мире природы, и проявятся в первом в столь же многочисленных и разнообразных формах, как и во втором. Действия этого притяжения всегда явны (т.е. то, что вслед за принципом. — Г.Г.), что же касается его причин (т.е. того, что до, предшествует принципу, откуда он, — то, куда вперен взгляд Канта. — Г.Г.), то они по большей части неизвестны и должны быть сведены к первоначальным качествам человеческой природы, на объяснение которых я не претендую (такой же ход и у Ньютона: установил как факт принцип всемирного тяготения и измерил его действия — для практического руководства. Почему же он? — это отнес, не мудрствуя, на счет первотолчка от Бога, как у Аристотеля — Перводвигатель. И Юм тоже — исследует, **как** действует причинная связь, а не **почему** она такова. — Г.Г.). Ничто так не требуется от истинного философа, как воздержание от чрезмерного стремления к исследованию причин; установив ту или иную доктрину с помощью достаточного количества опытов, он должен удовлетворяться этим, если видит, что дальнейшее исследование повело бы его к темным и неопределенным умозрениям (конечно, если под причиной темные пучины океана залегают: тут не обопрешь. Если ж — глубина земли, то туда стоит копать. — Г.Г.). В таком случае ему лучше бы сделать целью своего исследования рассмотрение действий своего принципа, а не причин его»³³

То есть вперед, а не назад, к происхождению, взгляд вперен. И, кстати, Дарвин, у которого вот, казалось бы, вся цель: от происхождения к настоящему, — устремлен к тому, чтоб действием принципа естественного отбора объяснить настоящее разнообразие видов в природе, а не **из чего** он проистек: принцип естественного отбора им просто констатируется «с помощью достаточного количества опытов», как требует того Юм.

Рубашка — как монада, модель мира

13.IX.68. Вчера пук недовольств. Извлечем из них нечто для мысли — обратим во благо.

³³ Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1965. С. 101.

Решил, по ходу Канта, пробежаться по Юму — и не вышло: завяз, мало понимаю, чувствую, что надо перед тем Локка и Беркли знать, контекст задач, и всю свою поверхностность колюче ощущаю. К тому же — разговор с женщиной-философом о том, как ныне работают: не дают себе труда прочесть, изучить, мысль понять того же Канта, самим думать об истине, а выискивают: а зачем ему это было нужно и почему он так написал — какой сексуальный бзик и психологический комплекс под этим лежит? Вот и бродят вокруг мысли, а не своей мыслью истину постигают, как сами Платон, Кант. Я слушаю и удручаюсь: я ведь тоже подобно — не мысль саму и истину, а **почему** она такая и **как** — из национального космоса вывожу. Утешаю себя, что у меня не узко психологический, а онтологический, бытийственный подход. Но ведь все равно не на саму истину взор направлен впрямую, а вбок, виляю, не вынося прямого луча солнца, а лишь косой, иль сам кособоча и по периферии движась.

Полагаю, правда, что я тем ипостаси истины постигаю: российскую ипостась, германскую, индийскую, английскую...

Но ведь все ж не Бога самого, а по мерке нашей малой, в приближении к нам — Сына Божьего, богочеловека.

Хотя не то ли и сам Кант объявил: что не бытие само по себе, не Бог и не истина, — а как они нам по нашей мерке и масштабам являются, нам доступно?

Но ведь он отобрал эту истину у бытия, в него окунувшись и плавая.

И потом это «я» поганое эмпирическое мое, что все в ногах мысли путается, к себе ее оттягивает, как вот сейчас, и воспарить в умозрение не дает. Недаром такой жесткой, аскетической самодисциплине подвергали себя философы, тот же Кант, чтобы отрешиться от «я» и его уровня мысли; начисто запрещали его потоку вверх вздыматься. Конечно, тогда он — очищенный сосуд, и истина неземного, божественного уровня могла в него, как в дом свой, спускаться и отдыхать, а он благоговейно созерцать. А я, непрерывно сор свой и мусор выгребаящий, так что распрямиться некогда и луч света хоть на секунду улучшить, — конечно, в меня она, истина, брезгает войти.

Вот они, б..., — уловители, капканы, висят перед носом: жена на балконе стиранные вещи сушить повесила; белая рубашка вон на ветру надменно распаивается — сразу полтела моего верхнего от бытия охватывает и в общественный хомут и в эгоистическую закупоренность, в самую и в «я» меня определяет и засупонивает. А красива, синевата полощется: белизна ведь, божий цвет, убранность моего краснокожего черно-волосато-земного тела, — его по цвету подъятие и причастие; это мне подсказ на вознесение, на чистку души — чтоб и нутро таким белым, прекрасным стало. Это мне навешивается один магнитный полюс святости, аукается, чтоб другой изнутри откликнулся — как при рентгенснимке: с одной стороны пластину держишь, поджимаешь к телу, а с другой — облучают. Так и белая рубашка — это тебе **воззвание к святости**. А потом — какое в ней братство со всеми людьми и всечеловеч-

ность! Сама форма – не мной изобретена, в ней – плеча всех человек: отлита, мундир Homo sapiens. Ну и тканя и сделана всем миром. И когда надеваешь, что чувствуешь?..

Ого! Вот и Юм сказывается: значит, недаром читал, что-то вошло. Ведь он вдумывается в то, что мы себе конкретно представляем под каждым словом, отвлеченной идеей – какого состава **впечатление** под ними.

Вот рубашка – автоматически, бездумно, безотчетно тысячи раз надеваемая, операция вроде механическая и дух не производящая. Ан нет – вчувствуйся и вдумайся. Во-первых, это обрезанные пол-тела твои, образ и идея верхней половины корпуса, как самостоятельного раздела господнего произведения тебя. В этом смысле индийское сари – не членит тело: единым куском ткани обматывает, как и эскимосские шитые шкуры – мешки, комбинезоны, в которые влезаешь как в нерасчлененное целое мира. Рубашка – это уже **анализ** существа и понятия «человек»: покрытие его, по Аристотелю, средней, чувствующей души со столицей в груди и сердце. Она – особь статья.

И это, может быть, последний акт телесной рефлексии человека. Первый был – набедренная повязка, укрытие Эроса, пола, животной души: стыд иль предохранение от ревности бытия к полу, отчего оно жжет иль морозит органы наши, пылью, грязью брызжет. Вторым актом телесного самоанализа явилась **крыша-шапка** над головой: от тоже ревности бытия к человеческому обособлению. И это тоже акт во Эросе: ведь стоим мы, как фалл, в бытии торчим, и оно в соитии с нами – женщина вселенная. Укрытие головы фалла нашего корпуса – вычленило разумный Эрос, душу мыслящую, где ум и глаза и умозрение вонзается в бытие. И верно, что ум пробудился раньше сердца и чувства, любви и сострадания; для практики, чтоб выжить, нужен он: изобрести то или иное – дом, крышу, топор, повязку срам прикрыть. Ну да, это и по Адаму и Еве видно: возжглось в них сперва любопытство ума на древо познания добра и зла – духовная гордыня, Эрос ума восстал; потом вождение воздвиглось – душа животная пробудилась; точнее, Змий ими совокупился: из бытия в них яблочком – сперматозоидом оплодотворяющим вошел и ответную снизу похоть в них индуцировал.

И тогда лишь возник стыд – первое чувство, стеснение в груди: что мы наделали! Ум изобретает укрытие полу, хитрость первая. Но душу сердечную раскаянья не прикроешь ничем.

И пока человек в раю, при Боге – на духу, видим, прозрачен, – ни к чему рубашка. Это лишь изгнанные в открытое бытие – закрываются домом и одеждой. Недаром однокоренны: **рубашка (рубище)** и **сруб**. Рубашка – палатка (пальто!) – дом на мне, небосвода полушарие.

И недаром здесь средоточие души человеческой: где грудь, сердце, под рубашкой, – туда показывают, когда хотят отметить любовь или боль, или доброту и широту души – нараспашку, как рубашка. Рубашка – чисто внутри-человеческое дело

и дом только человеческих отношений человека к человеку, срединного мира (не небо и не ад, а земля), тогда как для Бога есть ум, глаз и мысль; для рода, Эроса, Аида, смерти-рождения – фалл и логово влагалища. Так что это низовая, животная душа нас – на уровне смерти, рождения; и потому ее – страх, оставь его там. Но нет: пол просто живет, голодает, хочет, сыт. А чувствует за него сердце, душа срединная. То же и ум – умозрит бездушно, мыслит. Когда ж сердце подключается – тогда духовный Эрос, искра его сквозь все существо, и ты в вольтовой дуге и на радуге ореола, пресуществления – вознесен и спасен: вся плоть твоя и существо другие – эфирные.

Так что рубашка – душа *par excellence*. И недаром, по Христу, чтоб любовь ближнему явить: «отдай последнюю рубашку» – сказано. А эгоизм, напротив, формулируется так: «своя рубашка ближе к телу»: рубашка ориентирована на низовой уровень – тела; но и там, и сям с помощью рубашки акция души определяется.

Форма ее к низу аморфна, расхристана, распоясана, что значит: к зоне Эроса ближе, горячей, а там – безвидное (безыдейное), бесформенное, безликое, безличное, неиндивидуальное бурление бытия, Хаос. Рубашка же – первый Космос, строй, миропорядок, мироздание (сруб). Вздыхают стены спины, боков борта и груди передник – как трудом, прямыми линиями и квадратами воспроизведенный небосвод природы – криволинейный, сферический.

Далее – балки и перекрытия плеч, крыша, а в ней – выход в небо: вырез ворота, для дымохода трубы и тяги в открытое бытие отверстие. Воротник=ворота в небо и говорит, что не весь человек душой и умом своим – в доме (под срубом рубашки), в рассудке трудовом, но присуще ему откровение, тяга в бытие, где ветер Святого духа: дух его трубой дыхания заглатывать, а свет – глазами.

Голова высовывается из рубашки – и как труба над домом, и как перископ над поверхностью воды: в ней слух, зрение, вкус, обоняние, осязание, тоже (языком), речь – агрегат ощущений, но уже не эмоций душевных, а теоретических, познавательных, к мысли причтенных. Главное: благодаря голове осуществляется в нас выход в иное измерение бытия, в иную стихию, как если бы жили в воде (как в «Федоне» Платона: в поселениях на дне существа небом мнят толщу океана); благодаря голове мы уже живем в воздухе и на свету, выпрыгиваем в иные стихии и миры.

Ну да: ногами мы – до пола = в **земле** колосс наш; от пола до плеч = в **воде** (там воды: кровь, лимфа, желчь, моча, семя – разные океаны и реки: и Ахерон, и Стикс, и Флегетон). А уж головой выходим в свет и воздух: ухо – слух, звук, воздушные волны; ноздри, рот с поддонным сосудом, подпольем **легких** в воде, как у рыбы плавательный пузырь – представитель воздуха-духа в иной стихии, то враждебной (когда душу заливают, нахлынут затопляют страсти: вожделение, гнев, боль, сострадание), то дружественной, когда «легко на сердце от песни веселой...».

Огонь же в нас — сквозен, как и присуще языку пламени снизу вверх вздыматься; и если внизу, где душа животная, он красно раскален, распален (как черный каменный уголь — твердь «черного солнца» в нас таким цветом горит), то затем взвивается выше — легчает и цвет светлеет: оранжевый цвет сердца. Да, сердце..

...Рубашка упала — ветром свалило. Поднял, подсохла уж; думал отнести в другую комнату, но спохватился: она уже у меня висит перед глазами, как модель, натура, натурщица перед художником, а я ее срисовываю, по линиям ее думаю, мысль движется ее колеями, подсказками ее форм и очертаний. Так что вновь повесил здесь.

...Итак, сердце — вторая ступень огня в нас: каков он, проходя через влагу, жидкость, воду. Если снизу дым, чад, смрад — от сгорания земли в ходе ее приобщения кверху и единству мира через всепроницающий и всеединящий огонь, то от сердца — пары чувств клубятся в груди вихрями (как в среднем, пятом круге Ада, где Паоло и Франческа, — зона любви). В сердце же пульсация огня — такт: **время** зародилось, Хронос, как пульс Космоса в его необратимости (низ, земля — в безвременье еще пребывают, без различения бытия и небытия). Здесь же родились «да» — «нет» с посредником (3 такта сердца), и далее от них прочищается, абстрагируется число 2 — «да-нет» вдоха-выдоха (внизу — аморфная множественность, бесконечность, чисел нет.)

И наконец все это через единое чистилище шеи доходит к целому, единому, образ чего — сферос головы. И здесь уже число — 1. И язык пламени здесь прочищается, синее, желтеет, белеет, превращается в воздух (дрожь его над огнем) и в свет — и лучом глаз выходит из нас: их теплом, лучистостью, ясностью, светоиспусканием.

Этот как раз для огня, насквозь нас проникающего и соединяющего, труба — отверстие воротника, для тяги предназначено. И когда мы надеваем рубаху и голову в эту дыру просовываем, мы, по чувству, ныряем: недаром и жест такой, когда в рубашку руки и голову просовываем, — как взмах рук, зажмурив глаза (ибо временно свет под рубашкой застится); а ты вышиб дно и вышел вон — в иную стихию, в иную жизнь. Так что, надевая рубашку, в самой этой операции, всем телом и существом познаем многоуровневость, многоплановость бытия: что в нем мир этот и тот, здесь (под рубашкой) и там — за воротами ворота; что есть мир иной, где бессмертие души...

И эту истину бытия — истину постигаем, минуя отвлеченную мысль, а всем корпусом, существом. На да: так и пристало **истину**, то есть, то, что **есть**, существует, постигать — не рассудком и мнением, но существом: оно здесь орган гносеологический, и, через него идя, познание адекватно, тогда как недаром через мысль и умозаключение принципиально нельзя вывести, доказать существование, — что Кант прекрасно обнаружил: суждение по бытию, о бытии — дело существа, и не подсудно рассудку, не в компетенции мысли.

Так что и Кант не совсем прав, выводив мир иной и бессмертие души – из потребностей нравственности (нужда в Совершенном Благе) и познания (нужда в абсолютно безусловной причине всего), т.е. из потребностей души эмоциональной и души разумной; нет, именно все существо в целом, включая тело и низ, изыскивает мира как целого и смеет, пристало ему о нем судить. Да, все существо, а не частичка – разум, или искорка – любовь.

Вот ведь как: рубашку – как лейбницеву монаду прочел: что она – особый узел всех смыслов бытия и всё его, и всю истину самостоятельно в себе содержит; только не ленись вдумываться – и узнаешь. Рубашка – подсказ от бытия, предмет, сам сочащийся смыслами, которые током на мой восприимчив и истекают в Эросе благодати, благословения меня и откровения... Не без этого, конечно: недаром рассудочная мысль, безэросная, на этот порог натывается, как безэросный Кант – на трансцензус между мыслью и предметом. Раз Эроса нету, раз фалл не встает, штука не вскочит – искра не проскочит, истина – женщина не дастся.

Однако, не все я еще в рубашке дочитал. Отверстие в иной мир и иную стихию, поскольку оно важнейшее место в космосе рубашки, – не просто так дается, а есть полюс красоты, где она стекается; и тут делается излишество: воротник = ворота, и он украшается, как дверь и наличники – резьбой, узором, вышивкой солнечно-лучевого происхождения: ибо и ворот – круг, и голова сквозь него – шар. Поднятый воротник – недаром знак скрытности (как запертые ворота, задвинутые ставни) и изобличает подлого человека: шпион, предатель –

«Стоит буржуй на перекрестке

И в воротник упрятал нос».

(Блок. «Двенадцать»)

Есть что скрывать от божьего мира, от глаз людей.

И **рукава** неспроста. Недаром смертникам надевают мешок иль балахон без рукавов: у них нет уже зацепления с жизнью. Руки – зацепки за жизнь, превосхождение нашего корпуса, его формы и границ: могу, их раскинув, растопырив, вытянув, подняв, круги описывая, – дальше распространиться, чем собственно мною занимаемое место в пространстве. Благодаря рукам сфера моего влияния на бытие не совпадает с объемом, которое занимает мое туловище, т.е. мне дается кредит от бытия, доверие, и я захватываю больше, чем мне надо, в долг. Малым беру большее – дотягиваюсь. И идея дотягиванья, вытягиванья, стремления: ввысь, вперед (ибо руки назад не глядят), в даль, в ширь, в стороны – предписана нам телосложением и вторично подчеркнута, напоменена, повторена рубашкой. Рубашка – повторенье тела – мать ученья. Действительно, по телу, которое – мы сами, мы не имеем самосознания, а рубашка уж его отражение, повтор, зеркало, рефлексия, подсказ от бытия, складка, в коей намек, добрым молодцам урок.

Если корпус рубашки – небосвод, то рукава – уже то, чего в небосводе нет, прорывы за его стены в неопределенное куда-то вдаль, *Dahin! dahin!* Так что, если мир – наш корпус, то в руках и прочих конечностях – нам приказ выходить за мир, быть в миру залогом его превосходства над самим собой, воплощенным энергетическим импульсом. Так своими конечностями мы призваны как раз пробить конечность мира и выйти и объединиться с его бесконечностью.

Но и то правда, что не совсем справедливы мы в этом рассуждении к небу: в небосводе есть прорывы и выходы: дыры солнца, луны, планет, звезд. И рука тоже – огневой природы: как язык пламени, от огня нашего туловища отделяющийся.¹⁴ Так вот какое море смыслов изливается на нас рубашкою! Если попробовать посвятить себя, отдаться ей хоть на миг, но целиком, всем существом и помыслами: влюбиться в нее, вникнуть, вдуматься – ложесна тайн ее и значений сами собой навстречу тебе разверзнутся. Вот и сегодня я погрузился в транс по поводу рубашки, и мне дано было умозрение о ней и откровение части смыслов.

И получилось типичное звено (хорошо продрать себя этой канцелярщиной стиля после завихрений – как массаж водой холодной) **философии быта**, которую я никак как целое не делаю, а то тут, то там такими выбросами осуществляю. На это сетовал тоже вчера: что вдавшись в околесицу национальных космологов, предал идею философии быта как хранителя подсказов и истин бытия в «олюденной» форме, – все откладываю ее осуществление. А в моем случае философия быта была б моим прямым ходом на истину бытия в лоб, а не описательным вилянием средь ипостасей и вариантов истины.

Но тихо, не торопись. Ведь вся суть философии быта – если тебе в вещах обихода, в обыденных ситуациях удастся прочесть великие вопросы, тонкие и сложные идеи отвлеченнейшей метафизики и философского умозрения... А откуда их брать, если не сожительствовав постоянно с ними, не болеть вместе с философами? Значит, надо непрерывно мне в двух зонах бытия пребывать: и в отвлеченнейшем умозрении, и в быту уважительно утопать. Тогда лишь смогу время от времени перуном, коршуном отвлеченной мысли молниеносно на какую-нибудь бытовую курочку-рубашечку ниспадать, так чтоб разъять и проанализировать ее как свернутую монаду, ипостась истины бытия.

Так что я как раз при своем деле – образность в «Критике чистого разума» изучая, Юма читая, космо-логосы в эмпириях прочерчивая – и время от времени к земле припадаю.

Да и радуйся, что недовольства твои и заботы – не раздражения житейские, а духовной природы: оттого, что ума не хватает (как я вчера жене на запрос о моей мрачности ответил) – так, что, выйдя в темноту проветриться, понял доктора Фа-

¹⁴ И рука – орган Труда, что не «спустя рукава» деется. Как же не догадался тогда эту идею развить, ответить? – 2.V.2000. (Считывая верстку).

уста: что жажда понимания до сговора с бесом довести может – чтоб сверхчеловеческую способность видения и проникания приобрести, так чтоб уметь разом все схватывать.

Но ничего, по мере таланта своего. Ведь и у Юма в «Трактатах» ум тоже смиренно копается, роется, скребется. Главное – от всей души служить, а уж что получится – Богу весть.

Здесь, правда, подстерегает соблазн: самодовольство сочинения, приятство писания. И печать его и на сегодняшнее мое писание легла. Но почему это читать как само-довольство только? Ведь это просто довольство от того, что частица истины приоткрылась выразиться. А довольство – божеское чувство благодати: и в буддизме, и в христианстве оно – добро, а уныние – тяжкий грех.

Так что все правильно. Не дрейфь.

А пока – на волю, на воздух, на движение пора.

Утренний сеанс – транс окончен.

После греха – покаяние

14. IX. 68. Ленивый раб, но твой раб, Господи!

Подвержен, подвержен – и слаб: вот вчера были в городе, пили и меру я потерял. Утром плох. Лишь в 11 часов поднял себя в лес на моление. И пока шел – клял себя, и все ж радовался, что волочусь, но во храм – иду. И ругал себя за предательство: такой труд предпринял и уж разогнался и инерцию набрал – и вот скovyрнул ритм. Но тут же осадил себя: подлинно предательство – недовольство. Жизнь непрерывно шмякает, впутывает, посягает, и не все условия в твоей власти, но в твоей власти – благодать всегда держать независимо от условий места и времени. Все потеряно: здоровье, труд, имущество, но если ты благ – все при тебе.

Итак, это твердо пойми, и этой максимы держаться дороже и, кстати, более покантовски, чем если сегодня я б написал десять удачных страниц о Канте, от чего пребывал бы в блаженстве. Не Glückseligkeit – блаженство, чтоб быть счастливым и хорошо жилось, – должно быть целью чистого разума в области практической жизни: это зависит от условий и не в нашей власти; но – Sittlichkeit, нравственное поведение и самочувствие, что во всякий данный момент правильно и по истине поступаешь (а момент может быть и удачливым, и бедствием – это уж сфера природы, стечение обстоятельств, случая...).

Конечно, условия тоже частично в нашей власти: будь я вчера разумом и волей крепок, вовремя б себя остановил и встал бы свеж и работоспособен – это б хорошо; но еще лучше – скovyркнувшись, восстать: «выравнивайся на ходу!» Потому, кстати,

в религии больше ценится не то, чтоб без задоринки и греха жить – невозможно человеку в жизни греха избежать, – но чтоб, впад в грех, не потерять надежду, не впасть в уныние и не отчаяться в божьей благодати.

Вот в «Народной книге о Фаусте» даже не договор с дьяволом, а отчаяние в божьей милости – вот причина его гибели: «Доктор Фауст все же раскаивался в сердце своем и постоянно раздумывал о том, что за грех он взял на себя, пожертвовав блаженством своей души и связавшись с дьяволом ради временных благ. Но его раскаяние было раскаянием и покаянием Каина и Иуды, ибо хотя и раскаивался он в сердце своем, но отчаялся в милосердии божием, и казалось ему невозможным вернуть себе милость божию. Уподобился он Каину, который точно так же отчаялся, полагая, что грехи его больше, чем можно ему простить; так же было и с Иудою и т.д. (Т.е. даже в Иуде страшнейший грех – не предательство Сына Божия на казнь, но отчаянье в прощении и таким образом отворот взора от неба; ибо, коль надежда на милость теплится, значит, есть еще канал и лучик, не прервана пуповина, что меж мной и небом проходит. – Г.Г.).

И доктор Фауст думал так же; все смотрел он на небо, но ничего не мог там разглядеть (ибо внешний взор глядел, а воспринимать луч внутри уж нечем было – отъединен. И ад, собственно, его вечная мука как раз наступает тотчас же по отвороте упования: тут же, нахлобучившись, закупорился в кастрюле и котле, во тьме крошечной; от самого тебя ад наступает: впустил безнадежность – тогда обречен, а не наоборот: обречен и оттого допустил до себя безнадежность. – Г.Г.).

Все ему мечталось, как говорится. О черте или об аде (раз об этом думаешь – они с тобой, ты в них пребываешь. – Г.Г.); это значит, он думал о том, что содеял, и казалось ему, что частыми беседами, вопросами и прениями с духом удастся ему когда-нибудь достигнуть исправления, раскаяния и воздержания от зла. (Вся германская философия, все ее системы, от Якова Бёме, который затеял сочинение свое «Аугога или Утренняя заря в восхождении», чтоб справиться с Люцифером, постигнув его, – до Гегеля и далее – суть такие «частые беседы, вопросы, прения с духом». – Г.Г.). Однако напрасно, ибо дьявол слишком цепко его держал»³⁵

Ну вот и все на сегодня: надо уж бежать – мать вывозить. И все ж, хоть чуточку, но обряд утреннего сидения и умозрения исполнил (а смысл обряда – в его исполнении!). Нерадивый раб, но все-ж-таки Твой раб.

³⁵ Легенда о докторе Фаусте. М.-Л., 1958. С. 68.

Потом — как причина

15.IX.68. Читая рассуждения Юма и Канта о причине, чувствую гипноз какой-то незыблемой предпосылки. Да, вот она: то, что раньше, рассматривается как причина того, что потом. Ну а вода Волги течет с Валдайской возвышенности в низину Каспийского моря — где причина? Причина — уклон. Он по отношению к Волге безвременен, ибо, может, она его и создала для своего течения, разрыв землю. Но возьмем вот этот куб воды, который сейчас где-то у Углича. Он движется вниз по Волге — отчего? Оттого ли, что толкают его, наседая ему на плечи, кубометры задние, иль оттого, что передние завлекают, высвобождая место излиться?

Еще шире поставим вопрос: что первично для течения воды в Волге — притяжение низменности Каспийского моря, куда вода поступит потом, или отталкивание капель с плечей возвышенностей от себя куда подалеже, что предшествует скату воды? Но капли от себя отталкивают мириады холмиков в бассейне Волги. Почему они стягиваются именно в этом направлении — к туловищу реки? Ведь они могли куда угодно, хаотически растекаться, лишь бы стечь. Значит, то, где капли будут потом, есть причина того, как и куда они катятся сейчас и раньше. Именно **причина** действия, а **не цель** его — как раз это уточнить хочу.

Еще шире возьмем: тяготение, свободное падение. Верх отталкивает или низ зовет? Но вверху не видно силы и массы, в которой мы склонны видеть основу, источник движения, — они внизу. Так как вот: контакт с землей будет потом, и именно вблизи сила притяжения больше. И действует она, значит, из после — назад. Если причина располагается там, где предшествующий момент, то сила тем больше, чем раньше: потому в итоге потребовалось абсолютную первопричину представить — Бога.

Ведь по этой теории, по которой причина — то, что раньше, действие Бога на мир сильнейшее — в начале, когда был дан первотолчок, завод и перводвигатель, — и все ослабевает, так что в текущем состоянии бытия Бог (абстрактная причина) совершенно расслаблен, лишь регулирует и за порядком следит. Но ведь в идее тяготения нам явно дан прообраз и модель усиления, нарастающего с после: т.е. что потом, мощнее по тяге и воздействию, чем то, что раньше. И именно мощнее не оттого, что накоплено на плечах предшествования (тогда эта мощь того, что потом, выйдет как результат, из рассуждения о причине как предшествующей), но само накопление энергии — материализация и результат действия этой причины, что потом, которая притягивает и наполняет собой чем позже, тем влиятельнее.

Между тем никто, и справедливо, не называет силу земного притяжения — целью падения камня, но — его причиной. По отношению к субъективному разумению падающего камня, будь оно в нем, — земля, куда он с каждой секундой приближается, может ощущаться как цель его стремлений: прилечу, обниму, успокоюсь... Но объективно, со стороны (а понятие «причины» из зоны объективного рассмотрения берется): земля — причина его падения, хотя будет с ним потом. (Прибегать к «относительности» или к «энтелехии» аристотелевой пока не будем, ибо это — уплощающее налаживание проблемы — не у Эйнштейна, а в умах тех, кто ее знает, а не выводил из мировых задач. А мы сейчас как раз наивным выводением заняты).

Образ тяготения (всемирного) — а это, конечно, идея-образ, а не научный закон, — если его проанализировать, — как раз содержит в себе причину как нечто располагающееся по времени потом. Тяга — ведь от того, что будет, что я увижу потом: огонь, например, в печи, куда-то движется, но еще не видит, от чего и к чему; потом, из трубы дымом выйдя, узнает. Т.е. уже и превращение огня в дым произошло в ходе вытягиванья, всасыванья огня, и тогда лишь, став дымом (т.е. уже почти воздухом), соединим огонь со стихией воздуха, которая звала его к себе в тяге сквозь трубу; и причина их, соединение чин чинарем, в порядке, по чину и приличию, — обитает потом: когда коснулись, уголились и в чин (строй, порядок) бытия вошли.

Ведь тяготение как мы себе представляем? Что есть центр земли. Но ведь он — точка, а в этой малости, с точки зрения материально-телесной, вся сила и причина образования веса у всех тел. И чем ближе к центру, тем тяжелее все и всякое вещество. То есть вот большая Земля, но она — дура со всей своей массой, и все эти горы и воды, что мы видим, = воздушные замки, бэе и бланманже по сравнению с тем, что глубже, и составляют бесконечно мало в составе общего веса Земли. А весь основной вес — значит, в точке центра. Но ведь она — ничто, абстракция, идея лишь. Но в ней, по представлению нашему, — вся материя и тягчайшее вещество Земли. Т.е. тяготение есть железно завлекающая сила пустоты, пучины: пушкинское «упоенье бездны страшной на краю», — и это как раз самочувствие не цели, но причины: бездна зовет и тянет, и я подчиняюсь, а не произвожу ее пустоту стремлением (Хотя и это возможно: возвратная тяга воплощенного к рассеянию, самоиспусканию и истаиванию. Еще подумаем...).

Итак, в тяготении мощнейшей и всеорганизующей на Земле и вокруг силой явлена причина, которая дается потом. А ее «потом» — это точка, пшик. Но для созерцания и первого познания она воплощена перед нашими глазами массой и весом Земли, которая увеличивается при приближении к ней падающего тела — т.е. причина лежит во времени после.

Т.е. как причина она производит действие, но не надо ее воображать себе как источник или толчок, (то все образы предшествования во времени), но как тягу, «при-точник» — то, что действует, будучи впереди во времени, обратно. Вспять, задним числом.

Кстати, русское понятие «причина» эту идею «чина» как не того, откуда ис-ходят, а к чему при-ходят, — нам преподносит: под нос сует, а мы и не видим.

И странно, что идею всемирного тяготения, где явно и прямо усиление и масса для двух тяготеющих находятся после, а не раньше, — истолковали как причину в духе предшествования; это значит: пылинка далеко, на 100 км от Земли, но она попала в орбиту земного притяжения, которое — как лапами, докуда дотягивается, в пространство шупальца свои распространило. Но ведь даже и по этому образу и по себе знаем: влезь на дерево и дотянись до яблока кончиком пальца и попробуй пригнуть к себе — ничего не захватишь, т.е. тем, что потом, по отношению к пальцу, — оторвешь, а уж если плечом можно работать — и руку супротивника на столе перегнуть можно. Плечо рычага? Ну да, но и оно как раз это же выявляет: что потом, к центру, то сильнее по действию; значит, больше причина, чем то, что раньше.

И недаром в Англии изобретен этот образ всемирного тяготения — Ньютоном — в стране, где слаб, ползуч грунт, нетолст слой опор в прежде, вниз, назад (от палубы до днища), зато открыт и притягивающ горизонт океана бытия и оттуда воздействие. Ведь и Ньютон предложил тяготение не как первопричину бытия, но как то, что организует и регулирует сейчас, наличное бытие, отношение тел и масс; в прошлое же он самостоятельно не заглядывал и принимал там традиционный аристотелев «Перводвигатель». И регулирует не из прошлого, а из сейчас, да и похоже, что и из-преди.

Нам-то это ощущение не остро, ибо задвинуто готовыми школьными толкованиями и сращено механически с образом причины как предшествования; но в его время, когда это умозрение «всемирного тяготения» только свеженькое родилось, и живо сокращалась плацента, порождающий контекст бытия и его задач, из которого эта идея вышла, — недаром так остро отреагировал Лейбниц, которому этот контекст не менее роден и осязателен, не менее ему — мать, нежели Ньютону. И в тяготении его, немца, раздражала неясность, туманность на счет причины как начала.

И в противовес всемирному тяготению является взаимное **всемирное отталкивание** монад, как движущая сила, энергетический импульс бытия. Вот это уже последовательно: раз причина толкуется в варианте предшествования, то толчок, отталкивание — полностью соответ-

ствующее ей созерцание: ведь в толчке производящая сила наибольша до, в канун действия, тогда как в тяготении она (причина) нарастает по ходу действия.

И тут и немецкий космологос и язык Лейбницу на помощь: бесконечная глубина материковой Земли — прочная опора для исхода, начала, оснований; по ходу и времени растения, его роста, народное созерцание и мысль обвивается и следит. А язык недаром причину назвал *Ursache* = «пра-вещь». «Ur» исходно сродно с «ег»: производить то, что в корне слова обозначено, — вот что значит эта приставка. То есть здесь, в «ег», чистый смысл причины, еще безотносительно ко времени, высказан: недаром «ег» способно равно придавать оттенок завершения действия, как и его начала. Но «ur» — уже безусловно оттенок предшествования во времени означает. И то, что в германском мировоззрении произошло скольжение от Eg — к Ur (в созерцании, соответствующем понятию «причины»), — выражает особое наклонение германского космологоса: наибольшую производящую силу помещать в начало действия — толчок, удар, труд, «-ургия». Ну да: даже в мировоззрении с акцентом «-гонии», как у эллинов, — порождающая сила нарастает со временем (и в вожделении, в восставании фалла, и со стороны женщины — в вынашивании плода: родовые потуги и схватки сильнее содроганий оргазма в зачатии).

Потому Лейбницу, который отнял саморегулятор бытия у переда, у того, что будет (как это в тяготении), пришлось поместить его тоже в начало по времени: «Предустановленная гармония», «врожденные идеи». И во всех немецких рассуждениях по телеологии бытия незаметно соскальзывают на первопричину создания вещей: т.е. и мир целей склонны предводить бытию, а la мир причин — предшествований.

Точнее: так как немцы с уравновешенного в настоящем «тяготения» делают крен на начало, первопричину, тут же подскакивает другой конец качелей, где — концы, цели, и напоминает о себе криками: зачем, к чему, куда? Потому, если у англичан равнодушие как к первопричинам, так и к целям, и телеология (кроме узко моральной) не развита, то у немцев — вперенье в корневые причины; и оно не могло не повести по стволу взор и вверх — к созерцанию целого, мира целей.

Потому столь разработана здесь спекулятивная, теоретическая телеология. Но что такое здесь целесообразность вещи, существа? Это **созданность** ее (ургия) с **заранее** определенной целью и назначением, которое определено местом в целом бытия, каковое тоже мыслится а priori (т.е. сперва, а не свободно), потом — как то, что нам не явлено, а что будет и оттого уже воздействует и организует.

Вся телеология германская статична, к наличному бытию относится; и так склонны германские философы ставить точку мирового развития на том, что есть в их время: просто принципиально они не могут будущее оставить свободным, а надо им его предопределить, цели в причины опустить (а не причины — в цели поднять). Потому и Гегель: его обвиняют инородцы, что он в своей системе остановил мировой процесс, ничего не оставил будущему и увековечил «немецкое убожество» начала XIX в. и Прусское государство — как венец мировой истории. Но это просто национальный модус рассмотрения. Все цели мировой истории и бытия обернуты у него в начало: где вызревает Абсолютная Идея, Понятие — там он их рассматривает, там их ищите, если у вас есть воображение и желание обогатиться умом и пониманием, а не поругать другого и тем возвыситься в своем самоуважении.

Забегая вперед, пока как гипотезу бросим соображение: во французском миросозерцании более склонны к прогрессу, к рассмотрению причины по модусу целей и переносить настоящее состояние вещей вспять, т.е. подтягивать прошлое к тому, что по времени после него (французский классицизм, например, с его перетолкованиями и модернизацией античности; Руссо с его «Общественным договором», который современную ему идею договорно-правового состояния подкладывает в начало человечества как цель — движущую причину его развития).

В эллинском миросозерцании добыта миру идея **энтелехии** — «целевой причины», где нет нажимов ни на начало (причину производящую или порождающую) ни на конец (цель — совершенство достигнутой формы и бытия вещи в своем роде), но они взаимоувязаны в шар перекатывающийся, где начало периодически попадает в конец, а цель — исход и источник. Толкование Аристотелем Перводвигателя очень это проясняет. Узко полагать, — мыслит он, — что нас движет только то, что непосредственно толкает и прилагает усилие. Представьте себе прекрасную статую. Она молча стоит перед нами. Мы проходим мимо. И вдруг краем глаза зацепили ее вид, остановились, обернулись лицом, целиком обомлели и, пронизанные красотой, сомнамбулически потянулись к ней. Движетесь вы сами — материально ногами переступая в самодвижении. Но движет вами статуя, при том, что никаких усилий к этому не прилагает. Она просто себе бытийствует, пребывает, а вы — живете, стремитесь, двигаетесь. Так ровное само по себе бытие оказывается пружиной, заводящей жизнь.

Но здесь как раз то явлено, что я хотел уяснить с самого начала сегодняшнего рассуждения: как причина, производящая действие, может находиться по времени не до действия, но за ним — что оче-

видно в притяжении. Однако, у Аристотеля не совсем то: абсолютная причина выведена из временного ряда. Так поступает и Кант. Но я имею в виду не абсолютную причину, а рядовые, рабочие причины вещей — их я начинаю понимать, умозреть как находящиеся не до вещи, а после нее.

Непосредственный повод этого такого хода моей мысли — в думе о нынешнем международном положении: Чехословакия³⁶ и т.д. Мы явно нарываемся на войну и, в воплях о том, что они на нас (если не мы первые, то — они), — накликаем бурю. Почему так? — стал я думать. Мысль обратилась к предыдущей войне и ее причинам. 1939 год. Гитлер еще слаб. Можно его было еще на полпути придушить, если исходить из наличного состояния мира и соотношения сил — производящих причин: мы, демократические страны и т.д. Но мы заключаем пакт о ненападении — о разделе Европы: сами берем синицу в руки: Прибалтику, Бесарабию, Западную Украину, а ему даем набухнуть силой, выжав всю Европу Западную и Центральную: на себя вепря вскормили. Правда, потом, когда война с нами разразилась, стали толковать пакт 1939 г. как «передышку», что мы выиграли для подготовки к обороне. Но факты показывают, что ничего не делали, но почивали, а сигналам, предупреждениям — не верили. И Сталин, столь недоверчивый и подозрительный, — один раз поверил и кому? — Гитлеру! И мы были к войне провиденциально не готовы — напротив, делали все, чтоб нам было хуже: военные кадры и силу партии истребляли, разоружали западные границы, чтоб, не дай бог, немцы не подумали, что мы им не верим, — и не всполошились!.. Это — абсурд, величайшая нелепость и причинно никак не объяснимая, если причину толковать в варианте предшествования.

Однако все встает на свои места в ракурсе великого подвига народа в Отечественной войне и действительно неслыханного героизма и величия России в эти минуты роковые ее истории. Вот прошло уже почти тридцать лет с ее начала, а вся страна в идейно-духовном смысле питается этой эпохой, памятью, преданиями и не только официально, но и внутри: психологически. Спросить людей, бывших ее свидетелями: какая самая яркая полоса в их жизни, когда они жили наиболее по существу, в бытии? — скажут, что в войну. Даже и я тогда, выброшенный из седьмого этажа Арбата московского в лощину деревни Казанка в Татарии, впервые укоренился в бытии, обрел суть свою и диапазон, который с тех пор меня и питает: я = интеллигент-работяга: работаю то умом, то физически — в деревне, на лесоповале, на флоте, и т.д.

³⁶ Ввод наших войск в Чехословакию в августе 1968 г. имеется в виду. — 11.6.96.

А весь мир все эти двадцать пять лет после войны чем жив идеями? — «Только чтоб не было войны», — так ответит простая русская женщина (но фактически-то состав ее думы — опять война); но так ответят и парламентарии, и ученые мира. Продолжительное содержание их общественной деятельности каково по составу, их идеал каков? — Мир, борьба за мир, т.е. не война. Прошедшая война, таким образом, питает собой и последующие десятилетия, им служит содержанием и кормит идеал. Не будь ее, чем бы люди живы были эти 40–60-е годы XX в.? Представить себе трудно? Пустота.

И это безусловно так, что сытая наша мирная жизнь — закупоренная от бытия (без контакта с ним): средние, в меру, чувства, добродетели — безыдеальность. В войну же был как прорыв бытия в историю, короткое замыкание бытия и жизни, вселенной и человечества — и разверзся диапазон и бытия, и человека: пределы его высот и падений. Так что война была эпизодом космического бытийствования человечества.

Почему ж не полагать, что этот прорыв, сонтие бытия и цивилизации, обладал притягательной и притягивающей силой, отчего человечество так вроде по-глупому и сомнамбулически тянулось в объятья к этому удаву, и цепенел и разум, и воля? Отчего так провиденциально слеп и беспечен был столь иначе беспредельно предусмотрительный Сталин в 1939–1941 гг.? Прорыв **должен был** совершиться и всасывал в себя историю канунных к войне лет, направляя ее факты, располагая по силовым линиям еще не видимого своего магнитного поля.

Вот и теперь: чем мы, Россия, богаты? Величием своим «в минуты роковые»; а таковой «минутой», уже испытанной, — что является? Война. Тогда народ-богатырь всю меру своего геройства, величия и красоты явить может. А в остальном? Красотой изобретательности, предприимчивости, труда, — не блещем: всякая такая «ловкость рук», по внутренне-российски, безнравственна — недаром сопряжена с выражением «и никакого мошенства». Ленца наша, вялость, инертность в творчестве, пассивность в общежитии лично страстном и политическом (страсти — не испанские, и в гражданской жизни — совершенные дети). Нет, убоги мы по сравнению с другими народами в том, что касается мира и реализации его возможностей человеческой красоты — по извлечению красоты бытийственной.

Так что недаром и в официальной идеологии непрерывно муссируется высшая красота солдата; но главное: и в народном творчестве знают и убеждены, что что-что, а уж воевать — никто русского не побеждал. (одна высшая добродетель) — и покорно войны ожидают и

себя потенциальными солдатами чувствуют, лишь в резерве пока находящимися. Недаром и в 30-е годы был термин: «использовать мирную передышку», — что выдает самочувствие: всасывающее жерло войны грядущей уже чувствовали. Поистине, перефразируя Лермонтова:

Война на войну набегала,
Война погоняла войну.

И теперь, когда вдруг в Чехословакии народ проявил выдумку, изобретательность, юмор в сфере гражданской жизни, творчество политическое расцветать стало, — мы возревновали и не стерпели: краснобаиство и крикливость решили перешибить своей красотой солдата, война потребовалась. Ну да — чем богаты, тем бытию и рады. Ничего не поделаешь.

Ведь много было и есть возможных точек зрения: интерес идейного влияния коммунизма; экономическая выгода торговли, обмена в мирной жизни; радость дружбы, любви народов; умножение изобилия бытия разных ценностей — в том числе и духа — в творчестве.

Заключенный

16.IX.68. Перетерпеть — день, еще день: в Институт идти, утро рвут. Но от чего терпеть? От своей поддаваемости на зацепки жизни: чувства к родным, друзьям, разговоры, информация, обед, выпивка, засиживание, а в итоге — предательство ритма и труда. Нет, надо почувствовать себя заключенным: что я очень мало могу, что мне вон лучик в окошке — вся радость, зато какая! Тогда вот и рев экскаватора под окном я стану воспринимать не как скрежет отвратительного чудовища, но радостно: как воркованье жизни, которая, значит, есть, идет! И еще: откажись ты от мечтаний о побеге в деревню. Вот есть у тебя роща-храм, дозволено бегать на тюремный двор на прогулку — так бегай и всю радость вкушай. А остальное — трудись, тихо и молча, дома. Вон ведь все говорят сидевшие: как сосредоточенно в тюрьме мыслится и читается. Вот так себя и настрой.

И ведь воистину заключенные мы — обилием обступивших соблазнов жизни, что на тебя нагло насаждают, цепляют, хватают, как проститутки грязные. Вот стены. От многоту суеты я уже отошел, но еще осталась часть — правда, наиболее трудно ограничиваемая, ибо она связана с семьями, с женами, с детьми, с матерью. Все думают, что я много могу, но недодаю. А зря. Если б я был в лагере вдали — ничего б не давал, зато душами как чисто бы тянулись. Так и сейчас: я — заключенный — на труд тяжкий — и всё.

Свайся, как улитка. Разговоры и контакты – вон как вчера: новости, надежды, страхи – не впускать; благодатная для мысли безнадежность должна быть и стоицизм: они дают покой, непривязанность к временному и глубину.

А тюремщики твои? Ну, первый – ты сам, а уж потом близкие, а уж далее – дальние, так что уч. сек. Ушаков, к кому тебе через час идти, – наименее зла тебе может причинить. А наиболее – ты сам. Никакой правитель и власти нынешние не могут тебе столько вреда нанести, сколько ты сам – первый себе враг. Так что, помня это, будь великодушен к начальству и другим носителям тебе малых зол, не раздражайся и не вымещай, а «как бы в рассеянности»³⁷

О, как облегчительно и сладостно ощутить себя заключенным! Все напряжения надежд и стремлений ниспадают. Камера-келья, тихость монастыря. Это в жизни мы мучимся, объятае ею, как в железной женщине. (Это средневековое орудие казни: в нее человека вставляют, а внутри в ней зубья и гвозди: ее заводят, и по мере того, как она тебя обнимает любовнее, острия впиваются и умерщвляют).

Однако, вопрос: воплями этими, испуская их на бумагу, вместо того, чтоб приняться за отвлеченную мысль о Канте и суету оставить за бортом, – ты не разжигаешь суетность, не питаешь ли ее в себе правомочие, если даже с коренником отвлеченной мысли эту пристяжную впрягать решаешься? Вместо того, чтоб уже умытым и прибранным приступить к умозрению, ты умываешься и совершаешь туалет и иные отправления – прямо на подмостках.

Да, но «я» ведь тоже не простое эмпирическое мое существование: в моем типе (все в «моем!») мышления мое «я» – это гносеологическая труба, через которую таинство трансцензуса: переход от идей к впечатлениям, от предмета к понятию – совершается, как раз их взаимное подведение друг под друга и скрепление. А это – основной вопрос познания: откуда берется соответствие их друг другу? Так что как мысль отвлеченную идеями заправлять, так и ствол своего «я» надо каждодневно прочищать, делая поправки на возможные aberrации от кризиса и соринки.

Английский Логос

У Юма типичный ход английской логики, отличный от логики Канта. Углубляясь в проблему причинности, он так ее обступает: «Теперь я снова рассматриваю вопрос всесторонне, чтобы открыть природу этой необходимой связи и найти впечатление или те впечатления, от которых может происходить эта идея. Стоит мне бросить

³⁷ Так Плотин учил: философ должен жить как бы в рассеянности. — 11.6.98.

взгляд на известные качества объектов, чтобы непосредственно обнаружить, что отношение причины и действия от них совершенно не зависит. Рассматривая их отношения, я нахожу лишь отношения смежности и последовательности, которые уже признал недостаточными и неудовлетворительными. Неужели же, отчаявшись в успехе, я стану утверждать, что обладаю идеей, которой не предшествует никакое сходное с ней впечатление? Это было бы слишком явным доказательством шаткости и непостоянства, коль скоро противоположный принцип уже так твердо установлен мной, что не допускает никаких дальнейших сомнений по крайней мере до тех пор, пока мы еще не рассмотрели более совершенным образом встреченное нами затруднение.

Мы должны поэтому поступать подобно тем людям, которые ищут какую-нибудь скрытую от них вещь и, не находя ее там, где ожидали ее встретить, обыскивают ближайшие окрестности **без определенного намерения и плана**, надеясь лишь на то, что **счастливый случай** натолкнет их на предмет поисков (как Гулливер или Робинзон, потеряв курс и управление и обессилив, вверяются воле волн, в надежде, что волна прибьет к какому-нибудь берегу, — обычно прибывает. — Г.Г.). Нам необходимо оставить непосредственное рассмотрение вопроса о природе необходимой связи, входящей в (состав) нашей идеи причины и действия, и постараться найти **какие-нибудь другие вопросы**, исследование которых даст нам, быть может, **указание**, пригодное для того, чтобы разяснить встреченное затруднение. **Мне приходят в голову два таких вопроса, к рассмотрению которых я и приступлю**»³⁸

А вот и результат этого отклонения от курса, этой девиации: «Таким образом, развивая (свою мысль), мы незаметно для себя открыли новое отношение между причиной и действием как раз тогда, когда всего меньше ожидали этого и были полностью поглощены другим предметом. Это отношение — постоянное соединение причины и действия... Теперь нам ясно, какое преимущество достигается, если оставить в стороне прямой разбор этого отношения с целью открыть природу той необходимой связи, которая составляет столь существенную его часть. Есть надежда на то, что таким путем мы наконец достигнем желанной цели»³⁹

Ага! Вот чем дорог мышлению принцип причины: имея один предмет, заключить о другом. У Юма; «Во всех тех случаях, когда мы узнаем о соединении отдельных причин и действий, и те и другие

³⁸ Юм Д. Цит. соч. С. 173–174.

³⁹ Там же. С. 185.

воспринимаются чувствами и запоминаются нами; но во всех тех случаях, когда мы размышляем о причинах или действиях, воспринимается или припоминается **только один** объект, а другой мы добавляем в соответствии со своим прошлым опытом»⁴⁰

В самом деле: налицо — дым: я заключаю об огне; падает камень — значит, земля тянет. Могу подставить недостающий и реконструируемый предмет (идею) вперед наличного предмета — будет причина; поставлю в затылок — будет действие. Есть дым, ставлю за ним удушенье — будет действие. Итак, от одного дыма уже цепь произвожу: назад — вперед, и цепью этой можно мир опоясать, всем владеть — по одному, одно лишь налицо имея. И дешево, и серdito.

Идея Причины — универсальная отмычка к миру, ковер-самолет, позволяющий перескакивать с предмета на предмет — как паук с нитью своей перебрасывается: цепь замкнуть и по всему ток пустить по-н-ятия.

Тут главное именно в завоевании нового, в расширении: в операции синтеза. Анализ понятия, когда из одного вычленим путем уяснения несколько, — совсем другое: нет нового. Анализ понятия «дым» раскроет то содержание, которое в нем уже есть: «едкий густой воздух» — воздух, едкость, густота — все уже в дыме. Но огня в дыме нет, не написано в нем и удушенья — это уже зацепление новых идей (предметов) — примыкающих, но не содержащихся в данном предмете. Анализ — скромн: за что купил — за то и продал. Синтез — покупает дешево, а продает с барышом, с лихвой, с прибытком. И понятие «причинности» — инструмент этого синтеза: подключение невидимого к данному.

Содержательность формы

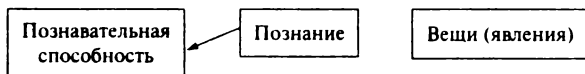
17.IX.68. Однако, надо себя дисциплинировать — вон и Кант о дисциплине, необходимой разуму, в разделе о методе пишет. Продолжим выявление образности Канта по ходу его «Критики». Собственно, только начнем, оставив предисловия и введение, где мысль Канта отдыхает от трудов и позволяет себе излишек образов. Посмотрим, как они проявляются в рабочем, сером тексте.

Итак, «Трансцендентальное учение об элементах. Первая часть. Трансцендентальная эстетика».

⁴⁰ Юм Д. Цит. соч. С. 185.

Чтобы понять, какое созерцание соответствует основному у Канта термину «трансцендентальный», приведем его пояснение из «Пролегомен». Опровергая обвинение себя в идеализме, Кант пишет: «Слово же *трансцендентальный*, которым я обозначаю отношение нашего познания не к вещам, а только к *познавательной способности*, должно было бы предохранить от этого ложного истолкования. Но чтобы оно впредь не подавало повода к недоразумениям, я беру его назад и заменяю словом *критический*»⁴¹

Если изобразить графически:

Зона трансцендентального

То есть — вспять от вещей и опыта: от мира — во внутрь, по сею сторону в Иппеге повернут испытующий интерес и исследование. Еще б это можно назвать: «посюсторонний», в отличие от трансцендентного, «потустороннего» хода мысли: от понятия прямо к бытию вещи, минуя познавательную способность и ее доопытную структуру. В Трансцендентальном мире мы расположились уютно в своем доме, в Haus, защищенными от вихрей, непогоды и случайностей опыта, самих вещей, ощущений, материи, природы, что свирепствуют в открытом Raum. И вот начинаем обозревать его строение, комнаты и утварь. Для этого — устранить все помехи: звуки, созерцания, ощущения, все чуждое, из внешнего мира поступающее. Метод Канта — метод строжайшей уборки внутреннего помещения, очистки: уборки и отстранения лишнего, что передвижимо — переносимо, вносимо, и пристальное разглядыванье оставшегося, что неотделимо от самого здания.

Приглядимся. Сначала он вводит нас в мироздание: в дом из открытого пространства Хаоса, который упорядочивается лишь опытом; дает координаты, называет вещи своими именами — словом, космографию осуществляет. Исходно Anschauung («взирание»; Лосский переводит: «наглядное представление»). Взирание предполагает на что взирать: Gegenstand = «противостояние», предмет (значит: я тоже — stand, «стойка», только не Gegenstand, а Hierstand).

«Противостояние» эта дана — как нечто неопределенное, готовое извне. Вещи и мир существуют вне нас, но больше этого мы до опыта о них сказать не можем: существуют — и все. Все же остальное, что

⁴¹ Кант. Соч. Т. 4. Ч. 1. С. 110.

мы знаем, зависит от нашей познавательной способности. Куда теперь и вперяется глаз Канта: вспять взирает, в нас: как возможен сам акт взирания, глазения на предмет?

Здесь оказывается, что внутри нас предмет дает о себе знать через явление нам множества пунктирных ощущений (*Empfindungen* — «нахождений» — от, предполагается, исканий: значит, исконно активно германское восприятие и получение). То есть, мир вносит в нас извне хаос: краснота, круглость, твердость, сладкость, сочность..., — однако, этот разброд в нас как-то организуется — это мы чувствуем — в представление «яблока». Но отчего происходит эта организация и сцепление точечных уколычков наших органов чувств, в разных местах к тому же протекающих?

«В явлении (*Erscheinung* — от *Schein*, и *Anschauung* — от *schauen*: сродный корень стихии света, блеска; начало познания — свет: и со стороны мира блеск находит на нас неопределенным, хаотическим маревом, и из нас лучом = уже светом, суженным в энергию, — истекает в активное, как искание, воззрение. *Anschauung* = взгляд — лучмеч — орудие труда познания. — Г.Г.) то, что соответствует ощущениям (*Empfindungen* — «нахождениям»), я называю материей его, благодаря чему многообразное (*Mannichfaltige* — «многожды сложенное»: *falt* — «складка», отчего и материя очень выглядит в бытовом смысле — как ткань в сборках. — Г.Г.) в явлении может быть приведено в порядок, в известных отношениях (*in gewissen Verhältnissen geordnet*: *Verhältniss* — букв. — «одержжание», гораздо иной, крепко статичный оттенок, нежели русское «отношение» — от «носиться», как угорелый. Вообще, германский космологос, как выдают термины (ср. также *Gegenstand* — букв. «противостой» — и «предмет; от «метать», «бросать перед»), имеет в сравнении с русским, большую статичность, скованность, но энергетическую — как удержание бытия, — тогда как русское воззрение выдает большую кинетическую подвижность, в которой, однако, меньше энергии; в германском — она как сжатая в *Wille* пружина, в русском же бесконечном просторе пружина бытия, скорее, почти разжатая. — Г.Г.), я называю формой явления. Так как то, в чем (*worinnen*: «in» — не как русское приставное сбоку, пристыжное «в», но как корень слова — коренник в упряжке *worinnen* — как бы «вовность». И это *In*, *Innere* как корень бытия и всего — центральная, именно! — не высшая, но внутренняя, сердцевиная в германстве идея. — Г.Г.) ощущения могут быть приведены в порядок и в известную форму, само не может быть опять ощущением, то хотя материя всякого явления дана нам только *a posteriori*; форма для них целиком (*insgesamt* — «внутри собрано»: и целое окрестное видится

как внутреннее, Innere, «я». — Г. Г.) должна находиться готовою в душе a priori и потому может быть рассматриваема отдельно от всякого ощущения» (с. 42).

«Находиться в душе» — im Gemüte liegen — «лежать». Все — стоит (предмет — Gegenstand, держится отношение — «удержание», представление — Vorstellung), как мужское начало внедрения, вхождения извне, из хаоса, стихий, опыта — их превосхождение и избыток бытия; а форма — лежит, женское начало, воспринимлет. И это начало — родное, притягивает Канта к исследованию: das Ewig Weibliche zieht uns hinan»⁴²

Однако, форма — в Gemüte, и это не «душа», это слово от Mut — «мужество», «настроение» — строй внутреннего мира (опять «строй» — мужски-военная идея); ср. англ. mood. По словарю Paul: «сродно с греческим mosthai «streben» — стремиться, maestai «begehren» — вождельть, требовать» — и, очевидно, с латинским motus — движение, добавим от себя. Все — идеи активного действия в мире. «Обозначает первоначально den Sinn (все духовность: чувство, здравый смысл, сознание. — Г. Г.) людей и его переменчивое состояние, и тогда значит — образ мыслей («Gesinnung») или настроение («Stimmung» — голосистость)». Gemüt же — соборность всего этого, всякого рода Mut: «соборность (Gesamtheit) душевных сил — как место сидения (Sitz) внутренних ощущений».

Итак, форма-женщина оказывается опять в мужском начале: мужественной активности и стремления, но уже не извне, а изнутри — в мир. Таким образом и выйдет у Канта, что это лишь кажется на поверхностный взгляд, что душа наша — лишь форма-восприимница того содержания и смыслов, что в нее проникают извне. Нет, она сама демиург (производитель) — диктатор: диктует попадающим в нее ощущениям места, куда им расположиться, в какие отношения вступать и какие от этого смыслы иметь⁴³. Находящаяся внутри нас чистая форма всего есть абсолютная активность и дароносица всех форм, имеющих в опыте появиться, подобно тому, как труд есть потенция и содержание всей культуры и вещей, имеющих в мир появиться.

Но в слове Gemüt еще и то важно, что эта соборность всех духовных сил есть «седалище» (недаром так у Paul — Sitz) — идея места сквозь это слово брезжит, которое проясняется уже в прилагательном: gemütlich — уютно, удобно, покойно, приятно. Т.е. душа, Innere имеет во внутреннем представлении немца — облик и строй дома, Haus'a.

⁴² «Вечно женственное нас влечет» — заключительный стих «Фауста» Гёте. — 11.6.96.

⁴³ Особенно у Фихте, в анализе того, как создается представление (Vorstellung): оно полагается душой из «Я» в «НЕ-Я», — выявится эта законодательная деятельность «я» в познании.

Но тут уже у Канта не только пространственная конфигурация (дом, направления), но словами a priori (сперва) и a posteriori («опосля») — и конфигурация **времени** введена. Если форма лежит готовою в душе, как в доме, то состояние готовности предшествует действию и труду, выходу из Haus в Raum, на мир. Так мы и получаем такие соответствия: трансцендентальное, Jnnere (вовность) = форма = дом = раньше, сначала, источник, первопричина — словом, вся зона предшествования. А Природа, Не-Я, Материя. Субстанция, Опыт, Предмет, Действительность — все, что (из) вне дома: Raum, пространство, потом, следствие, — зона того, что ровно есть, сейчас, распространено, и что возможно будет.

Здесь уже проступает система ценностей и соотношение идей и первоначал в последующих системах немецкой философии (их «трансцендентальный идеализм»): у Фихте, Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра, где Я, Идея, Воля будут предопределять «Не Я», Природу, инобытия духа, мир как представление.

И основное направление времени в германском умозрении — вспять, назад, к началу, к происхождению регресс, ибо чем раньше — тем внутреннее и значительнее.

Быть здесь и теперь

18.IX.68. Давно уж я понял, что принцип мудрости — быть здесь и теперь. Т.е. в любое время быть в том, в чем я есть. Как йоги говорят: «когда я сплю, я сплю; когда я ем, я ем».

Но выходит плохо: обычно ловлю себя на отсутствии там, где я присутствую (за исключением, когда пишу, умодря: здесь я весь отдаюсь. Хотя и тут базар устроил из отвлеченных предметов, проблем: там «Образность у Канта», например, — и загвоздок своей жизни). Вон утром: делаю священные движения телом, дыханьем средь пропилей древесных рощи, а в мозгу чехарда из вчерашних слов, их перерешений, решений на сегодня. Прогоняю бесов: «Изыди, Сатана!», а не заметишь, как опять просочились. Однако продолжаю поклоны, хоть и не вдумчивые, механические, но все же служу, исполняю завет тела и бытия. Вот почему, когда ловлю себя на уклонении мыслью и все ж продолжаю исполнять обряд хоть внешне, — отмечаю о себе с раскаяньем, но и с удовлетворением: «Ленивый раб, но Твой раб, о, Господи!» И убеждаюсь еще раз в мудрости слов: «В чем смысл обряда? — В его исполнении». Ибо исполняя — волей-неволей исполняюсь: даже механические поклоны массируют существо твое, приводя его в готовность к возможному

наитию. А найдет соединение, пронзит луч — тогда слезы исторгаются от умиления красотой мира: листочков этих в росе на солнышке, капель, лужаечки — и слит и слит, и свят и свят.

И все же, как быть всегда здесь и теперь — отдаваться целиком тому, что делаешь в данный момент, а не смешивать ремесла? Если я, делая одно дело, думаю о другом, — оба порчу, ибо потом, занявшись тем, ради которого я отсутствовал в первом деле, я здесь тоже (уже по привычке к определенной мере, проценту своего присутствия) наполовину иль на треть, а другую часть в третьем иль пятом деле витаю, а то и в первом, вновь его переживая и раскаиваясь, что не был в его красоте весь целиком. Так в утреннем молении выходит кишмиш из житейских забот и за-мыслей на утреннее умозрение; в работу — вот видите! — позволяю вторгаться житейщине и самочувствию; потом в жизни, в любви вдруг шальная мысль отвлеченная пролетит, отвлечет тебя от соития — и все испортит.

Так что «быть здесь и теперь» — это наука жить, быть, бытийствовать, а не существовать, прозябая, иль в межеумочном сомнамбулическом состоянии «быть или не быть». Ну да — если я в присутствии отсутствую: перед деревом росистым лишь краем глаза его замечая, а сам о Канте думаю, то я при сути от сути отставлен, как Тантал: рядом она, а не дается, — с той лишь разницей, что Тантал жаждал впитаться в суть, но она была, по сути, отсутствием — химерой, призраком, тогда как я перед живой сутью ее в побочность, полугризрачность отодвигаю, а призрак в уме иной сути душой воживляю. И так можно и бытие промелькать, все время, в каждый момент, боком к нему стоя, в косвенности, в косвенном к нему отношении пребывая, так что и не жил вроде, и жизнь как сон промелькнула.

Правда, все равно и по этой канве совершаются праздничные прорывы, короткие замыкания с бытием: в любви к **этой** женщине, к этой идее, к этой росинке — тогда я в полном соитии с этой частичкой бытия прецедент полного присутствия вообще в бытии ощущаю и таким образом бытийствую.

Потому Эрос — вот, конечно, сила, канал и инструмент этого полного замыкания тебя на «здесь и теперь» — с этой вещью, в этом месте, в этот момент. Значит — быть постоянно влюбленным. Недаром в индуизме есть философско-религиозный и нравственный принцип «бхакти» — постоянной любви к миру, к Брахме, к Шиве — преданность. И больше ничего не надо: ни догматов, ни обрядов исполнять, ни учение знать. Ибо бхакт, весь отдавшийся любви к божеству, т.е. всегда пребывающий в состоянии влюбленности, этой влюбленностью омывает все на пути попадающееся, каждую вещь, — и купается в благодати бытия, блаженный всегда при сути, ей причастен. Ну да — и русские блаженненькие, юродивые — все время радостны, в телящем восторге пребывают: Богом хранимы, одарены и излюблены. А в людях они — юроды, выродки, редкости иль недочеловеки — телята.

В интеллекте, в жизни сознания этот духовный Эрос имеет вид **внимания**, сосредоточения = «со серединой течения», соития, в точку сердца попадания. Когда йог в трансе не сводит глаз с одной точки, то – Эрос: недаром и о возлюбленной говорят, что «не можно глаз отвесь», прикованы. Только в умозрении этот Эрос возжигается произвольно, тогда как в невозможности отвести взора от возлюбленной (как и в состоянии религиозного бхакти) я полностью пассивен, проникаюсь: я – женщина. В умозрении ж буддистов, в трансе йоги – я испускатель кванта энергии, порождающего семени, которым воживляю к бытию избранный предмет: листок, восток (это направление, если туда луч своего неотвдимого = неотразимого взгляда целью).

Потому они и замирают в асане, которая есть по(н)ятие этого «здесь», пространства – и останавливают мгновение (фаустовская проблема: «продлись, стой!»). Т.е. в недвижимости они сохраняют одно «здесь» и одно «теперь», удерживая правильно установленную мысль на одном острие. Если ж я семеню «здесьями и теперьми», то, конечно, они нанизываются на общую инерцию и ритм прохождения: «Проходи, не задерживайся, видишь: другие идут, напирают!» – и так они все, как в толкучке эскалатора или автобуса, друг к другу прижаты и вынуждены взирать на многое сразу, не в состоянии остановить взгляда на одном лице, ибо тут же на его место подставляется другое или рядом в смежности стоит.

И все же надо этим овладеть. Но трудно как! Теперь мне понятно стало то, что раньше удивило: отчего в буддизме в «благородном восьмеричном пути» высвобождения из страдания (*dukha*) «правильное внимание» занимает седьмое, а «правильное сосредоточение – восьмое места – т.е. высшие по святости и трудности?

Трудность же тут вот в чем. Сегодня, возвращаясь с зарядки и опять поймав себя на косоглазии и уклоне от бытийствования, припомнил себе эту максиму: «всегда быть здесь и теперь» и, только повелел себе применить ее к «сейчас», как наткнулся на следующую трудность: «а что я сейчас делаю?» Ногу ли ставлю, на холм поднимаясь? (На этом моменте, помню, это затруднение осветилось: а как понять, что я сейчас делаю и где я, в каком именно «здесь и теперь»?) Грудью ли широко воздух вдыхаю – прану ль вливаю? Домой ли возвращаюсь? Мысль ли обдумываю? Здоровье и силу набираю? Крепость ли икры ощущаю? В чем мне быть-то? Чему отдаться? На чем сосредоточить внимание? Где я?

Ведь даже единичное помыслив: «что вот я ногу на холм ставлю», – тут же целый увод и скольжение «здесей» и «теперей» пошло. Ну, «ногу ставлю», допустим, одно «здесь» и «теперь», но как только ввел «на холм» – пошло скольжение: уже я весь холм озираю в красоте его и улетел от ощущения ставимой ноги и крепости ее мышц, и вижу путь и сколько мне еще подниматься, и тут жаль, что много, или жаль, что быстро кончается? – и т.д.

А ведь вопрос нешуточный – об интенсивности бытия. Если я в каждый миг целиком ему и делу отдаюсь, то я этот миг, этот час и это место наполняю всем весом своей жизни и ее семьдесятю годами, которые мне, допустим, пристало прожить. То есть воживляю до меры всего бытия сие малое текучее, проходное дельце, и оно поднимается до творчества, ибо сквозняк вдохновения пронизал мне существо этой вещью и в вихрь, сплетение, хоровод и шабаш закрутил.

Когда ж я невнимателен, рассеян, то и суть моя, и данный мне квант бытия распределены на мириады прошлых и будущих мгновений и дел, и на данное выпадает ничтожнейший миллимикрон моей силы.

Ведь малы мы, краткосрочны, пропорционально с безмерностью бытия и избытком его частиц. Но если я могу весь сосредоточиться в этой частице бытия, преисполниться ею, – я всю ее собой наполняю и миг превращаю в вечность (ибо жизнь моя – и ее срок все ж безмерны по отношению к данному мгновению). Так и жить бы – перекатываясь целиком из одного «здесь и теперь» в другое. Здесь как в механике – рычаг с огромным плечом: в силу чего я, малый, слабый, мизинцем могу колоссальную работу произвести – дом поднять (иль как Архимед: с точки опоры Земной шар перевернуть). Внимание и способность к поглощенности – и есть этот огромнейший рычаг, отчего я в каждый момент становлюсь адекватен всему бытию, с ним соразмерен, ибо всего себя, все мне данное, отпущенное – сюда же вторгаю, вкладываю. Хотя многого захотел: раз все, отпущенное на жизнь, на миг хочешь употребить, тогда и платись жизнью за миг, умирай (и потому в подобные высшие миги Эроса с бытием мы на грани смерти, и не страшна она, и легок переход из любви в смерть).

Так что нет: уж не этого абсолютного, мерой в жизнь, поглощения и внимания, – но дай мне хотя бы рядовой меры внимания, только чтоб на один предмет она падала, а не распределялась бы на несколько и не рассеивалась вдребезги. То есть, чтоб когда я ел – только б ел, а не думал, когда иду – только б шел, вдумчиво; словом, как герой Грибоедова:

«Когда служу, я от веселья прячусь,
Когда дурачуся – дурачусь,
А смешивать два эти ремесла
Есть тьма искусников. Я не из их числа»

И все упирается, в **определение**: где я, что делаю, в каком я «здесь и теперь» здесь и теперь нахожусь? Как понять, вычленив и ограничить? И трудность в том, что эту операцию должно делать **само существо**, как бы автоматически ориентируясь; а как пошла мысль путаться в ногах – тут сумятица и началась.

Ба! Но ведь это же Спиноза имел в виду, когда о единой **субстанции**, обладающей протяжением и мышлением, толковал: ведь раз существо мое (слитная субстанция из духа и тела) без отчетной мысли, но правильно поступает (ну, когда, например, кровообращение идет и капилляры знают свое дело и без сознательных подсказок мысли исполняют свой долг), – так это и есть поведение воплощенного мирового разума, его жизнь и дыхание чрез нас, нашей грудью и ногой шевеление. И потому философ Ильенков Эвальд увидел образ спинозовой субстанции в скульптуре Родена «Мыслитель», в котором мысль представлена не в высоте голого черепа, но в божественной налитости, преисполненности мышц мудрейшего тела, которая, каждая, сочится памятью о проделанных мудро-инстинктивных движениях по формам природы, по собственным меркам каждой вещи, данной природой иль изготовленной трудом, – меркой каждого «здесь и теперь», при сути которого он присутствовал, т.е. всегда в истине – истине пребывал.

Однако ж, то не все решение.

Раз уж мысль в нас в самостоятельность пошла, надо разобрать: как мы можем донести до понимания, что делаем, и тогда со вниманием это дело делать? Простой практический вопрос каждодневного нашего существования.

Но пора идти в Институт, где вчера не подал руку начальству – Мясникову⁴⁴, и идти прямо к директору: самому выяснять вопрос со своим планом.

Расчистка дома

19.IX.68. Как же добирается Кант до этой чистой формы? А генеральной уборкой помещения разума, выбрасываньем всех в нем предметов как лишних, пока не останутся голые стены.

«Я называю *чистыми* (в трансцендентальном смысле) все представления (*Vorstellung* — «установка», что воздвигается **перед** собой — как дом строится. — *Г.Г.*), в которых нет ничего, что принадлежит ощущению (*nichts, was zur Empfindung gehört, angetroffen wird* — букв. «не наткнешься ни на что, что слышится как находка», как в пустом доме, двигаясь в темноте наощупь, не споткнешься о железяку ка-

⁴⁴ Ох ты, хамила гордынный!.. Правда, то были дни вторжения в Чехословакию, и вид партийного служаки вызывал бессильный гнев. Вот и отыгрался ты, «совершил акт свободы» на этом мягком пожилом человеке... Эх, «герой»... — 12.6.96.

кую-нибудь, найденную при дневных исканиях во вне; и чистая здесь акустика для возможной внутренней музыки: нет инородной слышимости; а ведь зона звука и слуха важнейшая в германском космологосе. — Г.Г.)... Так, если я отвлекаю от представления тела все, что рассудок мыслит о нем, как-то: субстанцию, силу, делимость и т.п., а также все, что принадлежит в нем к ощущению, как-то: непроницаемость, твердость, цвет и т.п., то у меня остается от этого эмпирического наглядного представления еще нечто, а именно **протяжение и форма**».

Ausdehnung — «вытягивание» — und Gestalt — из причастия от stellen — «ставить», значит, того же корня, что и Vorstellung, «представление». Только gestalt — «установленный», отсюда Gestalt, который теперь имеет смысл: «образ», облик, форма, фигура, — исходно в германском сознании имеет смысл — «установка», т.е. опять из области строительства, воздвижения вертикалей, тогда как в русском: «образ» — скорее, «склад» от «класть», «ложить» плашмя, имея в виду многослойную плоскость, горизонталь, ширь-даль, ее умаяая. Так что под нейтральным для обоих народов античным словом «форма» в Германии мыслится «установка», в России ж — «склад». «Образ» же — ⁴⁵

...«Итак, в трансцендентальной эстетике мы прежде всего изолируем чувственность, отвлекая все, что мыслит рассудок посредством своих понятий, так чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического наглядного представления (= первый акт **химической дистилляции**: удалил кислоту рефлексии. Кстати, у Канта в тексте «Критики» часты ассоциации с химией. — Г.Г.). Затем мы отделим еще от этого представления все, что принадлежит к ощущению (как бы соли, земли выделим: второй акт перегонки. — Г.Г.), так чтобы осталось только чистое наглядное представление и чистая форма явлений, единственное, что может быть дано a priori чувственностью» (с. 42–43).

Далее идет «Трансцендентальной эстетики первая глава. О пространстве». И тут же спотыкаемся: то, что по-русски переведено «Глава», следуя античному пассивному Capitel, по-германски Abschnitt — «обрез», от schneiden — «резать», откуда «ножницы» и «портной». Отнюдь не природно-естественное понятие (как «голова» — продукт «матушки-природы», как любит ее третировать русский философ, германофил-гегельянец, Ильенков), но продукт трудовой операции, ремесла.

Кант приступает к метафизическому истолкованию понятия пространства. «Истолкование» опять же — Erörterung от Ort — «место», так что имеется в виду «в(ы)мещение», расчистка площадки. Много-

⁴⁵ «Посмотреть в этимологическом словаре» — тогда себе указание на полях. Посмотрел сейчас в словарях Преображенского и Фасмера. У обоих **образ** — от «раз» — **рез(ати)**. Образ = обрез (ка), пре-дел в апейроне русского аморфного «бесконечно-го пространства», форма. — 13.6.96.

значна история слова. По Паулю: «Ort, общегерманское слово (старосеверное *oddr*, откуда готское *urds* могло бы взяться), — о доме... 1. Грунтовое значение — *Spitze* — «острие», часто обозначает острие копья или меча, далее — острие инструмента... 2. *Ecke* («угол») *Ende* («конец») у Лютера: *von den vier Цтрern des Erdreichs* — с четырех концов царства земли. Этот смысл исчез из литературного языка. 3. Теперь обозначает вообще *Teil des Raumes* — «часть пространства», что случилось, из-за перехода к *an allen Ecken und Enden* («во всех углах и концах»), как и из-за связи с *an (von) allen Цтрen und Enden* («ко всем местам и концам»). Теперь оно — синоним с *Stelle* («ставка», опять оно: роковая установка германства, как рок его мышления, из-под земли, с любого места, даже из *Ort* — вырастает, и само *Ort* к нему прилипает — Г.Г.), с чем оно и формально связуется: *an Ort und Stelle* — слитный оборот: на место назначения (установки)». Параллельно устанавливаются «*Ort und Zeit*» — «место и время».

Достаточно! Здесь нам великолепно явлено вырастание древа германских значений. Сначала — **точка** (*Ort* — острие, укол). Точка протягивается как **линия**, распространяется как зона конца: был «укол» — стал «угол», *Ecke*, *Ende*. **Конец** уже, протягиваясь **к центру**, образует **направление**, страну света (все четыре стороны). Далее стягивается множественность концов и образуется **место** как кус пространства (*Teil des Raumes*), собор точечности. И вот уже место-плоскость пучится и тяготеет на вырост — в **ствол**: прирастает к *Stelle*. А тут уже переход в зону *Vau* — строительства, **труда**, цивилизации, человечества, истории, где тут же налипает основная для смертного существования идея **времени**: и *Ort* уже звучит в слитном обороте: «условия места и времени», «обстоятельства места и времени» и т.д. Так Пространство, стягиваясь в германстве извне — в *Innere*, тяготеет к превращению во **Время** — операция, которую и произведет германская классическая философия. У Канта **Время** — интимнее, априорнее, важнее для человечества и разума, чем **Пространство**. Последнее — пассив, а **Время** — активная пульсация внутреннего существа, и на нем строятся и к нему относятся все понятия: причинности, безусловного существа и т.д. У Гегеля первична история духа во **Времени**, которая потом развертывается в свое инобытие в **Пространстве** — в природу.

В русском языке есть отголосок этого корня: *Ort* ведь из нордического *oddr*, откуда чрез варягов могло в русский придти слово «одр» — как ложе («на смертном одре»). Значит, если в германстве от точки острия, укола — пошло дело к образованию вертикали: *Haus*, *Stelle*, — то в России обнаруживается склонение на плоскость.

Итак, «О пространстве».

— Это о чем? — имеет право переспросить русский мужик: ведь слово-то не простое, а мудреное, «про-странство» — с отвлеченным суффиксом «ство», и лишь «стран» — родно и интимно, простой первоэлемент. Так что слову этому пристало фигурировать в высокой поэзии — Пастернака, где оно домашне и швыряется и склоняется так и сяк, — а не в избе и не на дворе.

— *Das ist von dem Raume*, — удивится непониманию русского немец-бауэр: ведь в германском космологосе *Raum* — слово простое, простонародное, будничное, элементарное, состоит из корня, односложное: «au» — дифтонг, который упрощен в англ. варианте — *room*.

Так что вот теперь и попробуй-толкуй и философствуй равноправно! Немец-философ уясняет простые мужицкие народные понятия: *Sein, Raum, Gestalt, Gedenstand* — свои коренные, исконные, — а русскому философу приходится толковать «Бытие», «Пространство», «образ», «предмет» — все слова высоко надпочвенные, производные, с гораздо меньшим диапазоном, элитарные. «Бытие» — вообще философская абракадабра по сравнению с простым, очевидным, домашним *Sein* — словом непрерывного практического обихода. «Пространство» — слово третьего этажа, по сравнению с первоэтажным и вообще безэтажным *Raum*. «Образ» хоть и имеет родное значение («лик»), но здесь очень уж от него далеко уведено по сравнению с деловым, практически-производственным *Gestalt* — «установка». А «Предмет» — похоже, калька с латинского *objectum*, в XVIII в. русскими переимшиками иноземного произведенная.

Так что в самих исходных понятиях нет такого равноправия между немец-философом и русским философом. Немец-философ, умозря, решает свои домашние дела и проблемы. А русскому-философу приходится уже ориентированным мышлением заниматься: готовое, заемное брать — и на нем уж изгаляться, на особом повороте этого материала особенность национального космологоса делать заметной.

Здесь то же, что и в архитектуре Петербурга. По элементам город этот заемный: прошпекты, фортификации, шпили, кунсткамеры и классицистическая архитектура дворцов, парков, набережных и т.д. Но все равно: это Российская Европа, ибо расположение этих заемных элементов, их совмещение, их контекст — вызывающи к природе естественной и человеческой: на болоте, в чахоточном климате — т.е. исконно на бедствии город замешан и на его преодолении чрез

долготерпение и героизм-подвиг; а затем: ширь, удаль, размах, показ товара лицом — русского чуда... — все это уже знаменует российское предприятие, и здесь вполне русский дух и Русью пахнет.

Потому и отношение разное к философу у народа и власти. В России это — чучело гороховое. А в Германии: когда тополи соседа разрослись настолько, что стали заслонять Канту вид из его окна на шпиль колокольни, куда он имел обыкновение помешать свой взор в ходе сосредоточенного умозрения, Кант единожды посетовал на это соседу, и этого было достаточно, чтобы тот спилил верхушки им же посаженных тополей. Уважали философа. Ведь недаром именно народное воображение занимает в Германии доктор Фауст, для которого познание — такая неодолимая страсть, аффект (сочетание вроде противоестественное: ведь обычно познание, рассудок — и страсть, аффект на разных полюсах помешают души), что к договору с чертом привела: душу за истину заложил человек! В России ж странник-правдоискатель Богу причастен и ищет **правду** (справедливость, праведность), т.е. истину о добре (а не истину о бытии, что уже по ту сторону добра и зла).

Выражая это различие народов, русский философ Соловьев пишет «Критику отвлеченных начал» и создает «Оправдание добра». И если кто почитается в народе, то блаженнейший, влюбленный в красоту природы, как тургеневский Калиныч, божья коровка, иль Лель — пастух. То есть привязанный к красоте и благодати, а не ищущий смысла бытия. В России ищут смысла **жизни**, да и то: ценнее праведно живущий праведник (как старец Зосима Достоевского), нежели искатель смысла жизни (как Лука горьковский, в ком не без мощенства обошлось).

Но вернемся к Raum. Что может представлять и мыслить под ним германец?

Поскольку я опять собираюсь ковыряться в словаре и выслаивать соответствия, чувствую, что должен философски мотивировать это. Собственно, здесь мне на помощь приходит Юм. По Юму, идея и впечатление — на одной линии как бы располагаются: идея — продолженное впечатление, но только ослабленное, ибо уже в уме, а не в чувстве и проживании хранится. «Все идеи, а в особенности отвлеченные, естественно, слабы и неясны; наш ум нетвердо владеет ими, они легко могут быть смешаны с другими, похожими на них идеями... Напротив, все впечатления... являются сильными и живыми, они гораздо точнее разграничены и впасть относительно них в ошибку или заблуждение трудно. Поэтому, как только мы подозреваем, что какой-либо философский термин употребляется без определенного значения

или не имеет соответствующей идеи (что случается весьма часто), нам следует только спросить: от какого впечатления происходит эта предполагаемая идея?»⁴⁶

В слове языка — как бы узел впечатления и идеи: слово происходит и сохраняет грубое, прямое, телесно-материальное значение, в котором национальный космос как бы материей своей отпечатался на матрице национальной души. А уж оттуда потом начало воспарять и переноситься в зону национального Логоса отвлеченное, переносное значение. И когда философ начинает уже на этом уровне с легкостью перебрасываться этими, уже имматериальными понятиями, он может это замечать или не замечать, но в подспуде, в трюме, его и языкового, народного сознания все равно тяжко ворочаются эти слоновобразные работяги — исконные впечатления; и они питают, и наполняют, и направляют незримо своим магнитным склонением., как по радио — игру теннисистов на философской палубе.

Слово — поистине умо-зрение, его узел. Оно как перетяжка, тарелка песочных часов; половиной своей принадлежит уму, половиной — зрению, чувственности, материи. И в нем идет непрерывно обращающееся перетекание: от созерцания к идее — и обратно, от истины — к бытию, от духа — к телесности мира, от тела — к душе. И через выпрямление смысла слов мы можем осуществлять наше любимое дело — воживание идей.

Зов Судьбы

19. IX. 68. О причине как предстоянии — добавление.

Позавчера я шел на разговор с зав. отделом Мясниковым и настраивал себя на мирный лад: по-чешски, тянуть, не отвечать сразу, обещать подумать. Вместо этого, как бес меня толкнул в ребро, и, когда он протянул мне руку, я, сидя за столом, не встал и не принял. Он тянет дальше: «Я Вам руку протягиваю» — промытая, в белом манжете из пиджака. А мне ее жать — как руку тех, что вот сейчас чехов душат, да и вообще противен мне.

— Не обязательно, — говорю, — за руку здороваться. Можно и без этого.

— Я могу совсем с Вами не здороваться.

Далее пригласил к своему столу и начали разговор о плане моем:

— Дирекция не приняла Ваш проект и предложила Вам участвовать в основных трудах отдела. Вот список трудов. Подумайте.

И я, вместо того, чтобы ответить: «Подумаю и скажу через несколько дней», — выпаливаю:

⁴⁶ Юм Д. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1965. С. 24.

– В трудах отдела не вижу, в чем бы я мог участвовать.

– Ну, тогда согласовывайте сами свой план с дирекцией. Все.

Я ушел. Тут попадается Эльсберг и предлагает мне в «Теории стилей» участвовать; и верно: это мне подходит. Но я уже отказался.

Вчера подал в дирекцию свое предложение о плане мне. Уладится.

Но вот думал: какая сила меня влекла на разрыв? Причин в прошлом, конечно, много: но тут другое — зов и притяжение Судьбы, т.е. спереди какое-то меня ожидание; особенно эту руку Судьбы чувствуешь, когда совершенно нелепо, кажется, проигрываешь вот уже только что выигранную партию: когда гордыня ослепляет, как героев драмы, — и погубляет. И у Судьбы именно зов и тяготение, а не толчок; она спереди действует, притягивает тебя к себе, — но не цель же она, а именно причина, оказывающая свое действие на влекомого.

Немецкое Raum и русское «пространство»

20.IX.69. Немецкое слово для «пространства» — Raum (как Raum: оба — варианты одного из первоэлементов германского космологоса и его звучания), по Паулю: «корнем сродни латинскому rus. Land (земля, сельская местность), обозначает исходно пустоту (das Leere), незаполненное (Unausgefüllte), отсюда также значение производного слова räumen — «убирать», «очищать»; лишь вторично — нечто протяженное с определенным ограничением (etwas Ausgedehntes von bestimmter Begrenzung) безотносительно к тому (ohne Rücksicht — без озирания, без оглядки), наполнено оно содержанием (Inhalt — букв. «вдержание», и в этом опять суверенность Jn, «в», Innere, внутри центра, «я» — в германском космологосе сказывается, так же как в русском «со» — вместе, артельно, плечом к плечу: собор, собрат, совет и т.д. — Г.Г.)... Из основного значения (Grundbedeutung — грунтового пояснения) произведено значение — Gelegenheit, Möglichkeit zu etwas — расположение., склонность, случай, возможность — ср. «Тогда он увидел что у его не было Raum, чтобы утешить свой народ» (Лютер); «дайте мне Raum сперва собраться» (Гёте); «Оттилия нашла Raum, чтобы выплакаться в одиночестве»... Особенно обычно «Raum geben (давать выход)» — гневу и т.д. Raum может переноситься также на время («im Raume несколько тысячелетий» — Шиллер), обычно в Zeitraum — Zwischenraum — «промежуток».

Итак, что же здесь нам дано? — займемся аналитическими суждениями: выковырять из данного здесь слитно наличные уже частички и представить их более ясно и по отдельности. Raum — пустое, не-

наполненное. Как грудь сразу расширяется при этом умозрении! Значит — простор, свобода, облегчение, выход — неспертость, открытость бытия, жить еще можно: недаром с возможностью и случаем понятие Raum сопряжено. В германском мировоззрении усилено это духовное толкование Raum. И это понятно: оно все же само по себе представляется как протяженность в определенных границах (см. выше у Пауля); в отличие от русского «пространство», которое легче, воздушное, имматериальное, ибо есть понятие третьего этажа, — Raum более сперто, стиснуто, густо, чем пространство, которое — размягченное и расслабленное. Raum — густая пустота, конденсированная, как магнитное поле или зовущий вакуум, в себя втягивающий; это полость, но женская⁴⁷

Будучи все ж определено извне, Raum уходит расти в иное — внутреннее измерение бытия и отсюда — обилие духовных смыслов его: случай, возможность, склонность, срок, время. Из них важнейшее — **возможность**. Пустота в Германии не пуста, не мертвяща, она насыщена возможностями колонизации, есть их местопребывание. Русское «пространство» — представление о чем-то более безжизненном, разреженность воздуха в нем и бесплотность.

Raum — более вязко. Пространство — от «странство»: уходить в сторону, в бок. Устраняться, бежать гонимому, выталкиваемому. Raum — Möglichkeit: мочь, мощь действовать — и не на периферии, в стороне, а в средоточии. «Пространство» в основном ощущается как состоящее из стихии воздуха и света, оно надземно и уже почти внеземно, на отлете (в отличие от близкого слова «простор», которое наземно: степь, ширь — ср. у Гоголя: «что пророчит сей необъятный простор?» «Есть где **пройтись** и разгуляться богатырю»). А о пространстве: и «чудно объемлет меня могучее пространство» — т.е. уже объем оно). Германское Raum более наземно (недаром однокоренно латинскому *gus* — «земля», «деревня»), и света в нем не мыслится, а скорее туманность (как пропитанность снизу парами земли, привязанность ее к «пространству» и испускаемая любовь).

Все это несколько объясняет, почему первым делом в Raum узрел Кант ближайшее и подручное чистое наглядное представление (*Anschauung*), которое коренится в нас, продуцируется нашей чувственностью (*Sinnlichkeit*), как сок и гормон и истечение света, прилепив который к любому предмету, наслюнявив и тем причастив к себе и благословив, мы и можем далее его воспринимать. Так нужно

⁴⁷ Но ведь *der Raum!* — Это потом прояснится, когда Raum обнаружится как Haus — активное, мужское.

брызнуть химическим раствором, чтобы ток, через эту каплю, мог подсоединить к своему течению и сей предмет. Raum есть испускание ожидающих волн в бытие от нашей чувственности, как перистальтика полости, влагалища вожделяющей женщины, чтобы ее наполнили семенем — предметами возможного опыта.

Потому Raum — белесая, сероватая, лишь брезжащая тьма и нуждается в следующем этаже — свете рассудка. Само же оно — тупое **протяжение** — и все тут. Русскому миропониманию как раз трудно дается представление о протяжении, особенно когда его присовокупляют к пространству. Пространство — светлое, одухотворенное, в нем лучи и ангелы резвятся, а не тупое оно протяжение. Пространство в русском восприятии — это, скорее, спиновозовская субстанция, где протяжение не тупое, а мыслящее, телесность эфирная, тогда как Raum, скорее, — декартово протяжение безмысленной материи, природы.

Потому и трудновато нам в России привязать пространство к уровню чувственности, к которому оно относится у Канта. Однако Sinnlichkeit у немцев — более одухотворенное нечто, чем наша «чувственность»: Sinn — и ощущение, и чувство, но и здравый смысл, рассудок, стиль совокупной духовности.

О, вот открылось тонкое и глубокое различие:

В Германии Raum — грубее, гуще, чем в России «пространство». Зато там Sinnlichkeit: даже чувственная восприимчивость бытия изнутри происходит, нежели в русском (хотя какой он русский? — калька с немецкого!) термине «чувственность», которая оставляет нас на уровне кожи и органов внешних чувств. Значит, в Германии пронизательно Innere, внутреннее; в России — Äußere, внешнее. Недаром Гоголь, сия тончайшая мембрана, ощущал, как входит в него, требует от него, хочет от него чего-то бесконечное пространство. Оно — одухотворенность. И потому в России — экстравертность бытия, и у человека душа нараспашку: не от внутренней потребности лопнуть, не от переполненности брызнуть, но от притяжения света, святости и духовности извне, наличной в материи русского бытия: снег, свет, ветер, серенькое небо, нишая природа — «божественная стыдливость страданья», пронизательность — как пронзительность бытия, шемающая душу любовью, жалостью, тоской, состраданием (см. у Тютчева перевод этого языка русского внешнего бытия на внутренений язык человеческих слов).

В Германии ж внешнее более грубо, бездуховно, чем в России, в том числе и Raum, как тупая протяженность на возможный опыт. Потому германский дух в лице Канта поворачивается к этому спиной и,

двигаясь вспять, в трансцендентальном направлении, входит в свое сокровенное *Innen*, которое светлее, пронизательнее и жизненнее: там *Gemüt*, уют, дом родной.

Так что это обман и видимость, что Кант начинает с *Raum* — внешнего пространства: по сути он к нему поворачивается спиной и свивается в *Haus* — пространство внутреннее, и само *Raum* он трактует как *Haus*. Ну да: оно ведь у него, *Raum*, — не вещь сама по себе, а наша способность воспринимать вещи протяженными: как бы окно в нашем доме и его ориентированность наружу, возможность глазеть, но не само то, что снаружи. (Вообще все трансцендентальное — это домашнее, внутри *Haus*'а, нашего человеческого существа, общественного бытия и духа).

Raum — первое трансцендентальное представление у Канта потому, что он начинает *Haus* нашего разума *räumen* (= *rein machen*, «чистить», «убирать»), т.е. как бы *Raum* в *Haus* вносить, и в доме нашем чистый вакуум возможностей определить, наших способностей познать мир, при условии, если мы на него из окошка взираем, до выхода через дверь на работу и опыт. В то же время *Raum* у Канта определяется как нечто целое, в границах, замкнутое — словом, как *Haus*. У Юма — извне бомбардировка человека бесконечностью точечных ощущений. Эта раздрабляемость не устраивает германца, и он, что ни попадется, волево собирает из *Innen* в узел, целое. Так здесь *Aussere* — «внешность» собрана в пространство, *Raum*.

Что все трансцендентальное есть домашнее и, в частности, *Raum* = чистый *Haus*, без предметов, обнаруживается в том, что в немецком самочувствии познание есть по сути — «схватыванье» (*Begriff*) чего-то извне и подведение под форму или понятие — как под крышу, а там уж их проникновение и соитие. Понял это особенно, когда наткнулся на следующее выражение у Канта: «Существует определенная форма, под (*unter*) которой единственно возможно наглядное представление ее (души. — Г.Г.) внутреннего состояния: именно, все, что принадлежит к внутренним определениям, представляется в отношениях времени» (с. 43). И далее главнейшая проблема будет: как подводить наглядное представление под понятие? В способности суждения и через трансцендентальную схему это будет осуществляться, как через аркан и лассо, клещи зацепления. Но вот это *unter*, «привести под» — остается основной амбицией по(н)ятия — взятия бытия.

Характерна близость *über* («над») и *übrig* — «лишнее», остальное, отрицательное, ненужное (ср. выражение: *übrig bleiben* — «оставаться лишним»). «Лишнее» — то, что над крышей дома познания пребывает. Здесь опять обнаруживается, что важнейшая в германском кос-

мологосе архи — и архе-идея **вертикаль** (ибо Verstand, Gegenstand, Zustand, Anstand, Vorstellung — кругом «стоять», ставить», а также: Baum, bauen, где даже в корне «рост» и «стройка» отождествлены) **расчленена** на более положительное — Tiefe, «**глубина**», низ, — и на верх, за крышей, поверх уровня, куда достигает рост и стройка, труд, так что **высота** — величественна, но не уютна, безжизненна и потому «übrig», лишняя. Так что восхождение, хоть и почтенно в Германии, но не беспредельно.

Auf die Berge will ich steigen,
Wo die fromme Lüfte wehen,
Wo die Brust sich frei erschliesset...

Видите, как населена высота низом и приспущена!

«Что же такое пространство и время? — спрашивает Кант. — Суть ли они действительное существо(вание) (Sind es wirkliche Wesen — S. 51) (= Суть ли они бродячие среди пустыни вещей их отношения — неприкаянные, бесприютные собаки, — или ручные животные, привязанные к дому и хозяину? — Г.Г.) или они таковы, что единственно⁴⁸ к форме воззрения пристают (haften — «привязываются», «прилипают»)?... Вот это Haften опять выдает домостремительность германского мировоззрения.

Кое-что обнаруживает и в Канте то понятие о Raum немецкого Muttersprache («родного языка» — как материнского), которое мы усекли у Пауля: «Никоим образом нельзя себе представить, что пространства нет, между тем как нетрудно мыслить, что в нем нет никаких предметов (Помните: Raum — Leere, Unausfüllte — «пустое», «ненаполненное». А дальше уже оно трактуется как протяженность. — Г.Г.). Поэтому пространство следует рассматривать как условие возможности явления. Ег («пространство» — он по-немецки, муж, и в этом тоже различие со среднеродным, т.е. по сути безродным, бесполом, отвлеченным русским представлением. — Г.Г.) wird also die Bedingung⁴⁹ der Möglichkeit

⁴⁸ Allein — «все одно». Типичное для германства соединение двух противоположностей: («все» и «единица») и ограничение их взаимно друг с другом в третьем — целом — понятии **всеединства**.

⁴⁹ От Ding — «**вещь**», тогда как русское «условие» — от слово: и разница, а? Не только Raum — вещественен, материален, вязок и густ, но и все мышление, философия в Германии — более вещественное, материальное, вязкое, густое, мастерское дело, что я уж достаточно проявил на сопоставлении терминов. Потому и может германская философия заявлять о своем идеализме — а она в большинстве идеалистическая — и даже ей это пристало и к лицу, — что само философствование там есть солено-потное ремесло, чистка орудий труда, мастерского инструментария: всяких

der Erscheinungen. То есть буквально: «Он есть вещьность моши блесков». Значит, пространство — тело (Bedingung) возможностей, их пук и сноп; но возможностей чего? — световых проницаний.

Так что вообще-то у Канта все априорные, трансцендентальные формы — безглазы, не световы: свет явлений — Erscheinungen в них только может въехать (fahren) через поезд(ку) опыта (Erfahrung). А пока мы в кузне а priori находимся, где нибелунг Иммануил, гном Кант (различаете подобья в звучании?) шурует кувалдой, выковывая доспехи чистого разума (как меч Зигфрида), — нам темно, и свет еле брезжит в конце. И верно: читая «Критику чистого разума», чуешь себя в шахте и штольне, без доступа света и воздуха, и, читая, надо затаить дыхание, приглушить чувства, замереть — и вслушиваться: тогда поймешь и причастишься. Но все — и это ободряет — делается Кантом как приготовление к будущему выходу из шахты и к жизни средь опыта, воздуха и света.

Вероятность и необходимость

21.IX.68. Юму совсем не дорога **необходимость** — он без нее обходится прекрасно, заменив в понятии причины необходимую связь на постоянную связь, насколько до сих пор в опыте она наблюдалась.

стоек (Verstand), противостоек (Gegenstand), установок (Vorstellung), одержек (Verhältniss), вдержек (Inhalt), ухватов (Begriff) и т.д. Заявление о приверженности идеализму здесь — это как богобоязненность и одухотворенность кочевара и истопника: разве не этой именно стороны в его бытии и труде не хватает? И если он в адской своей машине об идеале и идее все молитву бубнит — разве не прекрасно это и не спасительно для целостности человека? Идеализм здесь — как чистая одежда — мечта шахтера. И не оттого ли чернокнижник — чернорабочий духа Фауст будет-таки спасен у Гёте — германским богом-олимпийцем благословлен? Нетерпима германству проклятость Фауста = «руки», «кулака» — труда и воли, которые как раз все и схватывают, держат и устанавливают.

Так что нелепо, когда чистюльки русские, у которых даже Bedingung — «условие», а Sein — «бытие», (от «бы»: «если бы да кабы, во рту выросли грибы...», т.е. не то, что есть, а крайне проблематично), упрекают германскую философию в идеализме и ругают за материализм. Тут уж как раз очевидно, что у одних (немцев-философов) материальное производство на деле, идеализм на словах; у других (русских) — материализм на словах и понятиях держится, на таких воздушных опорах. Но здесь тоже важная черта: слово обретает в России вещественное значение, и оно сильнее и страшнее, чем даже дело: власти слов больше боятся, чем поступков, но без слов, при «шитомкрыто». И оттого столь велик реальный вес Слова, литературы в бытии России, и оно есть первая действительность русской жизни: **вещая**, что твоя **вещная**.

Кант лучше пожертвует любым предметным знанием, чем принципом необходимости. Потому он и изгоняет все предметы и знания, которые — это ясно — шатки и условны, чтобы добыть чистую форму знания, которая беспредметна, и истины в ней никакой нет, но зато без нее никуда не денешься: воистину — необходима, если хочешь что-то познавать.

Notwendigkeit — «необратимость»? или «поворачиваемость нужды»? Или «оборот принуждения»: Not = Zwang? Почему нужно, чтоб истина имела свойство принудительности: не свободно чтоб приниматься (как растение) в человеке и человеком, по любви, по чувству, — но по силе извне налагаться? Тут ощущаешь голос труда и мастерового. Что было бы, если б дерево не поддавалось усечению, а, напротив, разрасталось бы пуше от массажа ударов топором? Это трудяга привык принуждать природу, гнуть ее по плану своему. Если он не будет обладать уверенностью, что иначе быть не может, не должно, — шага ступить по жизни нельзя: а вдруг я шаг вперед сделаю, а меня подбросит за облака?

Юму достаточно вероятности, почерпнутой из опыта, но не зарекается он, что так будет всегда. У мореплавателя, для кого бытие — океан, никогда не может быть полной уверенности в однозначном последствии своих дел. Потому он осторожнее в суждениях, допускает свободу воли бытию — случай; а немец, если о свободе воли и рассуждает, то уж только в применении к «я», сознанию, а не к бытию: там, в природе, по Канту и Гегелю, — царство необходимости.

Немцу вероятность ничего не говорит: зыбкая это почва; корабельщик англичанин привык жить на палубе, делать свои текущие дела и не страдать, что может открыться течь, и все его дело напрасно. Немцу нужна гарантия, англичанину — **страховка**, insurance, т.е. «вверенность», вероятность; но и несчастный случай допускается, и на всякий случай заранее принимаются меры. Немцу нужна достоверность а priori, что несчастный случай исключается.

Нет, точнее так: случаи конечно, могут быть. Следовательно, нужно убраться с этой зоны туда, где их быть не может: во всяком случае, очевидный ход — убраться из открытого пространства бытия, Raum, в дом, Haus, где я хозяин и необходимость от меня исходит (моего «я», сознания, разума), в моей власти, в загашнике у меня, как ключи, лежит. Вот почему Кант убирается из предметного пространства за стену дома и устраивается у окошка, рамки которого действительно образуют склад и предел возможного видения вещей, их вступления в мой кругозор. Пространство-окошко и есть совокупность возможных наглядных представлений, а само есть — чистая форма созерцания, чистое Anschauung, особенно, когда промыто и чисто вытерто.

Так что только благодаря тому, что германец свивается в дом, в Jnnere, в помещение, покидая открытое бытие, он спасает необходимость. Но она тогда выступает как «чем бы дитя ни тешилось — лишь бы не плакало»: как его внутренняя забава, а не как дело и свойство бытия. Но раз он без нее не может, значит, она и на его познание бытия распространяема: оно только в формах необходимости ему явиться может. Но и этого немцу достаточно: пусть неведомость вокруг, но зато необходимость при себе, внутри него! Значит, он — ее начало, источник и определитель. А раз так, то сам он — немецкий Логос — до необходимости, вне нее, ее предпосылка, следовательно — в сфере свободы воли. Получается такая иерархия и цепь:

1. Jnnere — Помещение дома — Хозяин — Свобода воли (чего хочу, то и сделаю, как русский самодур — что левая нога хочет).

2. Априорные формы — стены дома — двери, окна — экстравертность: я у окна — созерцатель, иль у открытой двери — на выходе в труд, дело и поступок — мастеровой; беру изнутри, запасаясь домом как портативной моделью на всякое столкновение с чем-либо извне: все мое ношу с собой: все априорные принципы нравственности, созерцания и навыки труда. Они — необходимость, судьба для всего, что ни столкнется со мной за стенами дома, в мире опыта.

3. В открытом бытии, зона возможностей, опыт, я — земледelec и строитель.

Это напомнило структуру лагеря, как она дана в «Одном дне Ивана Денисовича»: барак — двор лагеря — зона. А за ней еще — воля, открытый, неподвиженный простор бытия. Англичанин и русский их допускают и к ним приноравливаются. Немец же склонен и открытое бытие упрятать в зону, за пределы, за решетку.

Так что «Критика чистого разума» — это совершенный концлагерь для способностей познания: всем участочки и пределы отведены, а что за оградой — вещь в себе, тебя не касается; побег — трансцензус в трансцендентное — исключается: там иллюзии, антиномии и прочее зверье в тайге, так что «не ходите, дети, в Африку гулять». И приговор окончательный, обжалованью не подлежит: Кант именно раз и навсегда пределы разума напрягался очертить. Но как трагический герой в держании своем как раз и переходит пределы сил своих (здесь — ограниченного разума людского) — и впадает в безумие и гордыню.

Так, Кант иронизировал над осторожным скептицизмом Юма: «Тогда суждение, что между двумя точками возможна лишь одна прямая линия, не было бы необходимым, но только опыт всякий раз получал бы нас тому, что это так. То, что заимствовано из опыта, имеет лишь сравнительную всеобщность, именно путем индукции. Следо-

вательно, на основании опыта мы могли бы только сказать: насколько до сих пор мы замечали, нигде не встречается пространство, которое имело бы более трех измерений» (с. 44).

Осторожность Юма, допускающего неведомую ширь бытия, а с нами лишь — вероятность (а не вера и необходимость), оказалась более согласной с истиной бытия, которое на скромность человеческого разума и даровало откровение и явление свое в одеянии неэвклидовой геометрии XIX в., множества пространственно-временных континуумов XX в. и т.д. Вероятность, как робкое упование человека-любовника, более по нраву бытию, чем деспотическая самоуверенность германца — насильника, приступающего к природе с необходимостью и принуждением и во всеоружии априорных форм — шаблонов и рабочих инструментов.

Однако, с другой стороны, и благо этому германскому дерзанию человека каждый раз замахиваться понять все и владеть целым, ибо таковой — максимум из себя выжимает сил и способностей, на грандиозную цель замахиваясь. И хотя он к бытию относится не как джентльмен, но зато как добрый мастер и работник. И крепко обнимает, и в него врубается, глубокое и истинное бытию наслаждение доставляя от взаимного соития — познания — по(н)ятия.

Как знать до знания?

Образец априорного познания для Канта — геометрия, математика, но почему? Потому что они сами **конструируют** свои наглядные представления (а не даны они им, не восприняты в опыте), так что — господа положения: что рисуют, что представляют, то и объясняют, полное совпадение у них понятия с ими же сконструированным объектом, так что у них — истина, адекватность познания. Но увидел эту черту математики именно германский философ, позавидовал, как ловко работают в соседнем цеху! — глазом мастерового в бытии, который в работе вносит свой план в предмет, опредмечивает замысел, — и задался вопросом: а откуда это берется, что я потом в труд и опыт вношу и употребляю как схемы и навыки познания и трудовых операций? И что мы можем **знать до знания**, находясь при себе, в доме своем, где может быть знание адекватно, ибо здесь я познаю себя, а не предметы за окном и дверью?

Разница с геометром здесь только в том, что геометр уже конструирует себе предметы для последующего понятия, а трансцендентальный философ предметы будет иметь из опыта; если геометр уже

руками и инструментами мастерит и хлопочет, то у трансцендентального философа они пока еще связаны, хватать и обнимать ему еще нечего; однако, в руках должна ведь жить хватка, а в мозгу хвататы (Begriffe) не частные — они будут разные и случайные, — но годные для любых возможных предметов, с которыми придется вступить в схватку. Вот почему «Критика» Канта — это парад сил до сражения и обзор своего всеоружия. Даже это — маневры, где холостыми патронами стреляют, никого не убивают: ничего не добиваются в реальности, никакой пользы и знания, но ведь при этом все манипуляции производят — в чисто канунном виде, беспредметно, и таким образом, если не знания (победы), то самосознания (себя как воина и оружия своего) добиваются.

Не в том определение (и ограничение) пространства у Канта, что он его мыслит ограниченным извне, не бесконечным — нам присуще его мыслить как разное: и бесконечное, и ограниченное, — но в том, что он определяет пространство как целое изнутри нашего Jnnere — зону и юрисдикцию его среди наших форм знания до знания: не пространство ограничено пространственно, но оно ограничено временем — как другой чистой формой возможных в нас наглядных представлений; а оба они ограничены в своих возможностях далее понятиями рассудка, трансцендентальными идеями и т.д.

Однако, откуда б ни шло ограничение, факт налицо: пространство, как любая категория в системах германской философии (именно оттого, что они — системы, претендуют на мир как на целое), ощущается стесненным в своем «жизненном пространстве» и тоже как «в», внутри чего-то. Собственно, Raum — не что иное, как грандиозное «В», Jn — в чем все, тогда как Jnnere есть то «в», что во всем, внутри любого.

«Пространство представляется как бесконечная **данная** величина. Всякое понятие, правда, надо мыслить, как представление, которое содержится в бесконечном множестве различных представлений (в качестве их возможного признака — ну, как белизна среди мириадом белых предметов. — Г.Г.), следовательно имеет их **под (unter sich) собою** (как под крышей или под маткой-наседкой. — Г.Г.), однако, ни одно понятие, как таковое, не может быть мыслимо так, как будто бы оно имеет **в себе (in sich)** бесконечное множество представлений. Между тем пространство мыслится именно таким образом (так как все части бесконечного пространства существуют вместе)» (с. 44–45).

Так что Raum как грандиозное «в» — есть раздвинутый во все стороны Haus, помещение бытия.

Возлюбленный враг

А ведь враг-то мой, Мясников, по сути — мне благодетель! Благодаря тому, что он 4 года выживает меня из Института, не допускает моих работ до обсуждения, — не имею я плана научной работы, а зарплату получаю. Так что мне было подарено 4 года для полного вольномыслия за казенный счет — годы, когда я смог сложиться и выработать свой принцип неориентированного мышления и им ряд работ осуществить. Именно благодаря тому, что была порвана связь с Институтом и я готовился к скачку в открытое бытие, я получил полный простор для свободного творчества. Ведь на месте Мясникова какой-нибудь доброжелатель мой, даже Эльсберг, который желал бы мои работы заполучить, ведь как бы я был этим обвязан, взлететь бы на вольный простор мне было затруднительнее: ориентироваться несколько пришлось бы. А так — о, счастье! О, враг мой возлюбленный!

И вот когда на днях в дирекцию ходил и откровенно ругался, — Ушаков там, Щербина... Тоже ведь враги родные уж, как соседи в селе — к одной колеснице бытия полтора десятка лет вместе привязанные и уже друг другу необходимые. Даже, сидя у них в кабинете, теплоту к ним ощущал — аспиды родимые! Потому и у них не хватило силы меня исключить, хотя я все время на эту грань себя ставил.

И Мясниковым не мог не восхититься: выдержка какая! Я ему руку не подал, а он спокойно ведет со мной далее деловой разговор, так что это я залютовал и, взявшись, в том бою не добился победы.

Так что воистину: «пораженья от победы сам ты не должен отличать», и не нам судить... Однако ж я вот посудил: и тем, что лютовал и воевал, и тем вот, что допер до понятия «возлюбленного врага». То ли это, что «любите врагов ваших»? Отчасти. Ибо в «любите врагов ваших» враг так твердо врагом и чуждым мыслится. А не понят как твой благодетель, переимщик зла с тебя на себя — как Иуда для Христа: ведь именно Иуда — Agnus Dei (Агнец Божий), взял на себя все грехи мира и величайший из возможных, и предоставил Христу возможность подвиг совершить и прославиться во человецех.

Империализм синтеза

Но почему именно синтетические суждения а priori интересуют Канта, и, собственно, весь основной вопрос «Критики» он так и формулирует: как возможны синтетические суждения а priori? Аналитическое суждение — это разборка готового понятия, вещи, предмета, машины — и сборка обратная. В итоге ничего нового не узнается, а то что уже содержалось. Анализ и имеет дело с Inhalt — с «держанием внутри», т.е. с замкнутостью своей внутри себя.

Но синтез — переход к новому: не с готовой вещью имеет дело, но с ее изготовлением, так что опять подход мастерового сказывается. Синтез — это значит: дано одно, дано другое, в первом не содержащееся (например, черен и обух); соедини, свяжи их, так что новое получается, не ведомое доселе узнается (топор), — т.е. совершается прибавление к бытию и знанию. Но как это возможно соединить? Эмпирический синтез соединяет удар и боль частотой и привычкой. Это сцепление двух содержаний по существу. Но это уж как придется — по воле встреч предметов в опыте: заслуги нашей здесь нет. А вот до встреч — что в нас? — Готовность к синтезу возможных предметов. Вот ее усмотрел Кант и стал исследовать: не как топор получается из черена и топорища, иль запруда из земли на реке, — но волю сцепления, газосварочный шов. Если топор из соединения дерева и металла образуется, то прежде должны витать идеи острой тяжести и рычага — и съединиться: они и их синтез в отношении «топора» априорны.

Запруда — вода на земле. Совсем разные вещества. Соединимы они в запруду не тем, что частичка воды (капля) соединяется с частичкой земли (песчинкой) — т.е. не по содержаниям своим, а тем, что **форма** их зацепления — фигура запруды — предносится в уме. Так что чем сцепляемы и соединимы предметы, чем они сцепляться и соединяться друг с другом будут в опыте, т.е. уже частичками своими и по содержанию, — предусматривимо мастеру — не опытному, а как раз доопытному: в чистом предприятии сцепления вообще, где он и выясняет, вглядываясь внутрь себя и познания, что мы сцепляем вещи по величине, по качествам, по их отношениям и т.д. — т.е. по понятиям, для которых не важны: песчинка или капля, или луч, а ко всем относятся — и какие монстры из них образуемы вообще. Форма = воля.

Синтетические суждения a priori — домашний империализм.

Сказка философии

23.IX.68. Читал позавчера Мейстера Экхарта — и, Боже, как стыдно стало за свой язык, празднословный и лукавый. Но что делать? Ведь я ж молчу, часы молчу, внутреннюю беседу умную веду с бытием, лишь вот слова шевелятся — много слов, ужас... Но ведь они — подспорье. Ими я Бога тихо ласкаю, и ушли — чорт с ними (кстати: Люцифер = возлюбленный враг Господа; каковы близнецы, все парно выступают: только Бога помянул — чорт сам тут же на язык приплелся!): отслужили уже как инструменты молчания. Да. До чего божественно именно письменное слово! Позволяет тишь сохранять и вслушиваться, тогда слово уст барабанило б по мысли и ее одуряло б.

Еще одно потрясение — вчера было: ходил с матерью, Димкой и Б. на «Сказку о царе Салтане», и мать в антракте повела нас к оркестру, к своим знакомым, и арфистка Кира Сараджева, столь же восторженная до седин, как и моя мать, — оттого и седины к ним запаздывают (а им за 60), — сказала ей: «Вот вы, музыковеды! А отчего в наше время только один Прокофьев сказку полюбил и понял — «Золушку» написал?»

И в меня это вошло. Боже, какая тупость настала! Задевает нас, лишь если с людьми, на нас похожими, что-то происходит: все узко-глазо, без воображения и широкой симпатии, как еще у деток... Вот сейчас я пишу, прослезываясь от умиления, и спасибо тебе, Господи, что и там, в опере, я плакал, когда царицу с сыном — в бочку, иль когда царь Салтан в конце обнимает царицу. Еще узко это сочувствие, понимаю: переключки с моими ситуациями слышимы. Однако ж и то хлеб, что и на это способен в сказке оказался. И еще Пушкин умилил: как возделал, как днями мог сказочными образами — прямо силами бытия заболеть, их хороводы водить!

И очевидны стали серость и убожество философствования моего — сейчас совместно с Кантом...

— Стой, не замай! Как раз ведь после Экхарта очевидно тебе стало, какой Кант — мистик: отбрасывая раздражающие внешние и всякие образы, вслушивается в тишину сокровенной глубины, и что она там ему нашептывает, и оттуда доносятся дивные, неземные звуки: «трансцендентальный» (недаром шулер Сатин — совсем из другой, нефилософской оперы, был пронзен сказочной красотью этого слова волшебного), «синтетические суждения a priori», — «трансцендентальное единство апперцепции», «феномен», «имманентно», «трансцендентно...» — да ведь это совсем не скучные слова философской абракадабры, а каббалистические слова — заклятья, как у астрологов и алхимиков. Недаром у Канта прашур — чернокнижник доктор Фауст. Так что Кант сказку в мышлении и звуке творил. Точнее, не сказку — больно оральна она: устна, — но мессу, как Бах.

Так что не буднична философия. И все ж Кант как раз снизил философию, скроил ее по масштабу малого человека и серенький реализм в подходе к бытию и мысли утвердил: прежде всего подумай, что ты можешь, т.е. думай о себе, а не о предмете любви, — тогда как старая и вообще более широкая и не реалистическая философия сразу с видения любимого предмета начинает: Бога, бытия, субстанции, идеи, материи... — прорывается к нему через Эрос, в любви, любив, — и нет вопросов и сомнений, каким путем дошел до жизни такой: прямо в Боге, в духе, в мышлении. А Кант как раз, сам безростный, — вот эту молнию Эроса, что нас возносит к предмету мысли, осадил, на нее насел, и стал, мясник, ее рассекать и колошматить в

рассудочной рефлексии, так что порвана пуповина оказалась и канал, и установился брак мысли с предметом не по любви и упоению, а по расчету: когда выкладки мои внутренние рассудка кладут себя как условие всякому восприятию и входу чего-либо в меня, т.е. мой эгоизм и эгоцентризм и моя мерка — всему предусловие. Фу...

Сам-то Кант, поскольку он еще лишь низводил разум на землю (как Прометей огонь: молнию — в спичку) и кроил его кафтан человеку по его малой мерке, — был причастен к высшему и его ведал... Но другим наглухо закрыл потолок и прорываться заказал. И стала после⁵⁰ философия и не умозрительно-мифотворческим, и уже и не музыкальным делом. А скучно пережевывают бесчувственные гелертеры «феноменологию», «онтологическую редукцию», «конструкт», «концепт»... Нищета.

Борщ бытия

Нет, только дети еще понимают, не потушены: ма-а-аленькие, а какое пространство пестрое клубится в их душе — как в кастрюле, где борщ бытия выкипачивается! (Светлана сейчас нам, наверное, борщ варит). Вот такую философию увидеть, проявить и высказать — борщ бытия! Где основные «категории», элементы — это земля=картошка, вода=капуста, огонь=морковь и свекла, а воздух=пар и испарения... Конечно, борщ — это прообраз, великое смешение...

Ну да, что в нем? Сначала осевшие в земле свет, воздух и вода, прибывшие из рассеянного бытия на землю, чтобы приступить к делу окончательного воплощения — в разных видах земли, вещества, материи, — обретают формы = земные охватыванья пришельцев, где их разновидности сохраняются и проявляются и на земном косноязычном бормотании выражаются.

Морковь — явно язык пламени и формой, и цветом; это заземленный луч, перун и фалл неба, в землю вонзившийся, впившийся в страстном соитии. Недаром морковь — эвфемизм для мужского органа («Кто там?» — «Это я, Вовкаморковка» в анекдоте). Ребриста она, как складки кожи, а сверху заросли волос кустятся зеленью: электричество — вождение бытия как раз через травы-волосы (через них ведь впервые электричество обнаружили) улавливается. Заземляется и в шишку передается. Недаром и витамин такой в моркови — Е, который Еросным делам покровительствует. А упорна она, морковь: вариться ей дольше всего; значит, в ней огонь наиболее закалился и в наиболее твердое вещество земли обратился.

⁵⁰ Имеются в виду философы-методологи нашего века. А не германская классика от Канта до Гегеля. — 1.6.96.

Правда, **свекла** еще дольше варится. И тоже, бесспорно, огненна она – шар к тому же, как солнце или темно-красная звезда – астероид Бетельгейзе. Форма ее – колеблющаяся между шаром и стержнем, между яйцом – целостностью бытия и фаллом – односторонним сосредоточением бытия на действие: бытие, как амеба, переливается в одну сторону свою – и так движется. Стержень из шара – значит: распалось улыбочатое самоудовлетворение бытия, и оно недовольно – страстно вытянулось в чувстве своей избыточности и в стремлении к действию, к творчеству, к отдаче избытка, для чего образуется полость, недостача, вытягивающий вакуум – женское начало.

Овощи оттого милы и детски симпатичны (недаром в инфантильно-сказочном мире Гофмана так бодро живут), что в них бытие в основном шарообразно, целостно-самоудовлетворенно, еще дополо (как в шариках – детках), не хищно вытянуто и не голодно вогнуто: капуста – шар, картошки – шары, помидоры, репы, тыквы, дыни, свеклы... Лишь начинают вытягиваться в подростков, даже скорее, отроков, некоторые сущности: брюква, турнепс, морковь, баклажан, огурец, но еще мило округлы они. Все дышит замкнутостью, конечностью бытия, его уютной целостностью; нет хищной и вечно несьютой танталовой идеи бесконечности, как бочки Данаид...

Картошки – так это дружная семейка шаров, солнечная система вокруг одной старой матки иль планетка со спутниками. Также и разноцветны они, в зависимости от того, какая звезда послала, из каких элементов спектра состоящая: бывают и бурые, и краснокожие картошки.

И потом в них **время** и мера, срок сказуются. «Всякому овощу – свое время», так что вырыть его вовремя, срезать, сорвать (т.е. убить – на языке узко смертных) – это ему угодить: ведь останься картошка в земле после срока – что с ней станется? Сморщенная, склизкая, гниющая – фу! А так – царица стола. Так что и смерть им не в горе, а во благо, ибо в красе их полной, в достижении и совершенстве – Богу-бытию через глотку человека иль животного овощ докладывает и возвращается в рассеянное бытие: чрез газы, пары, жизненные духи – соки, которые стимулируют и спариванье уже на животном уровне: т.е. неподвижно сидевшие на месте овощи уже оказываются энергетическим квантом и в движение существа приводят; мысли разные: и практические, и умозрения огнем взвиваются.

Капуста – белокочанная, музыка сфер многих, в которые кочерыжка мужская обернута. Капуста – совершеннейший нам от бытия подсказ. Оболочки неба – белые, нежные, тонкие, слоистые, как облака. Потом – объятие, любовь, забота, прикрыть собой: так целое бытия в лоне своем все оберегает. Капуста – совершенная женщина: полость в полости; и от этого лишь ее твердь и крепость хрустящая, мужество образуются: от множества единых, от любовной перистальтики единое приумножилось, повторилось волнами. Ну да, капуста = застывшие концентрические вол-

ны бытия. И ею ясно: как так небо – столь пушистое, прозрачное, ан – твердь! В кружевах она вся и оборках – женщина-мастерица, Афродита пеннорожденная. Ну да – она из воды и воздуха (что и есть идеальный состав из стихий для женщины; недаром **пена** и есть из воды и воздуха, на их краях взбивание и оттуда – Киприда, женщина *par excellence*, по идее); оболочки в ней = своды небес многих – водой сочатся, как с небес ливни и грозы (по «Ведам» вокруг нашего мира – воды Варуны) выдаиваются из вымян облаков = коров. Но между слоями небес-облаков – воздух, дышать чтоб чем.

Но крепче охваты, плотнее небеса, белее, – чем глубже к внутри: хребты уж, стволы и ветви образуются из сводов небесных – мощные. Наливается вкус: был жидкий, нулевой, становится слаще, круче – и вот уже горчее, горит, огонь, жар близко. Лишь снаружи, для непосвященных, бытие – мирное целое, круглый улыбочивый шар. Внутри себя оно начинает волноваться, деформироваться, разделяться, различаться, и вот уж ясно проступает в капусте вонзенный в полость крутой стержень – кочерыжка Вирадх.

«Разделив свое тело, он стал посредством (одной) половины мужчиной, (другой) половины – женщиной; от нее тот Владыка произвел Вирадха... Сам мужчина Вирадх, исполнив покаяние, творец всего этого [мира]» – так гласят законы Ману (1, 32–33). А Вирадх, как толкуется в примечании, – «первое существо, порожденное Брахмой, олицетворение начального явления в живой природе; возможно, олицетворение мужского начала»⁵¹.

Капуста – наглядная метафизика бытия, сказание о **воплощении рассеянного бытия**: как собирается, сгущается, стесняет себя пространство (и сферы) и образует твердое вещество, где в малом – избыток, квант энергии, огонь, что горит и возжигает: горьки подступы к кочерыжке, желты и сожжены, и несъедобны – но зато внутри какой твердый сок и энергия!

Капуста – монада основного события, чем живо и пребывает бытие: воплощение рассеянного бытия. Ибо и садится она из ничего – из рассады, потом аморфные слабенькие листики самозакручиваются.

Благословенна она лучами, каплями: к ней, магниту, скапливаются, пестуют, холют-лелеют небеса и мировые воды – доченьку свою. И стоит вот уже нарядная: «Сто одежек, сто застежек».

Загадки как раз эту веселую метафизику бытия, борщ бытия являют, и вслед за Кантом ими займусь. Вот уж из «Загадок русского народа» Д.Н.Садовникова – № 785:

Стоит поп низок,
На нем сорок ризок.

⁵¹ Законы Ману /Пер. С.Д. Эльмановича. М., 1960. С. 23–24 и 269.

Что поп чаще всего упомянут, – значит, религиозную сферу зачерпывает капуста: поп – бог на земле, и капуста – его воплощение. И створки ее «ризами» названы – тоже божественно, вознесенно, небесно. Еще упоминается, что поп «низок» – т.е., приземлен бог, заземлено в капусте целое бытия.

Вариант – воин:

Стоит Хвилат,
На нем сто лат. (786) – тоже из высокой сферы.

Еще подсказывается капустой чудо самоуплотнения бытия, его само-держания:

Латка на латке,
А игла не была.

Или

Заплата на заплатке,
Иголкой не шит.

То есть берется уже не «риза», а, напротив, наш бытовейший и нижайший образ: «латка», заплатка, иголка, – но в нем чудо указывается, и, значит, в бытие распахивается, в прообраз свой. И женское начало капустой подсказано:

Сидит баба на грядках,
Вся в заплатках (787).

Как насадка вселенной.

Но больше и абсолютно преимущественно – въедливый, загребистый мужичок:

Шароватый,
Кудреватый,
На макушке
Плешь,
На здоровье
Съешь! (790).

Совсем зазыванье на любовь (на здоровье съешь), кудряв красавец – и плешь (от многой любви облысел; но плешь – и солнце, лысина от ума).

Маленький,
Удаленький
В черну землю ушел,
Белу книгу нашел. (791).

А здесь капуста явлена в возвратном процессе — как **рассеяние воплощенного бытия**. Ну да: в итоге воплощения рассеянного бытия **ясное солнце** по каналам растений и деревьев проникло сквозь оболочку земли и свернулось в черную землю, а глубже: в перегной, что тлеет, а далее и в уголь и нефть, что горят и суть — **черное солнце**, брат небесного. Так вот: в капусте маленький, удаленный лучик за землю зацепился, в нее вошел, почернел, а вернулся опять в воздух и раскрыл перед небом белолистную книгу.

А лист — белая бумага: то представитель неба перед нами и в капусте — из земли бытие восставлено: энергичная черная земная, в минералах и кислотах растворяясь, приравнивается к вкусу корня — посланца неба, в его стебель проходит — и вот уже пробивается на волю, к свету и солнцу, на иной уровень, в жизнь иную. В рай, и там плоть иную праведник обретает, белую, эфирную, там разворачивает свой букет и радостно заявляет земли черное солнце, что помнит братство, форму и склад солнца ясного, хотя мириады лет землей лежало. И небеса с умилением узнают себя в капусте, вновь обретая пропавшего брата и белую книгу судьбы мировой.

И с радостью крепкое вещество земли отказывается настаивать на своей силе, рыхлеет: кочерыжка сначала крыльями ближайших листьев обволакивается и даже возносится во все более легкие, воздушные небеса.

* * *

Прервался размяться. Вышел на балкон — и там дышу, мотаю головой, воздеваю руки, отбиваю поклоны. Наверное, для жителей дома напротив, я — как муэдзин, что в определенный час дня (сейчас как раз 12, полдень декретного времени) выходит, курлычет и кличет к намазу.

* * *

Ну и другие овощи уж потолкуем — приятное занятие (хотя и грызет вина, что к Канту себя не принужу, не закую на сегодня). Вон **огурец**: то множество в единстве, население в доме, в городе:

Ни окошек,
Ни дверей —
Полна церковка людей (792) —

храмина, горница, дом, корыто — полны: людей, частей, рубак. Подчеркивается герметичность закрытия — как космический корабль: и не подумаешь, что внутри жизнь возможна, ан там и воздух и вода, и улица и дома. И существа — семечки. Огурец — как семиноноситель — мужской орган:

Между грядок
Лежит бык (гусь) гладок (794).

Меж двух гор
Лежит Егор (795).

Огурец также прислан из космоса рассеянного бытия на воплощение – с множеством семян, как душ, обреченных на жизнь на земле (ибо на воздухе и свету, из пространства, из ничего образуется). Но он также и из земли на капкан светлого семечка небесного вырос, притянулась плоть к душе, поселилась; а когда раскупорят – рассеется множество по бытию на ветру. Было ведь одно, твердое зерно, крепко стиснутой рукой оболочки, твердым веществом мясистым оно души и нервы, позвоночный столб внутри (иль главную улицу города) сжимало; а вот ведь глядь – из единства и множество возникло, разбилось на них, ими рассеялось единство – и пшик в бытие по ветру и до ветру. Скандал!

Луковица – здесь множество снаружи, как и в капусте (тогда как в огурце единство снаружи, как за крепкой границей тоталитарного государства, а прижатые различия и множество – внутри). Но если капуста открыта, простодушна, приглашательна в свои объятия (недаром французское нежное к женщине: *mon petit chou* – «капусточка»; женско-материнское в капусте очевидно и в том, что детям говорят, что их нашли в капусте), то луковица – баба-стерва.

Сидит баба на грядках,
Вся в заплатках;
Кто ни взглянет,
Тот заплачет.

Пришла панья
В красном сарафане;
Как стали раздевать –
Давай плакать и рыдать (777).

Скрытая горечь – защита женского начала в бытии, так же как полость, сладость и округлость – приманка. И лук ведь – и сладок, и горек. Но мы его едим, нам нужна в организм горечь – т.е. то, что горит и жжет, огонь.

Лук – воплощение огня. Недаром лепестки его – как языки пламени, а сам он – как костер (и костер хороший форму луковицы имеет). Но лук – огонь в воде, искра в капле. И потому, если простая капля воды – чистая женщина, самодовлеющая, округла, действует только когда ее касаешься: обмывает – обнимает, девственная плева поверхностного натяжения лопается, она в полость превращается, орошает тебя, – то капля-искра дразняща, вызывающа на расстоянии, как цветастая испан-

ка в сравнении с серенькой русской. В запахе остром лука – искра пробивает каплю и выносится наружу и цепляет глаза и ноздри, и капли ответные симпатии иль отвращения (во всяком случае, неравнодушия).

Запах есть съединение воздуха и огня. И то, что капля лука обладает запахом, выдает в ней искру и пузырь, на котором, как на шаре, искра вылететь может, прорвав атмосферную оболочку капли-планеты. Запах – руки луковицы: как руками мы можем быть больше, чем мы есть: захватить большее пространство, чем занимает наше туловище само по себе, дотянуться можем, оттолкнуть, – так и вылетающая искра-пузырь есть рука капли луковичной: благодаря ей, она, малая, великим владеет, кредит имеет. Капля простой воды равна себе: сколько занимает места, столько и есть: бумажных денег ровно столько, сколько золотого обеспечения. Капля-искра-пузырь лука – динамична (ибо огненная природа при-мешалась). А суть динамики, способности движения – что я сам здесь, а там быть могу, удар нанести. Так и образуется во вселенной то мало-мальское, что великой массой управлять способно (как младенец – матерью, как царство малых, но огненосных богов-олимпийцев смогло возобладать над сыроземными, огромно-массовидными титанами).

Так что лук – ба-аль-шой подсказ.

А картошка?

Между гор,
Между ям
Сидит птица
Холуян,
Несет яйца –
Божий дар (827).

Космическая птица. И это главный образ будущих загадок – наседка с яйцом. Россыпь золотая яиц-семян, первоначал жизни. (Ведь весь мир из яйца: из его раскола на полскорлупы неба, половинку земли – и океан меж ними).

Умножение здесь таково: из одного – много таких же, причем первое одно – умирает, жертва. Здесь та сторона бытия, что в «Бхагавадгите»: Мир=жертва Брахмо, через это – все возникновение; творчество – самопожертвованье.

Что же касается умножения, здесь иная форма, нежели в луке: там утолщение семени: было – одно (единица), стало – единое (Всеединое), разрослось величиной в мир, но не образовало множества отдельных разных существ. В огурце из **единицы** атома – тоже единое целого бытия (в нем лишь в скрытом виде уже предательски рассеяно множество – заразой распространилось). В картошке ж такой хитрости, как в огурце, – нет: бескаверзна она, простодушна. Но плодится, как амеба – почкованием в глазках и отделением в особое существо и царство: здесь множество таких же занимает место такого же прежнего существа.

Ну а борщ что? Если каждый овощ – определенный принцип бытия, элемент, где на свой лад решена основная философская проблема единства и множества, души и плоти – в разных сочетаниях стихий, то борщ – это уже их взаимодействие, их хоровод, философская система, где из многих разных голосов соки и писки, заявления выжимаются; голоса они подают, и многомерность бытия мы вкушаем, его плюрализм и составленность из многих пространственно-временных континуумов.

Борщ – это взаимопонимание элементов (в отличие, например, когда картошка одна варится, другого при себе не имея и не представляя). В борще же сразу обнаруживаются разные времена и сроки: одно время исполнения = поспевания у свеклы (планета Сатурн); другой год, но тоже долгий – у моркови (планета Юпитер); далее уж засемили близкие друг другу по времени обращения = крепости вещества: лук (Марс), капуста (Венера), картошка (Земля); (а кого подать к столу в качестве Меркурия?..)

Однако, листая «Загадки» Садовникова, я не обнаружил борща. Ну да – он ведь понятие украинского космолога! А русские – «щи да каша – пища наша» Ага! Вот и принцип русского бытия – несмешение, однородность субстанций блюдет: каша – уж из одной крупы, щи – из капусты. И такова вся русская кухня – почти нет смешений, иль очень смежные и близкие по составу стихий субстанции. Отсюда – элементарная простота быта, жизни, духа – неискушенность его (буквально: ибо не вкушал разного и не подозревает о его существовании).

Но отсюда (из элементарности и несмешения) – монолитность русского бытия: «все как один», «один за всех и все за одного». И отсюда: когда начинают разъедать его в порах вкрапления нацменьшинств, особенно едких – евреев, с их раздвоенностью, диалектической кисло-сладкой кухней, – это дразнит и опасно для русской монолитности. Оттого и реагирует русская субстанция самозащитно – антисемитизмом (Гоголь, Достоевский...)

И каша – большой подсказ для познания русского принципа бытия:

Черна, мала крошка;
Соберут немножко,
В воде поварят –
Ребята съедят.
Черна, мала крошка,
А угодя много в ней:
В воде поварят –
Ребята съедят.
Черна, мала крошка,
Да угодя плошка:
Сварят – ребята съедят. (527).

Здесь главное — соборность: великое единое из множества самих по себе черненьких, маленьких крошек: народ когда подымется весь, как один; иль «если в партию сгрудятся малые»...

Значит, богатство России — не в разнообразии понятий и категорий, но в мощи понимания и знания одного чего-то, чем русский космологос и близок к бытию как единому (но не как всеединому — ибо «всего», т.е. разного, мало, иль единства из многообразия и т.д.).

Только вот: чего «одного»? Что ведомо русскому народу больше, нежели другим братьям по бытию?

Вон сегодня радио слышал: о зонде на Луне торжествуют. И хорошо сочетаются: Чехословакией войска без звука и жертв овладели — и народ, великий как солдат-монолит, плечи свои могучие ощутил, радуется своей силе военной, физической; а в запуске ракеты ему явлено чудо, и душа в открытый космос, простой, как небо и снег, несется и сыта. Так что верно им управляют.

Мейстер Экхарт и Кант

24.IX.68. Ура! Еще на один день мне оставили Экхарта. Тогда воспользуюсь: и его перечитаю, переживу поглубже, — и описанию германского космологоса поможет, ибо через него можно проникнуть в германский образ Бога, а это понятие везде узел и свод национально-го космологоса.

И вот он прорисовывается так.

Кругом нас мир тварей, и мы тварь средь них; но в нас — душа. От этого мира надо отвернуться душой и опустошить себя от образов. В оставшуюся чистоту и глубину души входит Бог, ибо одной они субстанции. Однако, это еще лишь промежуточное состояние. Само представление Бога сопряжено с представлением о мире тварей и творений. Надо выйти за этот мир и, значит, и за Бога (ибо он — творец, демиург) — к тому ровному Ничто, в котором уже не Бог, а божество разлито, в котором и Бог, и душа наша ровно сливаются и неразличимы, и мы суть уже не в блаженстве, а — само блаженство.

Везде платформой и путем этого процесса оказывается наша душа и ее усилие, деятельность и замирание в отрешении! Душа позволяет себе купаться в образах — и тогда существует тварный мир; она же отвращается и сосредотачивается в глубине и в любви к духу — и тогда порождается ею Бог и втягивается в нее, как в сосуд (здесь душа —

женское начало, тогда как средь образов внешнего мира, ее Vorstellungen, — она как султан в гареме). Наконец она достигает состояния отрешенности и нищеты духа, когда она ничего не хочет, не знает и не имеет, — и тогда она достигает глубочайшей глубины, прекращаются все различия: Бога и тварей, а она сама — Бог. Хотя нет: это — на второй ступени, а здесь уже и Бог, и душа впадают в океан божественного Ничто. **Ничто** это само — не мрачно, а прозрачная тьма.

Итак, все производится энергией и пульсацией души: и мир тварей, и Бог, и Ничто — как стадии ее пути и самопревращения, метаморфоза (важнейшая в германстве идея: «Метаморфоз растений» у Гёте; саморазвитие Идеи, Духа у Гегеля, и через это — творение всего внешнего...). Tat и Wille (Дело и Воля) «я» — точка опоры и бытия, и мира, и Бога. Так что внимание устремлено в Innere, в центр, в сосредоточие.

Итак, данность не важна: мир ли, твари ли, даже Бог сам по себе. Кант скажет, что это для нас неважно, потому что мы об этом ничего знать не можем, ибо в себе замкнуты. Экхарт — потому, что это не ценно, ибо производно от главного деятеля в бытии — души нашей (но по Канту явления — производное априорных форм нашего сознания). Направление усилий — регресс извне в глубь, сведение множества к исходному, первоначальному Единству.

Но разберем одну проповедь. Вот «О вечном рождении»⁵². Очевидно, по поводу Рождества Христова. Но об этом смутно, можно лишь догадаться, что именно таков повод, ибо устремление мысли — рассеять этот обряд как данность и нечто внешнее, и превратить в акт и момент моей внутренней жизни, так что это не Христос рождается, а я сейчас, сосредоточившись в любви и мысли, рождаюсь во Христе и как Христос.

«Мы справляем здесь во времени праздник вечного рождения, которое Бог Отец непрестанно совершал и совершает в вечности (вот главное — до этого проникнуть! — Г.Г.) и празднуем это самое рождение, совершившееся во времени в человеческой природе (это уже частность — рождение Иисуса Христа. — Г.Г.). Рождение это совершается всегда, говорит Августин (опять поворачивает вспять, из истории и времени — в вечность. — Г.Г.). Но если оно происходит не во мне, какая мне от этого польза? (Вот куда гнет: чтоб вечное рождение, лишь частица которого нам для более легкого понятия и ближнего усвоения — рождество Христа, — имело бы арену мою душу. Вот уже бытие подключено и замкнуто на душу. — Г.Г.). Ибо все дело

⁵² Экхарт М. Проповеди и рассуждения /Пер. М.В. Сабашниковой. М., 1912. С. 11–17.

в том, чтобы оно совершилось во мне (а не само по себе в миру, в церкви и в обряде повторено. — Г.Г.). Будем же говорить об этом рождении, как оно совершится в нас или, лучше сказать, в доброй душе».

Итак, дано направление: мы уведены из бытия, из представления Христа и его образа — и обращены в душу свою: спиной к миру, лицом во внутрь.

«В какой же области совершенной души произносит Отец свое Слово (Ибо Христос — Слово. — Г.Г.)? Ибо все, что я говорю здесь, относится только к совершенному человеку, который шел и идет путями Божьими, но не к первобытному и неприготовленному человеку, потому что такому человеку это рождение — неизвестно и совершенно чуждо.

Так гласит слово мудрого человека: «Когда все вещи покоились в глубоком молчании (здесь всякое слово важно как акцент, читайте подчеркнуто. — Г.Г.), низошло в меня сверху с королевского престола сокровенное Слово». Об этом слове будет эта проповедь.

«Средь молчания было во мне сказано сокровенное слово». О Господи, где то место, в котором изрекается это Слово?

Оно в самом **чистом** (помните: «чистый разум»? — Г.Г.), в самом **нежном**, что есть в душе, в самом **благородном**, в **основе** и в сущности души. Там — **глубокое** молчание, ибо туда **не проникает** ни одна тварь или образ; ни одно действие или познание не достигает там души и никакого образа не ведаёт она там, и не знает ни о себе, ни о другой твари (т.е. волны опыта туда не достигают, полная независимость от ощущений — сфера, куда устремляется и Кант, огородив от опыта шахту трансцендентального, где он будет далее работать. Что же там? — Г.Г.).

Всякое действие душа исполняет с помощью сил (у Канта тоже Kräfte — силы, способности: Urteilskraft и т.д. — Г.Г.). Все, что она познаёт, она познаёт разумом. Когда думает — пользуется памятью. Любит ли — любит волей (NB что выделяет: перечисление — очень немецкое: разум, память, воля, — ср. «Мир как воля и представление» Шопенгауэра. А »память — обращенность вспять, в первоначало, регресс. В проповеди о «Царстве Божием» эти способности распределены и между Лицами Троицы: Отец — память. Сын — разум. Святой Дух — воля. — Г.Г.).

Так она действует посредством сил, а не сущностью (Ага, значит, и Лики Троицы — не главное, не предел, а посредства; они впадают в сущность — в Ничто как «сверхсущее Небытие» — с. 147. Но и Кант сначала отбрасывает опыт = мир тварей, чтоб исследовать **силы**. Это — априорные формы сознания: пространство, время, понятия рассуд-

ка... Но и их исследует, чтоб определить, ограничить, и, отбросив, проникнуть еще в более чистую глубь — в трансцендентальное, где Высшее Благо, о котором не можем рассуждать, но которое требуется нам и присутствует в любви, добре. — Г.Г.). Всякое внешнее тело ее всегда связано с посредником. Только посредством глаз осуществляет она силу зрения, иначе силу зрения она не может создать или осуществить. И так во всех чувствах: она всегда пользуется каким-нибудь посредником для своих внешних действий (априорными формами — Канта. — Г.Г.).

Но в самой сущности нет действия (а значит, познания, и следовательно, обратно: она — непознаваема. Так и у Канта: сущность — вещь в себе. Но это важно: обозримый, доступный мир для германца кончается там, где кончается действие. Ведь для них *In Anfang war die Tat*⁵³ — Гёте. А действие — начинается изнутри и выходит наружу. — Г.Г.). Ибо хотя силы, посредством которых она действует, **вытекают** из основы души, **в самой основе — одно глубокое молчание**. Только здесь покой и обитель для того рождения, для того, чтобы Бог Отец изрек здесь свое Слово, ибо эта обитель (дом бытия. — Г.Г.) по природе своей доступна только божественной сущности без всякого посредника (Итак, даже в направлении чисел в германстве — регресс и редукция: от 3-х к 1. Действительно, было трое: мир тварей, посредство сил души, сущность. Теперь двое: глубина души и божественная сущность — прямо друг в друге — без посредника. А далее, когда отринутся все еще различающие атрибуты: и глубина и сущность, и душа и Бог, — остается Единое-Всецелое. — Г.Г.). Здесь Бог входит в душу **всецело**, а не частью своей. (Вот пошли самые дорогие германству ценности: Целое, а не часть; оттого каждый мыслитель творит систему, как нутрь и помещение, как внутреннее устройство Целого. — Г.Г.). Здесь входит Он в **основу** души (и Кант весь роется в основоположениях. — Г.Г.). Никто кроме Бога не может коснуться основы ее. Тварь не проникает в глубину души, она должна оставаться снаружи, вместе с силами (Так и у Канта: эмпирический ряд явлений = тварей и их образов, подведенный под рассудочную категорию причинности = из сферы посредничающих сил, нуждается в безусловном основании; и туда может быть помещена — пусть как регулятивная, лишь регулирующая опыт, — только идея абсолютного существа. — Г.Г.). Только здесь могла бы она созерцать свой образ, с помощью которого она сюда вошла и нашла себе приют (опять — дом, приют. — Г.Г.).

⁵³ «В начале было Дело», — так Фауст переименовывает, переводя «В начале было Слово» — из Евангелия от Иоанна. — 15.6.96.

Ибо когда силы души приходят в соприкосновение с тварью (вещи вне нас, что по Канту даны нам до опыта. — Г.Г.), они берут (Begriff — «хватание» = понятие) и создают ее образ и подобие, и вбирают это в себя (вот: явление вещи нам есть продукт активности наших априорных сил души. — Г.Г.)... Образ есть нечто, что душа создает с помощью сил. Будь то камень, человек, роза (NB набор: камень — гора, фундамент дома; роза — сад, растение; человек — «я», общество, город. — Г.Г.)...

Но всегда, когда человек таким способом воспринимает образ, этот последний должен войти в него извне, через внешние чувства (Кант в одном месте разъясняет, что и внутренние ощущения в нас только тогда доходимы до представления, когда мы можем их увидеть во внешнем образе: так время и длительность — через движение: точку, отрезок и линию в пространстве. — Г.Г.). Поэтому нет для души ничего более неведомого, чем она сама для себя. Один мудрец говорит: душа не может создать или получить своего образа, поэтому ей нечем познать себя самое (Вот отличие германской — ургийной, постановки вопроса от эллинско-сократовой: «Познай самого себя!» — «А чем, спрашивается, я могу познать самого себя?» — подход инструментальный, мастеровой, который тут же и у Экхарта явится. — Г.Г.). Ибо всякий образ приходит через внешние чувства: оттого она не может иметь своего образа. Поэтому она знает все, только не самое себя. Из-за отсутствия этого посредника ни о какой вещи не знает она так мало, как о себе самой».

Это — потрясающе, непостижимо и неприемлемо для германского ума: что самое дорогое — Innere — недоступно! И он вновь и вновь штурмует его, изошряясь в философских системах, где хочет прочесть внутреннее хотя бы по плодам ее дел во вне (Гегель). Да, пусть оно недоступно, ибо нет прямого посредника (инструмента — это для германского трудового космоса предел, иже не перейдеш: нет инструмента, ключа — значит, отомкнуть и войти в дом нечем. — Г.Г.). Тогда попробуем, нельзя ли забраться обиняком, через отображение души на вещах мира, ею созданных. — и вот получается внешний мир, природа — только чтоб косвенное свидетельство обнутри, об Innere получать. Или через задний двор и черный ход (чернокнижник Фауст)? Раз Бог может прямо сверху «без образа и подобия свободно соединиться с ней», — так почему бы человеку снизу в нее прямо не прорваться: ведь и Бог, и душа равны по природе, из одного исходного Ничто, — почему же Богу можно, а самой душе нельзя? Вот вечное германское богоборчество и соперничество с Богом. А почему? А потому, что Tat, деяние берется в основу творения, и Бог принижен до мастерового, а человек — такой же мастеровой.

«Ты не можешь приписать Богу в самой высокой степени тех способностей, которые ты приписываешь мастеру. Чем мудрее и сильнее мастер, тем непосредственнее осуществляется его дело, и тем проще оно (значит, много инструментов — плохо, ограниченность. Нужна рационализация. — Г.Г.). Человек нуждается во многих средствах для своих внешних дел (вон у Канта какой сложнейший инструментарий и аппарат-машина для дела познания — разработаны! — Г.Г.). Многие приготовления необходимы, прежде чем он исполнит эти дела, так как он представил их себе. Светить — это искусство и дело луны и солнца (тоже мастеровые! — Г.Г.) — они исполняют это очень быстро. Как только прольют они свое сияние, в то же мгновение мир полон света во всех концах. Но еще выше — Ангел. Он в своем доме нуждается еще в меньшем количестве средств и пользуется еще меньшим числом образов (опять редукция чисел. — Г.Г.). Верховный Серафим обладает еще одним единственным образом; все, что другие стоящие ниже его воспринимают во множественности, он постигает в едином.

Но Бог не нуждается вовсе в образе и не имеет его в Себе. Бог действует в душе без всякого средства, образа и подобия (однако ж действует; все исчезло: образы, предметы, через что и на чем действовать, — но действие осталось: вот как оно первично в германском космологосе. — Г.Г.). Он действует в **основе**, куда не достигал никогда ни один образ, кроме Него Самого, кроме Его собственной сущности».

Значит, хоть он с выси, но самое метафизическое место германского космологоса — **основа** (образ дома опять предносится), **глубина**. Бог рождает Сына прямым прозрением (ср. у Канта — чистое Anschauung): «в недрах, в основе и сущности души и так соединяется с ней».

«Итак, ты должен пребывать и жить в своей сущности и в основе, и там должен **коснуться** тебя Господь (опять трудовой акт, а инструмент какой? — Г.Г.) своей простой сущностью без посредства и образа...

Что должен делать для этого человек, чем ему достичь и заслужить, чтобы это рождение совершилось и осуществилось в нем? Лучше ли, чтобы он как-нибудь этому содействовал со своей стороны в роде того, например, чтобы он думал о Боге и представлял Его себе, или чтобы он оставался в тишине, в покое, в молчании, и тогда Бог говорил бы и действовал в нем, а он лишь ждал бы Божьего дела?»

Вот центральный в германстве вопрос, и он опять зависит от действия, Тун, Tat и его толкования: мне ли действовать иль чтоб во мне, **мною** действовали? — но действие остается как платформа и главный путь к истине. И тут опять многоэтажность германского мироздания сказывается — триада просвечивает. На поверхности человек действует (образы, предметы, твари, цели, планы). Обратясь внутрь и вглубь

для соединения с Богом, уже не Tun, а Lassen необходимо: «Чем более ты способен отозвать все силы (из зацепления с опытом, вещами — не это ль Кант делает, в обращении своем в веру априоризма? — Г.Г.) и позабыть все вещи и образы, которые ты когда-либо воспринял, чем более ты, следовательно, позабудешь, тем ближе ты к тому и тем восприимчивее».

Но и это — не самое. Есть самое сокровенное и бездонное. «О, если бы ты захотел стать вдруг неведущим, даже захотел бы очутиться в неведении своей собственной жизни, как это случилось со Святым Павлом, когда он говорил: «Был ли я в своем теле или нет, этого я не знаю, это знает Бог!» — Тогда дух **вобрал** в себя все силы, так что тело перестало существовать для него, тогда не действовала ни память, ни рассудок, ни внешние чувства, ни силы, которым надлежит поддерживать и совершенствовать тело (весь Кантов инструментарий и арсенал трансцендентального здания — рухнул в тартарары, теперь не нужен; ну да, ведь и Кант его создавал лишь экстравертно, в ориентации на возможный опыт; а раз теперь, для глубочайшего, опыт исчез, нет надобности и в трансцендентальной системе: Кант и ей жестко очерчивает локальные пределы ее употребления, тем самым — открывает простор и волю действию чистой глубины бытия — трансцендентальному миру — Г.Г.), жизненный **огонь** и жизненная **теплота** (NB вот что по стихиям Жизнь по-германски: не поток, как в Индии. — Г.Г.) были удержаны, потому тело не потерпело ущерба, хотя он все же три дня не ел и не пил». Это уже йоге и буддистскому трансу архата сродни. Да, и о соотношении германского с индийским еще ниже поговорим.

«Бог действует без средств и без образов. Чем свободнее ты от образов, тем восприимчивее к Его воздействию (но ведь это так развито в германстве! Освободясь от уровня представлений, ты проникаешь на уровень воли, чистого действия — и там открывается вещь в себе. Так это и у Канта, и у Шопенгауэра. Представление — Vorstellung — перед собой, во сне, как и Gegenstand. Все это отзывает твои силы во вне. А надо внутрь, где чистая воля. У Канта тоже вещь в себе постигается на уровне практического разума, который, вместе с идеей Высшего Блага подставляется под уровень теоретического познания. И у Гегеля под объективным миром природы и цивилизации, тварей, предметов труда и законов — встречается «субстанция-субъект». А зачем она «субъект»? Чтоб активность чистую явить, в отличие от объекта, который страдателен. — Г.Г.); чем больше **погружен** в себя, в **забвение**, (значит, уже за уровень Бога выходим, ибо Бог-Отец — тетогія, память. — Г.Г.), тем ближе ты к тому. К этому при-

зывает Дионисий своего ученика Тимофея и говорит: милый сын Тимофей, ты должен с безмятежным чувством устремиться за пределы самого себя, душевных сил, за пределы образа и существа (Кант именно для того так четко очерчивает эти силы и их пределы, чтоб, увидев их в их истинном малом объеме сравнительно с бытием, не стесняться выйти за их пределы и дать волю прямому взаимопроникновению с бытием во Эросе духовном; он это знал, но был приспособлен не чтоб это развить, а к описанию пределов; оттого и кажется, что он закрыл бытие, тогда как он его именно открыл, воочию, узрел, сколь мал Цербер априорных форм, который у врат его стоит. — Г.Г.) **в сокровенный тихий мрак**, дабы ты пришел к сознанию неведомого **сверхбожеского Бога!**»

Вот он, третий и глубочайший уровень, где Бог и душа теряют свои различия и растворяются в том, что прямо уже не обозначить и что ощутимо чрез косвенные образы: Божество, Сверхсущее Небытие, Ничто, «Сокровенный тихий мрак». Ибо Бог имеет значение для среднего уровня, где еще нужно посредство. И «Бог» есть образ — хоть и высочайший, нужный в связи с миром тварей и образов и на этом уровне находящийся, как и различие «души» и «тела». Когда ж душа в сосредоточении и отрешении освободится от этих различий, исчезнет и Бог: не нужен он как пособник и посредник — помочи, и все догматы религиозные: Троица, Отец, Сын и т.д., и Бог и душа на паритетных началах растекаются в Божественности, в Ничто (или как я это называю: «рассеянное бытие»).

Экхарт ужасные кошунства выговаривает (как и все германские мистики: Яков Бёме, Лютер), за что и обвинялся в ереси: «Поэтому мы говорим: человек должен быть настолько нищ, чтобы он не был «обителю, где мог бы действовать Бог». До тех пор, покуда в человеке есть обитель — есть в нем и многообразие. Потому и молю я Бога, чтобы Он сделал меня свободным от Бога! Ибо не-сущее бытие по ту сторону Бога, по ту сторону различности. Там был я только самим собою, там хотел я себя самого и видел себя самого, как того, кто создал вот этого человека» (из проповеди «О нищете духом»)⁵⁴.

А вот из проповеди «Сильна, как смерть, Любовь»: «Если любовь действительно сильна, как смерть, то она действует и иначе: она заставляет человека отказаться и расстаться также со всяким духовным утешением и подобными благами (а это все связано с Богом, обращение к нему как к особому предмету. — Г.Г.), о коих уже сказано выше;

⁵⁴ «В начале было Дело», — так Фауст переиначивает, переводя «В начале было Слово» — из Евангелия от Иоанна. — 15.6.96. С. 133.

чтоб человек свободно и вольно согласился покинуть для Бога все, что до сих пор радовало его душу, чтобы отказался наслаждаться этим или желать этого.

Боже! Кто и не смог бы этого достичь, того принудила бы к тому любовь к Тебе: откажется он от Тебя, Тебя ради, и отрешится от Тебя, ради Тебя. Какую же лучшую и более драгоценную жертву ради Него, могли бы принести Богу, как не Его Самого! Но не дивно ли это, что Ему в дар приносишь Его же и платишь за Него Им же Самим!»⁵⁵. Т.е. ты сам осуществляешь жертвоприношение Христа (так же, как в первой проповеди человек рождается как Христос), распинаешь Бога (как Ницше: «Умер Бог!»), необходимо посылаешь его на крест — ради поклонения в глубочайшее (как и Фауст от Бога отрекся, чтоб сверхпознание обрести).

Здесь опять Экхарт в соседстве с высочайшими индийскими умозрениями, и пора нам приступить к сопоставлению этих космологов в их представлении — о чем? — Вышнем? Глубочайшем? Едином? Всеобщем? — все названия косвенны, как это понимает и Экхарт, и Нагарджуна.

Начнем с конца, с последнего образа: бытия — как жертвы. В «Бхагавадгите» мир есть жертва Брахмо, которую он сам приносит себе, и каждый приносит может его в жертву, ибо он — внутри себя, а ты — в нем, так что, убивая Бога, Богу служишь, куски от него отрываешь ему же в рот — как и в более телесном образе жертвоприношения Пуруши. Так что если ты достиг высшего уровня, для тебя уже не существует критериев добра и зла: убивай сородичей, повелевает Кришна Арджуне перед битвой на поле Куру, не твоя забота, ты — служишь! И у Толстого — открытие Николая Ростова, слушая пение Наташи: что человек может солгать, ограбить, убить — и быть счастливым; и у Достоевского: когда ради Бога и Христа — Его же Великий Инквизитор в жертву приносит; иль «билетик» в Царство Божие отвергают...

Нирвана в буддизме и «Ничто» у Экхарта

Вот из проповеди «О гневе души»:

«Ничто» не имеет начала; поэтому Бог, чтобы сделать нас Своим подобием, не мог сделать нас ни из чего лучшего, как из «Ничто». Ибо хоть и создала душу творческая сила Бога, в ней, как и в Нем, нет

⁵⁵ «В начале было Дело». — так Фауст переименовывает, переводя «В начале было Слово» — из Евангелия от Иоанна. — 15.6.96. С. 153.

вещества (так что Бог — чистая творческая сила, деятельность — и все тут, гегелева субстанция-субъект. — Г.Г.). Поэтому нет у души более близкого **доступа** (как во дворец, в дом. — Г.Г.) к божественной природе, как «Ничто», ибо нет ничего, что бы единило так, как однородность естества... «Ничто», которым мы были раньше, чем стали самим собою, не нуждалось ни в чем; оно противостояло всем сотворенным существам. Только божественная сила сильнее всего. И она привела «Ничто» в движение, когда Бог из «Ничто» сотворил все вещи. А теперь мы должны стать неподвижной, чем «Ничто»!»

«Ничто», таким образом, выходит — тоже вспомогательное обозначение, как и в буддизме «Нирвана». Это стоящий на низшем еще уровне полагает, что Будда ушел в Нирвану. Для знающего высшую мудрость «праджняпарамита» — одно и то же Нирвана и Самсара (по Нагарджуне), как и у Экхарта одно и то же Бог (=Нирвана) и мир тварей (=Самсара) — это понятия одного измерения бытия; а чтоб проникнуть глубже, надо перестать различать их — как с Солнца не имеют значения различия слона и мухи.

Ничто под действием силы Бога — таки-колебнулось, сошло с места и стало творением (Нирвана — Самсарой). Потому душа должна стать сильнее «Ничто», т.е. быть по природе и субстанции «Ничто», а по силе — равной Богу, чтоб стоять и противостоять его возможному творчеству мною (=по буддизму — выйти совершенно из цепи, потока, кругооборота рождений, перевоплощений, переселений души. И в буддизме архат, бодхисатва, Будда — сильнее богов: не выше, ибо те выше расположены, но в буддизме центр, где человек, важнее для бытия, чем высота, где бог. В центре бытие заводимо в движение и останавливаемо, а не с выси. И в германстве центр с наклоном к глубине важнее высоты).

«И таким образом должна она (душа. — Г.Г.) соединиться с вечным и неизменным Богом, Он же никогда ни одним из творений святой Троицы (значит, и Бога-Отца: Экхарт вводит Сверхбожество, Бога, который не есть Бог-Отец. — Г.Г.) не был вовлечен в их страсти (отрешенность, по Экхарту, «выше» любви, ибо последняя — предметна и, как таковая, — различительна; и по буддизму: отказ от желаний, мира камы — основной путь. — Г.Г.).

Так всецело должна она **погрузиться в этот бездонный колодец божественного «Ничто»**, дабы ничто не могло ее оттуда **извлечь**; чтобы не обратилась она снова к вещам, а пребывала бы там. Как Небесный Отец никогда не **колеблется** и не удаляется от Своего Божества, так чтобы и душа **никогда не колебалась и не удалялась** оттуда, поскольку это возможно для твари»⁵⁶.

⁵⁶ Экхарт М. Указ. соч. С. 103.

Поскольку на уровне понятий и рассуждений очень трудно обнаружить различие между буддизмом и Экхартом, которые словно одну всеединую суть бытия и истину независимо друг от друга открыли, то на помощь призовем образы, ассоциации, посредством которых немец и индус стараются коснуться этого неизреченного, дать о нем хоть косвенное представление. У нас уже немало их у Экхарта набралось.

Это «сокровенный тихий мрак» (с. 17). Это — не свет, ибо свет — соразличен с тьмой. И к тому же внешен, на зрение бьет, а нужно молчание и тишина. Звук почтеннее света. И потому, хотя, раз все равно «свет» и «тьма» не годятся, мог бы выбрать и «свет», — как выбирают в аналогичных затруднительных случаях русские умозрители; немец же склоняется выбрать «сокровенный тихий мрак»⁵⁷. И в проповеди «О созерцании Бога и блаженстве», начиная толковать фразу царя Давида: «В свете Твоем, Господи, мы узрим свет!», опровергает учение, что Бога созерцают «в сиянии Славы», и вообще тушит световое восприятие.

«Поэтому один учитель говорит, что слух выше зрения, ибо большей мудрости научаешься через слух, чем через зрение... Слух больше вносит внутрь, зрение же открывает внешнее — уже самое действие зрения! Потому в вечной жизни будем мы гораздо блаженнее в слухе, чем в зрении! Ибо дело внимания вечному слову — во мне (вот, оказывается, как ларчик открывается: чтоб самообслуживанье блаженством было возможно у души, чтоб «я» было ареной и домом и не зависеть ни от чего извне меня. — Г.Г.); дело зрения, напротив того, устремляется от меня; в слухе пребываю я страдательным, воспринимающим, в зрении я деятелен» (Там же, с. 75). Здесь действие трактуется ниже отрешения.

«Блаженство же наше заключается не в наших делах, а в нашем страдательном приятии Бога» (с. 76). Однако важно само рассмотрение всего в координатах: Tun — Lassen.

Итак, слух, так как передает внутреннее и глубокое, важнее зрения и света, так как этот схватывает внешнее. Оттого и создана в германстве величайшая в народах не живопись, но музыка; также и философия — умная беседа для внутреннего слуха.

⁵⁷ И Хайдеггер в XX в. учит, что предметы освещает не свет, а тьма — т.е. тоже колодезь и нутрь души.

Каталог образов Экхарта

Но взглядемся во все образы подряд по тексту. «Зачем написано всякое писание и Бог создал весь мир? Для того лишь, чтоб Бог родился в душе и душа в Боге.

Сокровеннейшая природа всякого **злака** предполагает **пшеницу**, всякой **руды** — **золото**, всякое рождение имеет целью человека. «Нет такого зверя», говорит один мудрец, который не имел бы во времени чего-либо общего с **человеком**» (с. 3).

«Что бы ни писали мудрецы о **высоте неба**, малейшие силы моей души выше высокого неба. Не говорю о разуме, он дальше всякой **дали**. В нем я так же близок к месту, лежащему за тысячу миль по ту сторону моря, как к тому, где я нахожусь сейчас» (с. 5). Пространство стянуто в точку для разума.

О невежественных: «так же мало знают о том, как какой-нибудь камень. Они понимают три лица, как три **коровы** или **камня**» (с. 5).

«Как Богу нельзя найти истинного имени, так же истинного имени нельзя найти и душе — хотя об этом написаны толстые книги! Но имя дается ей, поскольку она проявляется в каком-либо **деле**.

Плотник: ведь это не имя человека, но имя, данное ему по тому делу, в котором он **мастер**» (с. 6).

«Если плотник не может выстроить хорошего **дома** из **червивого дерева**, то это не его вина, но вина дерева. Так же точно действие Бога в душе...

...От единственной **искорки** ангела **зеленеет** и **цветет** и светится все, что есть на земле» (с. 8).

«Богу так же легко перевернуть небо и землю, как мне перевернуть в руке **яблоко**.

...Взгляд ангела — от малейшего действия которого содрогается земля и небо и все, что есть на земле, цветет и живет, — в этом деле (в рождении в Боге. — *Г.Г.*) лишь **щепка**, которая отлетает, как отлетает щепка от **строящегося** дома.

Я охотно употребляю слово: **родник** — как бы ни странно оно звучало, мы должны выражаться по-своему! Один родник — это тот, в котором Отец рождает своего едиnorodного Сына. Из этого именно родника возникает и изливается благодать. Другой родник — это тот, в котором творения **вытекают** из Бога. Он так далек от того, из которого возникает благодать, как небо от земли.

Благодать не действует.

Там, где земной огонь является в своей истинной природе, он не горит и не жжет. **Жжет жар**, который исходит от огня. Но там, где жар еще заключен в огне, он не жжет и не вредит. И все же жар, даже когда

он заключен в огне, так же далек от истинной природы огня, как небо от земли. Благодать не совершает никакого дела, она слишком благородна для этого: действие так же далеко от нее, как небо от земли» (с. 9).

О томлении по благодати — немецкие *Sehnsucht, Streben...*

«Уж если вы не имеете ее, то хотя бы томились о ней! Если же и томления нет, то пусть томятся по томлению» (с. 10).

Из проповеди «О сокровеннейшей глубине» (NB предмет):

«Что мне из того, что у меня богатый брат (Бог Христос, ставший человеком. — Г.Г.), когда я сам беден? Что мне из того, что у меня мудрый брат, когда я сам глупец? Я говорю нечто другое и более убедительное: Бог не только стал человеком, Он принял на себя человеческую природу» (с. 22).

«Спорят о том, что так горит в аду? Все учителя говорят обыкновенно, что это своеволие. Но я утверждаю: в аду горит «ничто». Сравнение: возьми **горящий уголь** и положи его на мою руку. Если бы я сказал: уголь жжет мою руку, то я был бы несправедлив к нему. Если я должен определить, что собственно меня жжет, то это делает «ничто». Ибо в угле есть нечто, чего нет в моей руке. Если бы рука обладала всем тем, чем обладает и что дает уголь, она была бы вполне огненной природы. И бросили бы тогда на мою руку весь огонь, который когда либо горел, он не причинил бы мне боли» (с. 23—4).

Опять кантова логика активности «я»: не огонь извне жжет, а отсутствие в моем составе огненности; т.е. действует минус, вызывает отрицательность. — ср. Гегель.

«Для того, кто хоть на мгновение заглянул в эту глубину, **тысяча фунтов червонного золота** — не больше поддельного гроша».

«Я решительно утверждаю, что пока ты делаешь что-нибудь ради царствия небесного, ради Бога или ради твоего вечного блаженства, то есть ради чего-нибудь **извне**, ты воистину совсем не прав. Конечно, и это можно тебе представить. Но это не самое лучшее. Ибо, воистину, если ты думаешь, что скорее достигнешь Бога через углубление, благоговение, расплывчатые чувства и особое приноровление, чем **в поле у костра или в хлеву**, ты не делаешь ничего иного, как если бы ты взял Бога, обернул вокруг Его головы **плащ** и сунул бы Его под **лавку**».

Ибо тот, кто каким-либо образом ищет Бога, схватывает образ, то Бог, сокрытый за этим образом, от него ускользает» (с. 25).

Германская логика — логика Целого: она не терпима к частичной истине:

«Малейший образ твари, который ты создаешь в себе, так же велик, как Бог. Почему? Потому что он отнимает у тебя **целого** Бога. Ибо в то мгновение, когда этот образ входит в тебя, Бог со всем божеством Своим должен удалиться» (с. 25).

«Об нахождении духа и возвращении его»

«Благороднейшее, что есть в человеке, это **кровь**, когда она желает добра. Но и горчайшее, что есть в человеке, — это **кровь**, когда в ней воля ко злу» (с. 27).

А вот как Бог живет и наслаждается в душе и вещах:

«Бог наслаждается собой в вещах». — И солнце изливает свое светлое сияние на все создания, и то, на что падают его лучи, **втягивает** оно в себя, и все же не теряет от этого своего света! Я беру сосуд с водой (германский алхимик Фауст! — Г.Г.), и кладу в него зеркало, и подставляю его под солнечные лучи. Тогда солнце излучает не только из своего диска, но и со дна сосуда: и все же не убывает от этого. Отражение в зеркале принадлежит солнцу, оно само солнце» (с. 28).

«Но вот я снова возвращаюсь к внутреннему и внешнему человеку. Я вижу **лилии в поле**, и их светлое сияние, и их цвет, и их листья. Но их запаха я не вижу. Почему? Потому что запах их во мне. Как и то, что я говорю, во мне. И я выговариваю это из себя наружу. Мой внешний человек воспринимает создания как создания. Но мой внутренний человек воспринимает их не как создания, а как дары Божии. Внутреннейший же мой человек (NB 3-й человек. — Г.Г.) принимает их даже не как дары Божии, но как извечно свое! Ибо даже Бог становится и переходит (Становление, Werden — пуше Бога в германстве. — Г.Г.).

Становится Бог там, где все создания высказывают Его. Когда я был еще **в основании**, в глубине божества, **в течении** и **в источнике** его, никто не спрашивал меня, куда я стремлюсь или что я делаю: там не было никого, кто бы мог меня спросить.

Лишь когда я изошел, все создания возвестили мне Бога. Если бы меня спросили: брат Экхарт, когда вы **вышли из дому**? Я был сию минуту в нем. **О Боге** говорят все создания. А почему они не говорят **о божестве**? (NB — важнейшее у Экхарта различие. — Г.Г.).

Все, что в божестве, — едино, и о том говорить нельзя. Бог действует так или иначе. Божество не действует. Нет для него действия, и никогда не **оглянулось** оно на это. Бог и божество различествуют, как дело и неделание. Когда я возвращаюсь в Бога, я ничего не образую из себя; и **устье мое** прекраснее моего истока. Ибо вот я — единый, возношу все создания из их разума в мой, дабы и они стали во мне единством. (Как у Гегеля: через человека природа достигает самосознания, и все — в Единство. — Г.Г.).

И когда я возвращаюсь в глубину и основание божества, **в течение** и **в источник** его, никто не спрашивает меня, откуда я и где я был. Никто не ощутил моего отсутствия. И это значит: Бог преходит. (Ну, не ересь ли... — божественная? — Г.Г.).

Благо тому, кто понял эту проповедь! Если бы здесь не было ни единого человека, я должен был бы сказать ее этой церковной **кружке** (NB — утварь дома. Предмет вне не важен, важен внутренний позыв. — Г.Г.).

Найдутся жалкие люди, которые вернутся домой и скажут: я сяду на свое место, буду есть свой хлеб и служить Богу. Я говорю воистину, эти люди должны оставаться в заблуждении, и они никогда не смогут достичь того, что дается другим, которые следуют за Богом в его нищете и обнаженности. Аминь!» (с. 29–30).

«О страдании»

«Господь говорит каждой любящей душе: Я был ради вас человеком, если вы не станете ради Меня богами, то будете ко мне несправедливы. Моей божественной природой обитал я в вашей человеческой природе, так что никто не знал Моей божественной власти и Меня видели **странствующим**, как всякого другого человека. Так и вы должны скрыть вашу человеческую природу в Моей божественной природе, дабы никто не узнал в вас вашей человеческой слабости, и ваша жизнь стала божественной, так что не признавали бы в вас ничего, кроме Бога» (с. 31).

«...И поскольку душа следует за Богом в **пустыню божества**, постольку тело следует за возлюбленным Христом в пустыню добровольной бедности» (с. 33).

Христос «был рожден прежде **луча** и всякого естества Божьего — и вот приходит в **тюрьму** и в **тиски** твоей загрязненной природы, которая настолько нечиста, что все вещи, какими бы чистыми они ни приближались к ней, становятся в ней нечистыми и зловонными (опять кантовское: изнутри дается краска входящему. И еще — любимая в германстве вонь, **зад**, дерьмо — ср. Гриммельсгаузен — сгущается эта сфера и Экхартом. — Г.Г.), и Он все же захотел ради тебя погрузиться в нее» (с. 34).

«И это должно делать ничтожной нашу тяготу, ибо **добрый рыцарь** не жалуется на раны, когда он созерцает короля, который ранен вместе с ним. Он предлагает **напиток** (ср. «Тристан и Изольда». — Г.Г.), который сперва испил Сам» (с. 35).

О единстве вещей:

«Подобные вещи любят друг друга и соединяются, несхожие бегут и ненавидят друг друга.

Нет ничего более несхожего, говорит один учитель, чем небо и земля. Почувствовала земля в **глубине естества** своего, что чужда она небу и несхожа с ним. Потому бежала от неба в **места глубинные** и лежит там неподвижно и **тихо**, чтоб не приблизиться к небу. И узнало небо в глубочайшем естестве своем (глубина неба есть **высота**, но и она «глубиной» названа. — *Г.Г.*), что земля удалилась от него и заняла глубинные места (самые ценные и значные. — *Г.Г.*). Потому неудержимо изливается оно плодородием своим в земное царство, и мудрецы хотят, чтобы широкое и далекое небо не оставляло для себя ничего, ни даже кусочка, равного острию иглы (какие такие мудрецы? Уж не типа ли астрологов или доктора Фауста? — *Г.Г.*). И возрождает всецело себя небо, пробуждая плодородие в царстве земли.

То же скажу я о человеке, который стал перед собой, перед Богом и перед всеми творениями «ничем»; он занял глубочайшие места и должен излиться в него Бог всецело, или Бог не Бог!» (с. 36).

Как очевидно здесь, из уподобления небу и земле, что общение Бога и души есть Эрос, соитие, где Бог — фалл, а человек — сосуд, влагалище!

«**Когда я сегодня шел сюда** (путь по городу священен и словесен. — *Г.Г.*), то думал, как бы мне сделать понятной для вас мою проповедь, и придумал пример: если кто сможет понять его, то поймет смысл и сущность моего учения. Пример этот касается моего **глаза и дерева**. Открыт или закрыт мой глаз, он все тот же глаз. И у дерева ничего не отнимется и ничто не прибавится ему через узрение его. Слушайте: предположим, что мой глаз покоится в себе, как нечто единое, само в себе заключенное, и только при зрении, открывается и устремляется на дерево. И дерево и глаз остаются тем, чем они были, а все же **в действии** зрения они становятся настолько **одно**, что можно было бы сказать: глаз есть дерево, а дерево — глаз. Если бы дерево было вовсе лишено вещества и представляло бы собою нечто чисто духовное, как зрение моего глаза, можно было бы утверждать с полным правом, что в действии зрения дерево и мой глаз — одно существо.

И если так это в мире вещественном, то насколько же больше в мире духовном. Так же должны вы принять во внимание, что между моим глазом и **глазом барана**, находящегося по ту сторону моря, и которого я никогда не видал, гораздо больше общего, чем между моим глазом и моим ухом, хотя эти последние принадлежат одному существу. Происходит это оттого, что глаз барана и мой глаз, имеют одно и то же назначение. Почему и приписываю я им больше единства, а именно **единство действия** (ремесло, действие — определитель и для имени: ср. выше «Плотник»... — *Г.Г.*), чем моему глазу и уху, которые в своем действии не имеют ничего общего.

...Этот свет (души. — Г.Г.) имеет больше единства с Богом, чем с какой-либо из сил души, с которыми он все же — по своей принадлежности к одному существу — одно. Ибо несомненно, что в недрах моей души, взятой в одном существе, свет этот не занимает более высокого места, чем всякая другая чувственная способность ее, слух или зрение, или иная сила, способная страдать от голода, жажды, холода и зноя. И это происходит оттого, что существо есть нечто простое, цельное.

Поэтому, если брать силы души в одном существе, они равны и все стоят одинаково высоко; если же рассматривать их в их действии, то одна гораздо благороднее и выше другой (в действии, труде, и на работе — иерархия и этажи здания души — ср. в «Критике» Канта. — Г.Г.). Вот почему я и говорю: пусть человек отвернется от себя самого и от всего сотворенного. Поскольку ты так поступишь, постольку достигнешь ты единства и блаженства в той **искре души, которой никогда не коснулось ни время, ни пространство**. Эта искра сопротивляется всем творениям и хочет только Бога, чистого, каков Он есть Сам в Себе» (с. 37–38).

В проповеди «*О девственной женщине*»: душа = крепость.

«Царство Божие близко»

Святой Бернард говорит: почему глаз мой познает небо, а не ноги? Потому что глаз мой больше похож на небо, нежели ноги мои. Если надлежит душе моей познавать Бога, она должна быть подобна небу.

Небо не терпит чужого воздействия...

Небо всюду одинаково далеко от земли...

Небо чистое: ясности его ничто не омрачает (с. 49–50).

О жизни души в Боге

«Кто сам **живет в прекрасно-расписанном доме**, тот несомненно знает о нем больше, чем тот, кто никогда в него не входил, а все же многое хотел бы про него рассказать» (с. 51).

«Бог к нам близок, но мы далеки. Бог **внутри, но мы снаружи**; Бог в нас дома, но мы чужие!» (с. 52).

Об отрешенности — добродетель, которой максимально приблизиться к Богу, в отличие от ап. Павла:

«Но я ставлю отрешенность выше любви, выше смирения, со-страдания» (с. 53). Тут спор с апостолами Павлом и Иоанном, для которых любовь выше всего.

«Истинная отрешенность не что иное, как дух, который остается неподвижным во всех обстоятельствах, будь то радость или горе. Честь или позор, как недвижима остается **широкая** (не высокая! — Г.Г.) **гора** в легком ветре» (с. 57).

Ветер — отрицательное начало в германстве, в отличие от России.

И когда Христос страдал и Богородица с Ним — то в них страдал внешний человек, а внутренний был в неподвижной отрешенности.

«Вот тебе сравнение: **дверь движется на крюке**; дверную створку я сравниваю с внешним человеком, а крюк с внутренним. Когда дверь открывается и закрывается, движется створка, а крюк остается неподвижным на своем месте, и нисколько не изменяется от движения. Так и здесь» (с. 62).

«Бог действует по мере той готовности, которую Он находит. Его действие в человеке иное, чем в камне. Мы находим для этого сравнения в природе: **когда топят печь** и сажают в нее **овсяное тесто, гречневое, ржаное и пшеничное**, то жар в печи один, но действует он не одинаково в каждом тесте, — из одного хлеб выйдет хороший, из другого грубее, из третьего еще грубее. Жар здесь не при чем, дело в веществе, которое было не одинаково. Так же и Бог не одинаково действует в каждом сердце, но по мере готовности, которую Он в нем находит.

В сердце, в котором есть и «то» и «это», может найтись и нечто, что мешает полному действию в нем Бога. Для полной готовности сердце должно покоиться на чистом «ничто», в этом заключено величайшее, что оно может дать. Возьми пример из жизни: если я хочу **писать на белой доске**, как бы ни было хорошо то, что уже написано на ней, это спутает меня все же. Если я хочу хорошо писать, я должен стереть то, что на ней уже написано, и лучше всего, когда на ней ничего не написано».

...В этом совершенном состоянии «душа становится от познания незнающей, от любви бесчувственной, от света темной» (с. 62–64).

«Страдание **горько как желчь**, нет ничего горше страдания; и нет ничего **слаще**, чем пройденное страдание. Пройденное страдание **слаще меда**» (с. 66).

О неведении

Христос: «Я пришел не для того, чтобы принести на землю мир, но меч, ибо я **отсекаю от тебя все вещи...**» Потому что твой враг то, что мило тебе. Если твой глаз хочет видеть все вещи, а ухо слышать все вещи, и сердце твое помнит все вещи, то поистине между всеми этими вещами должна **разрываться** твоя душа (с. 74).

О разуме и о молчании его

«...Ибо не может человек достичь этого рождения, не **оторвавшись** всеми своими чувствами от вещей; и только благодаря большому **усилию** может произойти. Когда все силы души **отозваны назад** и освобождены от своей деятельности (ср. Кант — регресс вглубь. — Г.Г.), над ними должно быть совершено **насилие**. Иначе нельзя! (NB германский принцип **принуждения**, который мы рассмотрели, исследуя, почему так нужна Канту необходимость. — Г.Г.). Поэтому сказал Христос: Царство Божие берется усилием, и сильные захватят его себе!» (с. 78).

«Человек обладает действительным, страдательным и возможным разумом» (с. 79). NB число 3, кантовская классификация.

«Действительный разум освобождает, так сказать, образы от внешних вещей, **совлекает с них вещество** (как кожу и скальп снимает. — Г.Г.) и все случайное, и такими приносит их в страдательный разум: он рождает в последнем одухотворенные образы. И когда страдательный разум становится **беременным** от действительного, познает он в себе вещи. Но постоянно сознавать эти вещи в себе может он только, если действительный разум вновь и вновь излучает их ему» (с. 82). Как у Канта опыт дает явления страдательному разуму, находящемуся в готовности а priori.

«**Возвышенную** душу должен ты иметь, не понижающую к земле; **пламенную** душу — в которой все же царила бы неомраченная молчаливая тишина» (с. 90).

О гневе души

«А захотим мы понять, что такое мы теперь, мы должны признать, что мы для Бога лишь хорошее **вещество**, в котором Он, как Троиственный, творит свое дело... Великий Мастер...» (с. 91).

Мария и Марфа

«Тогда лишь находимся мы в состоянии духовного удовлетворения, когда эти колебания чувств нашего преходящего существа не в силах **поколебать вершину нашей души**» (с. 108).

«В наши делах должны мы особенно держаться **трех вещей**: действовать надо по порядку, по разуму, по сознанию. «По порядку», под этим я разумею: поступать везде соответственно ближайшему требованию; «по разуму»: не зная в данное время лучшего; а «по сознанию»: чтобы непрестанно в добром действии прозревать животворящую истину в ее отрадном присутствии» (с. 114—115).

«Чтоб мучительный **грохот** стал так же приятен моему слуху, как сладкая игра струн. Этого я никогда не добьюсь!» (с. 118). Шум и музыкальный звук — важное различие в стране музыки, где звук пуше света божественен.

О нищете духом

«Тот нищ, кто ничего не хочет, ничего не знает и ничего не имеет» (с. 128).

«Один великий учитель утверждает, что его прорыв в вечность есть нечто более высокое, нежели его первоначальный исход» (с. 134).

Это — к моей теории о воплощении рассеянного бытия и возвратном рассеянии: в нем больше энергии.

Из изречений

«Я говорю: Христос первый человек. Как так? Первое в мысли есть последнее в деле. **Как крыша последнее при постройке дома**» (с. 180).

«И они (ангелы) узрели Сына, растущего из сердца Отца, точь-в-точь как **зеленая ветка на дереве**» (с. 177).

«Поскольку ты свободен от себя, постольку ты властен над собой, а поскольку ты властен над собой, постольку ты принадлежишь себе (NB неожиданный гегелевский возврат. — Г.Г.), а поскольку ты принадлежишь себе, постольку принадлежит тебе Бог и все, что Он когда-либо создал» (с. 179).

Вот германская хитрость: выйти из себя, чтоб к себе все присоединить в захвате и вернуться.

«Я» — иже не преjdeши!..

«То, что Бог недвижим, делает все вещи **бегущими**» (с. 179).

«Совершенство заключается в том, чтобы всякое бедствие, нищету, позор... переносить добровольно, радостно, свободно, как желание, сознательно и спокойно, и **тем оставаться до смерти без всякого «почему»**» (с. 181). А в России вопль: «За что?»

«Если бы Бог не был во всех вещах, природа не действовала бы и не **вождедела** бы ни в какой вещи. Ибо любо тебе это или нет. желашь ли ты это знать или нет: природа в своем сокровеннейшем ищет и мыслит Бога. **Никогда человек не жаждал бы питья, если бы в этом питии не было чего-нибудь от Бога.** Природа не предполагала бы ни питья, ни еды, ни отдыха, ни удобства и ничего иного, если бы не было в этом Бога. И она все больше **гонится** и стремится найти в этом Бога», (с. 182).

«Что бы ни послал или ни назначил мне Бог, будь то радость или страдание, **кислое или сладкое**»... (частое у Экхарта, как и у Я.Бёме. — Г.Г.), «я хочу лучше быть в аду с Богом, чем в Царствии Небесном без Него» (с. 184) — слова праведника-нищего у церкви.

Христос есть прообраз. «Оттого **пристань души** не в Нем, но она должна, как Он Сам говорит, пройти через Него» (с. 170).

Этот прорыв есть вторая смерть духа.

«Друг есть второе «я»... Бог для того стал моим вторым «я», чтобы я стал Его вторым Он» (с. 174).

Вид на Германство через буддизм

25.IX.68. Вчера написался до тошноты. Теперь стыдно к бумаге прикасаться. Силы нет двинуться мыслью в какую-либо сторону, а так, вялое марево в голове: и то можно, и это можно бы. А все необязательно. Однако, се — ленивая раскачка. Надо работать. Обещал вчера Экхарта с буддизмом сравнить. Но боюсь — далеко уведет. И так разбросался. Свиться что ль назад в Канта? Но уже зацепляет названная задача, и дух взвивает вожделением. Попробуем, хотя бы в парении сравнить, не дав себя земле притянуть и засосать надолго и безвылазно. Не буду книжки открывать, а так, по памяти.

В буддизме — ничего о Боге, о творении: как и зачем возникли вещи и существа; цель какая в них и смысл. В христианстве все это есть: главный акт — мудрость творения, совершенство тварей, однако есть и высшее, и через душу — проход. Так что в христианстве Экхарта исходный факт — чудо души и любви к Богу и к тому, что дальше; словом, — **восхищение**.

В буддизме исходный факт — **страдание**, тягота желаний, которые привязывают к вещам, людям, жизни. Любовь здесь имеет вид «камы»: помещена на этот уровень чувственной жизни, связует с тварями, а не есть стимул к Богу, духу и в ничто — как любовь духовная, хотя бы как посредствующий этап; ибо выше любви у Экхарта — **отрешенность**.

В буддизме исходный стимул — **страдание и отталкивание** (в христианстве Экхарта — **радость любви к высшему и притяжение**). Вот здесь, пожалуй, уловлено важнейшее: путь буддиста — ракетный принцип; в германстве же путь — через *Streben, Sehnsucht* — томление, стремление, влечение, тягу к «Да» — к блаженству остановленного мгновения. В буддизме потому преобладает отрицательность, **отказ** и в поведении, и в мышлении: логика отрицательная Нагарджуны, где Нирвана и Будда характеризуются через то, что они **не** есть.

В германстве логика в целом положительная: отрицательность, как диалектика и антиномии, входит в качестве момента; **что есть бытие, истина, Бог и т.д.?** — вот предмет ее работы. Так что в германском христианстве путь **к**, в буддизме путь **от**. Отсюда: распаханность бытия в последнем, и его сведенность в целое, замкнутость, определенность в германстве. Даже Ничто у Экхарта имеет свое четкое место — внутри, в глубине, колодезь, в тихом мраке — словом, в центре (где душа, ибо и о душе, об *Innere* мы ничего сказать не можем, нечем: нет образов; потому здесь — местопребывание Ничто).

В буддизме наличный мир представляет собой не творение и тварей, но поток рождений, т.е. исходна — -гония во Эросе, а не -ургия и креационизм. Оттого в германстве высокопоставлена деятельность, труд (ибо и Бог — мастер), и через усилие, труд и активность — путь восхождения, а отрешение, *Lassen* — лишь на высшей точке, уже когда проходишь за Бога в Божество.

В буддизме сразу начинают с замирания активности, парализовать дхармы низшего уровня, затем следующие и т.д. Бодрость и энергия сразу — в обуздании, в силе отрицания (а не в положительном деянии чего-то, хотя бы на промежуточных ступенях). «Не зарывать талант» — такого буддизм не знает. Если у Экхарта после трудов и подвигов на высшей ступени наступает отрешенность, бездействие, то в буддизме нирвана толкуется как высшая, но беспредметная активность духа. Как пишет В.Н.Топоров в предисловии к «Дхаммападе»: «нирвана является состоянием покоя только в смысле отсутствия страстей; во всем же остальном она — проявление высшей деятельности и энергии духа, свободного от оков низменных привязанностей»⁵⁸.

И вот важнейшее: человек в христианстве не ответственен за творение, за тварей, а лишь за свое существо, а точнее: душу; мир подсоединить к Христу и вывести тело — не входит в предмет забот.

В буддизме же нет дуалистического деления существа на тело-душу, нет души как стабильной платформы, на которой работать и возноситься, — но существо наше состоит из переплетенности дхарм, их потока. Мы не прочны, а мгновенны, пунктирны, нас нет. То, что у Экхарта четко различается: внешний и внутренний человек, образы и внутреннее прямое уподобление Богу в разуме, — в буддизме слито: есть миг восприятия, где срослись в образе мой орган чувств и предмет извне, а что здесь что — неважно. У Экхарта это понятно там, где он в акте зрения обнаруживает, что глаз есть дерево, а дерево —

⁵⁸ Дхаммапада /Пер. В.Н. Топорова. М., 1960. С. 46.

глаз. Вот это исходный факт построения существ и человека в буддизме: из таких мгновенных неразличимостей внешнего-внутреннего они и состоят, из потока таких мигнов-актов — дхамм.

И я ответственен не за душу (которой нет), а за весь этот поток дхамм, через меня проходящий (и не через меня, а вообще), так что и за телесность мира. Я должен успокоить их, дхаммы, одну за другой, останавливая движение и поток, — и вывести их в то, что названо нирваной — «угасанием». То есть тоже — в рассеянное бытие, через паралич движения в мире. Каждый — мессия, спаситель своих дхамм: атомов, меня составляющих, сквозь меня проносящихся, — а тем самым и на весь состав мира влияю (когда в меня входит какая дхамма, пронесется, я ее за шкуру, как Тарас Андрия: «Я тебя породил, я тебя и убью» и останавливаю, избавляю).

Так что и в Хинаяне, где высшая степень — архат, человек выводит в нирвану не себя лишь одного, эгоистически, но и флот дхамм, как Гулливер, из окрестного бытия; т.е. человек — орган остановки мира и его элементов. В Махаяне высшая степень просветления — боддхисаттва: медлит с переходом в нирвану, пока не подтянет других существ, людей. Здесь я более уважаю целостность существа: лишь в целом его можно вывести из потока рождений, тогда как архат — дхаммы поодиночке выводит и не видит существ как целостностей, ибо каждое существо — иллюзия, поток дхамм.

Но так и так, идея целостности глубоко чужда буддизму и индуизму: напротив, — рассыпчатость бытия и существ для их мировоззрения органична. Потому если у Экхарта Ничто — колодезь, то в буддизме основной образ — поток (и сансары, рождений), но и в положительном смысле: вставший на благородный восьмеричный путь мыслится как вступивший в поток, ибо он несет от: в потоке идея — «от», «нет», отрицательности, тогда как в образах: «колодезь» — «да» статическое, а «родник» — «да» творческое: Бог-творец — родник. Ну да: недаром душа по-немецки — Seele, «водяная» (а не от стихии воздуха, как в России и, кстати, в Индии — atman ср. немецкое atmen — «вдыхать»).

В германстве — жесткая твердь «я» и души, как устойчивого вплоть до последнего растворения в божестве, — есть замкнутость человека на себя, внутри человечества — и отъединенность от других существ: животных прежде всего. Непрерывны в германском мышлении самоотличения человека от животного (от скота — Экхарт, и далее у Канта, Фейербаха, Маркса — в отличие от англичан, Юма, Дарвина, которые предполагают ум и в животных). Потому человек и позволяет себе в германстве творить: мять, переделывать бытие, так

как он кругом, кроме себя, души и мудрой жизни не видит: источник мудрости — его душа, его разум и то, что они понимают: они — законодатели мира природы — в прямом делании Вау или в априорных формах познания, которые у Канта диктуют вещам в себе, как им являться пред очи внутреннего человека.

В индуизме нет водораздела между человеком и прочими существами, ибо в цепи рождений мы рождаемся и птицей, и собакой, и быком, и облаком. Так что во мне, человеке, не заключены правота и мерило бытию. Человек — лишь последний этап на переходе от мира — в нирвану: только через этот центр; так что и боги, чтоб выйти из потока рождений, должны заслужить переродиться в человека: не с высоты, а с центрального пункта бытия — переход в рассеяние (это сходно и с германством, где важен центр и глубь, ибо внутреннее, а не столько высь).

Так что здесь человек не переделыватель — творец, а проводник всех существ и дхамм — в Нирвану или в Высшее Брахмо и т.д.

В германстве из исходного принципа -ургии (творения, переделки бытия) — почтенна действительность, сила, насилие, принуждение, необходимость, страдание. Последнее — освящено Христом как путь в Царствие Небесное. В индуизме страдание — вокруг, налично, от него бегут через довольство, улыбочатое отношение ко всему, мягкую благорасположенность. Т.е. в христианстве полюса и узлы, тверди и целостности, пределы чувств: высшая любовь и величайшее страдание. В буддизме, поскольку и существо человека, и душа не твердь и не целое, а поток дхамм, — стараются рассыпать чувства, ослаблять их в пунктирность; целостность их и напряжение — иллюзорны.

С этим — трудом, — ургией — связано толкование стихии **огня**. В христианстве возносящая любовь к Богу — пламенна; огонь сам по себе не жжет, жжет отсутствие, ничто (как Экхарт оправдывает важную германцам — мастеровым — горнякам — нибелунгам стихию огня, ибо труд есть «огнеземля»: все в труде делается огнем из земли, материи). В буддизме очевидна антиогненная направленность (в отличие от Вед, где Агни — Джатаведас, вездесущий и «всезнающий», связь всего в бытии).

Так что и в Индии огонь очень важен: источник благ или зол. Но он рассматривается не ургически, с точки зрения творения, культуры, труда, а как естественно разводящий существа в бытии по уровням, для их нового рождения, переселения. Словом, он — участник «гонии», а не «ургии». «Ургия» сразу рассекает мир: раз-два-три = я-ты-он = я-предел-существо; труд — материя — предмет; сознание — бытие — самосознание и т.д. Оттого **числа** в германстве строги и чет-

ки: **единство, диалектика, триада**. В Индии нет такой стяженности и организованности бытия, оно рассыпчато, открыто. Оттого и **числа** там не строгие: все есть: и 7, и 12, и 4, и 8, и 3, конечно. Так, в буддизме — «**четыре** благородные истины» и благородный «**восьмеричный** путь» прекращения страдания.

В германстве душа — одна. Бог — один, троичность вворачивается в — монизм, в единое, и отсюда танцуют все рассуждения. В Индии привыкли иметь дело с множественным миром. И, хотя Единое там тоже почтенно, но не Абсолют: нет этого самодержавного, на-сильственно-деспотического понятия.

Поскольку в германстве ценен мир, претворенный трудом, то и образы, что употребляет Экхарт, — из области мастерства, ремесел, домашнего обихода: плотник, крюк и дверь на нем, кружка, тесто в печи, крыша, Бог в плаще и под лавкой, зеркало и т.д. — словом, мир = дом, мироздание. В индийских текстах образы открытого пространства преобладают: поток, остров в потоке, берег, гора, вихрь, пена, цветы, слон, лес — естественная природа; иногда человеческое прибавление к бытию (гонг, стрела, палка, кнут и т.д.) — но не преобразованное творением бытие, не город. А в германстве *Ein feste Burg ist unser Gott*: Бог = город; это гимн, сочиненный Лютером; и у Экхарта душа = крепость.

Стены здесь важны — ограда от мира тварей, природы и естества. А в Индии стен нет, человек пронизан насквозь, и не может быть в нем внутреннего и внешнего, раз поток дхамм сквозь него насквозь проходит, или цепь рождений, иль колесо сансары и переселение душ. Человек не защищен, не уединен — негде, нет стены, чтоб спрятаться за и в себя уйти. Потому и вырабатывается здесь духовный город ~ сложнейшая система правил, предписаний внешних: касты, обеты-запреты; человек не один, не из себя живет, а среди существ открыто-го бытия, и будь добр — регулируйся, считайся со всем.

Германство же, утвердив точку опоры — внутреннее, я, душа, — склонно отсюда выводить все в бытии, так что я — саморегулятор, и не нужны даже те малые внешние правила, обряды, что в католической церкви, и Лютер все это отбрасывает — и каждый сам себе священник. И у Экхарта: если тебе по-разному молится в поле или в церкви, значит — Бог еще не с тобой, ибо он вездесущ и место ему безразлично.

Хотя буддизм тоже упрощает систему внешних представлений, однако недаром и откочевал из Индии — на Восток, в более городские, помещенские по быту страны: Тибет с его зимами, Китай, Япония; буддизм — более городская религия, цивилизации, тогда как индуизм — более религия открытого общежития существ в бытии.

Итак, германец — человек с неприступным для мира убежищем: дом — крепость его «я» и приют. **И** это его космологосом неоспоримо: бытие считается с этим, как с исходным пунктом, и само отсюда приобретает очертание здания, только — **мироздания**. Оно тоже дом — только уже Бога, мастера, творца. Потому, чтоб душе слиться с Богом, не надо никуда выходить: ведь и Тот в Доме живет, принцип-то один и самочувствие. Так что настаивай на «я», погружайся в себя, в настоей «я», во внутрь, чтоб растопить масштабы вещей: количества перестали значить — и ты уже Бог, и вы оба — в божественности. Останавливать движение тебе не надо, поскольку ты и так за стенами, в дому.

Для жителя ж Индии, поскольку дом — хлипок, шаток и вообще — циновка, и не в нем жизнь, и человек пребывает в открытом бытии, главный факт — это круговорот, поток и движение существ преизобильного субтропического космоса. Дом не нужен — и так телу хорошо, в хлеву природы со всеми: слонами, попугаями... И перед лицом бешено и самозабвенно умножающегося бытия в чем может быть заслуга? Остановить бытие, а для того — самому остановиться в трансе йоги, созерцания; и это не в дому, а прямо, где угодно, эту веку остановки бытия собой восстановить и изобразить. Как в морской команде: «Одерживай!» — чтоб не шибко разгонялось судно.

Так что, если в недостаточном с точки зрения жизни и рождения космосе Германии (скудна природа, зимы) усилие человека — на прибавление к бытию: труд и исправление, очеловечивание природы, и добавка огня, тепла, любви и света, недостаточную «гоню» естества дополнить «ургией» искусства, — то в Индии, что кишит рождениями, преизобильна Эросом и -гонией, человеку следует поубрать, приглушить, притушить -гоню, поубрать огонь (оттого нирвана = «угасание») — и все это через -ургию со знаком минус = через бездействие. Так что даже формулы можно понаписать — условия равенства и равновесия германского и индийского космологосов:

Германия = Индия

(-)гония + (+) ургия = (+) гония + (-)ургия

В Германии надо прибавлять движение к миру, а человеку — быть материально деятельным двигателем; в Индии — убавлять движение в мире, и человеку следует врожденную в него энергию устремить на удержание себя в пассивность, а через то — и окрестных существ, на них воздействуя индукцией, магнетизмом.

Немец влияет рукой, индус — бездействием, взглядом, как змеи, преизобильные в Индии, цепенят. Так что амбиция германа: из малого сделать многое, из зерна — самсто, из ничего сшить кафтан; бук-

важно из крошечки реальности: только лишь ориентации на возможный опыт — добыть уже реальное знание, сказать, что мы что-то знаем и вот что — и выстраивается Кантом система трансцендентального знания а priori; словом — распространиться; амбиция ж индуса — свиться, занять как можно меньше места, свернуться: из многих знаний и учений и положений буддизма — придти к возвышенному ничегонезнанию, ничегонеутверждению Нагарджуны.

Кант, Фихте и т.д. стимулируют продуктивную деятельность сознания, воображения, «Я», которое полагает «Не Я»; в Индии приостанавливают ее, ибо мир и так — «маяя»; не трансцендентальная, изысканная иллюзия Канта, но естественная, эмпирическая, будничная; так что транс — не в том, чтоб в напряжении увидеть Бога, откровение, некий плюс к тому, что видим обычным зрением, — но транс есть удержание взгляда, его утушение, чтоб ничего не взвидеть и чтоб все растопилось многообразии.

В «Дхаммападе»: «Никакие несчастья не случаются с тем, кто не привязан к имени и форме» (221) — очевидно: «пата-гура». Вот: форма — текучее в Индии. В Германии ж форма, поскольку изнутри, из Innere, из «я» исходит, как знание до знания, вещь до вещи, ее изготовление в труде, — железное, незыблемое и главное, что организует бытие. И у Экхарта недаром о Христе самом сказано: «Я говорю: Христос первый человек. Как так? (Ведь сколько до него людей уж было: Адам, Давид и т.д.! — Г.Г.). Первое в мысли есть последнее в деле (чисто трудовое, операционное правило: сначала в мысли план, форма, а потом перетекает на дело и отоляется лишь в совершении его, когда все вещество по очертаниям формы, внутренне видимой, расположится и ее, наконец, явит. — Г.Г.). Как крыша последнее при постройке дома» (с. 180). Но ведь крыша — первое в **идее** дома (не пол, не стены), так что простейший дом — крыша на палках, просто преграда между человеком и небом, знак его отказа от неба и заявление о своей земности. И «Я» полагает «Не Я» именно через законодательство и диктатуру формы: так по мосткам, от замка на другой берег рва наложенным и спущенным, — переходят в бытие и природу.

О Времени

26.IX.68. Мне гораздо труднее дается — его себе представить, чем пространство. Ведь и мои **умозрения** — зрительные образы. Так что вникнем, как у Канта. При повторном чтении и по-немецки мне разъяснилось следующее.

Что все правильно: понять время и объяснить нельзя, ибо оно — не понятие, а внутреннее представление, так что в него можно вчувствоваться, но не вдумываться. Если ж хочу представить, то вылезает бесконечная линия, т.е. пространственный образ, у внешнего созерцания заимствованный. Так что прямого представления о времени, как и об *Innere*, получить не можем, но только косвенное, через его отражение в предметах пространства.

Тем не менее, хоть о времени можем знать и представлять меньше, чем о пространстве, оно важнее, значительнее и грандиознее. Это хотя бы по тому видно, что пространство = чистая форма представления лишь внешних явлений, а время — чистая форма, в которой представляются не только свои, явления внутренней жизни человека, но объемлет и пространственные предметы, так как и они являются лишь как относящиеся к душе, ее *Innere*, суть состояния души. Так что «время есть априорное формальное условие всех явлений вообще». (Кант... С. 50). То есть время — целое бытия, пространство — как бы его половина, время — 1, пространство — 1/2.

Ну да, если бытие делится между *Raum* и *Haus-Innere*, то *Raum* — половинка. *Innere* же, как уже выше выяснилось, есть средоточие, суть, так что целое и все — там помещается. Оно вездесуще, тогда как пространство ограничено лишь внешним, внутрь не проникающее и ничего о внутреннем сказать не может; само же оно есть функция внутреннего: есть то, что не *Innere*, не имеет доступа туда, что за бортом, отбросы (*wegfallen* — «отпавшее» — см. с. 58). Само же *Innere* владычно и над пространством, ибо его представления действительны лишь как состояния нашей души.

Это чисто домашнее воззрение: действительно, у окошка сидя, видно и все, что внутри, и пространство во вне. Из пространства же через окошко внутрь ничего не видно — как когда с ослепительного света во что-то укрытое заглянешь: только во тьму иль черную дыру окна, иль совсем не впускающий отблеск отсвечивающего стекла.

В Индии ж, в Упанишадах явно другое соотношение: время — вообще над ним мало задумываются, но когда появляется, то как нечто частичное, подсобное к пространству, к нему прилегающее. Хотя бы по тому это видно, что звук и музыку, которые в германстве толкуются как формы внутренней жизни души, искусство временное, — в Индии относятся к пространству: тот или иной звук знаменует разные страны света, разные величины (столбы) пространства. (Впрочем, такое видно и в германстве: в устройстве инструментов, труб органа, например). Но важен акцент.

В Индии человек — на сквозняке открытого бытия, не твердь, а поток дхамм. Здесь движения — вихри, потоки, т.е. если задумываются над движением, изменением, то оно очевидно бросается (бросается в очи) как пространственное. Германец же созерцает движение, изменение — в растении, где главное — время. (В Индии над таинством именно растения мало задумываются, гораздо чаще над животными — его частями, передвижениями: ср. образ жертвенного мирового коня в начале Брихадараньяки-упанишады). Итак, в Германии пространство интравертно: для времени; в Индии скорее время — экстравертно: для пространственного бытия.

В Индии человек сам относится, относим к бытию, а не то, чтобы он имел в себе вежу и абсолютный стержень и шкалу, куда б все: и облако, и чирикание — как к своему *conditio sine qua non*⁵⁹ — относилось. Ну да: ведь «отношение» по-немецки *Verhältnis* — «предержание», так что надобно быть, кому в руке держать. Отсюда бытие вырисовывается не как существование, а как **действительность** = поле действия, наделанное.

Это важнейшее различие. Придумаемся к нему. С того хотя бы начнем. что слово «действительность» всегда, когда слышал его в русском контексте, коробило своей искусственностью в применении к русской жизни. Ибо «действительность» — это от действия, уже — от труда, и как он может определить собой **все**, в качестве «объективной действительности», когда так неужтожно мала предметная действительность в России: тонет в океане исконного нетронутого просто бытия, ну — существования?

Тем более уж добавка «**объективная** действительность» еще более сужает: значит то, что противостоит как объект мне субъекту. Тьфу! Плюнь да и только! Это что: снег и ветер мне — субъекту как объекты предостоят? Ну, согласен: дом, гидростанция — «объект», они так и называются верно в обиходе, ибо предмет приложения труда, познания — когда опыт ставят. Но объективная действительность в России — это оазисы: как точки, «как значки торчат... неприметные твои города» (Гоголь). А Русь сама в целом — никак не «объективная действительность», и русская жизнь мало к ней сводима. Так что когда птичий щебет этих слов слышишь у Белинского, Чернышевского, — они с чужого плеча понятия явно скроенные.

В Германии ж, где уж в средневековье не осталось нетронутого или как-либо не окруженного, не обставленного трудом, городом или созерцанием бытия природы (гора, лес, река — все они служат), — естественно, что бытие толкуется как «действительность» = произведение, производное насквозь и целиком.

⁵⁹ Необходимое условие (лат.).

Потому так ужаснулись первые читатели Канта, когда им показалось, что он у них отбирает действительность пространства и времени под ногами, и стены мироздания зашатались. Но на этот счет Кант их заверил (см. «Критика...» I, ч. 1, гл. 1, § 7), что абсолютно ничего не произошло, что действительность ему так же дорога, как и им, и, напротив, его философия уж если оставляет проблематичным вопрос там о бытии, существовании, — но действительность крепчайше утверждает.

Действительно (!): он учит, что предметы, которые мы воспринимаем, суть явления — т.е. уже **продукты деятельности** наших априорных форм созерцания (пространство и время) иль понятий; т.е. на них уже отпечатались наши действия, активность внутреннего «я». Так что все, с чем мы имеем дело, есть в полном и прямом смысле «действительность» — *Wirklichkeit*, ибо все это заражено исконно действием предшествующих поколений, суть их *Werke* (как трактуется объективная действительность культуры у Гегеля), иль даже просто мной самим: на что ни гляну, словно волшебной палочкой его произвожу, делаю действительностью для себя (но не существованием: есть эта вещь и какова она сама по себе? — не знаю).

И вот заменив, с одной стороны, **существование** (Бога, вещей, нас), которое — вопрос, **действительностью**⁶⁰, которая для нас, людей, несомненна, и, с другой, истолковав процесс познания не как пассивные комплексы восприятия неведомого существующего, а как процесс **производства** явлений, т.е. как деятельность, производящую ту действительность, с которой мы сталкиваемся в нашем человеческом существовании: труде, опыте, познании, — Кант на действительности порешил счеты и онтологов, и гносеологов, и математиков, и естествоиспытателей-эмпириков.

В самом деле, поскольку математики сами конструируют свои предметы и наглядные представления, они всегда среди собой же сделанного, так что у них справедливо нет сомнения в истинности своего предмета и соответствии ему своих вкладок, если они логически и математически правильны. Их предмет — доопытен и внеопытен, ибо они сами его производят своими действиями. Экспериментаторы, вылавливающие неведомое из океана бытия, естественно, преиспол-

⁶⁰ Так, оспаривающие Канта, т.е. «кто утверждают абсолютную реальность пространства и времени» как субстанций, «должны признать существование двух вечных и бесконечных обладающих самостоятельным бытием нелепостей (*Undinge* — букв. «невещей». — *Г.Г.*), пространства и времени, которые существуют (не будучи однако чем-либо действительным) только для того, чтобы охватывать собою все действительное» (с. 53).

нены сомнений: а так ли ведет себя рыбка в сачке, как и на быстрине в потоке? Однако, что они могут знать твердо, это то, что я ее поймал сачком и она ведет себя в зависимости от этой моей деятельности, которая налагается на ней. Так что и тех, и других устраивает иметь дело с действительностью, тогда как математиков не устраивало бы чувствовать себя в зависимости от случайностей опыта, а эмпириков не устраивал бы надменный, догматический априоризм — знание до знания, и вообще всякая метафизика и рассуждения о бытии впрямую, а не через опыт.

Время дороже Канту и в германстве, чем пространство, — потому, что оно ближе к *Innege*: здесь горячее — соседнее к душе, ибо и душу мы чувствуем внутри, и время — как ток внутренних ощущений, состояний. Однако, и время нисколько нам душу не дает ощутить: недаром к ней атрибут — «вечная», вневременная, «бессмертие души» и т.д. — так же как, в отличие от пространственных форм, душа бестелесна. Как Эххарт говорил, что нечем нам душу представить и понять, — и это главная тревога и забота и для Канта. Во всяком случае, уж по соседству своему и оттого, что тоже из *Innege*, из нутра идет, время для него — глубочайшее, нежели пространство (оно может быть возвышенным и там располагаться, но мы уже знаем, что глубина в германстве ценнее, чем высота).

На времени больше отблесков души, и потому оно в системе Канта — источник значений: далее в разделе трансцендентальных схем он будет приводить рассудочные понятия к представлениям (по юмовскому ходу: от идеи — к впечатлению, которое под нею) и все категории будет наполнять ощущениями из шкалы времени (а не пространства). Так субстанция = постоянство, качество = непрерывность, отношение = последовательность и т.д.

В смежности с этими толкованиями, пришла мне мысль о *tertium non datur*: «или — или», «третьего не дано». Так рассуждают «наши»: или с нами, или против нас, третьего не дано. Но так ли рассуждает истина? Ведь для нее кроме «нас» существуют мириады таких же «нас»: и мы, комары, и мы, студенты, и мы, облака, и мы, наяды. В Индии это чувствуют и понимают (из открытости бытия), оттого там дихотомия бытия и всякая логика типа: «да — нет», тождество, и даже диалектика (ибо *диа* — опыт из двух; для них, скорее, есть «многолектика» — «полилектика») — не в почете.

А вот в германстве жестко, как нигде, проведена дихотомия бытия: «Я» — «Не Я», мысль — предмет, дух — природа и т.д.; у Канта: что в нас *a priori*, а что вне нас *a posteriori*. Рассечение бытия жестко надвое (а не «насемеро», на много) возможно именно, когда исходят из «Я», а все остальное — хоть будь там Бог, природа, вечность, Ин-

дия, мать, — объемлется в «Не Я». Таким способом избавляются от ви-негрета бытия и плюрализма: выделив себя, «Я», душу как простое, а все, что в остатке, как сложное, — в мусорную корзину и «кучу малу»...

И хотя немецкая мысль героическими усилиями воздвигает треть: тождество, единство противоположностей, синтезис, — но он каков? Таков, что в нем «Я» и «Не Я» равными правами пользуются, т.е. я, человечишко-комар, и все остальное, где солнце, слон, Ганг, Платон, РСФСР, — мы на паритетных началах в контакт и взаимопро-никновение вступаем, и потому должен быть установлен новый по-рядок, где солнце сообразуется с моими на его счет априорными пред-ставлениями, а не хочет — заставим, ибо бытие зиждется на необходимости.

Из образов, в которых проясняется время, опять дом и источ-ник: «Из явлений вообще мы не можем удалить время, тогда как яв-ления могут быть удалены из времени (как предметы, обстановка и утварь — из дома. — Г.Г.)... Все явления могут исчезнуть (wegfallen — «выпасть прочь», в сторону — явно идея застенности. — Г.Г.), между тем как само время (как общее условие их возможности) не может быть уничтожено» (с. 48).

«Таким образом, пространство и время суть два источника зна-ний (Erkenntnisquellen), из которых можно почерпнуть а priori раз-личные синтетические знания» (с. 53).

Вспомним «родник» Экхарта.

В геенне меж двух семей

2... — какое?

Не могу...

29-е или 30-е IX.68. Словом, понедельник. «День тяжелый». Для меня — об-легчающий.

Ну и нажрался я в жизни за эти три дня — до умопомрачения, буквально. Ниче-го сейчас не соображаю, а все роится и роится суетное.

Что там было? Чуждость и вплетенность в чуждое — через фалл. В четверг сти-рал белье в прачечной, потом мылись, и резка была сильная. Но наутро в пятницу — раздражение. Едем во взаимных неприятях в Дубну к дочке. Пытаюсь укрощать себя и смягчаться. Там ребеночек живой, резвый, но на меня набросились сразу, что я недостаточно радуюсь. А я хотел дать привыкнуть, а то все на него набрасыва-ются и, указывая на меня, — страшного, черного, — пытаются: «А кто это? Па-па. Иди к папе на ручки!» — «Не пойдет она», — я прошу: плавнее. Но тут взрыв. «Какой ты отец! Говно собачье!»

Эй, постой, не так описываешь: будто ты хороший, а тебя ни за что. Описание явно заинтересованное в оправдании. А попробуй с их точек зрения.

Как Светлана представляет: вот бездушная машина умственная: собрались ехать к дочери родной, так нет – днем, с утра, видите ли, ему надо умствовать. Железный человек: «гвозди бы делать из этих людей» – так и сказала. Выход затянулся, опаздываем, а он цепляется: «где ключ от газет? Опять бардак, ничего нигде не найдешь». И так все утро на него потратила – карманы от штанов зашивала (впервые, а утро у нее – с 10 встает: этой мой доносчикский голос поправочку и уточненьице вплеп), так стараюсь – все мало, избалованный (все бы вокруг него прыгали – привык) и малодушный, какой он мужчина!.. Нет, чтоб быть джентльменом, на руках бы носить должен – ведь как нравлюсь всем! В метро зашли – сам копаются, поезд упустили, теперь опоздаем – садится в другом конце вагона. А ну его, буду читать. Небось, бесится сейчас, что я вот читаю, а он не может, строчки перед глазами от лютости прыгают – сам говорил. Ничего, придет ко мне, а не придет – и того лучше, спокойнее будет.

Приехали. Игрушку пошли покупать. А он – ничего: вон настоял, чтоб дорогую игрушку – собачку лохматую на колесах – за 4 рубля купили. Не такой уж и жмот, выходит. Но пришли – мне родное: «ма-ма!» кричит. А этот сын на диван сел и за газету спрятался. Гадина бессердечная – на родную дочь не смотрит! Подсела: «Ты что ж за отец такой! В кои-то веки приехали, а ты и не поиграешь с ней!»

– А что ты набрасываешься? Чего кричишь – такой момент испортила! (не выдержал, вступаюсь за себя в рассказ). – Я же тебя сколько раз просил – будь плавнее, я не могу так резко!

– Плавнее! Ишь деликатная натура! Говно собачье!

Ребенок стоит, ошалело глазееет на взвизывающиеся кверху голоса.

На стол ставлю: «Ешь, остынет!» – Выбывается. Родители пришли.

– Чего, Гоша, не ешь?

– Да, аппетит перебили.

– У вас чего произошло? Это вы уж дома у себя, а здесь воздержитесь.

Вот пытался ее пересказать – и как трудно! Значит, она со мной без отрыва – как мне пишет сейчас Нина из Одессы:

Я здесь одна.

Никто меня не понимает,

И молча гибнуть я должна –

так в этой, Татьяниной, ситуации со мной Светлана; а для другой я в письмах – отдушина понимания, чего она, русская, не имеет от своего тупого, эгоистичного (в обороте к ней) еврея-супруга. То же самое, каков я – для Св. Вот опять функция: один я, а в разных функциях выступаю, оказываюсь для женщины то понима-

ющим духовником, то человеком, совершенно лишенным способности понимать женщину. (И понять ее тревогу надо: сроки прошли, а чорт смолу не гонит – ужели опять аборт?⁶¹).

Но здесь словно я в скафандре, где, вместо кислорода, ожесточение разлито, – движусь, ношу с собой желчь и счеты тыкаю. Зачем? Почему б не ходить в атмосфере милости? Ведь она ж добра: дура (женской интуиции нема), упряма, мужеска – но добра, и добром, лаской от нее всего можно добиться. Так нет, я в ущерб и себе, и ей – жесточусь.

(Вот уж, кстати, сфера бескорыстия – семейная жизнь: здесь непрерывно действуешь совершенно по-дурацки, против всякой своей пользы и выгоды. И тем эта сфера – есть метафизическая зона, глубинная, с бытием прямо соприкасающаяся, как война, и искусство, и другие бесполезные образы жизни и деятельности).

Ну, это у меня от раздвоенности – к другой, первой семье...

Но ведь это – поверхностное объяснение. А дай метафизическое. **Что есть семья?** Для меня выходит – лаборатория метафизического поспрамления. Тянусь в мышлении, в эмпирии всепонимания мню забраться, а оказываюсь туп к существу живому под носом: так это и к Б. было и есть, и к сыну Димке; редко-редко, когда смолкнет слепящий огонь жадного нутра моего – и способен вслушаться и понять ближнего. Дальнего легче понять: нет к нему этого слепящего огня, который как раз из трения с ближним возжигается. А меня трут непрестанно с разных сторон, и я, как трут, воспаляюсь. Однако, вновь иду на это – ибо се жизнь и чувство жизни: боишься ведь остаться только в тишине наедине с бытием и в духе, хотя все туда стремишься и убегаешь по утрам. Вон и в деревеньку забиться тебя отсюда, из пекла, подмывает. Но там не восхощешь ли назад в пекло?

ТЬфу, дешевка какая. Механизм простейший.

А что – посложнее хочешь? Так и мудро, что таков, элементарен. Основы-то всего – простые элементы, так это по всем воззрениям. Сложность уже – от сложности. И что метафизичнее: единица, двоица, семь – или 423, 11768? – Ясно, что первое, элементарное, простейшее.

О, мать. Омут.

⁶¹ Вот кто истинно метафизическую идею бросил в современный мир – папа римский с его энцикликой против употребления противозачаточных средств. В мир, где это лишено священства, которое от опасности и расплаты, страха, но и от радости рождения – возникает, бросил совершенно без надежды на послушание, наоборот, с риском отпадения от веры цивилизованных масс. — и тем не менее бросил эту безнадёжную идею: чтоб все опамятовались, вспомнили, как это священо бывает и может быть, и хоть грех бы чувствовали, механику эту применяя! Когда я так истолковал Св-е, она увидела в этом мужской эгоизм и нежелание считаться.

И досказывать не хочется. Ну, пятницу-субботу был в Дубне с младшей женой у дочери, а в воскресенье – у старшей жены с сыном. (А переносы-то сколь катастрофичны – временные адаптации к иному времени и пространству души и жизни! А вечером опять сюда. К жене младшей. Жуть!). Ездили за город. Отыскали деревеньку, божественное место, хозяйка продает дом. Надо покупать. Надо? Заботы, в долги влезать. А Кант не велит.

Вот и заболел уже желанием. Отогнал было его – и весь сентябрь обрел спокойствие духа и работал. А вот опять мечта пробудилась и уже делает место, где сейчас сижу, не тем, и гонит мудрость прочь – ибо мудрецу на любом месте хорошо, все равно, не заметно. – Но как так незаметно! И разве не должно различать гееннский скрежет бульдозера и шелест осенней листвы золотой?

Но это будет мой дом – приют от «психологий» всех, божеское гнездо.

И для детей... Однако, собрать их нельзя, жен – тем более. Так что – для одного? Нет, для чего угодно – вот так мудрецу должно: один? – так один; люди? – так люди.

Нет, семья, конечно, – метафизический крест, где нас распинают – чтоб мы понимали больше или чтоб дурели? – вот чего не пойму. То кажется, что чрез Эрос и то, что болит, задирает, – о том и говоришь и понимаешь глубже, ибо кровно и страстно, и тебя касается, в отличие от мысли просто отвлеченной. Но ведь то, что задирает, – дробное множество, мельтешит мелкобесье, – где тут сосредоточиться и понять? Успевай^я увертываться и махать руками по кусающим комарам иль скорпионам!

Нет, конечно, спасенье – в самозабвении: заняться отвлеченным чем от себя, работой.

Кант! (слово-заклинание и крестное знамение: «Чур!»).

Вон вчера Димка: сели в автобус – он на заднее место, мать со мной в середине, а ему трясет. И весь час ехал один и злясь. А я? Не позвал, не пошутил – пусть, мол, научится – себе же хуже делает.

Научится? Вот именно этому и научится: себе же плохо делать. Привыкнет – и другим станет делать.

Что же это такое за жизнь? Иль для того мы друг другу, чтоб не было в ней хорошо, и тем тягу и мысль о жизни высшей, лучшей вызвать?

Но ведь и хорошо здесь, слава богу, конечно, бывает – да еще как! Блаженство, счастье – даже слишком хорошо! Оттого и дуемся, что не все так. Но ведь утопали б в счастье и блаженстве – тупы были б, не проснулось бы нравственности, а она – из сострадания, а значит – из наличия болей. Блаженство – подкупольно, ровно, замкнуто, ампула. Нравственность (что из наличия в мире страдания происходит) – шприц – динамична, прорыв на иной уровень бытия. Вот и Кант выше ценит не блаженство – оно не может быть принципом стремлений (его приносит случай, удача), но всякий раз поступать нравственно.

Но вот как? Значит ли и это: каждый раз делать всем хорошо? Не выходит: одному хорошо – другому от этого плохо. Иль не обязательно так? Как бы так, чтоб всем сразу?

Наверное, тогда лучше изъять себя, изолироваться из действий, чтоб не пробуждать в мире волны – волнения (вот – буддизм этому учит). Замереть, исчезнуть, не влиять: тогда всем по крайней мере равномерно и тем хорошо, тогда как любой импульс и вторжение в жизнь с одним «хорошо» иль кому-одному, тут же «плохом» отдается где-то.

Вот князь Мышкин, Дон Кихот. Только хорошо творить (хотя Дон Кихот – оружием, болью. Но это все равно: князь Мышкин словом искренней правды еще больнее колет – Ганю, Епанчиных, Ипполита и пр.). Нанесение боли, значит не важно. (Ведь и Христос – «не мир, но меч и разделение принес я вам»). Важно, чтоб сам только хорошего желал и не себе (то само собой получается), а с кем столкнешься.

Хотя это нераздельно: конечно, князь Мышкин не имеет намерения пострадать – он хочет, чтоб ему хорошо было, а так ему, когда всем хорошо. А как, когда две женщины о нем заспорят? (Б., кстати, сравнивала год назад мое положение с мышкинским – положение, но не личность: корыстен я). Хотя я до сих пор нелепо желаю в моей ситуации, чтоб всем хорошо, – и оттого даю себя мучить и сам тираню.

Но неужели высшее, что человеку дано, – это бескорыстно желать делать хорошее, а выходит, что то не в его власти: из хорошего – и дурное?.. Неверно: ничего дурного не вышло из действий Дон Кихота и князя Мышкина, ибо разрушение мельницы, убийство Рогожиным Настасьи (навлекомое, конечно, милым чистодушным князем) – боль, сострадание, но **не зло** это все, а...; но и «хорошо» – тоже нельзя сказать. Значительно это, метафизично, сверхжизненно, где ее (жизни) голоса и различия умолкают, и на иной нас уровень бытия в мысли, понимании и чувстве уносит.

Значит – отпадает то, что приготовился сформулировать выше как архизадачу: «Чтоб бескорыстно хотеть хорошего и чтоб всегда хорошее из этого выходило всем». Думал – это уже богу дано, иль ангелу. Вот, вот, именно: ибо богу уже это не надо: уровень хорошо-плохо для него «человеческое, слишком человеческое», убог (начал фразу с «богу», а пришел к «убог» – хорошо что-то язык мой тянет). А вот ангел – меж богом и людьми, наш заступник, нас понимает, милость в нем; и высь человека, женщины – ангел («ангел мой!», «ты – ангел!», «ангельская» доброта, улыбка). Вот у ангела, видно, так все получается: все всем хорошее из его желаний хорошего выходит – умеет так согласовать волны вторжения в бытие, нет, точнее: в жизнь, в существование (еще точнее, ибо промежуточно между «жизнь» и «бытие»). Ангел – не бытийственен. К бытию имеет отношение уже бог; человек – к жизни.

Ну вот – и умирился. Жаль, что только с бумагой я смирен. А столкнусь с живым существом – через час, как из кельи своей выйду, – опять взвзовьюсь. Но не так, как бы без этой молитвы, заутрени моей белобумажной. Все-таки по-кротче буду, а то все б нагнеталось и вразнос бы понесло все и всех; а так вот расплескиваю в сторону избыток желчи и лютости – огня, в общем. Т.е. саможиганием занимаюсь некоторым по утрам. Как над трубами газопроводов, огонь весной горит – то отходы сжигают, чтоб городу воздух не заражали. Так и я себя обезвреживаю по утрам, сатану в себе укрощаю, лишний чад удаляю – и потому остатний день дышится мне легче, когда утром поработаю: прочистка легких то – парение умозрения = дыхательная гимнастика, как продолжение той, что утром под деревьями делаю.

Да, ну и тупость ты вчера явил! Хотел, чтоб всем хорошо, и предложил Б. – полдома: чтоб и она, и Димка, и мама, а за стеной Св. с Настенькой и ее добрая родня; и я б с ними на 2-ом этаже жил – иль в саду в сараюшке! А Б. мне:

– Значит, до такой степени ты меня за тряпку считаешь, что предлагаешь, чтоб я присутствовала при том, как ты там с молодой женой – (не выговорила!).

Вчера, размякнув в уюте у Б., сидя в кресле перед приемником, крутил на Чехословакию, а попал на хорал. Зуд желчевого любопытства тянул вертеть дальше, но дух меня остановил: что ты даешь себя всасывать в злость и мелочь? Сделай усилие и вознесись из современности в вечность. Это оказалось нелегко; очень щекочут политические новости: это людям – как мадамаринам китайским щекотанье пяток иль пенсионерам – чиханье от понюшки табака.

Ну да, политика, особенно тем, кто ее не делает, а интересуется, – это как куренье, водка, алкоголь: раздраженье этакое сладострастно-соглядатайское – то же, с каким сплетни передают матримониальные; с тем же и новости скабрезно-политические, разоблачительные. И почему-то раздраженность моя семейными укусами искала не божеского успокоения на высшем, но хотела по инерции продолжить себя в раздражительности политической: попитать себя ею и доказать свою правомочность в отношении к жизни: раз все плохо, и я буду плох – по такой логике.

Так что нелегко это было – преодолеть сию инерцию, и спасибо, что какое-то нравственное реле сработало и отвратилось от того, чтоб впасть в цепную реакцию раздражительности. И вот я слушаю: хорал, потом чтение Евангелия – из Ватикана по-русски. «Не собирайте сокровища на земле, но на небе, ибо где твое сокровище – туда прилепилось и сердце твое».

Услышал и ахнул: прямо мне сегодня ответ на: связываться покупать избу иль нет? Вот оно – еще одно сокровище внизу, что свяжет и привяжет и не даст служить в духе целиком. Так что не рыпайся, но где застало, там и оставайся.

Но ведь застало меня на кооперативной трехкомнатной квартире с молодой женой. И если я не нацелюсь на избу, то сокровищем моим станет, куда вклад и души, — вот это жильё: деньги, коль будут, — на обстановочку и гарнитур тратить, пока не получится из жилья такой же удушливый халат — гарротта, из которого я много раз и трудно убежал от Б. Славу богу, здесь пустынь и келья у меня: кровать, шкаф книжно-прочий, столик-верстак и табуретка. Все, правда, гложу Св-у за то, что в остальном помещении пустынь и голо и холодно, нежило даже.

Так что уж лучше я прилеплюсь сердцем к избе в лесу, туда свое сокровище помещу, — авось, там природа упасет и к божескому приведет. Нет, не по силам мне выработать из себя тип мудреца, что мудр и на 87 этаже.

Но как передаю, Боже! Вон как представил Б-у! Ведь эти вещи она все под меня подкладывала в ласке и любви, все думая, как бы мне лучше и уютнее, так что вещи все любовью сочатся и заботой, — и заботу и тревогу мирскую во мне пробуждали, а я жаждал для мысли отрешенности. Опять она виновата! Господи, но ты понимаешь...

— Я-то понимаю, но слово-то тебе на что дано? потрудись и вырази по-людски. Я же вам сказал...

Млею на солнышке. Вот кончу — скажу Св-е посидеть у меня в комнате погреться: у нее простуда.

Как же так? Думал хорошо, любовно о Б-е, а добро сделать Св-е?

— А не все ли равно, кому? Лишь бы сумму добра в мире умножать.

«Сам-то ты будь хоть чуточку более благолепен», — из поучений старца Зосимы у Достоевского.

И вот главно-мудрое: добро без выбора. Все зло — от выбора: кому добро, кому больше, кому меньше — начинаешь судить — и зло плодить добром.

Как дети — все сразу первому попавшемуся, не взвешивая меры и пропорции.

Вот чем зла семья: добро в ней обязательно избирательно — и оттого возникают претензии, амбиции, счёты, неудовлетворенность, досада. В семье — каждый размахивает своим правом на добро от напарника-супруга = сояремника. И я — первый. О, Господи, это бы перебороть.

От созерцания — к мышлению

1.X.68. Итак, начиная с трансцендентальной эстетики, Кант осуществляет вворачиванье в *Innere* — от ворот опыта, эмпирии, вещей — поворот. Уже истаяли все очертания внешних предметов — и осталось лишь марево **пространства**; растопилось всякое изменение, развитие — остался один опустошенный от различий ток **времени**. Прав-

да, вот чудо: чем более пусто, тем активнее, горячее деятельность, ее чистая вибрация, словно она сама пожирает всякие образования извне, чтоб, их силою напитавшись, стать возможностью все из себя породить.

Но это только еще начало продвижения Канта на экхартовом пути отсоединения и отвращения от образов тварей и вещей, ибо Бог и душа — у Экхарта, а у Канта — нечто *Innere* — через внешнее, чрез образы и подобия непознаваемы.

Следующая ступень трансцендентального познания — понятия, логика. После *reine Anschauung* (чистое воззрение) — *reine Begriff* (чистое понятие). Чтоб возвыситься до чистого наглядного представления, нам надо глядеть и не видеть, ничего не различать, что возможно при крайнем прищуре или при до того широко раскрытых глазах, что все туда бросается и ничто не различимо. Но это внешние, подсобные приемы, а важнее — как бы отсосединить суетливо-различительную деятельность нервов и просто уставиться в столбняке, в трансе, когда смотрим и не видим, когда внешнее зрение совпадает с внутренним, а для того кричащие и дразнящие, рекламно-зазывающие, и вообще с формами, внешние предметы должны уступить, стертись в дымке. Это достигается или при напряженном, как у йогов, сосредоточении на одном предмете, который превращается просто в точку, и, следовательно, здесь мы все и ничто перед своим зрением пропускаем, — или при полной рассеянности.

То же самое, Время как чистое *Anschauung*, можно обозначить как «слушать», но не «слышать» (когда мы внимаем тишине): вслушиваться, но не различать, т.е. как бы инфразвуки улавливать - и не улавливать всем слышимого.

Но вот переходим к думанью (*Denken*).

Что это такое? В созерцании я расслаблен, впитываю, женщина. Созерцание — влагалище, посредством которого избыток бытия входит в меня: предмет мне дан. «Наше знание возникает (*entspringt* — «выскакивает, выбивает фонтаном») из двух источников души (*Grundquellen des Gemüts* — значит: знание = вода, водной природы, как и *Seele* — озерная душа германца; знание **вытекает**, значит: дух, *Geist* — из *Seele*. — Г.Г.): первый из них есть способность получать представления (*die Vorstellungen zu empfangen* — «улучать, внимать, улавливать выступления, вперед выставленные» — явно действие женского начала, пассивного, обозначено, и недаром дальше уточняется: «восприимчивость к впечатлениям», *Eindrücke* = «принимать то, что жмет внутрь». — Г.Г.), а второй — способность познавать чрез эти представления предметы (**самодетельность понятий**)» (с. 61) — явно мужское начало, вторгающееся в бытие.

Созерцание ничего не прибавляет к бытию. Думанье — прибавок: из ощущений, представлений формирует, сводя их, **производит** нечто новое — **предмет**. Ибо даны нам калейдоскопы ощущений, потоки дхамм, а не целостные единства, которые мы называем «предметы» (их, значит, метнуть надо перед собой) или *Gegenstand*: его, значит, **против себя поставить**, установить надо его *Gegenwart* — «присутствие», буквально — «противобыль». Обращает на себя внимание это пристрастие германского духа к «**против**» — ср. у Канта, с. 76: *wirkliche Gegenwart des Gegenstandes*. Во всяком случае, четкую дихотомию мира являет: я и не я, тут — и напротив, жизнь и мышление идут внутри этой парности стен дома.

И потому думанье — сколачиванье целого из частей иль, наоборот, разятие целого на части (анализ); но обязательно это появляется: **часть и целое**; эти идеи вводятся. Ведь при созерцании их еще нет, неразличимы, плывут формы; а взглядемся — часть застит целое: видим пятки блудного сына, и уж затмили они остальную картину, что чрез них истаяла и скрылась. Теперь же важно **соотношение**: «Посредством первой способности предмет нам дается, а посредством второй он мыслится в отношении к представлению (которое есть лишь определение души)» — с. 61.

Wird dieser (*Gegenstand*. — *G.G.*), im Verhältnis auf jene Vorstellung... gedacht — «противостой в одерживаньи представкой мыслится». Значит, мышление — удержанье противостоя подставкой (представление), или наоборот: то, что ставится вперед, опирается на противостой. Словом — чисто конструктивная, домостроительная операция. Недаром и способность думанья названа *Verstand* — «обстой»: то, что и то, и это (и *Gegenstand*, и *Vorstellung*) друг о друга удержит чрез *Verhältnis* и обоих их заставит стоять. *Verstand* (рассудок) ниже так и определяется производительно: «рассудок есть способность самостоятельно производить представления, т.е. самодеятельность знания» (с. 61). Т.е. он — производитель, мужское начало: представление из предстательной железы выделять способен.

Ну да, вдумаемся в **думанье**, отбросив все эти готовые понятия, а просто по наивному самочувствию: что это? — отдадим отчет. Я замираю, удерживаю дыхание и чувствую, что давлю куда-то, жму, врубаюсь в невидимую шахту. Виски сжаты, голова — как кайло: я как бы вытягиваюсь и заостряюсь ею. Если перед моими глазами представление — ну, например, крыло самолета, и я бьюсь над тем, как бы летательность улучшить, — я вглядываюсь в крыло, мысленно с нажимом все его обвожу, как в черчении крупным пером; но для того такую резкость навожу, чтоб в какой-то момент в какой-то

точке отскочить от представления по касательной и вынестись в познание на мысль, и чтоб она уже заработала сама, без наглядных ассоциаций, складываясь и делясь в пустом, нематериальном своем пространстве.

Так что действительно в думании я удерживаю представление на почтительном расстоянии от предмета, «противостоя» (чтоб производить рефлексию — их взаимное отражение друг о друга, испуская волны в потоке дискурсивности: *cours* — само есть «бег», «ток»); не даю им, магнитно друг к другу тяготеющим, слипнуться в лобзании, куда они готовы упасть, и уже не арку и стрельчатый свод готический собой образовывать, где они друг друга поддерживают (в *Verhältnis*), — но шмякнуться обоим оземь с подогнувшимися коленками.

Итак, главное в *Verstand* (рассудок) — *Verhältnis* (соотношение): способность правильно **держать**. И отсюда толкуется Кантом критерий истины (*Wahrheit*) — как соответствие понятия предмету, которое есть в рассудке — второй этап той же операции, что на первом — отношении представления к предмету; удержание их так, чтоб каждый из них служил (под)держкой другому.

В критерии истины важны понятия:

richtig и *hinreichend* — «правильный» и «достаточный». Так, ставя вопрос о критериях истины со стороны правильности формы познания, он говорит, что они «недостаточны, хотя вполне правильны» (с. 65), *richtig aber nicht hinreichend* (с. 62). То есть здесь балка как бы тянется в правильном направлении, но не достигает «противостоя» = предмета, и потому удержания (*Verhältnis*) не происходит.

Раз рассудок — инструментарий, то с ним должно правильно обращаться и не делать работу стамески фуганком. Кант определяет общую логику как «**Канон** для оценки» (суждений — их правильности или ложности. — *Г.Г.*), т.е. это мерка, шаблон проверочный. Употребить ее как «**органон** для действительного созидания» (*Organon zur wirklichen Hervorbringung*) — то же, что строгать линейкой: т.е. тем, что предназначено для отмеряния и проверки создаваемого, осуществлять производительную работу прибавления к бытию. (Ниже слово «органон» пояснено немецким словом *Werkzeug* — «верстак», «орудие») Именно это делает диалектика, которая и производит в итоге *Blendwerken* — «слепые дела» (не имеющие себе соответствующих *Anschauungen*), т.е. мнимые знания. В чем здесь дело?

Общая логика есть, по Канту, знание лишь о формах мышления, которыми можно мыслить любое содержание, которое поступает не из логики, но из опыта и, значит, в самых априорных формах правильного мышления не дано. В них лишь — негативный критерий ис-

тины: т.е. если перед нами знание, то оно должно быть согласно с правилами рассудка, и все; а **что** знает данное знание? — в это логика вникать не имеет сил и способности. «Тем не менее есть что-то чрезвычайно соблазнительное (*Verleitendes* — «проводящее» — за нос, с пути сбивающее) в обладании таким мнимым искусством придавать всем нашим знаниям рассудочную форму, хотя бы содержание их и было еще пустым и бедным». «Но так как кажется очень заманчивым и соблазнительным (начинается сюжет о своеволии и грехопадении ограниченного человеческого рассудка, который впал в соблазн стать как божественный интеллект. — *Г.Г.*) пользоваться одними этими рассудочными знаниями и основоположениями (плодами древа познания. — *Г.Г.*), выходя даже за границы опыта (нарушая запрет, установленный Богом, и не обладая Древом жизни. — *Г.Г.*), хотя он и составляет единственный и исключительный источник того материала (объектов) (т.е. плодов с Древа жизни. — *Г.Г.*), к которому могут быть применены чистые рассудочные понятия, то рассудок подвергается опасности делать из формальных принципов чистого рассудка (плодов с древа познания. — *Г.Г.*) материальное употребление (Выдавать их за плоды с Древа **жизни** — обман, в котором отдаст отчет Экклезиаст, сказав, что горек плод познания и что Древо познания не есть Древо жизни, и что во многой мудрости много печали. — *Г.Г.*), занимаясь **пустыми** умствованиями (это как раз дело дьявола и бесов — наваждение: когда пустышку мы осязаем как материальную вещь; и в германских сказаниях о докторе Фаусте он ест пустоту, обнимает пшик. Но важно, что для германского логоса материализация идей, парацельсово сотворение Гомункулюса — грандиозная, родная и жгучая проблема = см. это в немецком романтизме, у Гофмана и т.д. — *Г.Г.*), и судить без различия о предметах, которые нам не даны и даже, может быть, никоим образом не могут быть даны» (см. 66–67).

Кто он, Кант, — ангел или бес?

Не случайно прозрелся мне в этой фразе сюжет о грехопадении. Ведь и в другом месте, прикладная логика (*angewandte* «**повернутая**», а по-русски — «**прикладная**», т.е. операция положения на горизонталь и плоскость, а немецкая — вокруг оси вертикали; куда ни ткни, везде дыра образуется, через которую так и просвечивает и прет национальный космологос. — *Г.Г.*) именуется Кантом как «**чистилище (Kathartikon) обыкновенного рассудка**» (с. 63).

Хотя Кант и отрекается от попыток перейти границы пытаясь (нарушить запрет), но сам признается, сколь это людям и ему соблазнительно; и все же наиболее родная, глубокая и немецкая часть «Критики чистого разума» — это как раз трансцендентальная диалектика, где, как обреченные, но прекрасные герои трагедии, — выступают антиномии чистого разума. И после него германская мысль в лице Гегеля все же нарушит запрет не путать канон с органом: т.е. сделает логику органом, мышление — содержательным и оправдает диалектику.

Но прежде всего и сам Кант устремлен открыть знание до знания и выстраивает грандиозное здание наших знаний — хоть и не переступая за границы опыта, но дав ему предопределение и судьбу из человека. Так что у самого Канта не поймешь: Бог иль Сатана им движет, смирение человеческого разума иль его величайшие притязания и гордыня? И так эта неясность: Бог иль Сатана — остается во всех творениях германского гения — от Якова Беме, который в «Авроре» вроде бьется врукопашную с Люцифером, а на самом деле обнимает его влюбленно и ощупывает его сочленения, — до музыки Бетховена, в которой величайшие улавливали путаницу Бога с Сатаной (Гёте, бог-олимпиец, его боялся, и о Пятой симфонии сказал: «так судьба стучится в дверь», а судьба — начало не божеское, не световое: у эллинов Ананке — начало хтоническое; а русское божество Толстой в Крейцеровой сонате апофеоз чувственной страсти услышал).

Исконный предел человека после грехопадения: Древа познания добра и зла вкусил, а Древо жизни не дано. А первое имеет смысл и значение только в связи и в отношении ко второму. В наших руках — трансцендентальные формы чистого беспредметного знания. Вещество ж мира — из творения (Бога иль природы, в их владении), содержание дается нам извне, из опыта. На совсем оно другом уровне бытия находится — до грехопадения, на трансцендентном (мы ж, люди, с нашей жизнью и смертью и познанием, — трансцендентальны, по сею сторону уже бытия, и трансцензус в мир вещей в себе охраняется ангелом с огненным мечом).

Однако, этого ли хотел Бог, низвергнув человека, чтоб он так и удовлетворился трансцендентальным существованием? А Кант именно самоудовлетворенность и самодостаточность нас в априоризме и трансцендентальности, в отказе от трансцензуса — и разрешил и установил. Вроде смиренник такой: мы согласны на запрет не преступать — и не претендуем!.. Но это согласие и смирение есть отворот от Бога, к нему спиной, замыкание на человеческом, слишком человеческом.

Бог наложил запрет на трансцензус и возврат в рай и к единству — чтоб тем возжеленнее это стало, чтоб человек к этому стремился и, возгоревшись (от накала разведенных полюсов) током и огнем люб-

ви, — в вольтовой дуге, по радуге или иному мосту — переносился бы к возлюбленному предмету, к вещи в себе. Именно Эрос, Любовь, которых Кант не знал в жизни и исключил как гносеологическую силу из своей философии, обладают способностью преодолеть зияние между нашим понятием и вещью вне нас — искрой любви переносясь и преодолевая пространство. У Экхарта многократно цитируется Августин: что мы уподобляемся тому, что любим, т.е. понятие, что при нас, по колее Эроса возносясь, стягивается, сливается, совпадает с предметом познания как духовного Эроса и влюбленного акта, соития, взаимопроникновения. И эллины, атомисты — эпикурейцы, полагая что от предмета отделяются образы и плывут на нас, и в познании мы с этими подобиями предметов соединяемся, — именно этот всесвященный Эрос (в том числе и духовный), его истечения между предметами бытия — улавливают, и его как сводню между понятием и предметом толкуют.

Кант же, сей чистюлька-смиреник, святоша, исключив Эрос и Любовь, — оборачивается как истинный Антихрист: он захотел человеку без греха быть и жизнь прожить, ничего не преступая. (А сказано: «не можно человеку без греха»). Но тем он дал бы ему возможность вовек и всю жизнь о Боге не вспомнить, заменив его и любовь к нему — категорическим императивом и регулятивными максимами познания и поведения. Антихрист же — совсем не «исчадие», а как Люцифер, светоносен, совсем подобен Сыну Божьему (см. в Беседесказке об Антихристе Владимира Соловьева). Только одно в нем — все для людей, культ человеческого, слишком человеческого, чтоб об ином уровне бытия думать забыли, стали бы самоудовлетворены только здесь и теперь (ага: мои когда-то поползновения — «быть только здесь и теперь»!)

Недаром Гейне уподоблял Иммануила Канта Максимилиану Робеспьеру (NB даже имена у них мешанско-портновско-витиеватые, старомодные, как у Акакия Акакиевича): один казнил короля, другой — Бога. Ибо его опровержения всех трех возможных доказательств бытия Божьего: онтологического, космологического и физико-теологического — вроде и для того, чтоб вывести Бога из-под познающего рассудка (что он не в состоянии справиться с Богом: ни доказать его бытие, ни опровергнуть), но в то же время дельце-то опровержения бытия Божьего совершил, его продемонстрировал под видом критики и своего несогласия. И хотя Кант, вроде в полном согласии с официальной церковью нападает на «очень ходкое искусство многих шарлатанов метафизики» — с. 67 (*gangbare Kunst mannigfaltiger metaphysischer Gaukelwerke* — фиглярств), — сам явил

в антиномиях великолепное зрелище этих фиглярств. Так что кто он: ангельска иль диавольска его субстанция? — так всегда и быть этому в недоумении.

Устремление Канта — как и у Экхарта. По последнему, быть в благодати (т.е. в согласии с объективным миром, за границами моего существа, в творении, в Боге) — это ниже, чем быть самому благодатью, т.е. даже не Богом, а больше — в Божестве, одну с ним природу иметь. Так и Кант развивает не то, чтоб познанию нашему быть в согласии с миром вещей вне нас, но чтоб быть нам самоудовлетворенными внутри нас — знанием до знания, (как Бог до творения мира и вещей), априорными формами, жить в трансцендентальном дворце, лишь отсылочку, отписочку, индულгенцию у врат поставив: что все это ориентировано на возможный опыт. Но ведь и бытие вне нас трактовано именно как **возможный нам** опыт, т.е. в нас ввернуто, нами пре-определено.

Стояки и ухваты чистого понятия

2.X.68. Итак, чистое Anschauung — «взирание», есть марево миро- и само-чувствия, где ощущается, что вне — пространство («мир») и что есмь «я», внутри, — время. Здесь еще — причастность, без частей соединимость и соединительность, еще и миро-жизнь. Ближе здесь к бытию.

Ближе ли? Думанье — уже уход, увод от соприкосновения с жизнью, но приближение к нутри, к сути. То есть, каждый шаг и звено, и форма познания — это и уход, отдаление от бытия, и к нему приближение. Противоречие? Но оно истину бытия улавливает. Ибо как же от него отдалиться иль к нему придти, когда оно вездесуще, мы — бытие и мы в бытии? Но мы его ощущаем волнами, пульсацию: оно то в нас прибывает, то убывает, и чтоб вызвать эту пульсацию, мы сами шатаемся: уходим от чувственного созерцания — в отвлеченное думанье, от думанья — к деланью в труде: опять соприкосновение с материей и т.п. Так что «материя», «дух» — это наши воззвания к бытию, наши его заклинания, чтоб до нашего существа его довести и донести, в нашем существе его вызвать, заковать сей поддон, — как в любовном соитии толкаешься туда-сюда (тоже дихотомия!), чтоб нашим (материя) и засасывающую (и тем тоже активную) пустоту (дух) создать и опознать. А само-то бытие — ровно. Это в отношении нас и нашего барахтанья в нем оно есть — поле, полюса (материя — дух), волны и т.д.

Так вот: если чистое созерцание дает нам бытие как двоицу: я и оно, дух и материя, — то думанье дает дальнейшее дробление бытия — на целое и части; и их, понятий, у Канта уже 12 (четыре раза по три). Вот как у Канта разъясняется различие чистого Anschauung (воззрения) и чистого Begriff (понятия) в отношении представления целого и частей. «Бесконечность времени означает не что иное (nichts weiter — ничто дальше), как то, что всякая определенная величина времени возможна только путем (а здесь durch — «через») ограничений⁶² одного единственного лежащего в основе времени. Поэтому первоначальное представление времени должно быть дано как неограниченное. Но если части предмета и всякое количество его (Grosse) могут быть представлены определенными лишь путем ограничения (т.е. насильственным способом — вот он, дух германской Not, нужды, принуждения, необходимости. — Г.Г.), то **целое** представление предмета **не может быть дано через понятия** (так как понятия содержат в себе только частичные представления: denn da gehen Teilvorstellungen vorher — «потому что тогда сначала идут представления о частях». — Г.Г.), но должно иметь в основе непосредственное наглядное представление» — с. 49 (доканчиваю цитату по 1-у изданию «Критики». — Г.Г.).

Значит, понятие — Begriff = «ухват», «хватка». Само действие ясно указывает на способность урвать, уловить лишь куски, части бытия. Потому и **понятие целого**, т.е. здорового, не вырванного, — противоречие, ибо это то же самое что сказать: «урвать целое»; само «у» есть возле, сбоку-припеку, и «рвать», «хватать» — тоже акты кусошные. Так

⁶² Einschränkungen. Schrank от schräg — «косой» и обозначало сперва пространство, огражденное (abgesperrten Raum) посредством косо перекрещивающихся палок. Итак, «граница», которая в русском воззрении имеет вид полосы, горизонтальной линии, ну — стены, в германском включает в себя и вертикаль, но обе они смешены в наискось, так что и **свастика** как располагается: на одной ноге или на двух, как человек и дом, и как Verhältnis между Vorstellung и Gegenstand? Во всяком случае, в отличие от креста, который указывает на все четыре стороны в бесконечность, свастика, германский вариант **креста**, переламинает направленность в бесконечность и ограничивает пространство. Крест — открыт. Свастика — закрытый дом с дверьми и окошками, и где выход из лабиринта? Ибо свастика — лабиринтообразна, а лабиринт — дом и закрытое помещение par excellence; лабиринт это вообще мир, помещенный в недра, в кишки, в нутро, в Аид, в дом: мир, ставший помещением. И оттого в германстве неразличим чорт и бог, что мир-то в дом превращен, закрытое помещение, а таков — Аид, ад. Божий же мир — рай — Эдем — в открытом пространстве, на воздухе, как на духу откровенно и где совесть чиста. Грехопадение же началось с первой заслонки, двери (фиговый лист), которым человек отсоединил себя от открытого бытия и Божьего глаза, света: создал себе тьму, и в этом — первый акт свободной воли человека.

что верно Кант ориентирует: целое (всего, бытия, предмета) дается лишь в наглядном воззрении, *Anschauung*, а даже не в «представлении», которое *Vorstellung* — т.е. должно **предстать** (перед чем: значит, уже раскол бытия, а не целое).

И далее, описывая предстоящую в трансцендентальной аналитике работу, Кант подает ее — как ремесло портного, раскройщика: «Эта аналитика есть расчленение (*Zergliederung*) всего нашего априорного знания на элементы чистого рассудочного знания. В ней нужно иметь в виду следующее (постой, батенька, русский переводчик: не «иметь в виду следующее», а *es kommt hierbei auf folgende Stücke an* — «наталкиваешься здесь — как в комнате на стену — на следующие штуки, куски», как предметы обстановки. — *Г.Г.*): ...3) «чтоб понятия были элементарными хватками» (простейшие кирпичи, чтоб сложное и целое составить можно)... 4) «чтобы их таблица (*Tafel* — доска) была полною и чтобы она совершенно заполняла всю область (*das ganze Feld* — целое поле) чистого рассудка».

Однако, это целое не как сборную солянку, агрегат видит, а как простое единое, которое деля потом ухватами и урывками, можно иметь гарантию, что взаимную связь — «свидание» (*Zusammenhang*) с крюков целого, и взаимное со-**держание** и поддержку — *Verhältnis* — отношения и переходы можно будет наладить.

Целое должно ручаться за части. «Совокупность его (чистого рассудка) знаний должна составлять определяемую и обнимаемую одною идею систему (ну да: **идея** — как эйдос, вид, как умозрение — способна привести к нам целое, дать нам его; а **понятие** — *Begriff* — «ухват» — кусошник — арендатор поля идеи — не может. — *Г.Г.*), полнота и расчленение (*Articulation* — артикуляция, на штуки, артикулы раскроение. — *Г.Г.*) которой может быть также критерием правильности и подлинности всех входящих в нее элементов знания» (у Канта проще и вещественнее: *Erkenntnisstücke* — штук, «кусков знания». — *Г.Г.*). А выше: «Потому он (чистый рассудок — *Verstand*) составляет самостоятельное самодовлеющее единство, которое не может быть увеличено никакими извне присоединяющимися добавлениями» (с. 67). *Hinzukommende Zusätze* — «приходящие присядки»: в этом выражении спрятана память о кочевье, переселении народов, германских племен и «присядке» к уже оседлому селу, марке.

Чистый разум выглядит как свастика, отталкивающая своими лопастями добавления, как и древнегерманская самодовольная (*genugsame*) и самодостаточная марка, община. Свастика в то же время — макет центрифуги, изнутри расходящегося в мир движения, которое в известный момент порождает выброс по касательной (типа *Drang nach Osten* — «тяга на Восток»).

Вот еще точнее сформулирована предстоящая в аналитике понятий работа: «Zergliederung des Verstandesvermögens selbst» — «расчленение самого достояния, состояния, имущества рассудка» (проблема феодалов, ленов и майоратов), чтобы выискать «чистые понятия a priori (семена чистой арийской крови. — Г.Г.), которые только из самого рассудка (без посторонних нацменских примесей кровей — из опыта и т.п. — Г.Г.) происходят, имея в нем свое родильное лоно (Geburtsort)».

И вот это направление: вспять, в лоно, в семью, в дом, в прошлое, в исход, в регресс — есть собственная задача трансцендентальной философии; прочее ж (übrige — что сверх крыши, дома и лона) — занятие не родное германское, не наше, а философии вообще. И снова, любовно и упиваясь, повторяет: «Итак, мы проследим чистые понятия в человеческом рассудке вплоть до их первых зародышей и зачатков (Keimen und Anlagen — «зародыши» и «устройства» — «закладки — зданий. Опять здесь очевидна германская парность, тождество растения и стройки, труда, — ургии, что мы толковали уже по корню Bau. — Г.Г.), в которых они подготовлены заранее (vorbereitet liegen — как «врожденные идеи» лейбницева. — Г.Г.), пока, наконец, не разовьются (entwickelt, как растение. — Г.Г.) ко случаю опыта (bei Gelegenheit der Erfahrung — «при положении на поездку») и не будут представлены затем во всей своей чистоте тем же самым рассудком, освобожденные от связанных с ними эмпирических условий» (с. 68).

Но какие же и сколько основных понятий (зародышей, чад-устройств) узрел Кант в самой святой святых, родильном лоне рассудка? Да — двенадцать: четыре раза по три. То есть число 4 исходно и предопределяет все, и от него — уже производятся атрибуты, качества и свойства. Очень похоже, что, как яблоко рассекают наложенным приспособлением на четыре части, так и Кант рассекает родильное лоно наложением на него априорной формы свастики, врожденной в индогерманский ум эмблемы космолога. В самом деле: в свастике каждая линия из 4-х сначала идет прямо (тезис), переламывается перпендикулярно (антитезис, отрицание), а в итоге образуется прямой угол — как треть, синтезис. Так что в свастике дано не 8, как кажется, а именно 12 элементов.

Итак «Критика чистого разума» есть дознание до арийской чистоты происхождения понятий, чтоб беспримесны были (не эмпирические = соединенные с чем-то вне нас), чтоб ни малейшего процента эмпирии, чужой крови в них не было, но лишь исконное, родимое значение содержалось бы в них.

Отсюда метод рассмотрения, проверки и дознания — изоляция: «В трансцендентальной логике мы изолируем рассудок (как в трансцендентальной эстетике, в другом отсеке, — чувственность. — Г.Г.) и

выделяем из области наших знаний только ту часть мышления (heben bloss den Teil des Denkens ... heraus — «вынимаем только часть мышления»), которая происходит исключительно из рассудка» (с. 66).

Соло рассудка — вот что такое предстоящая часть симфонии «Критики чистого разума». Остальное — фон, аккомпанемент, аккорды опыта. Гомофонно-гармонический стиль, устанавливающийся в конце XVIII в. в европейской музыке (венская классика: Гайдн, Моцарт, Бетховен), в отличие от декартово-спинозово-лейбницево-полифонии Баха и Генделя (когда полагалось достижимым тождество бытия и мышления, или их «параллелизм», или «Предустановленная Гармония», — во всяком случае взаимная прилаженность), — имеет свой аналог и в кантовой реформе метафизики, когда он резко выделяет соло «я», человеческого разума, ему доступного познания, а все остальное отдаляет в фон и отзвук.

Что наш образ лабиринта, мира как помещения, был очень уместен, подтверждает не только то, что Кант вспомнил родильное лоно, нутро, недро, которое тоже лабиринт кишок, как и Аид, но и то, что далее он задумывается над ариадниной Leitfaden — «ведущей нитью» в открытии всех чистых понятий рассудка (с. 87).

«Когда действует способность познания (Wenn man ein Erkenntnisvermögen ins Spiel setzt = «когда имущество познания всаживают в игру» — разница ведь! Как оскопляет, обезображивает мысль, т.е. лишает ее образов, — русский перевод, для которого иначе б это писание не представлялось философией, делом третьезетажным, абстрактным! Так что продолжу собственным переводом. — Г.Г.), выделяются вперед (выпрыгивают) по многим поводам различные ухватки (Btgriffe), которые это имущество делают известным. Также выпрыгивают из скрывалища (entdecken sich) ухватки, которых находят только при уложении (bei Gelegenheit — уклад, случай)»; они лохматые (пересказываю), беспорядочные, разрозненные, их выстраивают парами рядом по сходству внешнему (пытаясь заменить этим родность) и по росту (величине их содержания), от простых до более сложных, благородных (иерархия германского сословного общественного многоэтажного города, здания), в ряды устанавливают. Это — не путь и не метод, ибо здесь нет системы, а лишь внешнее методическое упорядочение.

«Трансцендентальная ж философия, — продолжаю свой буквальный грубый перевод, — имеет первую часть (Vorteil — «преимущество», «первый кусок», как право первой ночи, урванное (тоже Begriff!) германским феодалом. — Г.Г.), а также и обязанность (Verbindlichkeit) свои ухваты по одному принципу отыскивать; потому что они из об-

стоя (Verstand — разум), как из абсолютного единства чистыми и несмешанными (вот главный враг для Канта — смесь, смешение, как и для немецких этнографических практиков XX века; а кстати для Юма, как и в быту Британской империи, — смесь, конгломерат⁶³, соседство и сосуществование разного — обычное дело; оттого и могла сложиться и устояться долго Английская империя, а Германская, чуть сложившись в агрегат, распалась — из нетерпимости частей и невозможности агрегата, а допустимости лишь системы частей из единого целого для германского миропонимания. — Г.Г.) выпрыгивают (entspringen — как живчики-зародыши из «родительского лона», как и обещал) и потому сами по (nach) одному понятию или идее (как по пуповине) между собой взаимно свисать (zusammenhängen) должны. Такое взаимное свисание однако дает в руку правило (Regel: естественно выросшая пуповина незаметно подменена трудовым инструментом — **линейкой**; опять то, что немцы за собой не замечают: как переходят привычно из области растения в зону труда и наоборот — границ тут нет для них. — Г.Г.), по (тоже nach) которому каждому чистому ухвату обстоя (Verstandesbegriff) может быть определено свое место, а всем вместе их полнота (Vollständigkeit — обстоятельность) а priori, а иначе б это все от любви, или от случая стало б зависеть» (с. 87).

Vom Belieben — «по прихоти». Вот в каком контексте — отрицательном — фигурирует Эрос у не знавшего любви Канта: связь, которую дает любовь, случайна, не истинна, гносеологического значения не имеет в уподоблении понятия предмету, даже она, скорее, — запутывающая. Да, брак понятий должен быть у него по строгому расчету трудяги — мастерового, а не по любви, как в космогосах, где первочтится -гония (как в Индии иль в Элладе), а не -ургия (как в германстве).

А случай — это Zufall, букв. «припадок», Так что все, части и целое, не должно обвисать от припадания — т.е. от тяготения земли вниз, от воли низа и глубины, которая значительна в германстве и которая преодолевается как раз — ургией, со всеми ее «стойками» вроде Verstand, Gegenstand, Vorstellung и т.д.

⁶³ Потянуло тут язык на игрословный неологизм — «англомерат», поскольку «конгломерат» — явление, типичное и для быта Англии, и для английского логоса: сосуществование разного — здесь — принцип. — 19.6.96.

3.Х.68. Господи, помилуй! Спасибо тебе! Какое счастье, что вот могу опять разложить утречком бумаги и Канта вытащить, приникнуть и начать беседовать. Среди говняности внешнего мира — политиканства и смури своей собственной — какое божественное замыкание возможно и подключение себя, переключение на сей Град Божий, республику Духа, что некасаемо течет водами глубокими и обильными! Сумей лишь раздвинуть щазобы внешних стеснений и тростники своих сует — и вот она, как град Китеж! Экспедиции посылают на предполагаемое место града Китежа. Какое непонимание самой сути и идеи Китежа! Он нигде, он, как Град Божий, — везде: проникнись им — и вон он пред тобой выплыл, и ты в нем обитаешь — и защищен крепостями вечного духа, блага — и непрошибаем ты.

Так и мы сейчас — с Кантом беседовать будем. Я и без этого чувствую его буднично живым, ну как Бочарова — в своих собеседниках. Ведь и с Бочаровым я вижусь раз в месяцы, а внутренняя беседа идет, мысль ориентирована на друга — и к этому привык, к заочной беседе. Так что стирается для меня грань: живой ли, вызываемый по телефону, как Бочаров, иль вон в книге застывший, снимаемый с полки, — как Кант. Все дух живой источается — и пей его.

Попробуем разобраться:⁶⁴ что же такое рассудок — *Verstand* — «устой». В имуществе познания это то, что остается за вычетом познания через чувства — ход опять от целого: методом исключения вычленяется. Стояк рассудка бесчувствен — он не поддается на *Eindrücke* — «впечатыванья», *Affectionen* — «воздействия», как чувственность — *Sinnlichkeit*: она пассивна, сенсуализм — женское начало в познании — восприятие воздействия и давления извне. Рассудок же, *Verstand*, — стояч, мужск: он не воспринимает, а сам воздействует и обрабатывает сырье представлений, что ему перед носом поставят *Vorstellungen* (представления) — с помощью всяких инструментов, а прежде всего — ухватов (*Begriffe*) понятий.

Здесь важно четко расчленить трудовые операции — функции. «Я понимаю под функцией единство рукоприкладства, (*Handlung* — «деятельность», но в германстве конкретно «рукотворность» в виду имеется. — Г.Г.), которым различные представления под одно общинноделанное (*gemeinschaftlichen*) организуются (*zu ordnen*)» (s. 88) —

⁶⁴ Приступаем толковать трансцендентального учения об элементах (началах) часть I — отдел I, книгу I, главу I, раздел I — «О логическом применении рассудка вообще». Но какова иерархия рубрик, четкая классификация, вложенность ящичков проблем друг во друга! Прямо компьютер — этот Кант! — 19.6.96.

как различные стояки под крышу подставлять. К тому же Function имеет в германском языке сходство с Funken — «искра», т.е. со стихией огня, как и труд, который — огнеземля. И когда Кант пишет: «Begriffe beruhen auf Functionen» (s. 88) — то «ухваты отдыхают на искрах» — как в горне кузни. Способность ухватывать основывается на спонтанности мышления, а спонтан — вулкан, взрыв изнутри (как у легочного больного — «спонтан пневмоторакса», когда воздух прорывает пленку и вторгается во влажные ткани и душит все).

С помощью хватов обстой (Verstand) разделяет на части (urteil) — в этом его работа суждения: разделяй и таким образом властвуй, суди-ряди. Значит, рассудок в суждении работу Судьбы осуществляет (тоже от корня «суд»): уделы и части (счастье) каждому выделяет, с помощью хватаний. Но откуда? — Значит, надо чтоб было, откуда урвать. Это — материя, пряжа, ткань бытия (судьбоносные парки — ведь ткачихи!), данная уже нам через чувственность; и это не наша забота: чтоб ее через ухваты и урывки частей и наделов — не поубавилось. Она дана — и все, то забота бытия, матушки-природы. Бога. Рука этих дающих воистину не оскудевает. А наше дело смотреть в оба (Anschauung) да хватать (Begriff) и свой трансцендентальный арсенал оберегать, в чистоте содержать, ибо он-то скуден пакк, раз и навсегда определен и ограничен.

Но рассудок, как и судьба, не прямо своей рукой ухваты и удары существам и предметам наносит, а через представителей (Vorstellungen). Так, при Отелло представитель судьбы — Яго, или, скорее, его собственные страсти, качества: ревность, бесхитростная доверчивость, пылкость и т.д. Они как бы истекают из существа Отелло, источаются из него, как демокрито-эпикуровы образы-оболочки от вещей отделяются и в мир плывут, и на меня наплывают, и вот на хват рассудка попадают.

Следовательно, рассудок (Verstand — обстой) имеет дело не прямо с предметами (Gegenstände) — противостоями; и это вполне понятно, ибо и устой, и противостоя должны блюсти свою вертикаль и, хоть и взирают прямо друг на друга в упор, коснуться не могут, ибо горды и самости — сам с усам! — а через Vorstellungen (представления): вот эти, источающиеся от предметов (как у Эпикура) или от меня, моей чувственности (как «явления» у Канта) и плывущие в промежуточном пространстве туда-сюда образы, представления. Так что Urteil — «суждение» делит на части не предмет сам, но наплывающее представление, и потому суждение есть «представление о представлении предмета» (с. 69).

Суждение — как действие на дворе выпрямления

Так частит рассудок, судит-рядит на своей территории, в своем дворе, Gerichtshofe — «двор суда» = выпрямления. Это лишь первое представление марается прямо о предмет и, как конвоир, вводит человека в зал и на скамью. Судья же человека не касается: он имеет дело с уже «подсудимым», т.е. определенным образом, функцией человека, с истцом и с ответчиком, со свидетелями, с уликами, с экспертизой — на все эти отсеки уже поделено живое событие, происшествие, которое остается за стенами судилища как вещь в себе; здесь же имеют дело лишь с явлениями этой вещи в себе. (Вещей на суде нет, есть лишь «вещественные доказательства» — т.е. как раз не вещи сами по себе, а как они сказывают, что нам доказывают). Как оно там было — это суда не касается. Важно, как оно предстает здесь, в каких абрисах и отражениях. Суду важно, чтоб среди представлений от представителей навести порядок, а события самого не исправишь (Gericht, суд, — от recht — правота — прямота — выпрямление), прошлого не воротишь. Суд ревнует не о прошлом, но чтоб впредь не повадно было, и устанавливает порядок в настоящем, которое здесь при нас.

Вот что значит, что обстой (Verstand) и участь (Urteil) — суть опосредованные (mittelbar) знания: это знание в перчатках, они не подходят к предмету в его логово (как экспериментатор и ощущение), но сходятся с ним у барьера на середине двора турнирного. Так что первая забота рассудка — о **середине**: устроить так, чтоб и меня, и предмет это б устроило — т.е. найти **посредствующее** общее и для ухвата, и для предмета представление, зацепку — конвоира, который арест предмета производит.

Ну да: Vorstellung есть привод противостоя на определенное место — Stelle. Апест — остановка движимого так же, как и Vorstellung. Когда все стоят: и обстой, и противостоя, и предстатель-ходатай за предмет, — тогда общий язык возможен — на «почве» вертикалей. В русском же мышлении общий язык находится скорее на почве общего возлежания (а не стояния) на полатях бытия (иль на почве общего передвижения, ходьбы по плоскости). Оттого и «**противостой**» тут — «**предмет**», т.е. горизонтальным движением «метать» обозначен: стояк в нем укладывается. «Удержание» Verhältnis стало «**отношением**» — от «носиться», тоже горизонтальное движение.

В нас много понятий, хватов; из предметов истекает много представлений (из сахара, например, — белизна, квадратность, зернистость, сладость, увесистость...). Ухват нацелен — и вот подходящая девица Vorstellung наивно приближается, как сомнамбула или моты-

лек на огонь (что ее влечет к ухвату и его к ней, как не *Wahlverwandschaft* — «избирательное сродство» Гёте, — Эрос, который и у Канта в сухом понятии «трансцендентального схематизма» запрятан, где подводят созерцание под понятие?).

Но я путаю уровни. Привод уже предполагается (как он происходит, пока не спрашивается). Сейчас вопрос: как подсудимому выделить подходящую часть среди статей (голов — глав — «капителей», артиклей) закона, априорного к его преступлению — т.е. прорыву из мира вещей в себе в мир явлений, ибо только через «пре-ступление» = трансцензус попадают под суд. Так что «преступник» — уже наш, законный (а не просто человек вообще), так же как предмет, став «явлением», уже наш голубчик, попался, и уж будь добр по волчьей выть, с нашими априорными для тебя порядками, установками чистого разума согласовываться! Словом, как обличить — облачить, в пору платье сшить, — ясно: подбором кусков материи. Потому суд, как цех закройщиков, долго приглядывается, вымеряет состав (преступление) — изгибы фигуры человека, примерки делает на заседаниях при утреннем и вечернем освещении, перед зеркалом корпускулярным, из глаз публики составленным.

Метаморфозы фигового листка

Ну да, одежда и есть **посредник**! Раз суть грехопадения — в прикрытии от бытия, т.е. введении третьего (меж праведными лишнего — свидетеля, который сводня: свидания уже давать и не давать право себе берет), то вся цивилизация и культура человеческая имеет руслом развитие этого посредника: усовершенствование и разветвление того, что стоит **между** человеком и человеком, иль меж человеком и бытием, Богом, природой.

И все учреждения — установления, надстройки — порядки, законы и проч. — суть разветвления фигового листа, его метаморфозы: они из стыда, страха, отъединения возникают как дверь, дом, ограда «я» — и урегулирование разных «я» и их прав перед собой. Потому образ братства — «Обнимитесь, миллионы!» в «Оде к Радости» Шиллера и в 9-ой симфонии Бетховена: т.е. тело к телу, покровы, одежды лишние, — то акция снятия заклатья, конец грехопадения. Исчез посредник — как и у Маяковского:

Партия — это миллионов плечи,
Друг к другу прижатые туго.

Здесь уже будет познание, соединение не дискурсивное (дистанционное, на основе взгляда со стороны, издалека, и отражений = рефлексий: когда сверяют разные сигналы, принятые издалека волны), но интуитивное: когда прямо проникают и знают сразу суть и ум, а не относясь предварительно к посреднику: встречать по одежке — и лишь после опытов и рефлексий провожать по уму; нет, в интуитивном знании через симпатию именно сразу встречают по уму, по душе.

* * *

Прервался на намаз полуденный. В роще прожельть — воспаление легких леса, огонь разгорается, и чахоткой скоротечной — самосожжением лес очистится и голый на пост зимний и ветер предстанет. Да, листва = легкие, капилляры-сосуды леса: ими деревья с телом мира, со струями-артериями вод небесных, со светом-кислородом соприкасаются. И форма у дерева с листвою — как и у листов-лепестков легких: клубится, надувается, опадает, шелестят они в хрипах со свистом. Ну да: и у великого русского метафизика и мифотворца Пушкина осенний лес = «чахоточная дева» (см. «Осень»).

Категории — как трудовые операции

Но — к Канту. Итак, операция суждения — это общую (у)часть находить (посредствующее понятие) и ею связывать уже другие, собственные части-сущности; так что это операция сугубо общественная: суждение, обобществление сущностей, предметов. Но не «круговая порука» русская, а на палке одной кулаками цепляние — чрез общее изделие *Werkzeug*. Среднее понятие — общее, покрывающее двоих, как крыша. «Нечто оттого есть хват (Begriff), что под ним другие представления удерживаются, посредством которых он дотягивается до предмета» (s. 89). Т.е. понятие = крыша, представления = стойки, предмет = фундамент дома. Понятия ж, хватки, толкуются как предикаты («предсказы») возможных суждений (*Urteile* — уделов, частей, судеб). А эти части, участи = функции — искры, очаги (человека в обществе, твари в природе). Профессия человека, выходит, есть его профессия: исповедание, судьба.

«Поэтому все функции рассудка могут быть найдены, если можно перечислить (*darstellen* — «выставить») во всей полноте функции единства в суждениях» (с. 70). Что это такое? То есть: как во единое среднее входят разные части? Значит, это — устав среднего, куда вхо-

дят: расположение его комнат, помещений, где и только так вошедшие части — гости могут располагаться на жительство — причастие к дому чистого знания a priori.

Итак, Verstand (рассудок) — работник в суждении (в судьбе, распределении частей). Он должен четко знать те операции-функции, которые он в этом производстве должен исполнять. Недаром Кант тут употребляет глагол: *bewerkstelligen* (s. 89) — «производить», букв.: «определить рабочее место» или «поставить в работу». «Если мы вообще ото всего содержания суждения (*Urteile* — участи, распределения частей) отвлечемся и дадим внимание только чистой форме устоя (*Verstandesform*) в участи, то мы найдем, что функция мышления в них может быть принесена под четырьмя титулами (званиями), из которых каждый содержит три момента» (s. 89).

Итак, не какие **бывают** участи, судьбы, — а **как мы их отмеряем**, присобачиваем к определенному существу, человеку, на основании чего, каким инструментом, как формируется пайка парки, — вот вопрос, который здесь рассматривается.

Количество распределения частей — по всем, некоторым, единицам. **Качество** распределения частей — это тебе «да», тебе «нет» («этому дала, этому дала, а этому не дала» — как в сказке о сороке), а тебе — «ни да, ни нет», сам смотри разбирайся. (Похоже на распределение паек и сроков в лагерях).

По цеху **отношения**, реляции (доклада) — как высказана участь оракулом единичном лицу: категорически — это «будет», гипотетически — «может быть», разделительно: «или будет или не будет» (т.е. как в суде — приговор окончательный и обжалованью не подлежит; допускает кассацию и смягчение; допускает исполнение условно: т.е. и судимость есть, а кары нет — все в жизни у подсудимого остается по-прежнему).

Наконец, как отчитается распределитель (участей перед вышестоящими инстанциями (**модальность** — полномочия): действовал он в суждении, исходя из вопросительного отношения к бытию и событию (когда они — проблема, возможность, неясность); исходил ли из опытного знания (когда мог уже утверждать нечто); исходил ли из уверенности, что только так, а не иначе.

Рассудок, как работник во всех этих операциях и цехах, смекает себе, уточняет приемы, ухваты своей работы, подходы, с каких сторон заходить надо и можно к детали (части — участи — предмету) и в каком порядке и отношениях ее обрабатывать. В итоге проясняются 12 необходимых навыков, ухватов (*Begriff*) — **чистых понятий**⁶⁵, с которыми можно и должно подходить к любому предмету (явлению).

⁶⁵ Как Двенадцать апостолов чистого Рассудка. — 19.6.96.

Так из дела Urteile — распределения, рассечения, **частей** — рассудок выносит себя правила орудования с **целыми** предметами, попадающими в его орбиту через Anschauung (воззрение), как готовые данности: для него они — целые, будь они до этого хоть семижды выкрошены из бытия: это не его (понятия, ума) дело, это делало Urteil — распределяло; а для ухвата Begriff все, что берет, хватает, — при нем целое.

Итак, из операции **крошения** целого бытия через Urteile — выносятся грани, подходы, обозрения уже наличного целого предмета: как **категории**, ракурсы, под которыми его следует толковать. Ну да: ведь каждый предмет, который попадает в мой обзор и на дело понимания, — предварительно отодран от бытия, изолирован как часть; значит: в нем уже спит, заложено дело расчленения бытия на части во всех операциях этого дела (Urteil).

Вот почему Кант имел право из **форм** суждений добывать чистые понятия рассудка (раньше я никак не мог усмотреть в этом выведении правомочности). В категориях рассудка застыли последствия трудовых операций судьбы. В уме — таится умение, в ухватах — ухватки, навыки. Так в инструментах обобщены трудовые операции: сверло — от сверлить. Так и у Канта категория «причинность» выводится из работы условного суждения: «если — то» — т.е. когда участь выносится в зависимость от другой, предшествующей части.

Одерживаю сердце Кантом

5.Х.68. Нельзя быть умом на одном уровне со своим сердцем, но выше иль в бок; как-то ускользнуть надо, а то когтит.

Но ведь существо сквозно, а ум — где? Периферия, голова, череп, лицо. Значит, надо это переменить: чтоб чувствовать ум везде, что мыслишь пяткою, лодыжкой — как «Мыслитель» Родена. Разлить ум по существу. Вниз, светом его залить, пронизать.

А то больно чадно: испарения Эроса, сердца ярость (нет ли здесь сродной этимологии? Эрос — ярость: эр — яр — жар, огонь, солнце, весна). Они-то насквозь состав твой круговращают внутри и чадом в голову шибают. Не поддавайся.

И вот кантово «трансцендентальное» — способ преодоления испарений телесности и разлития ума вниз. Раз все — из устойчивого трансцендентального Innege, т.е. куда никакие волны не достигают, напротив: оно, изнутри исходя, на все во вне распространяется и предопределяет, как волны от родника, — то некасаем я истинный и в ней, глубине внутреннего, пребываю, ею пребываю (что выше — по Экхарту уразумелось).

Но тут другой соблазн: исходя из того, что я способен предопределять изнутри то, что будет во вне, — начать этим заниматься. Жизнеустройением, например: опять начать перетряхивать возможные варианты — и тут-то уж жизни, Эросу и сердцу, «эмпирии», попасться, достаться абсолютно и завязнуть. Но ведь и Кант от этого предостерегает: выходить за границы трансцендентального внутреннего равновесия, убежища, где я имею дело с явлениями и справляюсь с ними, — во впутывающий внешний мир вещей в себе и мнить, что я способен их понять и упорядочить. А я всю жизнь дразнился переходом в жизнь и все туда-сюда рыпался: то жизнь устраивать — то умозреть.

Так что боль от опыта, его пыток, тебе присуща, — и терпи.

Однако, чистоты, просветления, воспарения ума и легкости духа — так хочется! (Как сладкого! — так выразился. Капризно это и скидывающе ношу тяготы жизни и греха. Терпи и варись).

Итак, влезай в Канта и учись, как он пути спасения прочерчивает и дом, где дух независим и при себе, выстраивает.

И потом — чего ж ты хочешь? Вот 1 час уже. Сегодня ты до сих пор только читал, борясь с вспышками житейщины в сердце, — и вот только усаживаешь себя писать. А скоро 2–3, и утро твое истекает. Но что это значит? Значит: как неизбежному, ты подчинил себя ритму функционирования своего физического существа, отведя мышлению утро, а коли оно прошло, то и мыслить больше неча. А что ж делать вторую половину дня? Житейщиной проникаться, а потом утро тратить на ее выдавливание, вакуум для новой ее порции создавая?

Так что очень ты стеснил свою духовную жизнь: такой ритм у тебя сложился в возрасте от 28 до 35 годов, когда при приближении вечера ты чуял, как фалл ищущий выносит тебя, в люди вбрасывает. Но теперь, когда ты добыл бабу и ее можешь дома драить, а людство сейчас гнусно, людей видеть и бывать среди не хочется, — теперь уже вторую половину дня начинает глодать не фаллова, но сердечная тоска по оставленным на том берегу родным: ибо родина-то там, здесь — чужбина⁶⁶. И главное — вот близко, полчаса ходьбы, и все время перехожу с берега на берег, а это не успокаивает, но дразнит и всех, и меня: ибо сии полчаса ходьбы выбрасывают меня из одного пространственно-временного континуума в другой, и перегрузки разгона и торможения разных сил у души — невероятные.

Но ведь и то в порядке бытия. Вот сегодня, уходя утром из рощи, остановился и оглянулся на полянку, где я дышу и двигаюсь. И что же? Как они качаются, деревья, под ветром с разными амплитудами: верхушка большой березы только идет вправо, а нижние дубки уж влево качнулись. Все в разнобой, листья, сколько

⁶⁶ Сильное заявление. А станет — наоборот... Но тогда — рана свежего разрыва и перехода из первой семьи во вторую, — и посещения первой, где сын... 19.6.96.

нервов в волнении! Вот летит слева наискось красноватых стайка, как птиц на небе перелет, сталкиваются с плавно падающим листом большим. Так душа поляны трепыхается: ее фибры – листья, ветви – как голосят!

Утешило это зрелище. Терпи. Как деревья. Путаает лишь то, будто я от них отличен: они приросли, и деваться им некуда, а я самоходен – вроде могу на лучшее свою позицию переменить. Но тем я что реализую? Именно **животную** свою природу, ее питаю, кормлю и развиваю всякой передвижностью, ее огонь, горение и чад от двигателя внутреннего сгорания моей самоходки.

Так что смотри не искупись: от сегодняшней тоски и ярости – с места рвануться. То лукавый в соблазн вводит: будто переместишься – и счастлив и покоен будешь. **Мотри у меня!** Не рыпайся. Ибо как рванешься – так стартер своего чадного перпетуум мобиле заведешь и все в разнос пустишь. Уж какой-то порядок и устойчивость сложились – и держись их – хоть на чужбине, раз на родине не сумел, выбросило тебя с нее. Так и приблизишься к желанному тебе сродству с деревом.

Ум, конечно, и свет – древесной природы. Ну да: дерево – на воздухе в открытом пространстве и светом пронизано. А животное = тьма, утроба, кусок заполненного пространства под кожей в туловище и брюхе сохраняет, на «я» и Иппеге своем настаивает. Дерево вон как все руками простор обнимает – как люди на молитве ветви свои горе простирают. А животное – «косогрюмо» смотрит, исподлобья: из-под лба впадины глазниц. Дерево ж смотрит выпуклостями плодов (недаром глаза Катюши Масловой – «черные, как смородина»: с ягодой сравниваются) из-под век ветвей, ресниц листьев – тыфу ты! – сравнениями на деле опять отождествил, привел дерево к животному. Вот что значит: лукавый путает! Опять тяготение животной природы во мне перетянуло на себя смысл уподоблений. А ведь хотел к дереву вознестись, удревесниться...

Терпение, нега и совесть

«Терпи» – это, конечно, от дерева принцип жизни: и то, что русский народ отмечен терпением, – выражает его древесную природу, как и поселение – **деревня**. Терпение – от «терпкость», качество плодов и древесины – растительных тканей и соков. Это от их перегорания внутри – в отличие от горечи и лютости, которая более наружна: горит и застывает языками пламени в остроконечных формах перца, хвойных игл и т.д. В терпкости огонь уходит во время (терпкое вино – выдержанное, настой), а в горечи – в форму, в фигуру, в заостренность, так пребывает, язык свой остановив и зафиксировав телесно = притянув на свою форму априорную вещь и атомы, их пригласив себя колонизовать, на целине своей расположиться.

Однако что это? Ведь опять трачу время и письма на суету свою и отдаляю исполнение сего труда и иных замыслов, что ждут. Одно утешает: что и себя я превращаю в опыт и кое-что воспомял объективное (нервная ткань поляны, животность, древесность, терпкость), что бы, от идей исходя, не постиг. Однако, хватит хватать себя за живое и его беречь... Хотя оно от умственной ласки, от тонких прикосновений духа умеряется, укрощается – как массаж себя светом произвожу: изнутри загораю на солнце ума, просушиваю себя. Хорошо! Аж улыбнулся от такого пляжного сладострастия, от неги самосознания.

Но почему это оно у тебя **нега**? Ведь совесть – бич, рефлексия – грызет, точит. Значит, это не совесть в тебе говорит? Нет, это все операции сердца: тоска...

А я как раз сердце одерживаю, не даю ему расходиться. И все же не ушаюсь я собой, а доволен. Грех ведь.

Но ведь не собой, а тем, что вот мыслю, опять духу служу, им работаю и себя дурного в равновесие привожу.

Ужасен я именно, когда не думаю, в жизнь кидаюсь. Уводи себя, изолируй. Раз добро не могу делать положительно и активно, то хоть уводи себя от греха подальше – в безвредность, вот каков я сейчас: перед бумажкой у окна и вида – чем бы дитя ни тешилось...

А совесть? Где она? Как я ее сейчас чувствую? – По тому, что спокойна, не язвит.

Ум совестен? Он не бессовестен, тогда б был вопреки ей; но он не таков, просто с ней ему нечего делить.

Вот прислушиваюсь к внутри, гляжу в окно. Ничего не нахожу. Нет сейчас во мне совести. Но предпонижаю, как она появиться может: стоит мне только воспрянуть о ближних, дверь в свои отношения к ним приоткрыть, – как хлынут орды угрызений. По ним и совесть в себе ощути (не хочется палатализовать слово – в «ощущу»). А раз мыслю, палкой ума дверь наружу придавил, и вот совести не попадаю (надежный оборот – от «подсуден»). Да хоть и крохоборство вот этих мелочных ковырянии в языке – все равно хорошо, ибо – безвреден-с, изоляцию сохраняю, палку держу.

Да, но помнить о совести и нарочно не впускать ее – уже бессовестно и есть как раз занятие лукавых.

Пишу образный подстрочник к Канту

Так что ж я делаю в Канте? Ага, понимаю: я пишу образный комментарий к «Критике чистого разума», образный подстрочник к отвлеченной кантовой мысли, чтоб с собой ее соединить, понять, сво-

ей сделать, соотнести. То есть я просто стараюсь понять — но не логикой только (она одна, не задевая существа моего, не понимается и не помнится), но всем существом, пережить я хочу чтение Канта так, что оно было б мне, как ему — писание: он-то в логику и ход мыслей отливал все напряжение своего существа и процесс переживания жизни. А я хочу как бы реконструировать это тело жизни под током мышления. Так что по зацепкам образов и материально-телесных следов и процедур, которые в тексте еще рудиментарно остались, я сам реконструирую, а где и присочиняю по аналогии (чтоб понять легче было сухие отвлеченные отрезки и ходы мысли) жизнь человека и существование бытия, которое именно так себе Кантом поняло, и почему такое сознание о себе ему подошло и понадобилось.

Ну тем я и другим пособие проникнуть в мысль Канта, ее для себя живой сделать, составляю.

Правильно ли это дело по самому своему замыслу? Сам Кант в предисловии к первому изданию «Критики» рассуждает о соотношении ясности логической и ясности через наглядные представления, решая для себя вопрос в пользу первой. И он прав: так собор получился строгим, стройным, лютерански-аскетическим и бездонно-возвышенным по форме — чтоб его еще жизнью наполнять. Он и стоит так в веках, как потенциал всякой возможной в его беспределах духовной жизни.

Однако, Кант утаил про себя ключ и оставил «Критику» во многом загадкой, многозначным мифом, под который каждый читатель и поколение вольны подставлять свою разгадку, писать на этот сюжет свою трагедию, как в Элладе. Правда, именно отрезав пласт жизненного соответствия и с тем — однозначность мысли, он и дал возможность своему сочинению воспарить в ранг великих мифов и мистерий человечества, которые переливаются возможными значениями.

Но вот мы, я — нам ведь тоже надо сподобиться кантовой мысли, а она — витает шаром в воздухе. Стropy надо самому притянуть. Он их оставил болтаться — заусеницы образов, — чтоб каждый мог бы подняться и вознестись иль притянуть к себе, если больно земен и тяжел. Восстановить сообщение с землей, жизнью, воживить собой готовое произведение мысли — это предполагается уже делом читателя. Так что я просто даю прецедент чтения-вживания.

Сам Кант предполагал читателя-сотрудника: «Мне кажется, что читателю должно представляться в высокой степени заманчивым соединить свои силы с силами автора, если он надеется вполне довести до конца на солидной основе по предначертанному плану солидное и важное дело» (с. 7). Правда, Кант имеет в виду — создание после

«Критики чистого разума» — подлинной, очищенной метафизики в понятиях. Мы же не в след за Кантом свою энергию прилагаем, а под него подлазим и подкатываемся: как он дошел до мысли такой.

Но в таком случае наши образы, вещественно-бытовые и трудовые реалии, которые мы усматриваем как контекст кантовой мысли, суть нечто совсем другое, нежели те наглядные представления для эстетической ясности изложения мысли, которые имел в виду Кант. Он говорил о примерах, иллюстрациях к уже готовой ему и ясной мысли, чтоб она яснее усвоилась читателем. Мы ж говорим о почве, материально-телесном подспуде национального космологоса, быта и языка, из которого сама это кантова мысль произрастала, поднималась, воспаряла, от чего отвлекалась, становясь отвлеченной, и уж потом изредка снисходительно примерчик снизу подбирала.

Пример и иллюстрация у Канта — это сын его мысли; а тот материально-телесный подспуд, который я копаю, — это народные отец-мать его мысли. Он говорит о примерах, привлекаемых к мысли, я — о почве, что влечет вырасти на себе именно такой мысли. Наглядные представления приводятся им только для популярности в ходе аналитического изложения добытой уже логическим путем мысли (как это он сам объяснил в «Пролегоменах», где дано аналитическое изложение мыслей, которые в «Критике» добываются синтетически). Я ж откапываю шахту, в которой работал Кант, и те глыбы, на которые он становился, породу, которая порождению мысли, ее синтезу служила.

Об историзме. По истории или по истине?

7.X.68. Вчера мне Б. стала рассказывать, как она читала Гоголя «Портрет» про художника, как плакала: что жизнь его не туда свернула и мимо сути прошла. (Это она и о себе так думает, но зря: она Марфа, а не Мария; а как Экхарт высоко о Марфе-хлопотунье обо всем — проповедовал!). Ей даже не надо было говорить себе и мне: «вот так и сейчас». Это мне пришлось соотносящий с собой и нашим временем перенос делать.

Причина — исторический подход, в котором мы еще со школы и выше, и кругом воспитываемся и пронизаны. Что он делает? Он отталкивает культуру от нас: мол это все (и Гоголь, и «Портрет») было в то время, а у нас другое время, значит: к нам не относится, к сердцу, но к познанию, к инструкции ума лишь.

То есть, историзм — противоядие к жизни человечества на земле, его проблемам бытия и духа, и к культуре. И тот, кто начинает изучать литературу, культуру исторически, — исходно имеет аксиому: это

не обо **мне**, это ко мне не относится, это **про** них. При историзме человечества, Платон, Христос, проблема предопределения и свободы воли — это все «оно», «он», «они», «она», а не «ты» где недаром роды неразличенны: и небо — ты, и проблема — ты, и Бог — ты.

В «ты»-отношении к бытию и всему — все при мне, отчуждения нет. Это историзм спродуцировал все в отчуждение, оттолкнул и различил: что это роды разные (в русском языке) и, значит, если я — мужской, то теория — она, небо — оно, все — другое. При «ты»-отношении мир любовно-эросно дихотомичен. При «он»-отношении мир уже даже не троен, а множествен (не только я — ты, он, но 3-е лицо распадается на 4, 5: он, она, оно, они, оне), что и показывает, что «троица» — лишь способ сокращенно, эмблематически представить «множество».

Так что при историзме — Стерн это не мне говорил, а людям своего времени. Прививая этот подход в школе (а литература у нас исторически преподается) детям, в них развивают бесчувствие и броню: не смей относить Чацкого к себе иль поведение Радищева к сейчас. Потому наше образование чрез историзм (как «единственно научный метод и подход») — это противообразование, противоядие к культуре антихристово образование духа человека, эрудиция Антимира.

Люди мнят, что они, изучая **историю** искусства, с искусством впрямую соприкасаются (тянутся именно к этому, наивные, к прямому контакту), но попадают в ловушку к историзму — и вырабатывают в себе **обоснованно научное непонимание** искусства, неподходимость к нему... (Зачеркнул пример, ибо он обуживает мысль, лишает ее беспредельности. Понял, почему Кант так осторожно конкретизировал примерами свою «Критику»). Культура в историзме — в целофане: чтоб чуждой была, предметом, объектом, но не жизнью — моей с культурой и в ней совместной.

Но так и наука о природе к природе подходит: отдаляет ее от себя на почтительное расстояние, рвет жизненную нишу, с ней пуповину, чтобы как холодный мертвенный объект в поставленном нами эксперименте, бесчувственно и к ней некасаемо, — ее рассматривать. Предпосылка та же, что и в историзме: «жучок — не божья тварь, как я (нынешнее)». Хотя нет: при Боге как раз было «ты»-отношение к бытию и ко всякой былинке; а это гуманизм, наука поставили человека превыше всего, отделили, и отчудили его от мира. Так что предпосылка научного рассмотрения иначе звучит: морская свинка — безмерно низшее, сравнительно с человеком, существо в шкале эволюции (= тоже историзм!), и потому ее можно резать, как фашистские врачи в концлагерях — опыты на людях из неполноценных славянских и семитских рас ставили.

Я не против опыта, даже такого. Но ставя, так хоть чувствууй, подлец, что грех страшный против собрата по бытию осуществляешь! — чувство, которое было у доктора Фауста: и в нем, и в памяти народа о нем; так что чернокнижник Фауст — это ученый «ты»-отношения к бытию, любовно-страстного, личного.

Вот почему образованный в плане науки и историзма человек — дух убитый: ему не пролить слез над антиномиями разума — трагической безвыходностью нашего мышления, и не возликовать, когда Эврика! — найден выход: в идее Высшего существа и ее регулятивном применении к опыту. Напротив, живой дух культуры — это вон необразованный повар Смурый, который у Горького плачет, когда Тарас убивает Андрия: «Значит все, все пропало!» — и не тогда, у Тараса, в мифические времена, а теперь, у него, с ним, вообще в жизни.

Как же он возник, этот гад Историзм, убийца культуры? Ведь Сократ, Будда, Авиценна все относили к себе — все мысли и все грехи существ и планет. Вот ведь плачу сейчас — от обиды, что и я обманут: в этом адском котле сколько десятилетий варился и, касаясь Гомера, глядел и не видел. Да, историзм — это как раз, чтоб, имея уши, — не слышать, не разуметь. Историзм — это прививка культуры как оспы, чтоб иммунитет привить: вроде саму оспу-культуру, ее каплю в лабораторных условиях всаживают, а на самом деле — бесчувственным тебя к ней делают.

Но, наверное, это нужно: ведь недаром это противоядие и обезвреживание прошлого в историзме изобретено человечеством⁶⁷. Это для прогресса, чтоб ракетно оттолкнуться от вяжущей махины прошлого,

⁶⁷ С эпохи Возрождения начиная. Ну да, тут и памятованье — вспомнили античность, даже упои отождествления сначала; но это — чтоб отличить себя от средневековья, его «ты-отношения» к бытию, — встали в панибратское «ты-отношение» к античности: чтоб средневековье и мир вокруг стал чужд — «он». И стал развиваться принцип «он»-отношения к бытию — как к пассивному, глине, годной лишь в переделку в школе разума и техники. Так что то, что Гегель остановил историю созданием абсолютной системы, — во-первых, выражало как раз, что историзм у него — это не глубоко, не по существу такое к миру «он»-отношение, а лишь эвристический прием; что он еще в «ты»-отношениях с бытием и Богом: они все при мне и во мне. А во-вторых, это и скромность ума: до сих пор я знаю и обязан понять вплоть до Прусского государства. Это последующее историческое сознание, которое историзм уже берет не гносеологически (как он у Гегеля), но онтологически, бытийственно, всерьез, — и исходящий потому из предпосылки: «все, что позже, — богаче и лучше, так как в снятом виде содержит в себе все, что было раньше», — толкует точку Гегеля в систематическом рассмотрении бытия так, будто бы он приказал бытию не изменяться далее того, что он ему предписал, — что выглядит смехотворно, ибо тогда действительно современное ему Прусское государство выступает венцом и завершением, осуществлением истины всемирной истории. Но стоит ли свою глупость и узорность приписывать Гегелю?

развязать себе руки, сказать себе, что до меня ничего не было, никто ничего не знал, — и осмелиться творить мир и истину заново. Ну да — ведь прошлые общества в культе предков пребывали. Историзм — это чтоб набрать силы оттолкнуть его, оставить за спиной, и обернуться вперед, к будущему, к открытому бытию. Так ли? Проверим.

Вот у Гегеля, знаю, — историзм: мир — это история мира, истина — путь к истине. Историзм — это отодвижка: мира от меня, природы, истины — куда подальше, чтоб дистанционно рассмотреть, а не впритирку, что невозможно. Это уже Кант дистанцию набрал и создал — отодвинув мир в себе прочь, а нас в уютном скафандре трансцендентального дома разместив. И у Гегеля историзм — это эвристический способ нашего ума: чтоб пройти по бытию в удобной последовательности (сразу же все может держать и понимать лишь божественный интеллект), — и совсем он не «останавливал» ни реальное бытие, ни историю человечества. Он завершал бытие, потому что его жизнь и мышление завершаемые, и в пределах отмеренного ему срока он максимально напряг ум свой, чтобы все понять и свести в мире концы с концами — к себе привести.

Русские философы иронизируют над немецким стремлением уложить все в прокрустово ложе системы и кичатся своей любовью к открытому бытию, в них пафос незавершенности (Гоголь, Бахтин...) и бытия, и нашего о нем мышления и понимания.

Но задам себе вопрос: кто выжимает из нашей способности разума больше — тот ли, кто ставит перед собой задачу объять своим умом все бытие в целом, все в нем понять, — или тот, кто заранее дает уму своему индульгенцию: «Никто не обнимет необъятного» и, любя необъятное, потешается над усилиями ума все-таки справиться с бытием — как над гордыней и смешным педантизмом? Благодаря гордыне сей немецкой человечество куда умнее стало...

Но в какую же сторону, каким умом — не антихристовым ли, и надо ли было так умнеть, подавляя душу и сердце? Так что русские философские голоса недаром вопияли в пустыне снежной... И тот подход с точки зрения производительности ума, его выработки за единицу жизни человеческой, который я только что, любя немецкую философию, предложил, — как узок тоже: из ума как индустрии исходящ!

Но вот что непреложно к сейчас (вот уже и покорился я сам принципу историзма): что в наше время, бескультурья чрез историзм, отчуждения духа живого мировой культуры, его отлетания от нас, — любой ценой надо вцепиться в его стропы, своей тяжестью приземлить, умолить не улетать, остаться, ибо совсем на бездуховность — нет, на безжизнь покинуты будем. Так что я буду свою линию гнуть:

воживлять собой бытие, все, что якобы было (и значит, прошло), помыслено кем, — и показать все вековечные проблемы бытия и духа, Бога, греха, область трансцендентного, — как пребывающие сейчас в нас, вокруг, при нас, что нет «было», а — «есть!»; что нет никакого отчуждения, — и от того и радость нам: ничего ведь из бытия и духа от нас не отнято; но при нас и ответственность за их разрешение, и грех за уклонение, и кара за ложное решение.

А в чем нами мнимый прогресс науки, знания? Тут я уже припоминаю недавний разговор с женою младшей — со Св.: она обратила внимание на то, что каждая новая теория объявляет ошибкой предыдущую, и, следовательно, получается, что ошибка на ошибке громоздится! **Коралловый остров ошибок** — вот что такое наша цивилизация и прогресс науки, из чего состоит их вещество: вещество современного знания истины состоит из прошлых (включая вчерашние) ошибок и лжей. Истинное знание о бытии, которое мы держим в своих руках сегодня, есть тонкий целлофан над прежними слоями, есть кора на тысячекольцовом дереве, на тысячах колец ошибок. Но ведь кора хуже по составу любого кольца, и чем глубже и к центру и древнее слой — тем слово и мысль выдержаннее мудрее.

Возможно ли самозарождение совести?

А теперь возвращаюсь к кантову «трансцендентальному»! Что оно еще есть? С такой стороны зайду: на днях гулял я под ночь с соседом своим прекрасным, молодым и умницей, — Борей Василевским.

— Чем питаешься? — его спрашиваю.

— Сейчас ничем, отстранил.

— А раньше?

— Да много всего: и современные экзистенциалисты, и Гегель, и Индия, и русское все наше. А теперь отстранил: хочу, что изнутри само во мне есть — откопать, выявить.

— Да, это могучий подход: что все есть, возможно во мне — все, что когда-либо пережито, кем-либо помыслено.

— Ну да, пока не освобожусь, не хочется грузиться.

— Но чем и вытащить то, что внутри во тьме и каше, как распознать, что там роется? Оттого, что мало великих идей, проблем, тайн, слов вертится в воздухе и обиходе вокруг нас, — нет зацепок метафизических, чтоб метафизику нутра из себя породить.

Я ужасаюсь часто, сколь узок и убог предмет наших разговоров — и людей интеллигентных, и простых, когда встречаемся. О чем? Ну — новости, ну — политика, кто что услышал, к чему дело клонит: са-

жать будут или нет? — и иронии на сей счет котел. Нет, чтоб побить мозги о то: что такое воплощение Христа, например? Тело его и плоть той же природы, что у человека, или иной, и что это значит? Действителен ли его пример для нашей грешной плоти? Ведь Эроса-то он не внял, женщину не познал — и в этом нам спастись, кто может и как сумел: каждый сам себе Мессия?... Иль о ветре нынешнем — какая се весть из бытия к нам? И т.д.

Ведь когда на рубеже XIX—XX веков встречались мужики-начетчики и толковали причастия таинство; иль художественные интеллигенты обсуждали, какой краске какой звук в мистическом значении (а не по математическому числу) соответствует, — то все бытийственные дела и разговоры по существу бытия. Оно, его проблемы, в этих терминах, словах, зацепляемы. Много вокруг зеркал и светочей — потому и, внутрь заглянув, есть чем узнать там, что есть что. Это как раз ситуация докритическая⁶⁸: предполагает тождество того, что во мне, и того, что вокруг меня, в миру; так что, слыша слова: Бог, душа, свобода воли, жертва и т.д., — я принимаю их за чистую монету и отношу к себе и тому, что во мне, и читаю ими свой состав там, внутри себя.

Но вот Кант как раз это все отринул: предпосылку соответствия идей и слов, что в воздухе носятся вокруг, — и того, что во мне. Так что нечем мне извне себя распотать. Все отбрасывается. Нет ничего. Лишь «я», ориентированное на вне, где вещи, мир — даны, согласен. Но что все такое? Нет слов и идей — все они иллюзии веков наивной догматической веры в тождество меня и мира, а моих представлений — с вещами.

Так что Кант голое чистое нутро — без слов и идей готовых — первый установил как основу и источник всех возможных понятий, идей, слов.

Но тогда молчи или мычи. Ведь слово, любое, уже готовность извне.

Но оттого и развилась в это время (опять «время!» — историзм проклятый, в мозге костей ум им прожженный!), точнее, в такой ситуации бытия и духа, — великая музыка, как прямой язык нутра, без слов готовых. Именно в этой проблеме душа, Инпеге, нутрь оказывается шахтой, производителем новых, неведомых понятий — мелодий, слов — гармоний, проблем — мотивов, которыми бессловесная косвенная темень нутра проявляться стала.

Так что убиение трезвона и шебета готовых проблем и словес (пусть высоких, как Бог, труд, мир, свобода, равенство, братство и счастье всех народов) — есть благотворная для внутреннего творче-

⁶⁸ До «Критики» Канта, т.е. до рефлексии разума, его самопознания. — 19.6.96.

ства процедура: пустота вокруг — стимул к новому порождению — новой сферы бытия (как инструментальная, симфоническая музыка), новой религии, мировой идеи.

Я недавно так сформулировал вопрос к нынешнему состоянию человечества и нас: «А возможно ли самозарождение совести?» Вот умер Бог, убиты религии, слова разные о ближнем, о грехе и «не убий!» перестали звучать, и на них, соответственно, струны души отзываются: они гложут, зарастают, как запущенный сад, где на месте малины — крапива (как в деревеньке, где домик я приглядел и мечтаю). И, не слыша вокруг этих проблем и слов (как когда их в церкви напоминали иль на законе Божьем в школе, иль книги и свободное умозрение в печати), — тупеет дух, а с ним и душа — позарастают в ней стежки-дорожки. И вот сейчас тупость распространяется, бесчувствие; нам даже непонятны проблемы, что чехов, например, волнуют; по нам, они с жиру бесятся: и так купаются, как сыр в масле, так еще им и свободу слова и цензуры подавай! Не работает в нас шишка, чем признать эти муки соседа, ближнего, за возможно, существенные.

Хотя эти различия — уровень не совести и не души и Бога, а интеллектуального развития. Так что не путай. Но справедливость иль несправедливость — это-то могли бы почувствовать?

Ну просто: совесть может ли возговорить, даже если человек и слова такого, а тем более о Боге — не знает?

По смыслу самого понятия «со-весть» — она не может умирать. Как Некрасов:

Не умер Бог в душе людей,
И стон из верующей груди
Всегда понятен будет ей...

Со-весть тлеет, но никогда не потухнуть этой искре.

— Но почему? Ведь в Содоме и Гоморре — потухли.

— Но один праведник остался — Лот. Значит, в нем упасена и вывезена и бессмертна в миру совесть — и потом опять распространилась.

Да, вспомнил точнее свой вопрос.

Так ли развиваться совести в человечестве, что у всех может почти потухнуть и лишь пустое детское место для возможности ее попадания остаться, но где-то останется один, иль спущен будет в мир (как пророки) и вновь пожар совести в людях разгорится от него — т.е. постепенно и долго? Иль другой путь возможен: что из людей самих вспыхнет то, что тлеет, не умирало? Вот, например, у нас в России, погашен богословско-философский интерес. Остается ли ждать лишь,

когда извне постепенно нравственные слова войдут в обиход и тогда и нутро народа пробудится — и интерес возникнет к тому, что писал Розанов, что вот я пишу, над чем бьюсь, — или скорее может: и на моем веку — само возродится? Чтоб не только в воздухе, но, может, и для людей я трудился?

Но ведь новое, возникнув, самозародившись, новый, свой лепет для совести произведет, и мои о ней думы в терминах христианства, буддизма и т.д. — невняты станут? Ну и чорт с ним! Я песню для себя пою — чтоб духу, душе моей дышалось и прожить свое бытие было б...

У Бога ноздрей нет

8.X.68. Читаю о логике Аристотеля — в самое логово Логоса, логово логики забираюсь. И поймал себя в то же время на том, с каким удовольствием я, один в тиши кельи своей, прорезал ее звучной струёй чадного воздуха, выхлопом из зада. Сначала я подумал о том, что при людях я б этого не сделал, а вот один — делаю. Бога, значит, не стыжусь? И верно: это проявление на уровне стыда — межлюдского общения, но не касается уровня совести — уровня общений с Богом. Пердеть — неприлично, но нельзя сказать, что бессовестно. Это — проявление плоти, которой нас Господь обузил, так что он понимает это как естественную слабость нашей материн, вещества. Так что стыдного здесь перед Богом нет. Даже напротив, если я крепость духа своего буду расходовать на удержание звука, на соблюдений приличий, — то это ущерб жизни души: пещись о несущественном стану. Для Бога — перди сколько угодно (как чихай, сморкайся — это ведь можно аскетам): Богу не до этого, нет дела до этого (то людям есть дело до этого), а совестлив — будь. Оттого юродивый — и в струпьях, и грязен, и во нюч — противен, а — благ.

Однако недаром с божественным связуют благоухание, ароматы. Выходит: имеет значение, небезразлично, перетекаемы друг в друга духовная святость и телесное благолепие. У Данте и средиземноморских народов — да, как у более телесно-светных. У немцев и русских — святость духа и красота плоти разъединены (Старец Зосима, умерши, протух — «Братья Карамазовы»). А у немцев как раз соединимы реформа Лютера, внутренняя духовность, как зона пребывания Бога, с пусканием газов — открыто, в обществе (юмора насчет газов и фекалий — сколько угодно в «Симплициссимусе» и проч.) Мало лицемерно немецкое общежитие, в отличие от английского, где отношения межлюдские: стыд, приличия — важнее отношений че-

ловека к Богу. Ну да — остров ведь, деваться некуда, приходится думать о том, как прежде всего с людьми сживаться. Потому и к Богу отношение — напоказ, чтобы люди видели мою благочестивость (ханжество известное английское). Немцы ж — грубо простодушны, наивнее: что на уме — то на языке и в деле, тотальность, нет английского разделения властей. И раз пускать газы не зазорно пред Богом, то и перед людьми не грех, и общество это принимает в свой этикет.

Вот это все смутно я понял, газ пустив: что не бессовестно я поступил, хотя и неприлично. Впрочем, и этот упрек отпадает: приличие — лишь при лице другом, а раз его нет, то и приличия нет. Это Бог вездесущ и со мной наедине. Но у него ноздрей нет. Иль, если и воспринимает пары бытия, то я здесь не хуже и не виноватее Везувия, сероводород которого Богу нюхать приходится.

Но тут же с беспокойства: совестливо ли я поступил? — я перешел мыслью на другое: а почему это так приятно газ пустить снизу и сзади — как раз в то время, когда верх и перед (лицо, глаза и мозг) погружены в чтение о категориях Аристотеля? Словно я этим жизненность свою подтверждаю — что не усох еще совсем: жив курилка! Газ пускаю — следовательно, существую! — такое же и уравнивающее самоудостоверение собственного бытия как и *cogito ergo sum*⁶⁹.

Итак, испускание мною звучной струи, луча, волны явилось мне как бы лазером, с помощью которого я в миг, пуше скорости света, ее шибче, обежал и ощупал целостность бытия: и Бога, и совесть облазил, Англию и Лютера, общество и Декарта — и, удостоверившись в том, что бытие еще существует и я в нем *Esse Homo!* — успокоенно свернулся.

Необходимость — германский чорт

У Аристотеля в «Топике» отмечается противоположность между лишением и обладанием как «противоположность между отсутствием определенной формы и наличием ее. Материя, пребывая одной и той же, принимает различные формы. Так, человек из необразованного становится образованным.

Понятие «необразованный» есть лишение по отношению к понятию «образованный», оно выражает не-бытие, отсутствие образованности.

⁶⁹ Я мыслю — следовательно я существую (лат.) — принцип Декарта.

...Аристотель признает особую область явлений, обозначаемую термином «лишение». «Бизье находит, что понятие «лишение» в смысле диалектического отрицания стало у Гегеля движущим принципом развития, но у самого Аристотеля оно этой роли не играет, поскольку он принимает в качестве перво двигателя бога⁷⁰».

Но отчего это такой крен в германстве получился, что лишение, отсутствие, отрицательность такую силу и власть обрели, что из второстепенного у Аристотеля понятия (даже не категории) — превратились почти в аналог Бога? Вдобавок можно напомнить, что и у Вагнера меч Зигфрида — германского Мессии, призванного избавить свой народ, назван *Notung* — от *Not*, «нужда» (т.е. ипостась «лишения»). И о том, как **необходимость** — то, с чем так легко расстался англичанин Юм, никак не допускалась Кантом быть оторванной от дела мышления: без нее оно лишалось смысла.

Лишение — как активность, пульсация небытия, желающего стать бытием (отсюда **воля** — как тоже основной ингредиент германского миропонимания — ср. Шопенгауэр, Ницше и т.д.), — да это ж основное качество германского космоса, который — суров, туманен (читай Тацита «Германия»), стискивает человека, **принуждает** к труду, ибо ничего в готовом виде нет, чтоб прожить, — все из жил своих, из *Innere* вытяни.

Так что **минус-бытие** — в основании германского мира лежит: потому жизнь германства — это восполнение естественной лишенности, скудности, бездарности — культурой, трудом, творчеством. И это — бог германства: труд. «В Деянии начало бытия» — по Гёте, а не «В начале бе Слово», как в средиземноморском Евангелии от Ионна, пронизанном платоновскими идеями. В Элладе космос одарен много щедрее, чем в германстве, но еще в меру (в отличие от Индии, где надо притушить — гоню, бытие).

Оттого в Элладе все есть («в Греции все есть», — как метафизически верно замечает один грек в чеховском рассказе): и обладание, и лишение. Однако обладания больше, оно предшествует возможному лишению (естественно-природная одаренность космоса теплом, светом, плодами — кровом и пищей). В германстве же лишение предшествует возможному обладанию. Но лишение это — взыскующее, кричащее, как глас вопиющего в пустыне; это волевое Ничто — Чорт!⁷¹ (Ну да: ведь Бог — волевое бытие).

⁷⁰ *Маковельский А.О.* История логики. М., 1967. С. 128.

⁷¹ Именно так, через О, как и «Бог»: оба претендуют на Центр Бытия, но обволакивают и осуществляют его разным. — 20.6.96.

Вот почему Чорт, Люцифер столь важен в германском Олимпе, так что оттесняет Бога, который здесь остается лишь номинальным владыкой мира; практически же, сотворившим все через труд людей из нужды (Not), необходимости и принуждения, — исконно мыслится чорт. И у Гёте чорт получает не только божье попущение, но и прямое соизволение и даже благословение на деятельность среди людей:

Слаб человек; покорствуя уделу,
Он рад искать покоя, — потому
Дам беспокойного я спутника ему:
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!

И Мефистофель, объявляясь, признается Фаусту:

Частица силы я, желавшей вечно зла,
Творившей лишь благое.

(Пер. Н.А.Холодовского)

Итак: **желающее** (т.е. самонедостаточное, исполненное чувства своей неполноценности) **зло** — выходит в предпосылки блага. Опять — «лишение», гегелевская **отрицательность** (а «желающее зло» есть «отрицание отрицания»: в самом деле, зло = недостача добра, если ж оно еще и желает, т.е. недостача ощущает свою самонедостаточность, — то это уже переход и мечта, взыскание добра) — перво-двигатель бытия.

Космоургия в Девятой симфонии Бетховена

А как клубится активное небытие (германская туманность — небулярность Нибелунгов), лишение, и как оно желает **стать** — слушай в начале Девятой симфонии Бетховена, где пустотность мира дана квинтой, а его чистая энергия, пульсация, волнение — триолями, тактом сердца (о чем см. выше), и где пустота превращается в нечто. Мотив — призыв, тема симфонии из квинт-кварт вытекает и сгущается в ритм, тело звучания, мотив-метеор, пронзающий пространство и встукивающий в него время (такт, ритм) — как «есмы» человеческого бытия. Вот зрелище, точнее, «слушалище» того, как происходит воплощение рассеянного бытия, его сгущение в вещество огромной плотности. Здесь совершается космоорождение: зыблящиеся в рассеянии души стесняются в одну — и вот она ниспадает по ступеням кварт-квинт с небес, с Эмпирея; потом со сферы на сферу, с орбиты на орбиту (как электрон ныне), зайдя даже ниже уровня земли; а потом,

несколько вернувшись по терциям, творя уже трезвучие, найдя свой тон — тональность = себя, свою самость, уж утверждается на земле. И сразу это ритм стука, кузни, инструментальный удар труда, который есть **огнеземля**. И мотив этот — огнеземля: скачет искрой божией сверху вниз, воспламеняя субстанцию и закаляя ее, стягивая в сталь и форму вещи, предмета, тела и «я».

Ну да: триоли квинт в ре-миноре, с которых начинается все, это по стихиям — что? Квинта — пустота, чистый диапазон пространства — это **воздух**, это звук «а» (как см. выше в толковании имени «Кант»). А зыбь триолей — это волна, конечно, ее перелив — Seele — души «водяной» в германстве (как и дочери Рейна — в «Золоте Рейна» Вагнера: все души германские — дочери Рейна). Так что это буквально образ **туманности**, которая есть вода-воздух, рассеянная в воздухе каплями вода; нет целой Seele, а ее лишение, но желание собраться, стянуться в одну, в единство. И когда капля собирается, она тут же, благодаря тому, что потенциальная активность, сделав свое дело, высвобождается и вылетает как кинетическая — как воля к вещественному творчеству, — благодаря этому капля, попадая в ходе метморфоз бытия на орбиту и атмосферу земли, возжигается как **искра** — ♪.

И вот уже твердь достигнута, земля, атом вещества.

Энергия превратилась в материю, квант — в атом.

Так как что германский принцип — не космогонии, а **космоургии** бытия в чистейшем виде выражен в начале Девятой симфонии. Бетховен здесь — Эмпедокл чрез звуки. А его принцип: *durch Leiden — Freude* (через Страдание — к Радости). Это ведь эмпедокловы: Любовь и Вражда — как деятели в мире, его собиратели и разъединители. Но у Бетховена опять недаром такой порядок: вначале *Leiden* — страдание, отрицательное бытие, лишение. Но оно сразу берется в активном аспекте *durch* — через, **сквозь** страдание, т.е. не самодостаточно, а как проходное и лишь старт для движения, становления⁷² — *Freude*, радости, блага, любви. Так что *durch Leiden Freude* — это *Not, Notung*: бытие, жизнь — как необходимость («а жить-то надо!» — как говорят русские женщины обездоленные).

⁷² Werden — гигантской важности категория у Гегеля. — 20.6.96.

Вот почему **необходимость** Канту дороже жизни, мысли, знания. Есть необходимость — все будет. Нет ее — все зыбко, лишь случайно собралось, готово распасться, нет уверенности в бытии.

Анализ, синтез, диалектика в Элладе и в Германии

А почему в логике Эллады преобладал **анализ**, а в Германии **синтез**? Анализ предполагает изобилие данностей, готовых даров бытия, которые надо лишь привести к нашему малому пониманию через их расщепление на части. Когда ж бытие — бедно, есть лишение, минус-бытие, тогда, действительно, главная работа — прибавление к бытию, перенос среди зияний от одной тверди к другой и жесткое крепление мостов — дамб, как в Нидерландии, куда недаром Гёте отсылает своего Фауста как на почву полной истины — т.е. туда, где абсолютное небытие (болото) и где все бытие зависит от труда человека.

Вот почему Аристотель пишет несколько книг «Аналитик» и исследует силлогизмы и доказательства готовых уже и данных тезисов, суждений, — нужно только подвести под них предпосылки: как бы под готовые мосты всякие быки подводить. Канту же возлюблен синтез, способность суждения, и как добываются синтетические суждения а priori — т.е. как из ничего строится нечто. Здесь я — бык, мысль — отрезок моста как бы забрасывает, протягиваясь, как рука (Hand — важнейшая в германстве, ср. Handlung — «действие»), наперед на другой бык — основание. Как гусеница движется пружинно-волево: стягиваясь, набирая энергию, выбрасываясь вперед, а потом подтягивая и подбирая зад. И так далее колонизируется бытие в сплошной Burg (город), систему и целое.

И **диалектика** в Греции — была средством уяснения истины в споре, т.е. того, что уже есть (истина), дано в бытии, — себе в человеческих словах различить и прояснить. Не то диалектика у Гегеля: она есть творческая работа по произведению бытия и истины из идеи, т.е. как в труде — из замысла, плана имматериальности производится вещь вещественная.

Прямое ж **умозрение** Платона было наведение нашей мысли на фокус бытия, прилипание нашей мысли (отблеска, тени) к идее, образу, равно так же, как по Демокриту — наше познание, мысль в нас есть восприятие образа, оболочки, отлипшей от предмета и истекшей сквозь пустоты иль эфир на нас, к нашим чувствам. Везде здесь исходны отношения тождества бытия и познания в нас; во всяком случае, бытие изобильнее возможного о нем людского познания иль равно ему, — но никак не меньше.

В Германии ж налицо, что трудом людей исконная пустынь нордического бытия явно и многожды приумножена. Притом это не только как следствие и итог, где-нибудь в XVIII—XIX веках видно, но и когда германцы возникли иль пришли готы в Германию, на том этапе, когда их Тацит описывал, — уже очевиден был космос, взыскующий труда: **лишение было требованием**, приказом народу, волей. Так что здесь больше в уме, а меньше в бытии. Отсюда — **трансцендентальное** Канта, **Идея** Гегеля как субстанция-субъект, творящая мир. Потому здесь исходно убеждение, что мысль и предмет не совпадают исконно (как в Элладе), а лишь если предмет как явление будет пленен и подведен под мысль, как пленник в ярме, — они совпадут.

И для Канта, как и для Платона, исходно убеждение: то, что мы себе представляем, — совсем не есть то, что на самом деле. Однако, не как тени **пещеры** Платона. У Платона мы — малы, слабы, наши понятия — тени; у Канта ж мы, люди, —демиурги грандиозного собора трансцендентального познания а priori, мы дарители луча света, а это природа — в тумане.

И символ пещеры иное значение и акцент обретает. Она — глубина, и в германстве — самое почтенное. Потому, что мы в пещере — это мы в *Innere*, в глуби бытия, в его сердце, в его *Haus'e*. Мы в пещере и мы — источники света, облучающего предметы вне нас, которые начинают получать от нашего луча блеск — *Schein* и выступать пред наши очи **явлениями** — *Erscheinungen*.

То есть иерархия гносеологических ценностей противоположна платоновой: это из мира тени (отблески) пленных вещей выхватываются чрез наши активные ухваты (*Begriffe*) и снопы направляемых лучей. Но и свет здесь иной: у Платона это свет открытого бытия (солнце и море Эллады — мир облит **светом естественным**), самих прообразов. идей, которые, как толкует А.Ф.Лосев, — совершенные вещи, т.е. и тело и дух, как человек; но мы не выносим их блеска и воспринимаем от них тени. У Канта же свет пещерный из глуби — явно есть **огонь**: не солнечный, непринужденный, а трудовой, усиленный свет, что в германской кузне бытия необходим и прибавлен к естественному. И во встрече этих двух освещений ясно, что предметы обманчивы, и нужен монизм, и именно на основе *Innere* из нас, света рукотворного.

Логика формальная и трансцендентальная

9.X.68. Итак, Кант снова. «Путеводной нити открытия всех чистых понятий рассудка. Третья секция.

§10. О чистых понятиях рассудка или категориях».

Здесь мы. Во-время почитал я о логике Аристотеля, ибо здесь как раз о различии между общей и трансцендентальной логиками Кант речь ведет. Общая логика — аристотелевская, а далее формальная — абстрагируется от содержания понятий и готова обслужить любое — как гетера античная; а трансцендентальная логика, которая чисто германское произведение, небезразлична к содержанию: определенную его часть имеет и носит заранее в себе, в душе (как в любви образ возможного избранника), а именно: чистое знание а priori, — и имеет власть с помощью этого малого, инструмента, переноситься в пустоши во вне и обрабатывать многое опыта, эмпирические данные и производить из них знание — мосты перекидывать. Оружие трансцендентальной, производящей логики — синтез, производство понятий, идей и знания. Оружие эллинской общей логики — анализ, т.е. расщепление готового мира вещей и приведение наших понятий с ним в соответствие.

Потому общая логика позволяет себе роскошь абстрагироваться от всякого содержания (в отличие от трансцендентальной, которая хоть малое содержание — то, что а priori, но за собой сохраняет — как зерно единое, чтоб посеять его среди многого опыта и древо познания взрастить) и не мучает себя проблемой: как привести в соответствие свои формальные понятия с содержанием, которое ей подсунут, а она будет слепо эти данные обрабатывать, — что предполагается их исконная согласованность — мышления и бытия: что кто-то другой (бытие, космос, бог, разум) ручается за соответствие, так что общая логика может работать с закрытыми глазами, не избраннически. Ведь формы общей логики мыслятся как формы бытия — из этого исходит эллинское сознание; так что то или иное содержание бытия, попав на территорию логики, как бы по инстинкту находит родственную себе форму и в нее вливается. А она, как женщина, отдается с закрытыми глазами. Она «ожидает, чтобы ей откуда-то со стороны, все равно откуда, были даны представления, которые она затем превращает в понятия аналитическим путем» (с. 73).

Итак, у общей логики нуль своего содержания, она — чистая форма, полость, и потому пригодна для всякого, для всего содержания бытия, которое, как мужчина, Уран, входит в женщину, Гею. Это логика бытия как -гонии во Эросе (см. «Теогонию» Гесиода).

У трансцендентальной логики есть свое малое содержание. она — не нуль, пригодный для всего, не чистая бесстрастная форма, но форма пристрастная, избирательная, активная — ориентированная только на возможный опыт; а за его пределы — в зону трансцендентного — с

ней выйти нельзя, она там ничего не в силах понимать. Ограниченность? Недостаток? Да, но это жертва рассеянной широтой, бесконечностью, объемом — чтоб в себе, изнутри, стать сгустком энергии, квантом, волей, волящим познанием, лучом, инструментом активным, стрелом, мужчиной. Однако, содержание, которое имеет в себе заранее трансцендентальная логика, — это не расчлененное знание каких-либо предметов, а **воля** к знанию, знание за собою воли к знанию предметов опыта.

Трансцендентальная логика не ожидает, а уже имеет всегда «перед собою априорное многообразие чувственности, доставляемое ей трансцендентальной эстетикой, как материал для чистых понятий рассудка (Stoff — материя портному. — Г.Г.), без которого они не имели бы никакого содержания, следовательно, были бы совершенно пусты (безработный рассудок. Значит, трансцендентальная логика — логика бытия как -ургии в деятельности, а не -гонии во Эросе. — Г.Г.). Пространство и время содержат в себе многообразие чистого априорного наглядного представления, но в то же время они принадлежат к условиям восприимчивости нашей души (Gemüt), под которыми единственно могут быть получены представления о предметах и которые поэтому всегда должны влиять также на понятия о предметах» (с. 73).

Следовательно, в доме трансцендентального познания пространство и время — как бы сени: они открыты в бытие и опыт, но в то же время уже принадлежат самой постройке дома, Innere — Gemüt. Так что в них вошедший — уже гость дома и с ним и его обычаями должен считаться. «Однако самодеятельность нашего мышления требует, чтобы это многообразие было известным образом пересмотрено, усвоено и связано для получения из него знания (durchgegangen — «насквозь пройдено», aufgenommen — «забрано», verbunden — «обязано»: как будто хватают вошедшего в приемном покое дюжие молодцы и подвергают санобработке, обессиливают и покоряют пришельца внутреннему уставу дома. — Г.Г.). Эту деятельность (Handlung — рукоприкладство!) я называю синтезом» (с. 73).

Ну да: эллинская мысль занята разборкой готового мира, анализом; германская — сборкой бытия, становящегося в деятельности. При сборке получается из разобранного нечто компактное, т.е. более малое, тесное, но зато — целое (как Haus, дом — из пространства собирается). Потому так дорожат в германском космологосе целым, обладанием всеединством — и только имея его как предпосылку, исход, могут предпринимать труд познания — как характеристику сборных частей, из которых это целое сложено.

Тогда выходит, что здесь в познании тоже анализ готового? Но не данного извне, а собою же изготовленного. В таком случае познание состоит из анализа = очистки деталей, блоков — и синтеза = сборки их в дом: операция изготовления бытия вторично воспроизводится в уме. В эллинском же познании движение умозаключений — это наше, субъективное движение соображений в нас, оно относится к ставшему, статическому бытию. Германский же мыслитель — каждый раз демиург, бог-творец создаваемого им мира.

Анализ нужен в германстве только постольку, поскольку попадающий в дом знания материал первоначально *posch roh und verworren* — «еще сырой и запутанный». Анализ — подсобный рабочий, чистильщик. «Но тем не менее (*allein* = *all+ ein* — «все едино» — обиходное в германском языке слово, на каждом шагу, равно нашему «однако», где есть «одно», но нет «всего»; так что *allein* — это «всеединое», целое, сцепление начал и концов бытия, выражает замкнутость германского бытия. — Г.Г.) именно синтез есть то, что собственно собирает элементы в форму знания и объединяет их в известном содержании. Поэтому синтез первое, на что мы должны обратить внимание, если хотим судить о первом происхождении наших знаний» (с. 74).

Итак, анализ дает элементы возможного знания, которое есть *Inhalt* — «вдерж», «удерж», т.е. волевое сцапанье, которое возможно именно чрез ухваты — *Begriffe*. Так создается знание как компактная вещь. Значит, вот этот зацап, ляск челюстей, наброс из *Innere* волей на пассивные сырые элементы из туманного внешнего космоса — есть акт образования знания.

Знание — исходно акт вообразования: от нас исходит, из *Innere*, волна и образ (в отличие от Демокрита и Эпикура, по которым образ отделяется оболочкой от предмета и наплывает на нас, а мы ждем). Точнее, не волна, капля, а — искра, что сушит сырую вещь из космоса Германии туманной и, проведя ее сквозь горнило-кузню, превращает в огнеземлю — твердый предмет знания — *Gegenstand*.

Вот как об этом у Канта: «Синтез вообще, как мы увидим, есть исключительно действие способности воображения (*Einbildungskraft* — силы ввести нечто внутрь, в образ), слепой, хотя и необходимой (*unentbehrlichen* «неотстраняемое»: как дорого германцу покориться! Как невыносима ему свобода на свой страх и риск! — Г.Г.) функции души (*Seele*— «водяной»); без этой деятельности мы не имели бы никакого знания, хотя мы и редко сознаем ее в себе. Однако задача свести этот синтез к понятиям (букв.: «на понятия принести») есть функция рассудка, посредством которой он впервые доставляет (*verschaffet* —

«изготавливает», тогда как русская «доставка» предполагает уже готовое нечто, что лишь подвигать надо. — Г.Г.) нам знание в настоящем смысле этого слова» (с. 74).

Да здесь налицо та же последовательность стихий, что отмечена была выше и в начале Девятой симфонии. Вначале — Seele — душа = водяная. Она действует — в силе воображения, связуя (вода вообще — начало связи: капля тяготеет к слиянию, не самостоятельна, а реки — связало людей в общество по руслу своему), извне во внутрь вворачивая (*Einbildung*). Это сцепление уплотняет рассеянное в сырых туманностях бытие: образ плотнее расхлябанных своих составных, но еще слепо (*blind*) действует, ибо стихия огня-света еще не проснулась. Но вот она: из капли, когда она сжата волнением и жаждой стать, — рождается *Verstand* = стать, из капли — искра. Вот она:

Из *Seele Geist* (из души — дух) вспыхнул; из водяной — огненный, который и по звукам — есть взрыв, шипение и свист, в отличие от протяжной *Seele*, капли.

И он уж так не отпустит в его кузню попавшее: все переделке и переплавке подвергнет, так что в итоге и не узнаешь поступившего из мира вещей в себе простодушного явления, когда оно станет оформлено инструментарием рассудка, выложено и изложено в понятиях.

«Ничего похожего! Схема! Искусственная конструкция!» — будут, дивясь, восклицать умы других народов: англичан, французов, эмпириков и сенсуалистов. Невдомек им, что немец лишь сквозь призму кузни — системы, видеть вещи и толковать может. Так что изволь сперва понять их арсенал и инструментарий понятий-ухватов, — тогда и в чудо их построек, соборов готических посвящен будешь; а то ведь рядом стоять будешь и не увидишь в Кельнском соборе ничего особенного: какая-то большая дурацкая елка стоит, ein *Fichtenbaum* (тоже из германских прообразов, архетипов — см. в стихотворении Гейне).

Категории — работяги

10.X.68. Так вот проблема: в анализе множество представлений дома — например, небоскреб, хижина — под одно понятие «дома» подводится. А синтез осуществляется в суждении, в котором налицо

два понятия: «дом», «большой»; как вот из этих двух — одно, единство получается? То есть рамка синтеза, прокрустово ложе его должно заранее быть, чтоб на него возлечь двое и спаяться могли. Кант называет его «априорное синтетическое единство апперцепции». Эта рамка — чистый синтез, т.е. беспредметный (ибо никакого в нем еще знания и фактов нет), но волящий, воля к возможному соединению разного: уже заявлена операция соединения. Отсюда Шопенгауэр просвечивает: чистый разум — волящий разум, мир как воля, а не как представление. Последние будут произведены, а исходна — воля.

Это воля к соединению, к сведению, вворачиванию внутрь, к скручиванию голов множеству, чтобы было: All — ein (Все одно). Магнитное поле, которое так не видно, но когда предметы, опилки железные рассыпаны, — открываются линии их расположений и единая структура поля тяготения. Это поле и есть исходное содержание а priori, которое добавляется к опыту, когда опилки вбрасываются в силовое поле. Они уже не сами по себе вещи, а как они в поле бытуют, являются — **явления**: значит, сразу со включением в себя априорного содержания поля, чья воля так их, а не иначе располагает и в свой мир трансцендентальный вводит. И вот каналы, по которым поле рассудка входит в вещь, добавляя к ней свое содержание и делая ее своим родным «противостоем» (Gegenstand), возлюбленным противником, — и суть **категории**. Только поле рассудка имеет не два полюса — узла — измерения, а есть поле в -n измерений, а по Канту n = равно четыре по три, всего — двенадцать.

Категории — как линии — операции, какими отсекается из пространства фигура додекаэдр — двенадцатигранник (когда в геометрии ее конструируют)⁷³.

. точка (1) = Количество

— линия (2) = Качество (линия производится движением точки, ее утверждением здесь и отрицанием)

 плоскость (3) = Отношение (плоскость — из несения линии образуется)

 куб, объем (4) = Модальность — действительность (куб уже не абстракция, а фигура, действительная вещь реального мира).

⁷³ Категории — «это понятия о предмете вообще, благодаря которым наглядное представление рассматривается как определенное отношение логических функций в суждениях» (с. 85). То есть, вступив в поле рассудка — суждения, нечто подвергается его силам сжатия, тяготения, его стамесками высекаются в нем грани и форма, пригодная для разума и его дальнейших операций трудягой рассудком, готовится.

Образы, с помощью которых Кант поясняет систему категорий: **источник, дом, древо**. «Рассудок чрез упомянутые функции полностью исчерпан (erschöpft), и его имущество чрез это совсем измерено» (с. 96). А чистые понятия рассудка — *entspringen* — «выскакивают», выбивают, как фонтан, росток. Система же категорий «возникла (букв. восстала *entstanden*) не рапсодически из предпринятого на удачу (*auf gut Glück*) разыскания» — как у Аристотеля, который просто «подбирал их, как они на него наталкивались», но из генеалогического **ствола** (*Stammregister*) рассудка они разветвились и потому суть не пришельцы, а исконно и по праву родни проживают (*beiwohnen*) в его жилище, доме. (с. 97).

Еще и инструментарием поясняет свою трансцендентальную систему категорий: «**Ящики** (*Fächer*) уже налицо: нужно их наполнить» (с. 98). Из чисел — все время 3 упоминает (с. 74, 77) и объясняет, почему третье действие — не сумма первых двух, но особая операция, акт рассудка (с. 77).

У Аристотеля, поскольку в познании собиралось готовое бытие, — **число** случайно: то восемь, то десять, то пятнадцать категорий, а если и объединяет в число десять то не изнутри, а по внешнему влиянию пифагорейских пар. У немца Канта, поскольку познание и бытие производится изнутри, то изготавливается инструмент, и число операций должно быть экономно, минимально, на счету. Число у него не фактично, а — ургично, не факт, но фактор; оно изнутри — распад луча энергии, а не пастух, сгоняющий стада идей извне.

Эллинские философы все во многом такие пастухи, что совпадают с видом эллинского хозяйства. Германец — земледел и мастеровой, и если скотина у него, то не стада несметные («тьма» — число орд кочевых — т.е. бессветное множество, не различенное; отсюда свет — перебор отдельностей, когда они гранями и отличиями своими луч отражают, а не утопляют в аморфном мареве) и пастбища несметные (тоже — тьмы, ибо без счету), а вычленены в его сознании и хозяйстве корова, бык, теленок = мать — отец — дитя, т.е. тоже моногамная семья, а не свальный грех кочевья.

Теперь, после того, как Кант вывел категории из трудовых операций познания, как их инструментарий, *de facto*, он приступает к их оправданию *de jure* — к трансцендентальной дедукции категорий. Если до сих пор зона ассоциаций лежала в труде, производстве, в кузне, среди первостихий: воды, огня, — то теперь она переносится в город: на площадь, на двор выпрямления (*Gerichtshof*), в быт *Burg'a*, в обиход общественных отношений между людьми.

Зачем это? Ведь вывел же из практики трудовых операций познания. К чему ж теперь выводить из их общих понятий и слов? Ведь ни грана вещества не прибавится от этого к сверлу категории при-

чинности. Но нужно, оказывается, этих карлов рабочих, гномов-нибелунгов, из шахт их и кузен извлеки, — в общество ввести, представить, имена дать, в контексте общих ходячих в гражданах понятий и слов им место отвести, — дом словесный им выстроить.

Более того: они есть; но это ничего не значит. Важно, чтоб они **необходимо** были, т.е. чтоб необходимы были цивилизации, городу и миру, людству. А это не можно уже лишь явить как очевидность: что вот такие работяги категории есть, но надо доказать их надобность в системе общественного бытия, из статей закона обоснование им и правомочие вывести. Т.е. это как бы произвести их из ума, из слова, а не из готового бытия, где природа их рождает.

И в этом суть творения Богом бытия и вещей: Он — демиург — им дарует слово, именует после того, как Эрос-космоген их породил; но это (порождение природой) ничего не значит: пока нечто не названо, его социально (в людях, в Сыне Человеческом) и духовно (в Духе Святом) нет. Вот почему в Евангелии от Иоанна сказано: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». Мир и существа сначала возникли — но не существовали, ибо суть их определило лишь имя, слово.

Вот почему Кант считал трансцендентальную **дедукцию** категорий делом высочайшей важности и величайшей трудности, ибо, если в разделе «путеводной нити открытия чистых понятий рассудка» он выступал как проницательная, но тварь, которая лишь отыскивает и констатирует наличные операции человеческого познания, — то теперь он замахивается выступить Богом — творцом, выводящим сонмы духов из своей глубины наружу, производящим смыслы и формы всего только из себя, а прогі, чистым своим усилием, не имея никакого вещества в подспорье (как это было на инструментально-трудовом уровне кузни). И потому, услышав после выхода «Критики» в свет обвинения в идеализме, он во втором издании именно этот раздел обкарнал (знает кошка, чье мясо съела!); никто ему прямо на это не указывал, но он-то знал по самочувствию, где он наиболее дерзнул и превысил. Потому и свился старчески трусливо в этом месте, за что справедливо его потом порицали: за ухудшение «Критики» именно в этом звене — в частности, Шопенгауэр.

Итак, мы из шахты вылезли на площадь большого города, где цивильные граждане прохаживаются и где надо соответствовать закону и праву, а не быть естественным человеком (кем мы до сих пор были), Кандидом, Гуроном простодушным. Трансцендентальная дедукция категорий — это городская одежда, костюм чистому рассудку, который шьет своему подопечному портной философ Кант, — тогда как до сих пор рассудок был в рабочей робе ариадниной нити путевод-

ной. Звезда вела его нагого по голому космосу во тьме и среди туманностей и искр — и теперь вывела в свет, привела в люди в город, общество: изволь по-волчьи отныне выть и усвой устав монастыря.

Дедукция и доказательства — это светскость, обходительность, воспитание детины и образование одаренного а priori недоросля — чистого рассудка. Дедукция — букв. «выведение» (в люди), вообразование, воспитание под руководством индуктора, наставника. Недаром то век Просвещения, воспитания, а Кант — поклонник Руссо и его «Эмиля».

«Юристы (Rechtslehrer — «учителя прямоты»). Здесь мы уже не среди волн воды — кривых и пунктиров искр огня, но среди уже ставшей огнеземли: город — прямые улиц, плоскости площадей, их окружности и квадраты — бытовая, обиходная геометрия. А законодатели, дающие право, — вожди и проводники прямых линий, чертежники прямоты и справедливости в душах людей. — Г.Г.), когда они говорят о правах (Befugniss — «годность», обвязь, приклад друг к другу — т.е. синтез: право — активной, синтетической природы: право изнутри на что во вне, привязь предмета к своему понятию. — Г.Г.) и притязаниях (Anmassung — «примерка» — трудово-инструментальная операция: как оттянуть, оттяпать кусок — по мерке своей. — Г.Г.), различают (unterscheiden — «разрезают ножницами»; а в России — от «лицо» это процедура названа. — Г.Г.) в судебном процессе (Rechtshandel — «рукоделие прямоты»), вопрос о праве (quid juris) от вопроса о факте (quid facti)⁷⁴ и, требуя доказательства того и другого, называют первое из них, именно доказательство права и справедливости притязаний, **дедукцией**» (с. 80).

По городу-обиходу бродят не только добропорядочные понятия, которые в ответ на иск могут предъявить удостоверение опыта (как по Юму: идея, которая может быть соотнесена со своим впечатлением), но и беспачпортные бродяги, вроде понятий: «счастье», «судьба», которые нагло пользуются всеобщим попустительством, однако,

⁷⁴ Вопрос о праве — Was Rechtens ist? — «какова прямая?» Вопрос о факте — о Tatsache, «вещи» от Tat — «дело» + Sache — «спор», «иск» — ср. suchen — «искать». Так что Tatsache = «взыскующее дело», дело — поиск, т.е. в начале дело — Tat, ищущее материи, чтоб стать предметом; воля, взыскующая стать представлением. Так что понятие вещи, факта в германстве — совсем иное, чем предполагается смыслом «факт» = factum (лат.) — «готовое», «сделанное». Tatsache же — «ищущее дело», желающее быть сделанным, включает в себя Streben — «стремление», агрессию из «я» на бытие. Итак, в основе понятия факт, вещи, предмета в германстве лежит не «сделанное дело» factum, но «ищущее дело», Tatsache, т.е. пока беспредметность, активная пустота, имматериальность. То есть самое, казалось бы, вещное — Tatsache, а как его поковырять — то сам язык подсовывает и трактует вещь имматериально, невещественно, идеалистически. Tatsache — это на простом немецком языке то же, что у Гегеля «субстанция — субъект». Tatsache — субстанция, ибо под статью всякого стояния (Gegenstand — предмет, «противостоять») находится Tat, труд. В основе объек

когда их привлекут к ответу, на вопрос *quid juris?* (по какому праву?) — паспорта опыта (как порядочные эмпирические понятия) предъявить не могут и возбуждают в гражданах и милиции разума законное требование объяснить, откуда они взялись и что они такое — своими словами. Но это гораздо труднее, чем бляшку вещи заместо себя предъявить, и они разбегаются, тушуются, улечиваются, как *Hirngespinnste* — «призраки мозгляки», оставляя нас в недоумении: а вообще можно ли удостоверить *Esse Homo* (есть человек!) прямо из духа, ума, слова, веря *Homo* на слово, (есть ли такое слово, которому можно верить прямо и абсолютно, сказание без нужды доказательств?), а не прибегая к паспорту — т.е. тому, что кто-то уже до того удостоверил? То есть, возможен ли прямой опыт о человеке, не опосредствованный вещами? Ибо как сращена эта бумажка — паспорт — с сутью, его душой, составом из стихий и характером? Наклейка она произвольная или вытекает из?

Прямой опыт и есть как бы опыт до опыта, а *prōipi*: чтоб я мог узнать прямо и сразу суть человека, предмета, идеи — без привеска, довеска детали, признака, вещи, которою он обладает. Это прямое совпадение возможно, если он впадает в меня, или я в него. Эллинство принимает первое (умозрения Платона), германство — второе: я произвожу целиком форму предмета, существа из себя по своему образу и подобию и потому могу его познать, так как в нем я узнаю себя, те трудовые операции, категории, которые я в него вложил, ими его обработал и сделал для себя приемлемым. Так что если среди шляющихся по городу беспаспортных-безопытных, неэмпирических найдутся

та (предмета — того, что **против** меня стоит) — моя сторона, где я, — субъект, активность. Но *Tatsache* — не вещь, а труд, желающий стать (чем? — хотя бы той же вещью). Оттого он идеален. Идея под материей в германстве естественно залегает.

Итак, отличая в судопроизводстве вопрос о прямой от ищущего дела, а пока безработного, — ясно, что в городе важнее соблюдение улицы, прямой, права, нежели существование вот этого, ищущего дела бездельника — рабочего, чистой рабочей силы, который может быть заменен любым другим подобным. Ясно, что теперь не факт, который всего лишь *Tatsache*, а значит: никакая твердь, а пшник, иск тверди, определенного дела, — может стать твердым грунтом для суждения, но право, прямая, которая и плоскость — площадь. Потому закон и право, справедливость дороже всякого факта, дела и человека, так что вполне законно и правомерно звучит: *pereat mundus, vivat justitia!* («да сгинет мир, да здравствует законность! — *лат.*) Ибо в ней же, в юстиции, аршин права — в масле масляности.

Еще *Tatsache* — это дело-спор, дело-вопрос, дело-раздор сразу: т.е. под всякой данностью, фактом в германстве лежит *Zweifel* — «расщепление» на две складки, сомнение; т.е. шель — основа тверди, на активно вибрирующей пустоте тело держится — как на воздушной подушке.

такие, которые в ответ на наш запрос, «смогут предъявить совсем другую метрику (Geburtsbrief — «письмо о рождении»), нежели происхождение (Abstammung — «ответвление от ствола») опыта» (s. 105), то это должно быть прямым узнаванием родства: то брат твой, по чертам узнаю, а не по паспорту, по роду благородному нашему трансцендентальному: из одного мы гнезда и внутреннего источника (innerm Quell — s. 105).

Точнее — не родства, а производства: свои ухватки (Begriffe) в своих изделиях (Werkzeuge) узнает мастер.

Но здесь, в городе, они равны: майор Ковалев и отскочивший от него Нос. Ты-то узнаешь, но как докажешь другим, всем, что он — твой?

В ответ и рассказывает мастер уже на языке горожан, а не цеховом, профессионально-кузнечном, — историю введения ухватов в изделие, историю их появления на свет (из нужды какой?) и жизни. Эта история и есть трансцендентальная дедукция категорий.

Философия быта как бытия

11.X.68. «Ведь мы живем в священстве!» — стукнуло меня за завтраком, глядя в окно, вкушая и слушая радио. Все вещи сочатся смыслами: в них гораздо больше бытия, нежели в эфирных пространствах, где ангелы и мы, если б и в Царствии небесном. Оттого оно — внутри нас: почувствуй эфирную легкость души в себе, а вещи вне себя — игрово, не давяще, а как уплотненное бытие: чтоб тебе с большим бытием в единицу времени пребывать, — так оно постаралось за цивилизацию и чрез труд.

Пусть эта темень — рубашка иль шкаф — забегает смыслами — и вот уже плоть и не плоть он (шкаф), легок, эфирен, в рассеянном бытии, а сам ты — ангел, в блаженстве. Просто в одном из отсеков неба такие правила игры, что бытие становится бытом, пространство уплотняется в вещи, и мы, духи, ангелы, тоже облик плоти принимаем. И ничем этот отсек не хуже других, где голое, разряженное бытие. А смерть якобы = переход в другой отсек бытия и неба, с другой конденсацией бытия и составом в него входящих.

Вот такой сердечный и задушевный смысл может иметь философия быта: раскрыв в вещах быта высокие смыслы, раскупорив их бутылки и выпустив из них джиннов, — я помогу людям увидеть священство и духовность везде вокруг и сильнее вспомнить, что мы — ангелы и блаженные существа, и никакого отчуждения нет, а все при нас.

Ну а тяготы? — Какие? — Ну, когда тошно и невыносимо? — Ах это! Ну вот вчера я выжимался на земле утром в роще, усилием тяготу свою приподымая, — и вдруг обмяк, опал и шмякнулся лицом и грудью в гнилую листву, сырую землю —

и морда в слезах, а грудь во всхлипах — от окаяинства своего и греха! Лежу — и исходит из меня в землю напряжение всякое, а сверху мне на тело моросит, и кап-кап с листвы, и что-то переговариваются, о моей судьбе советуясь, — услышал, и птица взрезала воздух.

Боже! Все тут, я весь, всем я, все мы: и листья, и капля, и птичий свист, и мой всхлип, и лист плоский коричневый, и я плашмя черный. А какая ласка вороха листьев вискам — как принимают, обнимают, как ладони женские, что, проводя тебя по щекам, ток с тебя снимают, на себя принимая! Так щетки ток на себя собирают в электрической машине с вертящегося ротора — они электроводы. Но так и мусульманин, в намазе проводя ладонями сверху от висков вниз к бороде, завершая ее поглаживанием, — тоже ток и излишний жар с нашего набалдашника, стержня человека-вертикали, снимает, собирает на ладони и отводит вниз на щетку и заострение бороды, откуда ток уже стекает в землю. Вот сколь священно все: и ротор динамо-машины, и намаз — все одной природы, священство излучают, только провидь и прози все это!

Мудрость предрассудка

И еще вчера мне урок мудрости был. Собрался я днем в город, в издательство толкать старые рукописи — на деревеньку деньги. Уж побрился, оделся, лоск-блеск навел, вышел, но, отойдя шагов двадцать от дома, вспомнил, что книжку забыл свою, чтоб редактору ткнуть и себя подтвердить. Повернул домой. «Что за досада! — подумал. — Ну теперь пути не будет!» Иду. «Ну и что! Не будет — и не надо. Это тебе знак, от бытия разумное и заботливое предзнаменование: что сегодня ты плох и растерян, и разговор у тебя не получится — не выпался ведь ты, оттого что с вечера зарядился на пробиванье издательства. И хоть поработал с утра с Кантом, но все равно лихорадишь духом и суетлив. Нет. Иди-ка домой, размякни, поспи даже, никуда не выходи, почитай».

Так я и сделал. И очень мудро. Потому что обратное было б не мудро и поступком рядового суетливого горожанина: только из-за того, что я уже оделся и на ходу, и наметил на сегодня это дело, — считаться только с рассудочно-шорной, ничего другого окрест себя не видящей целью своей, на которую завелся, — и игнорировать фальшь в твоём настрое с космосом, отсутствие резонанса. Приметы, предрассудки оттого священны и для того нам даны, чтоб вывести нас из узкого кругозора рассудочного, только гражданского существования — в контекст бытия, о нем нам, заводным, напомнить, чем угодно: карканьем вороны, черной кошкой, забывчивостью, пустыми ведрами — много путей и знаков у бытия, чтоб нам по мордасам дать, ошеломить — и о высшем напомнить.

И какие я после имел блаженные полдня: отменив дело, я ощутил, что я не раб даже своих целей, ощутил игровой характер всех дел и обязанностей, вознесся сердцем в ангельское самочувствие и уровень бытия. Никто нас не гонит и не понуждает – лишь мы сами. Так что тяготы – это чтоб иметь острую радость их сбрасыванья и в этом акте набирать от противного энергию, чтоб преодолеть земное притяжение и острием вынестись прямо в открытое бытие, опаматоваться.

Грех ведь – для святости. И закоренелый грешник, когда возвращается в лоно Божества, оно и царствие его ликуют стократ больше, нежели когда даже чистый и целомудренный приходит. Ведь последний упал из рассеянного бытия на землю, на дело воплощения, но остался на поверхности, не оскоромился землей, а тот, грешник, упав на землю, в нее впился, вгрызся и, как бурав, все глубже в твердь ее и до черного солнца, брата ясного, – добрался. И если уж он раскается, слеза прошибла и опаматовался, то он зачерпнет с собой в рассеяние гораздо больше вещества бытия, целый пласт черного солнца вызовет из земного заточения, весть глубокую от черного солнца в недрах – брату ясному в пространствах принесет. А чистый? Тот не приумножил таланта: как был чистым, таким и остался. Даром его на воплощение послали. Иль нет? И он нужен – как раз грешникам на воспаматованье. Ведь отчего пробудится заскорузлый? Да оттого, что в какой-то момент, когда приспееет и срок придет, на слезинку младенчика глянет, – так что она, кроха малая, за собой целый самосвал грешника в небо потянет.

О, благо! О, красота! Иль не в блаженстве мы, когда все так прекрасно, и разумно песнь бытия сложена? Не ангельский ли хор кругом и во всем слушаем?

Итак, о предрассудке еще не досказал: его смысл не в конкретной связи перебегающей кошки и ждущей тебя беды, но чтоб память в тебе сохранять и время от времени этими знаками возобновлять, питать и блюсти – о том, что не все свету, что в окне, что не вся жизнь под крышей под-купольного существования, на которое ты здесь заведен, – помещается. Цивилизация – не сплошняк, стеной тебя окружающий в спертой тюрьме своей, но пунктирна ограда, худой плетень, и сквозь него трассирующими пулями бытия врываю-ся многоцветные посланцы-приметы и тебе метафизический озон в грудь ниспосылают, чтоб было чем продохнуть. Вот и я вчера бытийственно продохнул, прорвав заведенность дел и забот.

И если, натолкнувшись на подсказ от бытия и его напоминание о себе: что можешь прямо в соитии с ним, в блаженстве и любви и беззаботе, время провести, – пренебрегаешь его, Юпитера, любовным к тебе зовом через Меркурия и благовещенье пустых ведер, – то покаран будешь, ибо отупел безнадежно, стал бесчувственен, не слышишь призывы шири... Тогда и в частном деле своем поражение потерпишь, ибо порвал пуповину, связующую тебя с **целым** бытия и по которой к тебе от него помощь стекает, – и непременно глупость сделаешь, ибо ориентировку

потерял, что важно, а что – нет, подлинную меру ценностей утратил, – на что ж ты годеи! Воистину: кого хочет погубить, того лишает разума. Итак, примета – это чтоб чувство целого бытия в нас не затухало, на него указующий перст. А указывать людям, конечно, приходится из разных мест, оттого различны знаки: ворон, кошка, сон.

И вот один из видимых ущербов индустриальной цивилизации бытию (хотя и ущерб – его, ему покорен) – это исчезновение материала примет. Когда я вселился в новый район кооперативных жилплощадей-казарм, я долго пытался от-дать себе отчет, почему так неуютно здесь, и «страшно, страшно поневоле среди неведомых домин»; и потом, быв в городе и наткнувшись на лестнице на шмыгнувшую кошку, понял: кошек нет – и это значит, что не оживлены мертвые громады, не благословлены бытием. И когда впервые здесь наткнулся на перебежавшую по ровному асфальту кошку, – славу Богу возгласил: значит, смилостивился и нас в расчет взял, пригрел.

Но все ж кошка – это от старого быта. А вещи индустриального быта: унитаз, транзистор, дуршлаг – бестекстовы в смысле примет, безглазы, пусты. То же и автобус, и газета – только то значат, что суть, а не носители еще и сверхсмыслов.

Так ли? Нет. И они соотносимы и сочатся сверхсмыслами, только надо их прочесть, а отчасти и перенос сделать со старых примет по сходству и распространить на нынешние: так паровоз, машина всякая = огнедышащий змей. Радиоприемник = домовый и сверчок запечный. Дуршлаг – кочерга, пылесос – помело, на котором ведьма в мусоропровод-трубу на шабаш улетает.

Ибо что есть пылесос? Сосет – как животное: пасть у него и глотка: только ест землю, ее частицы. Представитель стихии воздуха он в дому. Пылесос – воздухогон, ветер в дому, как лампочка – солнце на столе. Ветрогон он – пылесос, и нрав в нем легкопыльный: гудит, свистит, песню напевает, сирена такая – Сириптица. А так – жук жуком – навозный, пузатый и зудит. Ну а метафизика его какая? Чистилище он: чтоб духу дышать легче, устраняет агрессию земли, ее частиц, при жизни зарывающих человека в себя, в могилу; так что он – спаситель, ангел-хранитель.

Ну, а веник чем хуже? А! вот еще что: веник – растение, от себя во вне, а пылесос – животное механическое, утроба, извне – в себя. Вообще все вещи цивилизации дублируют больше животных, нежели растения: машины – хищники; вон кран, кажется, – дерево, но по сути – рука. Ну да: ведь тело человека они развертывают, анализируют по функциям, расчленяют по суставам. Дом – утроба, шкаф – пасть с языком створок.

Канва категорий и ткань опытного знания

Кант долго выравнивает площадку для трансцендентальной дедукции категорий и прибегает в преддверии ее к разным образам. Знания образуют пеструю **ткань** понятий (*vermischte Gewebe*; *gemischte* — смешанный — дурной признак, не арийская кровь). Априорные понятия — очевидно, канва, по которой потом опыт вышивает, но должен придерживаться воли предварительных предначертаний. Однако в готовой ткани знаний все места заняты нитями цветных эмпирических понятий: они все места захватили и владеют ими сейчас де факто (юридический вопрос о владении — *Beizitz*, актуальный в третьесословном обществе). А поскольку белые нити канвы — белая благородная кровь понятий а priori — в готовой ткани вытянуты, то их нет здесь, где ничего, опричь опыта и эмпирических понятий, вроде нет, все они пространство заняли; доказать себя из опыта они не могут — свои права на владения и что мы тоже пахали.

Так аристократ, изгнанный буржуем с исконной земли, — шныряет в обществе как изгой и люмпен, умная ненужность типа русских «лишних людей», которые тоже — такого рода трансцендентальные понятия а priori, вытесненные жирными эмпирическими понятиями — купцами, парвеню, из опыта, и повисающие в воздухе: «Они относятся к предметам вообще без всяких условий чувственности (зримой пользы, понятной выгоды, корысти. — Г.Г.) и так как не основываются на опыте (деле, занятии, службе. — Г.Г.), то не могут указать даже и в априорном наглядном представлении никакого объекта, на котором основывался бы их синтез до всякого опыта (как князь Мышкин, явившись к генералу Епанчину, сам объясняет, что никаких обоснований к нему придти у него нет, ибо дальнейшее родство с женой Епанчина, т.е. эмпирическая, понятная генералу зацепка, конечно, не причина на том трансцендентальном уровне, на котором князю надо себе и Богу объяснять свое поведение. — Г.Г.); поэтому они возбуждают не только подозрения относительно объективного значения и границ своего употребления (вес князя Мышкина в обществе: вся его поклажа, доказуемая эмпирия — узелок. — Г.Г.), но и делают даже сомнительным (*zweideutig*) вышеупомянутое понятие пространства» (с. 81). Т.е. и предков своих задним числом делает сомнительными. Так и Дмитрий Карамазов в запутанной сети дела не мог привести на суде ни одного весомого свидетеля, доказательства факта, справки что не убивал он отца (см. книгу Я.Э.Голосовкера «Достоевский и Кант»...).

Возвращаясь к образу ткани: права канвы в готовой продукции (в опытном знании) обоснованы быть не могут. Но они могут быть обоснованы через воспоминание и рассуждение (дедукцию), что без канвы вышивка состояться именно в этом симметрическом порядке никак бы не могла. Так что они предопределили все, и их присутствие в результате не материальное (нельзя сказать, что вот эта красная или синяя нить их представляет), но идеальное — во взаимных отношениях и связях, расстояниях, пропорциях, в каких массы нитей уложены.

Ведь опытное знание — взломщик: начинается с Ein-drücke — «вжимов», «впечатлений», которыми дверь в дом познания впервые открывается (die ganze Erkenntnisskraft... zu eröffnen — s. 104); но это открытие двери извне — лишь повод, чтобы изнутри рванулись ухваты трансцендентальных понятий и все входящее переколошматили и на свой лад перестроили. Значит, они до работы и кутерьмы опытного знания готовы и налицо не как знания, а как строй возможного знания, структура возможного опыта вообще.

Если впечатления вламываются в дом, без понятий, то так и кишат они там хаосом, где красный цвет грудки снегиря соединяется не с формой птицы снегиря, а с пуговкой красненькой на пальтишке девочки, — да и то это я уже соединил, а там вообще не соединенные плавают впечатления. Чтобы из них образовался предмет, мало, чтобы снегирь и девочка в окошко попали: от этого красная грудка с клювом не соединится, — важно, чтоб в нас была заранее возможность соединить разное (клюв, краска, полет) во единое целое: идея — ухват предмета вообще; чтоб в нас предопределена была возможность синтеза. Тогда из впечатлений может возникнуть знание.

Ведь мало ли чего нам на глаза и на кожу поступает, что мы воспринимаем, но не понимаем! И перед Аристотелем была зелень растений, но не собрались зелень, свет и сок в единое понятие «хлорофилла». Может, и сейчас сигналы с другой планеты разумных существ об стенку нашу бьются, а мы не соединяем их в язык, в целое, систему знаков.

Но это все — частные предметы и понятия. А до них, как их предпосылка, должна быть в нас структура предмета опыта вообще — как план до дома, куда ощущениям собираться. И эта структура выстраивается, выкладывается из материала трансцендентальных понятий а priori. В отличие от эмпирических понятий они благородны (edel), а благородство их крови, их достоинство (Dignität) состоит в излюбленной в германстве **необходимости**. Без этих инструментов, «ухватов», в деле познания никак не обойтись, так как много кругом действительного — но лишнего, случайного... Они своим поведением, как волей силового поля электромагнитной индукции, создают из

потока ощущений твердый «противостой» — Gegenstand, который и останавливается перед ними как объект знания. Вот почему эти ухваты, хотя они из нас, из субъекта возникают, — имеют объективное значение, ибо творят объект опыта, участвуют в его возникновении и определении из хаоса и потока.

На эту счастливую мысль, «что, пожалуй, рассудок с помощью этих понятий сам может быть творцом опыта, в котором являются его предметы» (с. 84), — не натолкнулся Давид Юм и оттого впал в скепсис и безнадежность на счет объективной значимости нашего знания. Ни Локк, ни Юм не заметили в опыте канвы трансцендентальных ухватов, и оттого один (Локк), смешав их с эмпирическими понятиями, «широко раскрыл двери мечтательности» (все образом дома Кант оперирует. — Г.Г.), а другой, заподозрив, что что-то в опыте не то, отверг вообще объективную значимость его выводов. «В свою очередь мы хотим испытать теперь, нельзя ли счастливо провести человеческий разум между этими двумя подводными камнями (Klip-phen — «риффы»: образ из английского мореходного бытия навеян разговором Канта об английских философах; да к тому ж и сам он, по деду, — выходец из Англии, шотландец: недаром все так на английскую мысль смотрел и ориентировал. — Г.Г.), указать ему определенные границы и тем не менее сохранять для него открытым поприще (das ganze Feld — «все поле», это уж образ германца-земледельца: и поле, и границы жизненного пространства. — Г.Г.) целесообразной деятельности его» (с. 85).

О поле Кант постоянно говорит: «Читатель раньше, чем он делает хотя бы шаг в области (Schritt im Felde — «шаг в поле») чистого разума, должен быть убежден в неизбежной необходимости (вот она опять, германская рыба всплывает. — Г.Г.) такой трансцендентальной дедукции, так как в противном случае он будет действовать слепо и, проблуждав в различных направлениях, принужден будет вернуться к тому же состоянию неверия, с которого начал. Он должен также наперед ясно усмотреть неизбежную трудность дела (любимую германцами — руки на нее у них, для кого «в деянии начало бытия», чешутся и слюнки текут. — Г.Г.), чтобы не жаловаться на темноту (Dunkelheit — любима, ибо связана с глубиной. — Г.Г.) там, где сам исследуемый предмет глубоко (вот она, глубина!) сокрыт (tief eingehüllt — «глубоко окутан»), или чтобы устранение препятствий (Hindernisse — от hinter — «за», букв. — задницы, «запятствия», т.е. опять темнота; русский термин подчеркивает — «перед» и свет, на глазах. — Г.Г.) не утомило его слишком рано (а германцы любят это дело, сам Кант признавался: где другие проходят гладко, для него возникают Альпы проблем. — Г.Г.), так как перед ним стоит дилемма или

довести это критическое исследование до завершения, или совсем отказаться от всяких притязаний (опять вопрос о праве — но уже о праве философии вообще на свой предмет речь идет. — Г.Г.) на знания чистого разума в излюбленной философами области (beliebteste Feld — «любимейшее поле»), именно вне границ всякого возможного опыта» (с. 82).

Так что это Кант своей реформой спас предмет философии, уведя его от наглого натиска парвеню опыта и естествознания — в трансцендентальный дом и вакуум.

Хватка понятия в поездке опыта

12.X.68. Начинается дедукция: сказ-раскрытие древних тайн. «Три суть издревле выпрыгнувших (ursprüngliche — выбивших) источника (Quellen — родника) или способности (Fähigkeit — к Fachen — к изготовлению, к труду, ремеслу) или имущества (Vermögen — достояние) души (Seele)». Итак, из «водяной» (Seele) выбивают три потока, «а именно: чувственность (Sinn), сила воображения (Einbildungskraft) и апперцепция» (с. 110).

Apperception — с латинского capio — брать, хватать; per — чрез, сквозь; ad — к; букв.: «к-чрез-хват» — близко к Begriff — «схват», обхват, ухват; недаром апперцепция через чистые понятия, категории осуществляется. Однако, если в германском термине Begriff сразу целое описано, опоясано (be = o, об), то в латинском средиземноморском — выхват чего-то из бытия, без мысли о части иль целом: «к-чрез» = целеустремленность римская и путь, воля воинственная, а не трудовая, которая, чтоб изготовить, целое должна представить.

Итак, трое детей у германской Души — водяной: Чувствуй, Воображай, Хватай. Они заведуют всякой возможной «поездкой» (Erfahrung — опыт) в бытие, составляют его «овещности» (Bedingungen — условия): на них только можно в опыт въехать. Но в поездке главное — не расплыться: среди многих и разных мест, вещей, времен — быть самим собой и к тому ж магнитом, способным собирать встреченное многое в себя, к своему единству, а не расплаться в пространстве, куда меня понесут.

Ведь могу же я, встретив дерево, так им очароваться, что из меня вся древесность, что в моем составе (скелет = ствол, конечности = ветви, лепестки легких, травы волос), почуяв родное, выпрыгнет и с деревом сольется; встретив птицу, я крылатость и воздушную природу свою почувствую, и та часть, которая во мне стихию воздуха пред-

ставляет (легкие, гортань, газы-ветры из задней трубы), свое причастие к воздуху ощутив, отлетит; очаруюсь креслом Людовика Каторза «без памяти» — и там часть души моей останется, ибо не заберет память это кресло с собой, а, напротив, кресло память мне отшибет, кусок ее отломит и там, в Лувре, и оставит, а я все беднеть и беднеть, рассыпаться и рассеиваться буду; и к концу поездки (Erfahrung — опыт) всего меня вещи растрясут, выпотрошат и в бытие развеют — назад в рассеянное бытие из воплощения.

Чтобы этого в «поездке» не случилось, крепка во мне должна быть «хватка»: чтоб не меня растягивали и расплывали своими магнитиками вещи, снимая с меня скальпы оболочек и фибр (как с демокритовых предметов оболочки-образы истекают), но чтоб, напротив, я был мощным магнитом, что способен оболочки с вещей встречаемых снимать и в себе утрамбовывать и сохранять. Итак, единство «я» — условие того, что **может состояться** опыт, поездка в бытие с возвращением (= знанием), а не просто отлетание в бесконечность и там рассеяние. Знание есть именно выпад с возвратом, приведение бытия к себе, освоенное, стягивание его.

Из первоначального единства апперцепции, т.е. из того, что **есть** это единое жерло, бездонная прорва *Innere*, «я», нутра, куда встречаемым в воззрении и опыте ощущениям и вещам собираться и въехать, т.е. из цельности «я», — возникает целостность встречаемых впечатлений, их собор в тот или иной «противостой» *Gegenstand*, предмет, на который этот принцип соборности и единства изнутри нашей души — переносится и так образует предмет; так что в этом ракурсе и рамке — предмета вообще — все встреченное воспринимается и укладывается. «Если бы всякое представление было чуждо другим представлениям, как бы изолированно и обособлено от них, то в таком случае никогда не возникло бы ничего подобного знанию, так как знание есть целое подвергнутое сравнению и связанных между собою представлений» (с. 87).

То же самое и во времени: я должен иметь способность быть соборным воедино, несмотря на его ток, вопреки ему, и в противодействии удерживать свое целое: тело, «я», душу, характер — и все это с помощью памяти: тела, сердца, «рассудка памяти печальной». В самом деле, в поездке (Erfahrung) опыта я ж могу быть растрясен на пунктиры мгновений — под стук колес, стыков и шпал — и «по шпалам ляп ду-ду!» — атомы и кванты моего существа так бы и оседали, и все мгновенные ощущения, впечатления — в окошко б улетали, повесясь — то на колоколенке, то на речке, то на мосточке, то на коровке. А отсюда, из моей целостности вопреки времени, налетающие со

скоростью света рассеянные впечатления могут быть мной остановлены, пришиты друг к другу и уплотнены в относительно постоянное и устойчивое представление: вот **это сосна**, а не калейдоскоп: коричневое, столб, шелест, иголка, высокое, чирикание на ветке и т.д.

Представление — есть статья, «встать смирно!» — т.е. война со временем, отпор ему, которое уносит мгновения и ощущения в расхристанном потоке — «дхамм», по-буддийски: движущихся частиц-элементов-квантов-мгновений. В Индии не настаивалось на этом первоначальном синтетическом единстве апперцепции, что в нас имеет свое седалище, — и допускалось дхаммам раздергать человека: он отдавался на истязание, истончение и съедение этому потоку, не было ему противовеса в «я», в его устойчивости, поскольку и «я», «душа», их устойчивость — иллюзия, и они тоже подлежат рассеянию. Оттого и потоки не собирались в устойчивый противостой-предмет.

Отсюда и получилось это хваленое индийское отличие от мировоззрения «Запада» — отсутствие деления на субъект и объект: ведь и тот, и другой — иллюзии устойчивостей, а на самом деле — слиты, пунктирны и рассеяны в потоке. Там выход — не в хватании (*Begrift*) и останавливанье мгновения в *Gegenstand* (предмет) через *Verstand* (рассудок) (как у Фауста Гёте высшая задача — остановить Мгновение: «продлись, стой!»), не в удержании внешнего, но в удержании духа от всякого контакта и с внешним, якобы «чужим», и с внутренним, якобы «собой», — и так поток сансары и цепь рождений будут остановлены.

Выходит, и в германстве деятельность и познание, и в Индии транс и йога — к остановке потока бытия направлены. Но в германстве это через *Begriff* — хватание и ввержение во внутрь — в *Inhalt*, содержание внутри нас в разных *Verhältnisse* — «передержках» — отношениях, в тюрьме дома нашего и (умо)заключении, — так удерживается бытие от движения, через напряжение воли и схватыванье со всей силой ума иль влюбления («Мгновение, **прекрасно ты**, продлись, стой!») какого-то уступа (предмета, устоя) в колесе бытия вне себя, четко их различая и противопоставляя: *Innere* и *Aussere*, — палку эту прямую проводя от «я» к возлюбленному предмету, радиусом этим и осью бытие пронзив в одной точке, — все его колесо остановить: палку ему в колесо воткнув. То есть через учет и предельное различение множества частей, чинов, предметов и определенностей в целом.

А в буддизме остановка потока — через мой выход из потока, игнорированье круговращающихся множеств; тогда они и гаснут, если их не замечают: и точки, и формы, и орбиты блекнут, рассеиваются — и вот нет и рамки колеса, где всему вертеться, и наступает озарение, пребывающее, неизбывное.

Итак, Кант в трансцендентальной дедукции категорий вступает в схватку со **Временем**. Этот эпизод в кантовой книге **Бытия** — как ночь, когда **Иаков** боролся с **Богом**. Потому и исключил этот эпизод Кант из второго издания, чтоб и память об этом кошунстве покушения изгнать. Но как нам пройти мимо этого места, когда здесь дух захватывает от мощи мысли и метафизической глубины ея?! Тут Логос против Хроноса — и в итоге преобразуется сама арена их битвы: из Хаоса возникает, сотворяется Космос. Синтез и есть это волевое цепляние багром двух представлений-мгновений в потоке — и их удержание на месте, в единстве. Анализ же, скорее, напротив: угодлив ко **Времени** — ибо дробит, как и оно, на мельчайшие частицы и так и оставляет их одно рядом, вслед за другим в рассеянии — не собранным, забыв родство свое и единство исконное.

Синтез же есть регресс, вспять, воззвание к родству исконному, опаматованье слепков, оболочек, представлений в потоке, — чтоб восстать и воспрянуть из покорной и вялой отдачи на волю волн и стихий. Кантов синтез и установление в бытии крепости противостоя, *Gegenstand*, — это восстание, сродни галльскому штурму Бастилии, где подобное же метафизическое дело делали, только одержимые идеей прогресса.

Три подмастерья: Чувствуй, Воображай, Хватай

И поскольку три источника из *Seele* — водяной истекают (только течение в них обоюдонаправленное: для опыта — они источники, к нему текут. Для знания — они приточники, в-точники, с-точники: извне во внутрь приносят и удерживают представление в синтезе), этот синтез осуществляется на трех уровнях, тремя разными способами: Чувствуй, Воображай, Хватай. Старший — Чувствуй. «Откуда бы ни происходили наши представления, производятся ли они влиянием (*Einfluss* — «вток») внешних вещей или внутренними причинами (*Ursachen* — «древними поисками дела» — вытекание изнутри наружу. — *Г.Г.*), возникают ли они, как явления, а priori или эмпирически, все равно они принадлежат, как модификации души (*des Gemüts*), к области внутреннего чувства (*innern Sinn*); поэтому все наши знания в конце концов подчинены (*unterworfen* — подвержены, подброшены как подкидыши. — *Г.Г.*) формальному условию внутреннего чувства, именно времени, в котором все они должны быть упорядочены, приведены в связь и в отношения. Это общее замечание должно быть положено во всем дальнейшем исследовании» (с. 87).

Это значит, что все формы и категории — суть различные когорты и легионы Времени, разные его возможности реализуя, и, ему поддавшись, от него научившись с ним справиться, они становятся инструментами борьбы с ним, совладания. Так, субстанция — это постоянное, качество — непрерывность, и т.д. (см. главу о трансцендентальном схематизме).

Но пока мы на нижнем этапе — внутреннего чувства: здесь мгновения отмериваются и биением сердца. Как «да-да-да» нашего ощущения себя живущими, отгоняющими своим тиканьем сомнения, которые в пустотах, тире, — на этот счет. Так вот — отлетают миги тут же щепами, или способны однородные ощущения нанизываться, прилепляться друг к другу, образуя устойчивое ощущение «красного» а не серию беспамятных раздражений зрительного нерва? Отлетают, отслаиваются — и оттого мы чувствуем многообразие (так, от птицы: форму, звук, цвет — как разное); прилепляются — и оттого мы способны воспринимать целое (овал с острием, карканье и черноту собрать в «ворону» — как единое созерцание).

«Всякое наглядное представление содержит в себе многообразие, которое, однако, не представлялось бы как таковое, если бы душа не различала времени в последовательности впечатлений друг за другом: в самом деле, как содержащееся в одном мгновении, всякое представление может быть только абсолютным единством. Чтобы из этого многообразия получилось единство наглядного представления (как, напр., в представлении пространства), необходимо, во-первых, обозреть многообразие и собрать его вместе (*Durchlaufen und Zusammennehmung* — «пробежка насквозь» и «собрание», «вместе взятие», стягиванье — *Г.Г.*); этот акт я называю синтезом аппрегензии (восприятия)» (с. 87).

Значит, в чувстве — *Sinn* — должны эта рамка, операция и навык быть заготовлены заранее (*a priori*), прежде чем орда ощущений в дом наш вломится, заполонит и захочет бесчинствовать. Эта априорная узда и способность стягивать пунктиры ощущений в точку — миг и тело — и называет Кант «трансцендентальным синтезом аппрегензии».

Но это только начало удержания потока времени. Собранное в синтезе восприятия сырье попадает на обработку в средний цех, где течет химически преобразующая вещество восприятия река Воображения. При восприятии уколы ощущений налицо, и нам надо в их присутствии их тут же одно к другому сортировать и прищипливать, прижимать. Но вот воздействие живой вещи (например, облака) прекратилось. Она уже не присутствует. Тем не менее стянутая цепь впечатлений по имени «облако» в нас сохраняется — как образ, память-склад бывших ощущений: белого, туманного, клубящегося, легкого,

плывущего, и по одному мы мгновенно пробегаем насквозь (durchlaufen) весь комплекс. Была последовательность ощущений — стало сосуществование представлений.

Образ вещи есть тоже синтез; но если в **восприятии** присутствующей вещи синтез — в том, чтоб успеть удержать, отстукать лавину воздействий (так что главное течение извне — в нас), то образ вещи возникает на зыби — оттого, что течение внутрь уравновешено течением изнутри во вне; образ — их встреча и возникает в работе «синтеза репродукции», т.е. воспроизведения: сама эта операция двунаправленна. Поток времени здесь приостановлен, но остановит его окончательно лишь Begriff, «ухват», направленный только изнутри во вне.

Но пока мы еще в зоне действия воображения: «Представления, часто следовавшие друг за другом или сопровождавшие друг друга (gefolgt oder begleitet — как люди ходят: вослед иль рядом, парами, прилипая друг к другу, свитой иль компанией. — Г.Г.), в конце концов ассоциируются (vergesellschaften — «обобществляются»: Geselle — товарищ, друг, подмастерье; германский Burg и цех — модель для бытия кантовых гносеологических единиц. — Г.Г.) и вступают в такую связь, что даже и в отсутствии предмета одно из этих представлений производит в душе переход к другому (как видя одного из закадычных друзей, тут же мыслишь другого. — Г.Г.) представлению согласно постоянному правилу (закадычности, неразлучности, сцепления. — Г.Г.). Это не более, как эмпирический закон, однако этим законом воспроизведения предполагается, что сами явления действительно подчинены такому правилу и что в многообразии их представлений есть сообразные известным правилам сосуществования и последовательность; без этого наше эмпирическое воображение не получало бы ничего для деятельности, сообразной с его свойствами и следовательно, оставалось бы скрытым в недрах души, как мертвая и неизвестная нам самим способность» (с. 88).

А много, вероятно, такого в шахте Innere таится, в темени глубины, а мы там сейчас: начиная операцию трансцендентальной дедукции, Кант предваряет ее вступлением «Vorläufige Erinnerung — «предварительное внедрение»: «воспоминание» по-немецки — «овнутрение»⁷⁵.

⁷⁵ «Дедукция категорий связана с такими трудностями (Schwierigkeiten — «тяжестями»: сильнее здесь зов гяги земли и глубины звучит, нежели во внепространственном слове «трудность». — Г.Г.), она заставляет (nötigt — принуждает) так глубоко (so tief) проникать в первые основания возможности нашего знания вообще (в шахту внедряемся. — Г.Г.)... Поэтому пусть читатель не пугается пока неясностей (Dunkelheit — темнота в шптреке, пока не привыкнешь к внутреннему свету трансцендентального излучения, идущего из нас. — Г.Г.), неизбежных первоначально на еще вовсе не проторенном пути...» (с.87).

«Если бы киноварь была то красною, то черною, то легкою, то тяжелою (Zinnobet — как человек-протей из гофмановских персонажей. — Г.Г.), если бы человек принимал образ то одного, то другого животного, если бы в самый длинный день в году земля бывала то покрыта плодами, то льдом и снегом, то моя эмпирическая способность воображения не имела бы даже и повода воспроизводить при представлении красного цвета тяжелую киноварь...» (с. 88).

То есть эмпирическая способность воображения на опыт и на себя опираться не может, а сама должна на внутренний невидимый устой в нашей душе опираться, а именно — на потенциальную операцию такого синтеза. «Мы тотчас же согласимся с этим, если вспомним, что явления суть не вещь в себе, а лишь игра наших представлений, которые в конце концов суть определения внутреннего чувства» (des inneren Sinnes auslaufen — «из внутреннего чувства выбегают» зайчики-блики-блестки Erscheinungen, явлений, на игру, маскарадные, пестрые. Ясно, что сначала правила, условия игры должны быть, чтоб игра могла состояться. — Г.Г.)» (с. 88).

Радуга сверхидей и национальный спектр

14.X.68. Вчера толковали с возлюбленной отроковицею⁷⁶.

Начала она допытываться: «Что же есть истина?» — чтоб рассудить. Я, было, отвел: ведь из аксиом это, так что рассудить нельзя, и доказательству не подлежит. И свернул на интуитивное толкование — через цвета: «Давай соединим основные идеи с цветами». И получилось так.

Бытие — серое: рассеяны все цвета — потенции.

Истина («естина»: Бытие как оно человеку открывается) = свет (белое).

Эрос (воссоединитель частей между собой и с бытием после его раскола; преодоление смерти = частичности своей) — красный (цвет огня).

Бог — золотое (желтое) — цвет солнца.

Истина (то есть Бытие в его ревелации-откровении человеку) + **Эрос** (воссоединение через Любовь: и Бога любят, и он любит) = **Бог**: белое + красное = золотое.

Природа — зеленое.

Власть (могущество, сила) — синее.

Ну а черное — что? Оно осталось из основных цветов.

⁷⁶ Так жену. Светлану, я воспринимал. Она на 12 лет меня моложе, и повелось между нас: ей — называть меня «Пап(к)а», мне ся — «Детка». — 22.6.96.

Черное – тьма, цвет **Хаоса**, ночи. Ну да: из того можно это заключить, что по космогониям Хаос после организации мира в Космос светоносными богами становится адом, Аидом. А это – чернота. А возникает – как осадок Бытия: в «рассеянном бытии» – сером, когда начался раскол (активность), то вниз осела крепь, вещество, темень, а вверх взметнулся свет, прозрачность. Черное – цвет плотного вещества «черного солнца» – брат ясного, когда оно ушло в вещество, плоть, крепь (креп – черный) и материю. Так что смерть – это просто переход в иное агрегатное состояние.

– А цвет Цивилизации, Общества каков?

– Коричневый, – сказала отроковица.

– Хорошо, совпадает: у меня Цивилизация – Труд = «огнеземля».

Благо – розовое, цвет зари (Истина + Эрос, как и Бог).

Дух – голубой – прозрачный (?)

Религия – лиловое (с порчей греха, католицизм...).

Это уже пошло менее обязательно. Но главные цвета, похоже, распределили правильно.

Отсюда – о национальных космологических выводы.

В России преобладает серое: небо, день, земля, грязь... И одежду любят серую, и заяка – «серенький», нежно любимый; и волк – «серый», и лошадь – «сивка»; седой – серый (полубелый). Цвет простоты и скромности.

Также и белое: снег, зима; в бедизне = в истине зимой купаемся, окутаны истиной, как покрывалом. И смерть ямщика в степи под метелью (ср. также и Мусоргский – «Песни и пляски смерти») – это саван (ср. Блок: «В самом нежном, самом чистом саване Сладко ли спать тебе, матрос?»).

Зеленое – русский лес, растительная природа: человек здесь – растение, дерево (недаром – «деревня»).

И голубое – небо (не синее, прозрачное) – цвет Святого Духа.

Нет красного⁷⁷ – Эроса, крови, животного огня, страсти; есть бытийственное равнодушие.

Нет синего – моря, неба, густоты, власти; сила здесь рассеивается – у чужеземцев: у синих французов и коричневых германцев. А очень точно по национальным космосам распределены цвета: французы, их зона – история, государство, борьба за власть, их орбита – синее; германцы – деятельность, труд – «огнеземля» – коричневую рубашку на них космос надел⁷⁸.

⁷⁷ По отсутствию – и завидно оно: все пре-красное означает этим цветом: «солнце красное», «красна девица», «Красная площадь»... А «прекрасное» есть суперлатив Красного – 22.6.96.

⁷⁸ Основной тон Рембрандта – коричневый: теплый тон помещения, а не пространства, тон внутренней жизни. А Рембрандт – германец – Ван Рейн (=«чистый»), так же, как и другой Ван – Людвиг.

Но нет и золотого: русскому народу незачем быть «богоносцем», так как он среди народов – «бытиеносец», *par excellence*.

Да, как ни усердствовали русские тео-мыслители, все ж неглубоко вера в Бога в русском народе сидела: недаром так легко с ним после революции расстались. Не коренна религия здесь. И верно: ведь *re-ligio* = «вос-соединение»: предполагает энергичный раскол бытия и отпадение частей от целого, в частности, человека – от бытия, замыкание его в своеволие и гордыню «я», личности.

Но в России как раз налицо само рассеянное бытие – серое, а раскола его здесь, почитай что, и не было: потому все неопределенно, аморфно, расплывчато, без граней; лишь акварельно намечаются части бытия: существа, предметы, люди, идеи – то ли вещь это, то ли прообраз вещи, идея платоновская? Люди – легки, в полусне: чувствуют то ли себя, то ли идею себя? Плоти плывут рядом с облаком-идеей каждого, как в нимбе. Не плотно существование, и воплощение не тяжко и не вязко. Потому нет и отпадения от Бога, черноты греха, нет и взрыва-напряжения раскаянья, что так страстно сильно в христианстве, сложившемся в космосе ярко определенных цветов – на юге Средиземноморья (одна его грань – синь, сила, власть: Рим – Кесарево царство), на севере Африки – черной. На Юге, под золотом жгучего божьего глаза – Солнца, на красноземе Земли-Страстотерпицы, пламя Эроса жгуче.

Все напряжение христианства ослабляется с его продвижением в космос Руси, ибо контрасты и резкие определенности существ, цветов, идей, проблем истаивают, ослабляются – в серое марево бытия; как назад возвращаются здесь из воплощения души – потенции, побывав в существах, вещах, во плоти, в веществе.

Так что миф мой о **воплощении рассеянного бытия** и обратном рассеянии можно представлять не только сверху – вниз – вверх, но и с севера на юг и на север. Наиболее сильно чувство греха в людях юга, ибо здесь космос наиболее плотен: оттого там зона возникновения мировых религий (христианство, буддизм, ислам, иудаизм, зороастризм и др.) – на юге субтропиков, не доходя до зоны полной черноты и уже бесчувственности и беспамятства о белой истине (хотя серому = бытию черные равно так же причастны). Среди желтых, смуглых, кто на перепутье, – больше всего Бога (его цвет тоже золотой), чьим именем и цветом-солнцем заклинаят как угольную черноту низа мира, недр Земли, – так и саван небытия (снег и зиму Севера), белизну холодной истины. Потому здесь Эрос, Любовь против холодного рассудка, и здесь очаг мистических учений (мистерии Кибелы, Астарты, тантризм, манихейство, богомилы, альбигойцы и т. д.). Естественного белого цвета здесь жизнь не дает (как в России кругом образцы породы Бытия: в снежинках-звездочках зимой небо звездное на земле), он лишь искусственно добывается трудом (хлопок, ткань белая) и разумом (логика). А естественно здесь дан образец золота – солнце, луч, Бог своей собственной пер-

соной. В России же Бог уступает место Бытию: Бог здесь стыдлив, застенчив, косит, сбоку, в сторонке держится (как солнце большую часть года), подслеповато смотрит его зрак.

Космическое призвание России и Германии

Несколько ниже и южнее России — Германия. Здесь тоже близко к Бытию — серому, но оно не сухо, воздушно и близко к свету-снегу истины, как в России, а водянисто: серость здесь — туманность. Потому и исходящая из рассеянного Бытия на воплощение монада называется здесь не «душа» (от «воз-дух»), как в России, а Seele — «водяная», капля. И люди здесь тяжелее, пиво пьют, от которого, по словам Алексея Толстого, «гонит в сон (= в туманность рассеянного бытия) и в мочу» (= обожженную внутренним огнем, который сквозь нашу вертикаль проходит языком пламени, горелую воду). Русские же пьют водку — белую, прозрачную, как истина; и если *in vino veritas* («истина в вине», *лат.*) в романском цветном космосе, в вине цветном, определенном как *veritas*, т.е. та ипостась истины, которая ближе к **вере** (т.е. не тому, что есть, а что человек в бытие вкладывает, от себя добавляет какую отсебятину: так в вино, естественный продукт природы, добавляется человеческий труд и смысл), то в водке — **естина**, бесцветный спирт — *spiritus*, дух.

В германстве золотой Бог христианства неизбежно должен был преобразование претерпеть, что в реформации Лютера и произошло: Бог посерел (вместо золота и цветастой живописи Средиземноморья — черно-белая графика Дюрера); от Бога приблизились к Бытию, но, в отличие от России, не «рассеянному», а четко расколотому на белое (истина⁷⁹) которая здесь, в отличие от интуицио-мистической зоны возникновения религий, не страшна: не белый саван, а чистый разум, логика; отсюда — развитие философии, искусственного света, лучом чьим прорезать туманность) и черное (чорт, Фауст, Люцифер = «светоносный» ведь тоже, любимый Яковом Бёме). Жесткость раскола Бытия, отграниченность вещей — сказывается в чувстве формы (Кант), границы, определенности — от изготовления в труде частей целого, и целое-единое, и части здесь остро чувствуются.

⁷⁹ Бога здесь заменили Абсолютной Идеей, идеей «совершенного существа», т.е. чем-то, что более рассудочно, нежели религиозно. Поэтому «протестантизм» — как протест, от «против»-ления (как и многое в германстве: «предмет» — *Gegen-stand*, «присутствие» — *Gegen-wart*), более убийственен для христианства, нежели католицизм.

Мир здесь обезлюбел, пошел в спячку — к до-Эросу. Ну да: Эрос — ведь уже воссоединение расколотого Бытия, а сам раскол чем творится? Враждой (см. Эмпедокл, у кого Любовь и Ненависть — пара, организующая все), силой, волей, деятельностью. Ну да: недаром в германском космо-логосе in Anfang war die Tat («В начале было Дело») — слово, которое звучит, как треск раскалываемого бытия, его разруб и образование щели и пропасти — Tiefe (тоже от «Т») — глубины, которую любить и заполнять. Нигде не заявлен мир как воля и деятельность так, как в германском космосе, где все — **стать** и трудовая вертикаль: и Stadt — город, и Staat — государство, и Gestalt — установка-образ, и Verstand — «обстой»-рассудок, и Gegenstand — «противостой»-предмет, и Vorstellung — представление, и «дозволять» — это gestatten = дать место, чтобы встать, и т.д.

Пафос вертикали человека, стати, гордыни, восстание богоборчества здесь наибольши. Недаром здесь родилась теория, что вертикальная походка и рука-труд сформировали человека, тогда как, по англо-саксу Франклину, человек — существо, изготавливающее орудия труда, но место, направление не подчеркнуты.

Итак, вот что важно очень: близость России и Германии в том, что обеим им родно Бытие — серое; но в России оно — рассеянное: еще до раскола и становления определенных частей, форм, существ, лиц, индивидов; в Германии ж акт раскола рассеянного бытия совершается пуше, чем в других космологосах Земли, и здесь он наиболее резок и осмыслен: и мысли, и формы, и слова ему найдены, и звуки этому катаклизму — в симфониях = «созвучаниях», в фугах = «бегствах»: тоже все деятельно-волевые жанры звучаний. Ну да: не случайно Германия — страна величайшей музыки: раскол бытия — разве беззвучен? Непрерывно внутренний треск и стук в германской душе отдается, но, проходя по этому избранному сосуду-арфе и по трудовой кузне, — гармонией инструментальной (не естественно-природной, вокальной) музыки выходит.

И в истории человечества Германия — орудие раскола. Сама сначала расколота на сотни феодальных государств; затем в сердце Европы трещину и щель непрерывно форсирует между Западом (Англия и Франция) и Востоком (славянство), между Севером (Англия, Скандинавия, Россия) и Югом (романские страны, куда лезли германские императоры во времена Священной Римской империи). Она учиняет скрежет и треск войн мировых. Если в Эллинстве раздор был шар — яблоко, то здесь раздор — щель и меч, луч, вертикаль — Tat. И в церкви раскол и реформация отсюда пошли: Лютер раньше гугенотов...

Так что космогоническая функция Германии — раскол бытия — уже не рассеянного, а собравшегося в целое, ибо рассеянному — рано раскалываться: ему еще надо собираться в единое целое. Потому в России основная идея — собор, соборность, собрание, совет — все «со», все «один за всех, все за одного»... А в Германии основная идея — воссоединение частей в целое (и сейчас две Германии); но как целое станет — тут же снова расколется, ибо полюса Востока и Запада ее тянут и разрывают посередь.

Потому Германии и России принцип тотальности близок — и сходные режимы возникали. Однако в Германии тотальность напряженная, волевой скол из раскола — и из отказа от личных волей индивидов энергия на скол притекла. «Национал-социализм» ценит социум-общество, т.е. не бесконечно-безбрежное бытие, а компактность нации, систему, мир как наше целое. А в России «коммуния» — собор вселенского бытия, мировая революция. Однако напряженности здесь в строе государственном нет, ибо государство (и его принципы: самодержавие, централизм — тут естественны) есть необходимый сборщик рассеянного бытия, как Иван Калита — **собиратель** земли Русской.

Да и части, индивиды в России — не напряженно самовольные личности, а мягкие, рыхлые, бесхребетные, сыро-земные, легко-воздушные: широта души нараспашку — так птицей, крыльями и взлетит. Так что гирьки ей (крепостного права и прописки), которые государство привязывает, не помешают: чтоб все же заземлялось существо, на воплощение и труд шло, а не глядело бы все назад — в рассеянное бытие, куда все равно чрез трубу стакана водки взлетает временно (как курица через плетень перелететь может); но и этого достаточно бывает, чтоб воз-духу и духу-спиритусу хлебнуть — и опять выносить некоторое время гнет и тяжесть заземления, воплощения, труда и социальности.

Вся Русь ходуном ходит, вбок-вверх, воздушно-летуча, никак не нальется народ на ней плотным веществом, чтоб осесть уж, — как ее ни тянут за стропы самодержцы, которые все — воплощенные гири, из плотного вещества бытием изготовлены: «Грозный» — черный, чорт, давящий; «Петр» — камень, по-гречески; Николай «Палкин»; «Сталин» — сталь (с плеядой орудийных мастерков: «Молотов», «Свердлов», «Каменев», «Троцкий» — от немецкого *trotz* = «вопреки», их принцип «противления», и т.п.) — все стержни мужские на бабу Россию: она — женщина, мать-сыра земля.

Ну да: русский — «Народ»: не вы-род, не из-род, т.е. не идею глубины, возникновения из недр, а идею поверхности «на» подчеркивает. Народился на Руси народ — но, значит, не срашен с матерью-сы-

рой землей. Вот его, по просьбе России — матери Родины, другой ее сын — Власть, государство — и закрепощает: сверху по кумполу бьет, чтобы не взлетал летун, а на месте сидел. Так что крепостное право в России возникло как метафизический инструмент становления русского космолога, а именно: его воплощения, овеществления духа, заземления стихий воздуха. Да: народ еще в России = воздушен, воздух (СВЕТЕР = Свет + Ветер — мой неологизм последующего времени. — 24.11.96); сама Россия = земля-вода («сыра земля»). А государство, власть здесь = огонь. Так по стихиям распределяются основные персонажи русского космолога.

Раскол Бытия и трансцензус

Но вернемся к Германии. Итак, раскол бытия непрерывно в сосуде души-водяной (Seele) гулко отдается; отсюда сухой треск-шум раскола переливается в музыкальный звук. Ибо музыка = воздушная вода. Треск, шум слагается из земли и воздуха — от просто удара. Музыкальным же удар становится, если распространяется волнами, т.е. принимает на себя природу воды, проходит о влажное: струну — жилу=сосуд крови, кожу — барабан... — словом, чрез живое: животное иль древесное (как деревянные инструменты). Ведь есть звуки за пределами нашего восприятия: ультра, инфра-звуки. Меру же нашу человеческую дает влага, кровь: через пустой сосуд звук свистит, через полновлажный — гудит, гулко отдается. Капля, падая, **звенит**, а пузырь, искра, лопаясь, — **трещат**. Когда «стучит в висках» — готовится раскол, трещит голова; когда ж «в ухе звенит» (т.е. музыкальный строй бытия, космоса, музыки сфер), тогда готовится со-бытие.

Ну да, вот главное: музыкальный звук становится в космосе: когда бытие образует строй, на определенных расстояниях (октавы, квинты, кварты, терции, секунды) отстоят друг от друга орбиты планет, сферы, образуя гармонические соотношения волн (понятие из стихии воды, жидкости, эфира); а шумовой звук — звук хаоса или труда, ургии: звучание самой кузни, где из хаоса расколотого бытия выделяется космос, единое целое. Кстати, роль Эроса — воссоединителя в германстве выполняет Труд, деятельность; оттого здесь -ургия занимает то место, что в эллинстве -гония.

Итак, Россия — до времен, они еще не начались (см. «Философические письма» Чаадаева: «у нас нет истории»), ибо она — рассеянное бытие. Германия = первый акт бытия — раскол, возникновение Времени как пульса частей. (Сходно и в эллинской космогонии: как

плод раскола бытия на небо и землю = Урана и Гею — рождается Хронос=Время. (Правда, А.Ф.Лосев мне в беседе указал, что Кронос не тождественен Хроносу. — 24.11.96.).

Время, бия в нас тактами дыхания, пульса сердца, в форме нашего туловища — сроком жизни в 70 лет, как у сосны — 300, а у камня — миллион лет (форма и суть каждого существа, части мира — таит в себе predeterminedенное время и потому переводима на него; так что можно сказать: **форма** вещи, существа **есть их срок**), — нашу причастность к целому бытия отстукивает и напоминает. Время — представитель целого в частях: чтобы они именно частность свою создавали, партикулярность, не зазнавались бы, чуя свою конечность и смертность, тянулись бы к восстановлению в целое бытия, где времени нет (не началось или «больше не будет»), но — Вечность. Так что Время — сваха Эроса: толкает существа-части на любовь друг ко другу, и в притяжении два осколка, став целым, выходят из тока Времени, забывают о нем, выходят — в Бытие.

О, это мысль! Что Время в нас — как пульс, что в живом бьется, — для того, чтоб *emento mori* («помни, что умрешь», *лат.*) = помнил ты о целом, откуда вышел и куда вернешься. Потому Время — сосед и спутник Истины (ведь и истина = «естина»: дана нам от бытия, чтоб ее = его искать **жизнью** своей). Понятно теперь, отчего Кант все гносеологические категории (понятия- «ухваты», призванные зачерпнуть истину) наполняет, как материей и веществом, — Временем, разными его ипостасями, ритмом, током: субстанция = «постоянство», качество = «непрерывность» и т.д.

Итак, после раскола Sein (бытия) и рождается Zeit (время), ритм, двоица. (Кстати, Zeit тоже слово-раскол, расщеп, как Tat, в отличие от звона Sein). И в сонатной форме принцип — раздвоение бытия на главную и побочную партии — части⁸⁰. А у Бетховена и сама тема бывает двоична (как в «Героической»): раздвоение единого на противоположности (излюбленная идея гегелевой диалектики) обнаруживает.

Потому **трансцензус** — «переход» — основная в германстве проблема, что исходен раскол космоса: как перейти с одной стороны чрез шель бездны, глубины Tiefe на другую? Отсюда не анализ дорог, а синтез. Ну да: чего расщеплять еще умом (анализ производить дотошный), когда и так раскол бытия налицо: само оно анализ произвело!/? Одна-

⁸⁰ Вот показатель аморфности вещей и идей в русском космосе рассеянного бытия: что «партия» (=«часть» ведь!) здесь мыслится всеединой сутью и силой бытия (а ведь *pars pro toto*: когда принимается «часть за целое» — это логическая ошибка), и не задумываются, что партия=часть, так что партийные = «частники» — такое постыдное в русском бытии-обиходе понятие...

ко, надо вглядеться, **как** это бытием сделано, чтобы эти же раскалывающие инструменты употребить на синтез, воссоединение. Потому Кант и заявляет, что теми же ходами рассудка, действиями, какими анализ функций суждения производится, — добываются понятия, ухваты — для синтеза в опыте:

«Та же самая функция, которая дает единство различным представлениям *в одном суждении* (как способе нам, отторгнутым, возвратиться к бытию чрез познание его **истины**, ее воспроизведение на уровне наших умишек; оттого здесь, в составлении истины, — та же операция, что и в токе времени, происходит: отстукивание-различение и плюсование-соединение. — Г.Г.), сообщает также единство чистому синтезу различных представлений *в одном наглядном представлении*: это единство, выраженное в общей форме, называется чистым понятием рассудка. Итак, тот же самый рассудок и притом теми же актами, которыми он, через посредство аналитического единства, создает логическую форму суждения в понятиях, вносит также посредством синтетического единства многообразия в наглядном представлении вообще, в свои представления трансцендентальное содержание, благодаря которому они называются чистыми понятиями рассудка и а priori относятся к объектам, чего не может дать общая логика» (с. 74).

Ну да: та, общая логика, — пассивна, бесстрастна, а трансцендентальная логика, базирующаяся на расколе Бытия, на энергичном Ничто, есть страсть к воссоединению, творческая (т.е. носит уже содержание в себе), есть воля, «поиск дела» — *Tatsache*, субстанция-субъект, и упруго переносит и сцепляет рукой (в *Handlung* — «рукодеяние») части и предметы расколотого мира. Каковы они в себе, когда рассеянные, — не знаем: мы их познаем уже такими, какими они пойманы хватом понятия и зажаты в тиски кулака (*Faust!*)⁸¹ нашей руки.

Какого цвета Время?

— А какого цвета Время? — я спросил сейчас себя — и этим ходом прорвался в некоторый новый этаж Истины. Сейчас расскажу подробнее, как пришел.

⁸¹ «Кулак» — такое отрицательное в России понятие = «жила», «жмот»! В этом сказывается бунт рассеянного бытия против его отвердения, воплощения. А в германстве Фауст — тоже буквально «кулак» — национальный тип, гордость культуры. Здесь почтенно не рассеянное бытие, а его волевой сжим в целое после раскола.

Время? Цвета не имеет: и не свет оно вообще, но безвидность, тьма, ночь. Так что оно — как Хаос, его представитель. А Истина — свет, бела. Значит, когда по рассеянному бытию прокатился удар и оно стало раскалываться, из серого вниз стала оседать тьма, сгущаться, уплотняться чернота: Хаос, Время, вещество, Материя, атом, частица, плотность, плоть; а вверх и вокруг стали распространяться свет, легкость, воз-дух, пустота, поле. Так что Истина = пространство, свет; Время же = точка, тьма.

Но ведь они — соседи, парны (как выше заявлено), вместе появились, и Кант имеет право Временем наполнять категории — ухваты, которыми Истину (Пространство, свет) цеплять. То есть тьмой свет познавать. Германец Хайдеггер позднее вполне в духе германского космолога заявит, что светит тьма, а не свет.

Но Время — внутри нас, проявление Иппеге, его оно пульс и ток. Так что Иппеге в нас = Tiefe — глубина, шель, по которой мы в ад и хаос проникаем: испарения там фаустовы, чернокнижные, клубятся. И русский германofil Тютчев недаром восклицал:

О! бурь заснувших не буди —
Под ними хаос шевелится!...

И именует его «древний хаос». «родимый»...

Время и есть, по Канту, — внутреннее чувство. Под ним, значит, — хаос. Так вот почему русский Толстой услышал в Крейцеровой сонате Бетховена демоническое начало дезорганизующей мир страсти!

И вот что прозревается еще. Русские непрерывно размывают определенности германских понятий, систем. Но они этим ходом к аморфности не в Хаос мир и вещи ввергают, а распространяют и рассеивают Бытие. Толстой начало дезорганизации жизни увидел в жесткой сонатной форме — там, где бытие волей окончательно при-нуждено и смирено.

Так что же: он, русский, — за организацию? Но не за космос, а за бытие. Космос, обвязанный логосом, ему неприятен, узок. В педантизме твердых систем понятий, жестких форм, русский ум видит как раз деструкцию само собой организованного живого мудрого бытия, «живой жизни». Он не знает, не подозревает раскола: не понимает, что немцы-то имеют дело в своих понятиях не с рассеянным бытием (к чему их прилагают русские, позаимствовав эти понятия и системы у немцев), а с исходно в их зоне расколотым бытием, чтоб установить которое и устоять, и напрягли они всю волю, разум и труд — и создали свои своих искусственных конструкций в духе и здания и города-бурги построили.

Соответствия между музыкой и философией (Походив и продолжая инерционно думать)

То, что в германстве развилась именно **инструментальная** музыка, вполне соответствует априоризму и трансцендентальности у Канта. Вокальная музыка, что прямо льется как звучание моего человеческого сосуда, — это особенно музыка средиземноморская, итальянская, где бытие положительно, с ним в тождестве — мышление, а естество и дух сращены, где гносеологической проблемы не возникает. Когда ж звучание передоверяется инструменту, тогда он, его форма, тембр и умение играть на нем — встают в преддверии музыки, ее совершение предопределяя, — подобно тому, как категории (сии инструменты познания) встают у Канта в преддверии опыта. Будет музыка, будет опыт, но их содержание в большей части уже задано, получают какой-то плюс и добавок от самого инструмента: исполнена мелодия в тембре скрипки или тромбона, — подобно тому, как в опыт вливается одно содержание, если предмет трактуется под категорией субстанции, а другое, когда подводится на станок акциденции.

Например, тембры инструментов струнного квартета как бы распределены по стихиям: виолончель = земля, альт = вода, вторая скрипка = воздух, первая скрипка = огонь. И квартет своим ансамблем держит этот строй космоса, изливает такую его структуру на любую музыку (материю мелодий, как в опыте — содержание ощущений), которая в этот строй вступает.

То же — группы инструментов симфонического оркестра: струнные = вода, жизнь, животность (ибо струны — из жил, фибр души), человечность; деревянные духовые = воздух; медные духовые = огонь (ибо вплавлен в них огонь); ударные = земля. Везде 4 основные группы, как и у Канта 4 группы категорий. И здесь наблюдается соответствие. «Количество» = высота звука разная — удел струнных; «качество» = тембр, ощущение — удел деревянных духовых; «отношение» = строй, гармонию держат медные, как всесвязующий огонь (в космосе Гераклита); а ударные, басы = земля, «основание»: цепко держат время — такт, ритм и поддерживают все здание тональности (= модальности) на трех китах: тоника, доминанта, субдоминанта = «действительность», «необходимость», «возможность».

В самом деле: тоника — факт, то, что дано, есть. В субдоминанте есть возможность тоника (5-й звук трезвучия), однако, неясно, будет или нет: может и не придти дело к ней. Ну а доминанта неизбежно тяготеет к тонике — и только, и именно ее производит, так что доминанта соответствует необходимости. И именно Доминанта (= «господ-

ство», от *лат.* dominus, господин, воля, сгусток энергии) излюбленна в германской музыке, и, прежде чем явится тоника, долго нагнетается напряжение и выдерживается органнй пункт на доминанте, так чтобы тоника стала нестерпимо необходимой — как разрешение напряжения: мир как Воля приводит за собой Представление.

И каденция: круг T-S-D-T есть проведение, хождение звука по мукам, его испытание: от действительности увод в возможность, затем к необходимости и, наконец, приводится вновь к действительности, но уже не как случайно попавшейся и **данной** (как в первом проведении звука в экспозиции), но как необходимо (=разумно) сотворенной. Тот же это круг, что и в триаде Гегеля.

И то, что Доминанта, а именно — крайнее отрицание Тоники, крайняя ее противоположность и антипод, абсолютная неустойчивость, есть dominus=господин в этом круге (неустойчивость — демург всякого стояния), выражает тот же принцип, что мы видели в Tatsache («хотение делания»), по которому всякое вопящее небытие — источник бытия; такова же и гегелевская «отрицательность», «противоречие, что ведет» (Widerspruch führt). Везде активная пустота, идея — основа бытия, природы.

В русской же музыке характерна **плагальность**: оборот T-S-T, при отсутствии доминанты = принудительной необходимости (которая предполагает завершенность бытия в едином целом мироздании, от стенок которого непреложно можно отталкиваться и предопределять). В русском обороте T-S-T есть необязательность; неясно даже, что S, а что T: т.е. аморфность, неопределенность вещи, идеи, всякого положения: «может, да, а может, — нет», «бабушка надвое сказала». Даже нет определенного контраста «да-нет», а скорее «не-а»⁸², где «не» — S, «а» — T.

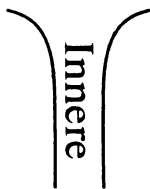
Рассеянное бытие (Россия) и расколотое (Германия)

15.X.68. И поскольку мир в германстве расколот и носятся осколки, главная забота — не оказаться у них, у носящихся множеств, в плену (ощущений, впечатлений, явлений, вещей, существ, идей), но оказаться способным собрать воедино: предмет — из ощущений, опыт — из вещей, мир как целое — из всего. Вот призвание герман-

⁸² Имеется в виду формула русской логики: «НЕ ТО, А ... (ЧТО?)», которую я вывел в предыдущих исследованиях: «Нет, я не Байрон, я — другой...», «Не то, что мните вы, природа»... и т.п. — 23.6.96.

ства. Потому Кант не устает настаивать на том, что в нас, внутри, в способности познания есть априорные структуры, понятия, которые предписывают единство всему, с чем мы столкнемся. Иначе б мир и опыт рассыпались. «Без сомнения, если я мысленно провожу линию, или представляю себе время от одного полудня⁸³ до другого, или хочу лишь представить себе какое-нибудь число, я необходимо должен сначала брать одно за другим представления, входящие в состав этих многообразий. При этом если бы я постоянно забывал предшествующие представления (первые части линии, предшествующие части времени или последовательно представляемые единицы) и не воспроизводил их, переходя к следующим, то у меня никогда не возникло бы целое представление, не возникла бы ни одна из названных выше мыслей» (с. 88–89).

Так это в воспроизведении представлений. Но тем более нужно противоборство рассыпающей временной последовательности — в понятии. «Если бы мы не сознавали, что мыслимое нами в настоящий момент тождественно с тем, что мы мыслили в предыдущий момент, то воспроизведение в ряду представлений не вело бы ни к каким результатам. Всякое представление в настоящий момент было бы новым представлением, оно не входило бы в состав акта, посредством которого оно должно быть **произведено** постепенно, и многообразие таких представлений никогда не составляло бы целого, так как ему не хватало бы единства, которое может быть доставлено ему только сознанием» (с. 89).

Ну да: раз мир — расколот⁸⁴ (надвое, на много частей), то шель (пустота) оказывается единственно объединяющей две глыбы вещества.

⁸³ Mit-tag — «середина дня», его внутреннее — основной рубеж суток в германстве. Тогда и обед — святыня у немца, да и у Канта основное наслаждение в жизни (кроме мышления, конечно). А су-пруг-и недаром называются здесь Gemahl и Gemahlin — «соедник», «сотрапезница».

⁸⁴ Недаром так по нутру пришелся немцам датский (тоже германский) принц Гамлет, для которого тоже мир расколот: «Распалась связь времен. Зачем же я ее восстановить рожден?» — так мне помнится в одном переводе. А в другом — «мир вышел из пазов». Оригиналa под рукой нету.

Эта глубочайшая щель, бездонная глубина — есть *Innere*, то, что внутри нас. И оно — одно. И оно средь вещества (тела, костей), но само невещественно, духовно, как выдох *Ich*, дух, — способно придать единство многим осколкам вещества = вещам в мире.

Отсюда — врожденный идеализм германской мысли: сознание есть то, что определяет бытие (ибо последнее иначе — беспредельно, рассыпано). Потому в германстве «действительность» — самое глупое дело. Важнее ее уже «возможность», а пуше всего — «необходимость». Возможность, т.е. то, чего пока «нет», — основа реальности («да») = щель, пустота. Ничто — основа вещества, собрания мира в целое. «Чистые априорные понятия... должны быть исключительно априорными условиями (*laute Bedingungen* — «чистые овешиванья»; т.е. овеществление не извне, а из нас изливается на входящие в нас материальные ощущения, как строительный раствор цементирующий. — Г.Г.) возможного опыта, на котором только и может основываться (*beruhen* — «покоиться», «почивать». — Г.Г.) их объективная реальность» (с. 86).

Вот: на возможности — покоится реальность.

Народы — как химические элементы

16.X.68. Ехав вчера в город, подумал: а ведь так въелось в меня философское бытие, так вmassировал я в свой дух и существо долгим над сим мышлением его, бытия, ощущение, — что, пожалуй и впрямь страха смерти отрешился: переход лишь то в иную зону бытия в его игровом вращении. И чувствуешь себя ангелом во плоти, и даже греховности и черноты кажутся милы, ибо ведь то грехи детей-людей: пятнышки эти нужны бытию — панцирь на тебя пятнистый надеть в этом воплощении.

Теперь понятно, почему я с некоторых пор боюсь Б. и, когда прихожу к ней и к сыну в дом, — ужасный гнет и камень на сердце, который с трудом назавтра стряхиваю. Все ее существо соткано из атомов необратимости, она дышит смертью, она пышет на меня угрозой: «Никогда!» и все! И она, любимая, родная, исчезнет абсолютно и не веротишь. И в ее доме и мире именно это как непреложную и единственную истину имеешь: что вот это «существо» с «глазыми» и морщинками, съжившись в углу в полусвете дивана, — умрет. (Вот рембрандтовская картина, и свет, и пронзительность). Потому охватывает ужас: что же ты делаешь, аспид, продолжая игру жизни? Бросай все и вцепляйся в родное, береги, продли капли жизни им! И тут

вылетают на меня все эринии, терзающие смертного человека: грех, чувство вины, жалость, сострадание, жертва, — и все доблести «человеческого, слишком человеческого» на меня из Достоевского сосуда изливаются. И я ужасаюсь своей черствости, сухости, абстрактности, мертвенности моих умозрительных забав. На ту же струну и мать каплет.

Это — еврейство: без идеи бессмертия и вечной жизни; все лишь раз бывает и кончается здесь. И нет пространства, рассеянного бытия, а есть только живые тела, сгущения, точки жизней — все в них. Еврейство — предельное воплощение рассеянного бытия в такие тяжело-прочные атомы-гены, что, как их ни рассеивают в пространстве, как их ни швыряет бытие ревниво, как океан о скалы иных берегов и земель, чтоб раздробить, расщепить атом их вещества, — этот элемент колоссально стоек, как какой-нибудь Бериллий (по звуку, а не по существу припомнил), у которого миллионолетний срок распада.

Да, народы = элементы: гены их сродни плотности и срокам распада химических элементов. Отсюда и возможности соединения химического = браков смешанных, в итоге чего — полукровки. Атом и ген русских, очевидно, не так плотен: открыты валентности-руки для соединения с другими атомами — для совместного рассеяния и саможжения. Ведь русский — не сохраниться хочет, а рассеяться — и в рассеянное бытие и другого увести, с кем соединиться, — как русалка в воду уволочь. Так что, когда в браке смешанном дети носят больше черты не русской половины, а другой, — значит, как раз русское дело сделано: самоисчезновение и в воронку эту и другого за собой засасыванье. Русский, как и в военной тактике — засасывает, заманивает, затягивает, — так и во всех своих соединениях: отступает, образует пустоту, вакуум, которым бытие, как сачком, улавливает шибко воплощенных, шибко твердые гены других народов, — и возвращает, прибирает к себе. Так что русские — не только сами в рассеянном бытии пребывают, но и суть орудия рассеивания для других народов, их возврата в бытие. Русский = перевозчик Харон: только на службе не у Аида, а у Бытия. Так что он вроде и плотен, атом, как и другие люди, а на самом деле — полость, вакуум, легкость, душа нараспашку, манящая в лес, в снега, в небо, в воздух, в ничто. Отсюда нигилизм: если в других народах он маленький — только высвобождение места для нового творчества молодых, то здесь он — метафизический, в ранге общенародного мирозерцания. Как мне объяснял в Эстонии в 65-м году Уко Мазинг (ученый и поэт), почему эстонцам, кто между немцами и русскими, все же лучше быть с русскими:

— Немец приходит и хочет всего лишь немножко убивать. Русский приходит — и все переменяет и всех учит, как жить. А главное — учит делать ничего. Год — делать ничего, два — делать ничего, всю жизнь можно прожить и делать ничего.

Вот: не «ничего не делать», а именно «**делать Ничего**»: «Ничего» — как цель, предмет усилий, реальное дело существ, творческих сил, талантов — всех этих орудий еще воплощения: на пути от рассеянного бытия к воплощению. Русские же — вторую половину этого пути, обратную, осуществляют, им присуще проповедовать, что все — равно, все — едино, ничто не имеет значения, усмехаться на крохоборческие трудовые усилия других народов, а в ответ на «Как живешь?» — говорить свое сакральное слово: «Ничего!»

Так что и хваленое «**всепонимание**» русскими других народов (Гоголь и Достоевский о Пушкине так; но этот ведь ген какой черно-белый носит: сразу собой препоясал всю Европу от Северной Африки до северной Пальмиры — Петербурга! О том же всепонимании и Блок: «Нам внятно все: и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений»...) — это их всасыванье, засасыванье в себя. Потому ни среди какого другого народа не вкрапилось столько национальных меньшинств (как узоров-вышивок по белому полотну и канве русских. — 25.11.96) — и совершенно естественно это вышло.

Но что значит **понять** — например, итальянца? Это не только «небом Италии» восхититься и искусством (как это умели Гоголь, Тютчев и Горький...), но и понять, что и плоти итальянца дорого, почему Рафаэлю надо было есть именно макароны. То есть, понять = воплотиться, влезть в чужую кожу и свое бытие променять на его быт. Невозможно это для русских: все в лес Бытия глядит русский серый...

Но значит, и моя идея: **ФИЛОСОФИЯ БЫТА КАК БЫТИЯ** — совершенно законно родилась во мне, жидо-болгарине, — на русской почве, в России рожденном, в ее космосе живущем и им проникшемся.

Итак, еврей — самый жесткий и твердый атом и ген, предел воплощения рассеянного бытия в точку. Потому здесь — и начало поворота к вознесению, воскресению (Иисус Христос) — изобретение мировой религии просветления. И предел черни и низости — Иуда (национальное имя иудеев). Еврейство — бродило в мире: Агасфер, разные антихристы — изобретатели мировых концепций якобы спасения, теорий научных всесветных.

Нуда: иудаизм — самая плотная религия человека как только земной твари среди других тварей и тел. (См. «Второзаконие»: что кушать и как... — все телесные обряды). И Бог здесь — прессующий, жмуший, давящий, гневный, бичующий — то есть все хлещет и уп-

лотняет их атом, вгоняет все глубже в плоть на дело воплощения, и глаголет не притчами (как уже Иисус: через вещи — косвенно), а прямо через тела и вещи: «око — за око, зуб — за зуб».

Еврей — предельное сжатие людского вещества. (Даже арабы, хотя ислам тоже плотен и телесен, — более рыхлы, рассеянны, ленивы). Потому и «жид» в русском космосе рассеянного бытия ассоциируется и звучанием с «жим», «жмет», «жмот».

В России же «крестьянство» = христианство: близка идея вознесения, возврата в рассеянное бытие. Христианство открывает пространство бытия, вводя воз-дух — Святого Духа, тогда как иудаизм — это скорлупа, яйцо, ядро, зерно: здесь есть только **отцы и дети**, копошащиеся в рождениях и продолжении рода («Авраам роди Исаака, Исаак роди Иакова...»), не взглядывая вверх, в воз-дух. Бездуховная религия — иудаизм. Христианство распахнуло человеку грудь и возвело очи горе — и хлынули воз-дух, свет и белизна. Бог иудеев, наверное, не просто золотой, но черно-золотой, ибо «больно ты грозен, как я погляжу!».

И среди каких я метафизических звучностей обитаю! Мать — «Мирра» («Мириам»), первая жена — «Берта» («Бруха» — ее имя по древнееврейски: так резко плотно, крепко-земно и окончательно!). И вот — «Светлана» — плавно-водно, светло-воздушно звучание: «Светик-цветик» — вроде и не существо, а просто труба сквозная из жизни в смерть, в рассеяние (как-то я ей это свое ощущение ее так выразил).

А у самого у меня имя плывет. Назвали в детстве — «Георгий»: средиземноморски-эллински, земно: «земледелец» значением. Но не привилось мне это имя: с детства поползло и смягчилось по-русски — и стали звать меня «Гена» — «ген», там «гений» и т.п. (Близко к основной русской бытийственной звучности: «Ев-ген-ий О-нег-ин, где «ген-нег» — анаграмма; рядом звучность «снег», «бел», «не белы снега»). И дальше плывет мое имя: «Геныч», — Геннадий», «Жора», «Гоша», «Гена Гачев», просто — Гачев» (а то и «Грачев»⁸⁵). Это все русский космос меня на составные рассасывает — плотность моего жидоболгарского атома — и имена альфа-и-бета-частицами из меня вылетают.

Но именно как предельная воплощенность, иудаизм и выжал из себя, выдавил дух — и христианство там же воспарило. Оно евреям родное — и чуждое. А вот другим народам Европы, Севера оно пришло как заемное, но природнилось, хотя тут же разные ипостаси в этих космосах стало обретать.

⁸⁵ А отца в Свидетельстве о смерти на Колыме записали: «Гачева-Грачев» — вообще бракадабра, полуженщина получилась.

Факт истории — что нигде не относились к евреям столь неравнодушно, как в России и Германии. Отчего бы это? В Россию они нахлынули — как атомы в рыхлую пористость и способствовали ее уплотнению, как ферменты труда, индустрии, промышленности, науки, связей разных (торговли и журналистики и т.п.), т.е. способствовали ее овеществлению, каменизации, оседанию ее воздушности и духовности. И тем были ей нужны — и в то же время отталкивающие, ибо призвание России — пребывать в рассеянном бытии — нарушали. Но сколько же можно пребывать у матки — рассеянного бытия, боясь оскоромиться воплощением, действием? Ведь положено всем народам (или нет?..) сей путь: от рассеяния к воплощению, а потом назад в рассеяние совершить, искуса грехопадения в цивилизацию пройти, зачерпнув цивилизацией черное солнце из-под земли и вернув его на братство ясному. Другие народы, малые, уже прошли много пути здесь, а Россия то ступит ножкой в воду, то опять отдернет, замочив.

Но, кажется, с **Октябрем** и **Революцией** (звучность их огнеземная, окончательная), видно, твердо на путь заземления и воплощения вступили⁸⁶; недаром говорилось тогда, что революцию продельывают большевики и евреи: здесь соединилось любимое русское «большой» — рыхлое, аморфное, пространное, — с «жид», «жим». Россия и пыжится выпереть из себя инородные тела, но так как она рыхла и есть рассеяние, то всякое ее напряжение есть увеличение ее всасывающей силы, вакуума; так что, пытаясь выдавить в погроме, она все больше атомов вбирает — в последующей жалости своей и милости.

Ну а в Германии как? Знамя Германии — черно-красно-золотое (кстати, в сумме — коричневый цвет). Черное — безвидность, глубина, чорт, хаос, внутреннее, время. Красное здесь — вряд ли Эрос; это — огонь, но в другой ипостаси: как деятель, активность, все расщепляющая и все связующая, дух — Geist, труд, воля, кровь арийская. Золото — это Бог, солнце. Так что в национальной цветовой символике увязаны через волю, труд, огненный дух — Бог и чорт: взаимопереходимы они, ибо красное (= человеческое по-германски, фаустово) действительно составимо из черного и золотого.

Но еврейство тоже сходную расцветку имеет: Бог их черно-золотой, оранжева их шестиконечная звезда. Так что неравнодушие к ним германства — это отталкиванье сродного, как соперников; а неравнодушие России — это притягиванье, всасыванье отличного, расцветка белого. Цвет русского космоса — белый, однородный, цвет исти-

⁸⁶ У Достоевского помнится фраза вроде такой: «Но теперь мы это покончили, скрутили всерьез, надолго и бесповоротно»... (в «Великом инквизиторе» или в «Бесах»?..).

ны и всеединого, тогда как в других народах знамена — из смеси элементов, т.е. народы эти — не простые первоэлементы, но сложные, составные. И верно: трехцветность французов — белое, синее, красное — тут и трисловность их, и трисоставность этническая: галлы-кельты + римляне + франки-германцы. Цвета знамени везде — это расцветка национального космолога — как память о метафизических родственниках.

Главное соперничество еврейства и германства — в толковании красного цвета. В еврействе это — брачный цвет семейной любви, Эроса, продолжения рода, -гонии. В Германстве это — цвет кузни, горна, пламя недр земли, цвет -ургии. Это они не поделили в мире

«Естина» и Иван-дурак

Еще я думал, ехав вчера в город: истина=«естина», но Wahr-heit — от war (а не ist-ina) = «было». И нет в естественном русском словоупотреблении слова «бытие»: оно не замечается — как родная среда и воздух, где обитают, тогда как в немецком языке это слово есть: Sein; однако однозвучно ему и sein = «его», т.е. не мое, а чужое, понятие третьего лица, объекта — того, что отталкивается и противостоит. То есть истина в германстве — это то, что **было** (оттого путь к истине — воспоминание, как и у Платона: Er-inner-ung — букв. «внедрение»), но от чего грехоотпали и что надо усилием восстановить, реконструировать: добыть «есть!» (тот же пафос в фаустовом «Остановись, мгновение!»), вывести действительность из возможности как необходимость.

Русский же одарен истиной: на ней, как Иван-дурак на печи, лежит и сю помывает, и ею всего по шучьему веленью добывает. Потому беструден он: чего ж суетиться, когда ему и так — есть!? Но Иван-дурак — душа еще не воплощенная. Потому он дается в соседстве летучих, небесных, воздушных сил: Жар-птица, Конек-горбунок, ковер-самолет, даже ведьма Баба-Яга — и та воздушна: на помеле летает. Но она уже — «костяная нога», начало крепи воплощения: недаром в печь сует душу ангельскую ивашкину — на каление огнем = искусом воплощения.

...Иль не надо всем народам этот цикл (стадия «рассеянного бытия», стадия «воплощения рассеянного бытия», стадия «возврата из воплощения в рассеянное бытие снова») проходить? Весь цикл проходит вся Земля и человечество в постепенности запускаемых в ходе истории народов. А каждому народу положено, как сторожевому, — быть приставлену к своему определенному космологу (он же — некая стадия в этом цикле) и его истину блюсти, осуществлять и выявлять?..

Но главное противоеврейство в германстве — то, что в германстве бытие явило раскол и велело им здесь при нем стоять, его сторожить и с ним справляться, отчего в немцах бездонная щель и пустота — сердцевина их космоса. В еврействе же бытие — на стадии предельного воплощения в самоопорный атом (потому еврей нигде не пропадает, сумеет прижиться), тело, вещество, из которого, наконец, высекается искра огнедуха — как самозарождение духа из вещества, огня из земли. (Это — крупца соли: атом и огонь — разъедающий. Они «соль соли земли» — слова Христа; ее бродило и фермент в человечестве). Так что еврею надо предельно сжаться, унизиться, чтоб воспламениться; а германцу — раздуть мехи своей пустоты, своего горна, возвыситься в дерзании и гордыне, чтоб раздуть пожар Валгаллы. Огонь здесь из трения воздуха о грани осколков расщепленного (в *Zwei-fel* — «двадцать» сомнения) бытия возникает. (И порядок слов явил я здесь немецкий: там глагол-действие — Tat все многообразие членов предложения в узел и кулак руки оттягивает, замыкает и держит содержание — как *Inhalt* в *Faust's* = «вдержание в кулаке»).

Но что ж это: и русские — вакуум, и германцы — щель?... Но русская пустота — всасывающая, а германская — выталкивающая; русская — вогнутая (женщина), германская — выпуклая (мужское начало в сравнении с русским); русская — разлитая во вне, в пространстве окрест; германская — внутри, в *Innere*, во времени ее местопребывание: щель, дыра, чрез которую адовы-вулканические вихри с шумом (с музыкой) на поверхность земли выносятся.

Ей-богу, чувствую, как ко мне вся интеллигенция (не в сословном, а метафизическом смысле: как совокупность духа, мысли, культуры мировой, как способность мышления) припала: спаси, укрой, сохрани и проведи сквозь узкое горлышко времени (как в песочных часах) в будущее, когда опять развернется. Только не ленись, возжигай огонь на алтаре и сберегай от ветров сногшибающего существования: не ввязывайся, не впутывайся в дела поверхностные, политические. А ведь мятежный зуд моего двукровья меня подразнивает выйти...⁸⁷

А русские девизы: «на миру и смерть красна», «пропадать — так с музыкой!» (но про-падать непременно — рассеиваться), культ жертвы, самоотверженности — это и в Достоевском, но и в официальной экономической политике на это расчет: «трудовые подвиги»... и все это — заманиванье на рассеяние, испарение в бытие. Потому когда с начала XX века Русь пошла на воплощение (вторая волна этого дела

⁸⁷ Я и слова-то все не в современном, но архаически-бытийственном значении употребляю: «метафизика», «интеллигенция», «космос», «земля», «вода», «воз-дух», «огонь»... Так что почти некому мои писания сейчас и понимать...

прокатываться пошла; первый же акт воплощения — ее окаменение через Петра; переход из деревни, деревянных построек — в каменные; а о том, как им стоять лицом на улицу, Петр специальные уставы издавал — см. об этом у Пушкина в «Истории Петра». Чудно они сошлись: Пушкин и Петр, «волна и камень...»), — понадобилось и стяжение, сужение личности (Достоевский: «широк человек, ох, как широк! — надо бы сузить...» — так, примерно) в атомы = индивиды. Отсюда идеология индивидуализма родилась: Горький — наслаждение жизнью против культа страдания в «достоевщине»...

Думы после поездки к Канту в Кенигсберг

24.X.68. Значит, всего лишь неделя прошла!.. Снова ставя столик у окна и бумагу на него кладя, — осознал.

О, спасительные привычные процедуры: ими сегодня я убежал от бытия — фиговым листком зарядки, обливания, завтрака, одевания тельняшки, телогрейки — от его всепроницающего ока спасаясь.

А шесть дней я был в путешествии — в бытие. Началось — с Канта: дошло до меня, что могу я побывать в Германии у Канта, не выезжая за границы: Кенигсбергато сейчас — Калининград! И сорвался туда за вживанием в германский космос. Но через два дня панически бежал оттуда, чтоб не заболеть ненавистью, — в Литву, где в храмах вековых Богу приобщался. И вот вчера с неба бытия самолетом скоро приземлился; но души заземление не скоро делается: еще болеет она бытием и зрит никчемность муравьиной человеческой заботы — труда вот этого бумагомарательного, где я, как мясорубка, горы бумаги прокручиваю... А бедные мои любимые родные копошатся средь болезней и тягот, еле выныривают, из захлестывающих волн руки тянут... Я же, оцепенен бытием, шевельнуться не в силах: все гляжу на них и на себя оком надгробий — ну, рыцарей этих серебряных XVI века, что в королевской часовне кафедрального собора в Вильне...

Не могу. Как жить — лямку буден тянуть? И в какой скорби во вчерашней слякотной ночи шел⁸⁸ в сей дом — не дом, а так: пустынь, посадочную площадку мою средь ветров бытия; в дом же теплый, родной, где могу забыть о бытии, — не смею я, не должен входить, а скитаться мне...

⁸⁸ Однажды, странствуя среди долины дикой.

Незапно был объят я скорбию великой...

«Что делать буду я? что станется со мной?»

И так я, сетуя, в свой дом пришел обратно.

Уныние мое всем было непонятно —

Пушкин в «Страннике» (из Беньяна) точно выразил такое состояние.

Но вот уже заземление души и происходит: бытийственная скорбь, мировая, – вот как в предыдущей фразе переведена незаметно в страдание мое, человечье, которое, становясь ближайшим мне, облегчает душу, как панцирем-одеждой, и своим палящим зудом отгоняет холод скорби мировой. Но исходил же я из ощущения демона, падшего на землю и во власть ее тяготений,

И милая девочка, когда я возлегу, эту тяготу мою ощутила:

– Какой ты налитой, зрелый, без воздушной щели, законченный и безнадёжный!

– А что же ты хочешь? Я – мужик, сорокалетний, на каких вся тягота земная держится, и бремя нести, не увиливая, должен.

– Взрослый ты, а я маленькая – так себя чувствую.

– Знаешь, все мы у Бога в малых детях ходим, и старушка какая-нибудь – тоже детка.

Так в чем же скорбь? Культура-то в развалинах, и не просачивается Божий язык в слух и глаз людей. Даже в Литве, где любят старину, хранят, – не за Божий на ней отпечаток ее любят, но за то, что это – свое, литовское владение. Бог = бог-атство – к тому свели его: на показ туристам-иностранцам, а не себе для жизни по существу и для понимания...

Лишь старушки милые, да еще женщины помоложе сердцем это чувствуют. А на улицах городских, в трамваях, в вагонах метро – вон вчера, возвратясь, взирался в лица в поисках проблеска – и что же вижу? Тупость, усталость, равнодушие, не проницаемые ничем, кроме страха, – и вот эту лишь тонкость и чувствительность – к кнуту – читаешь на так называемых «интеллигентных» – лицах... А вот и кнутабойца свиномордый в шляпе. Тьфу! Воистину, закрыть бы глаза, чтоб не видели, уши, чтоб не слышали – радио, транзисторов. Обесчувстветь – тогда лишь обожись. Отрезать чувствилища к миру, бревном в нем и чурбаном пребывать – тогда глаз и слух на истину открыты будут.

Но ведь ты был эти дни в воззрении и слухе истины: могила Канта, немецкий ландшафт северный, прибой волн балтийских, шелест леса золотоосеннего на Нидской косе, туманы, дожди, дороги, люди, разговоры, милосердный взгляд мадонны Аушравартас в Вильне, полет на закате в самолете и звезд на небе выступанье, и огней Москвы = звезд падших приближение – все это оно, бытие!

Чего ж не вынес? Людей. А ведь сказано: «возлюби ближнего». Так вот в чем помощь нам христианства: не в том, что оно к бытию причащает – это полдела, – но главнейшее в том, что помогает пребывание бытия в людях усмотреть, переливать бытие в мир, любовь к Богу огромному – в любовь к малым сим = нам. Как раз то, на чем я споткнулся и впал в мировую скорбь и оцепенение: как с живым чувством бытия – жить муравьино: бегая за лекарством любимым, т.е. спасая то, что все равно не упасешь? И это легче делать как раз нелюбимым, просто ближним: делая

это, их в сердце не вносишь — на сердце у тебя бытие. А когда любимым — тогда они взбивают, как ключи, в сердце — и своим бульканьем изгоняют бытие: лишен я в нем защиты, а начинаю цепляться за родных и любимых как за единственную опору в сей текучей жизни. А какая это опора — и зачем?

Но вот тут и грех мой, что Св. и почувствовала: налитой я, без воздуха надежды и легкости забвения. Ведь юноша, молодой — весел, легок, парящ, танцующ на канате над бездной. И в этом красота и призвание на жизнь — каждого существа: великолепно копошиться, как будто ни бытия, ни смерти нет, — и так самому создавать и ткать тверди и точки опоры в невесомости рассеянного бытия. Так что копошались и помнящие, что вот нужно сыночку отнести подметки нашить, а то прохудились, но не помнящие о Боге и бытии, — может, им более угодны, чем я, памятующий о том и другом и концы не в силах свести. Ну, без самобичевания, — равно угодны.

Вот уже и выравнивается крен мой, и начинаю обретать равновесие меж людей и в своем деле и в заботах о семьях. Звездочки мы — тельца, домики с лампочками: сначала лампочка — потом домик = сначала звездочка — потом камень-метеорит падший (демон — домовый, «домакин», хозяин в доме, по-югославянски). Все-то мне зрелище звездного неба, которое, к Москве подлетая, увидел, — видится. Ведь на протяжении полета, когда поднялись над туманами и облаками, так я вперялся, чтоб звезды увидеть, — и не видел; а увидел, когда стали снижаться, — под нами: в бисерах огней. Какое кольцо по земле рассыпалось!

Ну так людей, это создавших, — люби.

Вот только политика еще мешает: если бы с ней бытийственно примириться, тогда и совсем бы жить можно. Одно примирение мне уже на ум пришло, когда я шел с рюкзаком по шоссе на Нидской косе, а влево все надписи: «Погранзона, выход на берег моря запрещен». Я кипел: иду, в полусотне метров, а то и меньше, слева — море, родное бытие шелестит, я же обречен, как лошадь в шорах, не взглядывать в бок и идти по прямой, не оступаясь, как в концлагерном строю: оступишься вбок — автоматная очередь. Роптал я так: зачем отобрали у людей море, красоту такую, — и все под предлогом заботы: чтоб туристы кострами лес вековой не сжигали?..

А примирился так: ну и что, что не для нас? Не мы ж одни — люди. Будут люди и потом. Вот для них, благодаря пограничникам и этим нелепым их, с точки зрения сегодняшнего эгоизма, запретам, — и дойдет в целостности и сохранности кусок девственной природы, который, безусловно, пусти туда нахлынуть нынешним людям, — был бы культивирован по-ихнему, т.е. изгажен и изувечен.

Так что и пограничники, оказывается, служат не только политике, но и бытию, от него место и дело свое получают. Отсюда и общий вывод: Не суди! Не ведома тебе вся цепь, к чему что. Может, и чингизханство российское, над тру-

долюбивыми пчелами – немцами и литовцами – совершенное, – ко благу. Ведь все ж остановился их натиск перед воистину первокласно-божественным – перед могилой Канта: оградил ее, надпись приделали, экскурсии водят и цветочки кладут. А что замок кенигсбергский XVIII века бульдозерами срывают, – так это не первый класс...

А откуда ты знаешь? Пройдет еще два века – и это, коль уцелеет, будет цениться на правах первоклассного, как ныне все, что от XV и XVI вв. дошло.

Естественный отбор истории?

Да, именно русские – наследники монголов-кочевников, разрушителей, от бытия как бич ниспосылаемых...

Да, азиаты мы!...

И когда интеллигенты ныне опасаются, что Китай по татаро-монгольски поперет на Россию и Европу, все сменяя, – это аберрация, от желтизны тех и тех происходящая. Нет, китайцы-то как раз люди культуры, труда филиграннейшего: рушить они просто конститутивно, по природе своей и составу, не могут. А что их – масса кишущая, то монголы наводняли Евразию и переселялись не от переизбытка населения. Их, наверное, не так уж много было, просто они всем племенем двигались, а у земледельческих народов выделялась на то лишь часть – войско. Оттого и впечатление, что кочевников – «тьмы и тьмы», несметные орды.

А вот в русских – наследственный (от татаро-монголов, видно...) зуд переселения. Как легко снимаются с мест (ибо не насижены и не родны) – на вербовку, на другую работу переходят – «летуны»! Как мне шофер, когда я на перекладных из Тильзита в Каунас добирался, объяснял:

– Отчего у литовцев лучше ухожена земля и работают все лучше? Оттого, что работает он, к примеру, дорожным мастером на этом участке, и, хоть ему и вышло в этот год меньше заработка, чем в другой, он не снимается с места на другое, не бежит: родное место ему дороже. А русский? Заплатят ему два месяца меньше, чем было, он: «На кой вы мне сдались?» И переходит на другую работу или переезжает.

Или как в Вильнюсе шофер: слышал он, будто в Москве таксисты каждый день на другой машине работают: чтобы эта своей не чувствовалась. Ну тогда все – ничьи=чужие. Разве если все жены – общие, любовь будет? Разве можно любить скопище женщин данного города? Кишенье это только отвращение пробудить может.

Так вот и коллективизм в России: чтоб не привязывались люди, чтоб любви не возникало – именно к **этому** человеку, дому, к земле, к вещи.

За полтора лет с Екатерины
Мы вытоптали мусульманский рай

– эти стихи М.Волошина, что о Крыме, я все твердил, бродя по Померании. Все пришло в упадок и запустение: дома, земли. Грязь, засрало. (Любимое русское: «А насрать!», «А начхать!», «А наплевать!», «А накой? Что мне, больше всех надо?») Выделения все – на вещи... Но, может, то – сопли сопла реактивного: чтоб отрываться от материальности и пребывать в духовности рассеянного бытия, а также другим народам-трудягам об этом через разрушение их трудом любовно созданного – напоминать?

Коли б так, я бы принял. Но вот взамен разрушенной любви к созданию вещей не нахожу любви духовной. И акты эти сумму чего в мире плодят? Сумму любви иль ненависти?

– Последнего. И сами русские души уже изувечены страхом, подозрением, ненавистью (все антисветовые понятия: «под зрением», «не видеть») – вон как меня многожды там за шпиона принимали и, не веря глазам и ушам своим, мрачные люди, исподлобья глядящие, требовали предъявить документы: на бумажку пригоднее смотреть низовым взглядом подозрения, чем в глаза прямо человеку. **«Удостоверение личности»** – вместо **доверия** лицу.

Вот и влопались вневещные русские – в фетишизм к самой пустой вещи – к бумажке: плоскость вместо объема тела. Хотя и это есть тоже один из возможных путей возврата из воплощения в рассеянное бытие. (Недаром и созвучие: **«рассеянное бытие»** = «Рассея»).

Если, от эллинов начиная, тела производили, конструировали так: точка; точка, двигаясь, расширяясь, дает линию; линия, двигаясь, дает плоскость; плоскость, двигаясь, дает объем, – то в России – путь деструкции: объем, оцепеневая и сжимаясь в невесомость беспочвенности, летучести, – становится плоскостью; тело – бумажным змеем; плоскость, сворачиваясь в трубочку-воронку, уходя в себя, становится линией и т.д. Что было всем – становится ничем:

И топят в пропасти забвенья

Народы, царства и царей –

– то русская «Река времен» у Державина.

Ну что ж? И это – бытийственная операция. И место ненависти в ней понятно: ведь вещи и культура сотворены привязанностью, любовью, Эросом: он – утверждает. А чтоб вернуть твердое в рассеянное бытие, его надо предварительно расколоть (как человека на пол-литра – тоже на половинку, щепу). Ведь как на пути от рассеяния к воплощению сначала единое бытие, потом его раскол, потом Эрос, – так и на возвратном пути: вещь, плоть, твердь, тело надо расщепить, убить в их самости и самодовольной любви; а чтоб произвести это дело, нужна ненависть, вражда. И у нас она в ранге религии: мир расколот на два лагеря: нас и не-нас; мы окружены врагами; мы – солдаты; сила – одна добродетель (сила брать и разрушать – в отличие от германского культа силы как воли к творчеству).

Так вот мое место: я – творец, в зону антитворчества занесенный. Но это не значит, что мне надо переселяться в земли, где творчество уважают. Нет, там я не нужен буду и мелок. Здесь же, в вихрях рассеяния, удерживать в противоборстве им культуру, созидание и Эрос, – это – высокое призвание. Да, я против потока, против прогресса, как его понимает местный космос, – т.е. продвижение к рассеянному бытию, к Ничто. Но в канун окончательного рассеяния, может, само бытие поставило меня фильтром: что все-таки оставить на земле, в людях, как семена и ферменты, чтобы возобновляться могло все-таки ведь удобное бытию воплощение, культура быта и духа? Вот я удерживанием и опамятованием и занимаюсь.

Итак: после того, как сначала я впал в отчаяние от муравьиности своей жизни и работы, потом выровнял себя вровень с остальными людьми, теперь возношу превыше прочих – чтобы раздуть в остывшей кузне своей горн призвания, очаг, разогревающий мой двигатель на работу.

Ну да, вот мои сейчас два дела: **философия быта и национальные космологосы**. Оба дела – для русских. Первая призвана раскрыть духовность вещей: что они сочатся смыслами, а значит: быт может быть причастен и угоден бытию. Это может пробудить в русских гуманность к вещам: что не все достойно разрушения, – и научить их прочитывать сами вещи как тексты, а не только если на них ярлык слова или бумажка-удостоверение навешано: «могила Канта», например. А национальные мировоззрения описывая, я помогаю развивать в русских способность как раз всепонимания (которая им в зачатке при-суца) других народов, а следовательно, перестать делить мир на «нас» и «не-нас», но разных «не-нас» понимать тоже как «нас».

А что бессловесен я и нем – не издаваем могу остаться, – это уж не моя забота: как бытию будет угодно. Мое ж дело – фильтровать, через мясорубку головы своей, души и плоти пропускать все, что ни налетает на меня в рассеянных к рассеянному бытию ветрах. Работай, Петр! Ты тоже «ключарь», как и тот, святой апостол. Ну да: камнем (petra) мне, рифом быть, «отсечка-отражателем» (деталь в винтовке. – 27.11.96) культуры в пазах ствол-трубопроводов в рассеяние. На то и заброшен я – твердый, налитой, тяжелый жмот жидоболгарин – в летучий русский космологос, как некогда эфиопски-жгучий, черно-солнечный Пушкин («пушка» – ствол: недаром так народно имя это!), чтоб стать на белой Руси углем-демиургом⁸⁹, натворить

⁸⁹ И он мне грудь рассек мечом
И сердце трепетное вынул,
И уголь, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.

(А.С. Пушкин. «Пророк»)

вещей, людей, слов, формы всему на изготовление дать, очаг культуры возжечь. Я же – чтоб заслонить его от ветров, не дать потушить⁹⁰, и чтоб продолжалось мифо-и-религиозное творчество как живое и домашнее всем дело.

Вот я уже здоров. И теперь безопасно (защищенный ощущением, что я при деле), могу выйти из кельи – на кухню, из умозрения – в текущие заботы о ближних и хлопоты по хозяйствам двух семей, запущенным в мое отсутствие.

И что это я так взъелся на бумагу? Ведь разве в ее марании дело? Просто на ней оседают встречи идей, их сражения, разговоры, любовь, зачатия, семьи, общества, войны – все это роение духовных существ, строями иль вразнобой проносащихся сквозь поприсе моего существа, ума; идет фильтрация на полный ход на моей фабрике, я – «трест очистки», необходимый в каждом русском областном центре. (Это из моего учительства в Брянске в 52–54-м годах вынес. – 27.11.96). А бумага – перфорационная лента этого процесса, доклад в высшие инстанции бытия и, возможно, людям, что захотят по моему следу пройти дальше.

Идеалист летом, материалист зимой

26.X.68. А пожалуй, пора мне на юг подаваться: холод стискивает, за окном пустынь, в доме пустынь; если еще и в уме германский неприветливый, прохладный космос все иметь, – совсем вымерзнешь. Вот пробовал читать дальше Канта – нейдет. Стиснуто и холодно. А тепла воживить его писания телесностью и воображением – во мне не хватает.

Так что расширять надо круг занятий: мифы, сказки, поэзию... а то холодно средь скелетов понятий и категорий. Мяса надо – зима ведь! – телу, и дух чтоб пахнул жареным, дымился. Так что летом я – идеалист: приятно духом остужаться, как опухом; зимой же я – материалист. И с той же законосообразностью, с какой я летом забросил Индию и перешел к Канту, теперь мне стоит возродить теплокровные индийские штудии. Кстати, давно уж и предмет им наклеивался: сопоставить «Веды» с «Эддой», индийское первоначальное мировоззрение – с германским одноуровневым. Предмет этот как мост-радуга мне протягивается, чтоб по нему от Германии к Индии перейти. Итак – за «Старшую Эдду» по утрам, а вечером – сказки германские да романтизм – Новалис!

⁹⁰ Он. пылкий. — против холода, снегов; я, налитой, — против ветра. «Налитой» — от двух корней: славянского «лить», со стихией воды связанного, и от того «лита» (греческого), что есть камень, стихия земли (он в словах: «неолит», «палеолит», «лиготиграфия»); ну и от того «лита» (латинского), что есть «литера» — буква, слово, дух, стихия воз-духа.

Тем более, что и вернулся я из малого своего странствия – с ощущением многоглагольного писания как занятия кощунственного: вон праведники, что со стен католических храмов взирают, – бессловесно жили, а все понимали; и достаточно им было Священного Писания и думы в молчании. А ты все – шумишь, братец, шумишь. Помолчи хоть немного, заткнись хотя бы чтением.

ЛЕТО С КАНТОМ

(ПРИЛОЖЕНИЕ К ИССЛЕДОВАНИЮ: «ОБРАЗНОСТЬ В «КРИТИКЕ ЧИСТОГО РАЗУМА»»)

24.6.96. О, уже прятаться от жжения солнца в 8 утра приходится — под козырек крыльца. Наслажусь видом на иной простор — влево, на север, где на пути черемуха, а земля взвивается, въезжает прямо в небо — без посредства поля и леса, как при виде на юго-восток, как сию обычно.

Вчера досчитал рукопись «Осень с Кантом», и надо сейчас доводить до конца и формы. Прорепетирую свое Послесловие.

К «Осени с Кантом» послесловие

24.6.96. Таков последний звук, что издала моя мысль 30 почти лет назад в рукописи «Осень с Кантом». Как непринужденно, в охотку, начался этот труд, так естественно и выдохся — по природе и в лад с погодой. И действительно, отплыл я умом и воображением тогда в жаркие широты Индии: принялся за исследование «Эллин, русский, француз и германец об Индии. Опыт спектрального анализа национальных мирозозерцаний». Как одна реальность — Индия — предстает в оптике эллина Страбона, русского Афанасия Никитина, француза Монтескье и германца Фридриха Шлегеля, и как рикошетом можно по отражениям об эту Индию описать исходные национальные образы мира, откуда смотрят мыслители, — такова была затея этой работы. Она недавно опубликована в моей книге «Образы Индии».

Однако писание «Осень с Кантом» хоть и закончил я, но труд «Образность в «Критике чистого разума» тогда только набирал разгон, и три тетради заготовок еще лежат, где шаг за шагом прослежены по тексту Канта вспыхивающие там образы, и дан некоторый комментарий к ним. Разгораться заново на большой труд у меня нет сейчас пороку, да и нет в нем нужды, так как основные идеи про Образность в «Критике» Канта уже мною развиты. Однако имеет смысл дать как бы «каталог», список выуженных мною образов в последовательности их появления в тексте. Это подтвердит и прокорректирует мысли предыдущего моего, основного исследования в Канте, и даст материал для тех, кто заинтересовался бы продолжить подобную работу.

Проработанность деталей

25.6.96. Проработанность деталей – вдруг пронзила во всем. Вон звучит фортепианная пьеса – и сколько там миньютюрного труда! Композитором – уловить звуки в бытии и в себе, перевести на значки нотные многие и разные. А пианисту – оттенки, беглость, пропорции форте и пиано...

То же – и роскошь бархатистая бабочки.

Или разумность движений двух пташек у меня в кусте за окном.

Или классификационная четкость Канта, кем занимаюсь. Доводка до конца, до формы, до совершенства.

Ну да:

Всесильный бог деталей,
Кто погружен в отделку
Кленового листа.

– Пастернак этим же восхитился.

Так вот – ОТДЕЛКА окончательная: ДОЖАТЬ! – как говорил мой бодрый дядя Исаак... А на это – не хватает пороку и увлечения – и опускаются руки.

Что за механизм в тебе работы? Тебе бы все – НАЧИНАТЬ! Разгораешься, услышишь некое брезжение на мысль, – его уловить, сей звук и трепет, и развить, усилить, суть схватить и в первых приблизительных словах поймать-выразить, – и истекает как бы на этом вся энергия, и неинтересно уж доводить до совершенства, – и бросаешься на новый сюжет.

Это я удручен – тем, что стал вязнуть в доводке «Образности в «Критике чистого разума»: труд 28 лет назад, и какие заготовки в тетрадах! Но не могу в них вжиться и довершить труд...

Вон Нина Дорлиак и Св.Рихтер – цикл «Детская» Мусоргского исполняют; вслушался в интонации «Молитвы» и проч. Ведь и у этих – какое совершенство, проработка каждого штриха, интонации!

И понял: тут же путь ко Всесути – экономнейший! Все равно, что огромное, необъятное Бытие в Целом – его постичь, им проникнуться. Ведь то же можно увидеть-причаститься к сему в совершенстве микродетали Творения иль творчества. Творишь малое существование прекрасным – и тот же закон реализовал и им дышал, что и ВСЕ огромное устройство Бытия.

Это как молитва – таковое делание микрокрасоты: как жилку витиеватую в камне природа проводит – в сердолике иль агате.

Так, предавшись вслушиванию в чужую окружающую красоту, излечиваться начинаю от хмурой досады, что меня тоже мелочами своими гложет. Что вот зря приехал в Переделкино, в такую жару тащился: мог бы еще день-два быть в

деревне, и купаться, и исцелять плаванием свой шейный остеохондроз... А тут все равно дела мои издательские стоят, и подгонять их в жару летом — какая бездарность!...

Итак, исцеление — думой о ДРУГОМ (как и рекомендует Дэйл Карнеги). И необязательно о другом человеке. Вот — в пьесе музыкальную вслушиваешься или на красоту дерева смотришь — и освободился от СЕБЯ, от заикленности маниакальной — и от повторения патовых ходов своего думанья все о том же.

Вон Вариации Бенджамина Бриттена на тему Перселла, написанные по заказу Министерства просвещения — во ознакомление детей с инструментами симфонического оркестра.

«По заказу!» Значит, воспомоществование Социума налицо — для доведения до ФОРМЫ, чтоб окончить про-изведение = извести — из потока твоей жизни и трудов. Дожать = отрезать, грань-точку поставить. А ты — как раз бесконечная кишка-поток жизни и писаний, отрубать не умеешь, нет охоты... Она отбита — невыявляемостью, непечатаением в твои главные годы: как раз не имел я «заказа» Социума, а лишь свой эгоизм наслаждения писанием в себя. Боясь приходить в зацепление с миром сим...

Это — травма: надо изживать — благоразумием и мерой — умерением и себя, и жадности своих бесконечных писаний.

Так что садись — за доводку «Канта»...

«Глаза страшатся, а руки делают» — правильно. Взял снова свои тетрадки про Канта — и нечего мудрить: прямо воспроизводи постраничные свои записи — как некие меты на полях текста Канта. И не надо развивать — уже развито многое, и будешь повторяться. Так и дашь: СПИСОК ОБРАЗОВ, выявляемых в последовательности текста «Критики чистого разума». И делать так: давать фрагмент из его текста — и свою расшифровку содержащегося там образа.

Когда начинаешь под этим, образным углом зрения, вчитываться в перевод и в оригинал на языке немецком, то первооткрывается, что каждый ход мысли в плазме образа течет, и в каждом слове и термине таится метафора. И начинаешь чуть ли не сходить с ума от бесконечности тут и прорвы в мире Слова, коего лишь верхний пласт — логика и рассудок с их дисциплиной. Так что и себя ограничу — все равно лишь некоторые, а не все образы укажу, но в наборе своем они имеют некую национальную характерность — и свидетельствуют о именно Германском Космо-Психо-Логосе, откуда истекали интуиция и построение Канта.

В **эпиграфе** англичанина Бэкона Канту родная мысль: достигнуть Мыса Доброй Надежды в океане бытия и познания, успокаивающий сказ о конечности, границах, уютности мира, по силам «я», человека, так что есть надежда избавиться от бесконечности блуждания среди ошибок, что есть вожделенный предел, как мореходу — берег!

(Так и буду — то цитировать, то пересказывать, усиливая образ).

В Посвящении: в ритуальном самоуничижении «покорнейший слуга» при вслушивании в термин расслышиваем два важнейших для германства корня в сем трисложном слове: **unter** — *tänig, ge-horsamste*: unter — «под», что указывает на вертикаль: низ-верх; *tanig* — от *Tat*, «действие»; *hören* — «слушать» — звук.

Русский же акцент — в сюжете: покорность — гордость.

В Предисловии к первому изданию предстает траектория движения Разума: сначала в высь и в даль, но потом, в испуге бесконечности, спускается вниз, вглубь к основе, к основоположениям — и встает на камень, который кладут во главу угла дома; но дома мрак, запрятались ошибки...

Метафизика — плац, арена боев (*Kampfplatz*).

И так как Метафизика тут же введена в сан Королевы, то образ турнира рыцарей разума на плацу в городе и замке — возникает.

Тут введены в действие еще два важнейших деятеля германского мира и ума: Воля и Дело, что скрадывается совсем в переводе: «если принимать **намерение** (или «желание», в корректировке редакторов) за «дело», «за действительность». А тут **Воля и Дело** — как просто и сильно! Причем они и по родам четко распределены: Воля — ОН, по-немецки, а Дело — ОНА. Так что тут — **муже-женская** пара, сопряженная во Эросе, — так же, как потом и у Шопенгауэра пара: Воля и Представление — тоже Он и Она. И у Канта супружеская пара: Рассудок и Опыт. По-русски же — гомосексуализм мужей-солдат в армии, а у Канта «Ферштанд» — он, а опыт — «Эрфарунг» — она. Так что ориентация Рассудка (кто Он) на «Возможный опыт» (кто по-немецки Она — *Erfahrung*) — это ориентация самца на самку в приготовлении к соитию. Вот какие радикальные энергии и тяготения в поле Эроса залегают и предопределяют сюжеты наверху, на поверхности плаца философии, каких персонажей выводит на ристалище германский мыслитель и почему.

Далее — видение **войн, кочевников**, что опустошают оседлых земледельцев, а мы, слава Богу, — в цивилизации уже. «Постоянная обработка почвы» (*Aufbau des Bodens*): буквально «**строительство** земли»: «под» — на «верх».

С. 4. А королева Метафизика происходит из **черни, плебса** простого опыта. Как у Ахматовой: «Если б знали вы, Из кого сора растут стихи!»

Догматизм источен **червями** — как ствол дерева или стена дома. Напоминаю, что и у Шиллера в «Коварстве и Любви» чиновник — Вурм, так же, как и в «Фаусте» бескрылый ученый Вагнер назван «червь сухой науки».

Являются Хаос и Ночь — субстанции космогонии эллинов (см. «Теогония» Гесиода). Индифферентизм, догматизм — их Мать.

Вообще эллинская и римская классика тоже образует образный поддон Канта. Только что выше вспомнена Гекуба, покинутая и отталкиваемая, униженная царица и вдова; такова и **Метафизика**.

Судебное разбирательство (Gerichtshof) по закону, а не по приказу власти (Machtspruch).

Еще — цветение, мрак, путаница.

С. 5. «Я пошел единственным оставшимся путем»

«Догматически-мечтательная жажда знания: ее могли бы удовлетворить только **волшебные чары**».

Уповает найти — **ключ**, а то «выбросить вон» разум придется, так как из него ничего не **вырастет**.

Опять вместе Дом и Растение.

Хвостун-фанфарон дерзает переступить границы возможного опыта (как девиз поэта Цветаевой: «Невозможно!» — это влечет неудержимо — переступить!) Кант же — законопослушный и смиренный бюргер, гражданин города разума и свивается в свой дом.

«А за обстоятельным знанием» о разуме незачем «ходить далеко» (где даль — там опасно: «Не ходите, дети, в Африку гулять!»). А все есть дома, при себе: «потому что это мышление я нахожу в самом себе».

Пафос и интенция Канта — прожить и промыслить, не завися ни от кого: от женщины, мира, опыта, не выходя из дома и из града (не выезжая из Кенигсберга), самодостаточно, и все потребное (в том числе и знание) извлечь из себя. Полное самообслуживание всухую, не оскоромаясь ни женщиной, ни семьей. Суходрочка и онанизм чистого разума.

Закрыться в доме своем, вычистив его опрятно. Если у кого «клаустрофобия», то у Канта «клаустрофилия» — любовь к закрытому пространству: «Хаус — да, Раум — нет!».

С. 6. Я сам вынес себе следующий **приговор** («Ты сам свой вышедший суд!»).

Гипотеза есть **«запрещенный товар»**, который не может быть пущен в продажу даже по самой дешевой цене, но должен быть конфискован».

Честная торговля на рынке философским товаром, дорожит честью своей фирмы. И «мерило» — весы без обману.

Устои Дома разума: Verstand (рассудок) — «обстой», штанга дома. Разум Vernunft (от nehmen — брать) — «объятие», сам дом. «Предмет чистого рассудка» — (Gegenstand des reinen Verstandes) — **«противоштанга»** к осевой штанге.

С. 7. «Пояснение» по-немецки (Erläuterung) — «раззвучивание». А определить, поименовать — be-stimmen= «о-голос-ить». Опять приведение ко звуку; страна музыки, а не зрения и живописи.

Кант против умножения примеров и пояснений для популярности: ими стал бы набухать и лопаться (anzuschwellen) текст. Вообще жидкое, скользкое, связанное с водой и текучее (schlüpfrige) противно Канту, германству — космосу «огнеземли». Предпочитает сухое. Собственно, это свойственно философу вообще. Еще Гераклит говорил: «Сухая психея наилучшая».

Против и ярких (светлых цветов), что искусственно склеивают (verkleben) расчленение системы. Так плохой строитель замазывает швы. Клей тоже — вариант «воды», жидкости — малоприятной стихии Канту сухому. Его дело — твердое — КАНТОВАТЬ! Везде четкие грани и пределы устанавливать, не перешагивать границы — не дай бог! Часто предостерегает разум: не переходить границ. Пограничник он — Кант!..

С. 8. «Очищать и выравнивать почву, совершенно покрытую зарослями».

Начинаю «Лето с Кантом». Лариса и бабуся

26.6.96. Нет, не получается прошмыгнуть мимо Канта: быстренько обработать тетрадки с выписанными образами, сварганить ПРИЛОЖЕНИЕ к «Образности в «Критике чистого разума» — и жить себе и мыслить дальше. Нет, зацепляет Кант, начинаешь вязнуть в нем — приходится уж не на кавалерийскую атаку рассчитывать, а на осаду и долгое продвижение. Так что снова — жить с Кантом придется; как тогда шла «Осень с Кантом», так теперь — «Лето с Кантом», А что, плохо, что ли, с таким собеседником — покантоваться некоторое время живота? Только мечтать о таком! Как славно уводит от «текущего момента» истории и его «злобы дня» — в некую устойчивость и «доброгодность»!..

Итак, как живу эти дни — два, в которые пробовал аннигилировать жизнь свою, а писание отдавать только объекту — Канту?

Позавчера перекочевал из деревни в Переделкино, где был два дня, хмурый от коротких стоянок везде. Сейчас вот на даче в П. два-три дня побуду, вчера по делам в город выезжал — белье сдавать-получать нам и матери (72 тысячи заплатил, по 6 тыс. за кг. — пятую часть моей месячной зарплаты!). Побыл с Ларисой у постели матери: Лариса ее кормит с ложечки — как ребеночка: нежно. Ведь крестила ее, еврейку, на старости лет; так что Бабуся Ларисе вроде дитяти ее — и хлопчет про-

длить ее угасающую жизнь. Накануне приехал Отец Аркадий – и причащал Бабусю на дому... Мать лежит сухонькая, в пролежнях, что Лариса обрабатывает («Если бы ты видел куски мяса в гное, отваливающиеся от кости, – понял бы мучения матери!» – мне Лариса), слушает музыку по радио «Орфей», иногда говорит. Радует, что я пришел, и протягивает ручку: я держу и так говорим. Она:

– Покушай, дорогой! Не уходи. Зажилась я – всем вам нагрузка..

– Значит, такое тебе повеление, – успокаиваю ее.

– Я поняла, что не буду больше музыкантом, а буду литератором: такие муки – описать только можно...

Бедная! На одре – и говорит о планах перемены профессии!.. Но – умиленно.

Ходил в аптеку – жуть, как ухают в прорву эту все наши гроши! Но подумал: долготие моей маме выпало – 92-й год живет – как возмещение от Бытия за многих ее родных, что погибли в гетто в Минске и проч. в войну. За них доживает. Так что и их души и жизни в матери твоей...

Лариса пытается урывками работать: на стенах повесила эскизы своих росписей придела храма в «сестричестве» их Царевича Димитрия при Первой градской больнице. А из института ее Суриковского студенты ее курса четвертого – на практике в Оптиной пустыни. Лариса как мечтала туда поехать! Но вот прикована – одна от нашей семьи к одру Бабуси. Правда, из «сестричества» девушки две еще живут в квартире Бабуси с Ларисой и дежурят-помогают.

...Сходил сейчас по поручению Насти, что поехала за детским питанием, глянуть: как там младенец? Играется Верка в манежике под музыку радиостанции «Ретро». Хорошо, что звук радио покрыл скрип дверей и моих шагов, так что не увидела меня, а то бы возопила, взывая к Деду – с ней быть. А так поглядел, умилился – и ушел к себе... А Св., ночная птица, еще не выходила.

Когда на днях, перед отъездом в деревню, считывал «Осень с Кантом», там разговор записан: «Толковали мы с возлюбленною отроковицею» – и сказал про эти строки Светлане, про ее вопрошение: «Что есть Истина? Скажи, ты же с Кантом занимаешься!» – и как на цвета перешли...

– «Отроковица»-то – это ты! – и в умилении глажу ее по шейке – ее, лежащую на диване, глядя на телевизор.

– Да я ж тогда моложе, чем Настя теперь, была: ей 30, а мне – 27. Злодей! Умучил! Жизнь загубил! – так буффонно вопияла, улыбаясь любовно. И я – на милую и верную сопутницу-трудяжку – милозоры лучащиеся бросаю. Двадцать восемь лет с тех пор прошло – целая жизнь каждого из нас – основная...

А вчера перед сном вышли прогуляться в леске нашей дачи – и я делюсь с нею снова мыслями о Канте:

– Вот ведь как многое иное открывается при чтении на языке! По-русски: «Рассудок ориентирован на Возможный Опыт» – оба слова мужского рода. А по-немецки Рассудок – он а Опыт – она, «ди Эрфарунг». Так что тут – простой Эрос в основе кантова построения: вожделение мужчины к женщине. Она, женское начало бытия,

материя, тербит дух мужской, фаллос раздражает, насылая впечатления, ощущения, представления, а рассудок их, сей Ферштанд – «обстой!», встраивает в стояк Предмета, что тоже стояч: Гегенштанд – «противостой!»

И аналогичная пара – Воля и Представление. Как нелепо по-русски здесь сочетание женского и среднего родов. А для германца? Воля – он, «дер Вилле», а Представление – она, «ди Форштеллунг!»

– Что ж, это естественно так: Воля у Творца – мужское начало. Хотя если бытие представлять как Природу и ее закон, то там Воля – женскою может быть.

– Да, как «охота» – вожделиние Материи, Любовь, не Эрос...

И стал я говорить: как хорошо приспособлен для философии немецкий язык (как и греческий) и как неестественна философия на русском языке.

– Значит, для чего-то другого хорош, приспособлен русский язык, – Св. – Не может быть обделен. Если бездарен для строгой философии, то что-то иное лучше улавливает, выражает.

– Наверное, для литературы хорош язык русский...

– Вон Гулыга на себе испытал: когда в Германии стал про русскую философию рассказывать, про «русский космизм» – там: не спятил ли Гулыга? Считали его настоящим философом, кто о Канте и Гегеле писал, а тут – о чем это?.. И вот отсюда, «от противного», очевидно, что чего-то не захватывает приспособленный к строгой философии немецкий язык. Да, систему могут создать строгую, но и становятся пленниками системы, в дому своем заперты. А с русским языком в иные просторы Бытия и духа выходить способно, значит...

– Да, русский язык мягче – описательно работает, а не в лоб, как немецкий; тот: раз, два – четкие конструкции, сечет мир резко. А иные сути, и главные, не поддаются подходу впрямую, но окольно, описательно, оставляя в некоей свободе неопределенности и неопределяемо сутям пребывать, – так и дают себя нам знать...

Так что русский язык – ласково, с подходцем, скромненько – улещивает Бытие. (Как нелепо это стечение слов! «Бытие» – с чужого плеча, германского, – рядом с нашим, свойским, ласковым «улещивает»!).

– Ну и как, нравится тебе Кант? – Св.

– Конечно: красота, чистота, грандиозность построения – как готический собор или классическая симфония. Декарт мог лишь «я мыслю – следовательно, существую» – дать тезис и точка. А что там – в «я» и «мыслю» – не раскрыл. Кант же какой Дом Духа вывел-построил из этого «я мыслю!» И торжество СВОБОДЫ нашего Духа-Разума – и от Природы, и от насилия Социума и власти: против них – категорический императив самодостоинства Личности. Нет, восхитителен Кант.

– А кто из двух: Кант и Гегель – тебе ближе?

– Конечно, Гегель! Все богатство бытия, истории, культуры и жизни пропустил через себя и продумал-объяснил философски! Суперфилософ. Самый мощный синтез. Как Платон. Даже более..

– Иди сюда! У папки лицо как у Гегеля – похож. Дай я тебя поцелую! Гегель – мамин!.. – и раскрывает свои плавные крыла крупной птицы – и мордашкой своей круглой, русскенькой в меня тычется.

А сейчас слышу:

– Деда, иди посмотри!

Выхожу: Верка на руках у Бабы и сразу мне – улыбаться.

– Любит Деда. Подержи – вынесу гулять.

Вынес с веранды вниз, на коляску посадил:

– Тебе, небось, нравится, что она в залатанном костюмчике?

– Да, наш стиль. Как и ты – «сюр-ла-пай-ка» бедная всю жизнь (от французского *sur la paille* – «на соломе», идиом для бедной селянки – ему меня Св. в наши первые годы обучила; и славно как ее, беляночку русскую, распластывать на травке-соломке! Да и сей час – тоже возгорание-вожделение к белому массиву Фемины в ней. Сегодня бы и можно... Коли одни, без ревнивого присмотра дочери-дуэньи баловникам-родителям – останемся...)

Ну ладно. Хватит – поозоровал, поплескался в Жизни, отложив Канта. Давай – не отлынивай. Продолжай выискивание образов и комментирование... И нечего отдельные листы этому посвящать, но прямо продолжай – одним сплошным текстом, где и жизнь, и мысль перемежаются. Как уж и в ту «Осень с Кантом» аналогичным текстом писал, своим экзистенциальным, «жизнемысленным» жанром.

Продолжаю комментарий

Итак, продолжай постраничный комментарий, следуя за переводом Лосского.

12.30. Нет, не вышло тогда сразу приступить к Канту. Вошла Св. и предложила с ней завтракать. Я вспомнил, что еще вчера наметили мне пойти платить за дачу переделкинскую — из гранта, который в Институте вчера как раз на «Германию в сравнении с Россией» — миллион рублей получил; и, пока не истаяли, надо заплатить за лето. Вышло 555 тыс. за июнь, июль, август — еще терпимо.

Сейчас вынес машинку и столик на открытую веранду — и буду КАНТОВАТЬСЯ.

С. 10. «Плохое то хозяйство, в котором деньги расходуются безотчетно...»

«Математика... нашла, или вернее создала себе этот царский путь». Характерное уточнение: немец склонен не находить данное, готовое, но изготавливать, делать факты, конструировать и знание.

С. II. «Широкий путь науки» — так по-русски, где почтенна ШИРЬ равнины, как и Даль. У Канта же Heegesweg, «армейский путь» — воинский образ.

Насильнический к природе и человеку дух Германства в Канте.

«Разум должен идти впереди и заставлять (nothigen от Not — «вынуждать») природу отвечать на его вопросы, а не тащиться за нею на поводу (am Leitbände гдngeln): «на помочах». Где-то и у Маркса образ этот — он ведь тоже Германского Логоса воспитанник... Ах да: что Труд у человека возник в среднем поясе, в суровом климате, а не на юге, в жарких странах, где «природа водит человека на помочах» — так мне это помнится... Тоже — суровый, из Германского Космоса угол зрения.

Ну а «заставлять отвечать» на свои готовые вопросы — это большая ловушка юридического сознания. Жизнь проскакивает мимо, не улавливаемая четкими вопросами права и суда, — как это показывают Толстой и Достоевский в «Воскресении» и «Братьях Карамазовых». Ибо живое событие выскальзывает из конструкций чистого разума и права и законов их. И в этом — особая работа Русского Слова-Логоса — это являть, в его «Критике отвлеченных начал» (В.Соловьев). Ибо вопрос судьи и следователя уже предопределяет ответ на 90 процентов, не дает живой случайности проникнуть и сказаться. Так что требование юриста отвечать только на вопросы, да еще «да» или «нет», — загоняет живого человека в ловушку и не дает истине сказаться, а лишь заранее готовому представлению юриста и судьи.

Кант же утверждает и верит в законность именно такого подхода. «Со своими принципами, в одной руке, ... должен подходить Разум к природе, чтобы получать от нее поучения, однако не в качестве школьника, которому учитель говорит все, что ему заблагорассудится, а в качестве опытного судьи, умеющего заставить свидетелей отвечать на предлагаемые вопросы».

Школа и Суд — мир кантовых главных учреждений Социума.

Лучше знать мало, но самосвязно, из своего плана. Кант не хочет, боится расширения самочинного познания, ибо то будет не знание, а кажимость, не свяжется в закон — вот ужас! — разрозненные, случайные, произвольные, не затребованные вопросами разума сведения и наблюдения — не в законе. (А на Руси это «воры — в законе»: там строгость неукоснительная. И Кант не хочет побочных знаний-«шестерок», прихлебателей у «паханов» категорий).

Так что знание ИЗ Природы — это остаток, методом исключения так уж и быть принимается — как то, чего сами не можем предусмотреть, незаконное, бастардное «знание».

С. 12. Пейзаж, в котором обитает Метафизика, — **горы и пропасти**: по воле Рока ее, как трагического персонажа античной трагедии, швыряет бытие: «Метафизика... не пользовалась благосклонностью судьбы и не сумела вступить на верный путь науки несмотря на то, что она **старее** и устойчивее всех других наук (как хтоническая богиня, титанша. — Г.Г.)... сохранилась бы даже... если бы все остальные науки были поглощены пропастью всеистребляющего **варварства**» (vertilgenden — s. 16 «переплавляющего»: **сплав, тигель** — входят как образы... — Г.Г.). В ней разум постоянно наталкивается на препятствия».

А какие траектории описывают бойцы на арене Метафизики! Ну как спортивный обозреватель матча тут Кант: Разуму в ней, в Метафизике, — «приходится бесчисленное множество раз возвращаться назад (как игрокам на поле. — Г.Г.), так как оказывается, что ее пути не ведут к цели, а что касается согласия ее приверженцев во взглядах (дружная ли команда? — Г.Г.), она чрезвычайно далека от него и представляет собою скорее арену, приспособленную, по-видимому, специально для упражнений в борьбе (полигон. — Г.Г.): ни один боец (Fechter — «фехтовальщик») никогда еще не завоевал себе на ней ни малейшего места («плаца». — Г.Г.) и не мог **основать** на своей победе прочного владения». И ее исследования — «**топтанье** на месте».

С. 13. Пример Коперника: «Не удастся ли достигнуть лучших результатов, если предположить, что наблюдатель движется, а звезды находятся в покое»? Так и Кант: «звезды» — предметы оставим в покое, но зато сами завертимся, заработаем...

Труд в корне качеств — вещей и понятий и терминов их: «свойство» — **Beschaffenheit**, букв. «созданность». **Genugtuend** — «достаточный» — букв. «довольно», в меру сделанный».

«Эта попытка удастся **вполне**» — так это по-русски, а по-немецки: nach Wunsch «**по желанию**», элемент из мира Воли. На русский ум: желание не есть достаточное основание, надо его дополнить...

«Одни и те же предметы могут быть рассматриваемы с двух различных **сторон**» — э-э! Нет: Gesichtspunkte — «из пунктов, **точек** зрения» — важное отличие в шкале пространственных ориентировок. Русский Космос равнины, шири-дали, бесконечного простора — и первопонятием чтит «сторону»: и «страна» — родная, и «родимая сторона», и пространство; словом, — бок и край и плоскость предмета, некий сбор точек-индивидов. Германский же Космо-Психо-Логос почитает «я», индивида, атом — и **ТОЧКУ** зрения.

С. 14. «Это знание относится только к явлениям, а вещи в себе остаются непознанными нами, хотя и действительными сами по себе» Вникнем в термины. Sache от suchen — «искать»; значит, есть иск, динамическое искомое, а не статическая «вещь». В русском «вещь» сидит «вед-анье», так что вещь — веша, ведьма она. «Вещь в себе» — сокрытое знание, отвернувшееся от нас и замкнувшееся. Германское Sache — из мира Воли, желания, искания, стремления. Sache an sich = «иск к себе», а für sich = «для себя», в своих интересах. Тут же и спор о праве: «иск» — и юридический термин.

Того же германского корня и английского sake = «ради» — тоже оттенок желания (и у нас — «рад-ости»): for my sake — «ради меня».

«Вещь в себе» не испускает блеска («явления» — Erscheinung от Schein — «блеск», свет), ибо луч («иск») на себе замыкает и, значит, пребывает во тьме = зоне истинного бытия, по-германски. Там «Ничто» Экхарта, «Ночь» Новалиса (которой гимны писал он), «Основа в Боге» Шеллинга. Sache für sich wirklich — «вещь в себе на себя работает», действует — в самообслуживанье. Ну и пусть о себе заботится (как и Бог), а мы, люди, о себе должны подумать, о нашем знании, способностях и силах. Для нас она unerkannt — «не познана», «не признана» нами: мы ее не достаиваем внимания — и так можно понять.

Другой термин для «вещи» — Ding — от dehnen = «растягивать», «длиться» — восходит этимологически к латинскому tempus — «время». Тоже это характерно для германского миропонимания: Время — субстанция всех «вещей». И оно же — мера работы. Так сходятся «-ургия» и Время — как субстанции всякого бытия тут, в местной ментальности.

С. 15. Фундамент здания Метафизики имеет смысл только как полный и окончательный: в грунт потом добавлять нельзя. Тут особое «преимущество» — нет, seltene Glück: «редкое счастье» Метафизики перед другими науками. И он, Кант, льстит себя надеждой завещать потомству таковой фундамент — «как капитал, не подлежащий дальнейшему увеличению».... Нет, тут интереснее: Hauptstuhl, «главный стул», седалище. Стул — зад. Так что «головной стул» — это «голова-зад». Опять СИДЕНИЕ в большой чести у немцев; и «владение» — Besitz. «сидение»: что значит — оседлый народ!

Забота Канта — о границах и ограничениях употребления принципов. Einschränkung от Schrank — «шкаф» На отвоеванном чистом поле и расчистка его, надо построить дом чистого разума и расставить мебель и в шкаф ящички разных способностей размерить, рассортировать-уложить; сесть на главный стул — и успокоиться окончанием дела и писать завещание потомству.

С. 16. Пользу критики разума сравнивает с пользой **полиции**, так как ее положительный смысл — в ограничении, «предупреждении насилий», чтобы каждый добропорядочный бюргер за засовом-задвигной двери (**Riegel**) мог дома заниматься своим делом.

Недоверие зрению в германстве. И теоретический (от греч. «тхеорео» — «созерцаю»: тот же корень, что и «театр» — «позор» — зрелище), он же спекулятивный (от латинского корня *speres*, что то же значит: «смотреть», см. «спектр») разум должен быть ограничен — в шкаф всажен, в ящик предметов опыта. И воззрение на блеск (явления) **Eg-schein-ung** не надежно в истине, ибо «не все золото, что блестит». И если в эллинском космосе средиземноморской лазури свет и блеск осиявают богов, а «блестящий» — эпитет царей и героев, то обманчив свет в туманном германском космосе. Оттого и у Канта «**яв-ления**», сии «от-блески», когда на них смотрят. — не тот предмет и не тем орудием (глаз), чтобы истину («искомое в себе» — «вещь в себе») постичь.

С. 25. Человек подкопал фундамент своего дома.

С. 27. «Когда мы покидаем почву опыта, казалось бы естественным не **строить** тотчас **здания**».

С. 28. «Рассекая в свободном полете воздух и чувствуя противодействие его, легкий **голубь** мог бы вообразить, что в безвоздушном пространстве ему было бы легче летать. Так, Платон покинул область чувственного мира, потому что он ставит узкие границы рассудку и отважился пуститься за пределы его на **крыльях** идей в пустое пространство чистого рассудка. Он не заметил, что своими усилиями он **не пролагал дороги**, так как не встречал никакого **сопротивления**, которое могло бы играть роль точки опоры, чтобы **сдвинуть** рассудок с места». И далее опять — постройка здания, закладка основания, фундамента.

Важно, что германский гений чтит противодействие, сопротивление — то, что против; т.е. «нет» есть опора для «да». А наивные, как голубь, хотят иметь одно «да» и «хорошо», добро без зла, свет без тени. А Платон — знания без опыта, в полете умозрения к свету идей.

С. 29. Не уважает анализ: ничего нового; а то, что в мутной форме, как смесь, уже содержится в грязи понятия, — расчлняется, распутывается. Анализ — просто расчистка смеси и смуты прояснение...

С. 31. «Строить новое здание...»

С. 35. Недра (нутро разума), их разработка вглубь, внутрь — скажется на его ходах наружу и вширь — объем его возможностей. То есть, путь наружу идет через путь внутрь.

Кант берет извне готовую логику суждений, подвергает анализу, превращает в категории чистого рассудка: количество, качество, отношение, модальность, — и с ними, как уже внутренними категориями чистого рассудка, выходит наружу, на опыт.

С. 36. «Большая **стойкость** нужна» — нравственный аспект нужен в мыслителе для содействия «**произрастанию**» необходимой для человеческого разума науки, всякий **ствол** который можно, конечно, **обрубить**, но **корни** которой нельзя истребить».

С. 37. Архитектоника, план всех частей здания. Философ — как архитектор, строитель системы.

С. 38. «Существуют два **ствола** человеческого познания, вырастающие, быть может, из общего **корня**, именно чувственность и рассудок». И по-немецки тут жено-мужеская пара: Sinnlichkeit und Verstand.

С. 43. Субъективное строение души — Beschaffenheit unseres Gemüths.

С. 48. **Роза** — как пример.

С. 55. «Чувственность» — не есть «спутанное представление», смесь.

С. 56. «**Радугу** мы готовы назвать только явлением, возникающим при дожде, освещенном солнцем, а этот дождь вещь в себе».

Готовлюсь к теле-ток-шоу на тему: «профессия — философ»

27.6.96. Сегодня вечером предстоит на телевидении нам со Св. трекать в передаче — «ток-шоу» (talk show, англ. = «разговор напоказ») в рубрике «Профессия» на тему: «Я — философ».

Не знаю, как вышли на мою персону, но я ведь — не философ... Хотя: а почему нет? Разве лишь тот, кто кончал философский факультет, — философ? Ницше — филолог. Хотя — какой он «философ»? Экзистенциальный мыслитель. Ты — тож.

Но всю жизнь комплексовал перед философией. Она казалась средоточием мудрости и что там знают смысл бытия и что к чему — в многоявленности, в бесконечности ее. Чтоб за короткий срок жизни понять ее, все, себя — надо экономным путем идти. И философия казалась таким кратчайшим путем. Знает, как жизнь прожить и не бояться смерти. В этом философия сродни религии, которая тоже — воссоединение единичного меня, я — с миром, Богом как его личностным средоточием.

И родны они тем, что обе — **ЛЮБОВЬ**: философия — к Мудрости, религия — к Богу и ближнему. Разум восхищенный. Философ — имеет откровение, творит свой миф о бытии — каждый.

Он имел одно виденье,
Непостижное уму,
И глубоко впечатленья
В сердце врезалось ему.

(А.С.Пушкин)

Тоже он рыцарь – Духа, Мысли, Слова. Бхакт Софии, как Прекрасной Дамы.

Потому философ – художник, каждая система – философское художественное произведение – ну как симфония или собор. Так надо подходить: прозревать стройное развитие из одного принципа, видения.

Да, главное усилие философа – докопаться-додумать до одного простого. Фалес: все вода; Гераклит – все огонь; Платон – все идея; Декарт – «я мыслю=существую»; Гегель – все триада: зерно, стебель, колос; Бахтин – все диалог. Я: моя жизнь = эксперимент Бытия, а ты записывай его опыты над тобой, веди судовой журнал, как штурман. Моя жизнь = моя система: сложится в итоге.

Но главные мифы-правила меняются за жизнь. В молодости мой девиз – ИЗОБИЛИЕ БЫТИЯ. Быть ренессансным человеком, гармоничным, жить во все стороны. Фаустианство. А потом видишь, что становишься раб своей свободы, раб дурной бесконечности возможностей, что тебя рассасывают, – и собираешься в точку; теперь по тебе – экономия сил, а принцип – довольство малым, сокращение потребностей. Как йоги – удержание дыхания...

Еще простые принципы: Бердяев – все есть Свобода. Мамардашвили: почему есть порядок, строй, смысл, когда его не должно было бы быть? Удержание в «когито»...

Ну а вообще философия – наслаждение. Думание – соитие с Бытием, коитус «когито». Вот сажусь – замираю и мыслю: я царь – все могу видеть, менять, соединять, летать по пространству и по эпохам истории. Гедонизм – царственное препровождение живота. Как в сладком сне, не выходя из него, им окутан – своими видениями.

А всякая реальность, что достает, жестокая, боль телу – тоже с этим можешь справиться. Во-первых тем, что и всякую вещь: нож, казнь... можно понять как идею, дух и смысл; а во-вторых, привести примеры: Христос терпел – и нам велел. И баланс: одно – за другое. Также хитрое правило: пострадал тут – награда ТАМ. И т.д. Или: боль – кажимость, та же щекотка (как рассуждал Декарт), только более сильная.

Так что мышление – как наркоз при операции Жизни.

Но тут и опасность философии: можно и жизнь прожить, будто и не жил, как Плотин учил: «философ должен жить КАК БЫ В РАССЕЯННОСТИ» – так жениться (или нет), воспринимать дела жизни и заботы.. То-то много философов-аскетов, девственников, онанистов – без жены, семьи, детей. И в этом – уже и односторонность, и невроз, и психоз. Что же ты учишь жизни, когда сам – выродок, ублюдок, односторонний, не знаешь ее полноты и разнообразия, а обрезал себя на мысль?

Вон Ницше – несчастнейший и больной человек, а как пыжился и славил силу, сверхчеловека власти! Сам же мог жить, лишь убегая от людей, в горах Альп.

Ну что ж, в этом философ разделяет односторонность всякой профессии – как породы человека: береза, сосна – не могут быть всем, смесью, а реализуют Все бытие – в одной ипостаси. Но совершенно в своем роде. Ибо «ВСЕ во всем!» – тоже возможный философский принцип понимания: в капле – океан и солнце, в моем «я» – стечение смысла Бытия, и все стихии пульсируют во мне: земля, вода, воздух, огонь – всему я причастен и реализую – и могу потому понять

И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье...

Ибо волосы мои = трава, ногти = панцирь, кость = камень. А во рту язык = огонь, фаллос, единица; губы – влагалище, двоица; зубы = горы, множество и т.д.

Ну и хватит заранее промышлять-готовиться. Приготовь себя – к готовности внять-понять вопрос-запрос – и отреагировать живо и толково. Расслабляйся далее...

Представь публику: молодые, любопытные, хотят понять то же, что и ты в молодости: подозревая чудеса понимания в философии. Как Ленский:

Цель нашей жизни для него
Была заманчивой загадкой.
Над ней он голову ломал –
И чудеса подозревал.

Им – как разобраться в хаосе, перепутанице существования? Выбрать главное, существенные ценности каковы, среди них жить. А кругом все завлекают – «меня возьми, держись!» – как реклама по телеку: меня купи, я – самое важное, на меня служи-работай! На деньги, на секс, на ученость...

Тут уж – слушать себя, куда влечет. Ибо есть резонанс, каждый для чего-то создан, к чему талант, лучше удастся, по душе занятие. Тогда занятие жизни – в радость.

И надо дать себя облучать этому многообразию – и тогда, как антенна, уловишь свою волну. А нет – так сам создашь свою волну-профессию. Да, каждый творческий человек создает свою профессию. Так со мной вышло: я – принципиальный дилетант, нарушил рамки разделения труда – и свой жанр создал...

Выискиваю образы далее

С. 57. Большой захватчик – Кант: Пространство и Время отбираются от мира вокруг и инвертируются, присваиваются, приватизируются: чтобы дать платформу для тканья всего, мира – из себя.

Кант жертвует миром, природой, ради свободы – сотворять все: мир, вещи – из себя, строить на фундаменте «я». Жертвует и знанием, истиной, вещами – лишь бы можно было достоверно опереть на «я», совершить первый шаг и из «я» начать строить. Пусть я ничего не знаю о том, что вокруг, но зато есть нечто, что я могу познавать, ткать только из себя.

С. 58. Время – способ, каким размещаем в доме души обстановку, способ, каким душа обрабатывает себя.

С. 59. Явление – не кажимость, не иллюзия, не майя, а плод труда души, ее знания о себе.

Краснота у розы. Ручки у Сатурна.

С. 60. Заключение к трансцендентальной эстетике: в Пространстве и Времени Кант обеспечил резервуар для наглядных представлений – откуда черпать синтез последующим синтетическим суждениям а priori.

С. 61. Чувственность – подает материал. Рассудок совершает производство представления.

С. 63. Общая логика – «есть только чистилище обыкновенного рассудка».

Вообще весь Кант и его принцип КРИТИКИ – есть **чистилище** (катарсис), а не ад невежества и не рай знания.

С. 65. Про нелепые вопросы и попытки отвечать на них: «смешное зрелище: один (по выражению древних) козла доит, а другой держит под ним решето».

Грубоватый народный немецкий юмор в Канте – как и в Лютере в его «Застольных речах».

С. 66. «Канон» – мерило. «Органон» – инструментарий.

С. 74. Воображение – «слепая функция души».

С. 76. «Генеалогическое дерево чистого рассудка».

Строит стеллаж чистого рассудка: отделы, ящички готовы, хотя некоторые еще пусты. «Полный словарь этих понятий... легко осуществим. Отделы его уже установлены, остается только заполнить их, и с помощью систематической топики, которая указана нами, не трудно найти места, соответствующие всякому понятию, а также заметить пустые еще места».

Вкус германского Логоса – к классификации, таблице. Кстати, таблица Менделеева – это мечта германского Логоса (а химия – германская, по существу, наука со средневековья: алхимики, Парацельс, Фауст...), осуществленная русским человеком, но не русским Логосом: он не склонен к систематичности и к табличности, все представлять как стройный Дом.

С. 77. Характерные числа – 2 и 3, **С. 78.** Ряд и агрегат (как способы расположения и связи).

С. 79. «Единство темы в драматическом произведении, в речи, в сказке».

С. 80. Продолжает уподобление юридическому процессу: «Юристы, когда они говорят о правах и притязаниях, различают в судебном процессе вопрос о праве (quid juris) от вопроса о факте (quid facti).

С. 81. «Метрическое свидетельство» – о рождении.

С. 82. Читатель – как **крот**: роет в темноте и глубине, слепо, предмет сокрыт, он утомился...

Хотя и не применяет этого образа, но Гегель его применяет: «хорошо ты роешь, старый крот!» История имеется в виду. Да и близок-роден сей персонаж народу горняков–нибелунгов...

С. 83. «Хаотическое смешение». «Встреча» – априорных представлений и предмета.

«Синтез обладает **достоинством** (Dignität). Благородство плебея Канта.

«Строгая всеобщность».

С. 85. О Локке: «широко раскрыл двери (по-немецки лучше, поговорочно: (Thür und Thor) мечтательности (Schwärmerei – роение мошкары).

«Мы хотим испытать теперь, нельзя ли **счастливо** провести и человеческий разум между этими двумя **подводными камнями**» (рифы, утесы). Тут на английский образ мира настроился Кант, мысли о Локке и Юме.

На теле-ток-шоу: «профессия-философ»

28.6.96. Вчера со Св. на телевидении в «ток-шоу» на тему «Профессия-философ», где был еще Панин Александр Владимирович, декан философского факультета МГУ. В амфитеатре – приглашенные молодые, в основном девушки – студентки философского факультета. Мы же на арене втроем сидим, и нас вопрошал карнавальный Артур (Крапивин?). На каждого заготовлены были вопросы, и по очереди выспрашивали нас. Мне, как аксакалу, старшему тут, – первому выпало. Хотя лучше было бы дать Св. – как даме. Она потом сетовала, что я очень хорошо отвечал и съел ее время, так что им уже меньше досталось развернуть свое.

Такие вопросы мне:

1. Как дошел к философии и понял, что я – философ?

– Ну, философ я не в законе, доморощенный. А главный вопрос: я вот такой маленький и краткосрочный, а мир огромен. Как нам соответствовать? Философия обещает дать ответ, она решает это уравнение – единичного со всеобщим – всегда.

Аналогично и Панин сказал: философия дает баланс, утешение; она – терапия, излечение.

2. «Гачев смысла жизни искал» – пелось во студенчестве. Нашел ли?

– Обязан найти – возраст аксакала уж, люди спрашивают. Во-первых, жить в поисках смысла во всем – страшно интересно, и она уже тем осмыслена. Смысл – относиться к Бытию вопросительно, быть открытым, удивляться: удивление – начало познания (Аристотель). Разум восхищенный в себе пестовать. Это – общий, а вот и свой особый смысл у каждого. Мне так мнится: Бытие ставит мною некий эксперимент, а я его записываю, как штурман ведет судовой журнал в плавании жизни.

3. Как относится к смерти философ Гачев?

Я боялся жизнь не прожить – что минуют меня ее опыты. Когда удалось прожить жизнь полную, насыщенную – то уже я становлюсь «насыщенный днями», как про библейских патриархов сказано. И каждый день – все то же, утомительно повторение, о чем и Соломон, и Баратынский: «На что вы, дни?..» Нет, конечно, каждый день встречаю как дар и имею ожидание неведомого откровения – разуму-то восхищенному, вопросительному отношению к Бытию, но в то же время и уже готовность уступить место. Как и у Державина:

И смерть, как гостью, ожидает,

(Св. рядом шепнула: «Крутя, задумавшись, усы», когда я запнулся).

4. В советское время было трудно философу. Как Вам?

– Конечно, если ты философ в законе, как наши сильные: Ильенков, Мамардашвили, Гайденко, Соловьев, – тогда приходилось в дозволенных формах исхитряться. А коли ты вольный стрелок, как я, и отказался от печати, но «песню про себя пою», – то полная свобода. Так что замечательно свободно было тогда. Сейчас хуже: я раб своей свободы – прежних лет: готовить рукописи к возможной теперь печати...

Да, еще на вопрос о смерти – припомнил «Я умер»:

– Ведь мы неоднократно умираем за жизнь, могли бы умереть. И раз я это сильно пережил – и написал себе «Я умер». И тогда зажил каждый день – как дар, необязательный, легко и свободно. Когда «я умер» – я стал наиболее живой!

5. Раз Вы философ, то всю жизнь в книгах и фолиантах, не скучно ли, не охота ли, как Фауст, – в жизнь?

– Еще как! «Суша теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет» – как Фауст чувствовал. Помню один руководящий кошмар в моей жизни: проснулся – и вижу шкафы с книгами, и каждая требует: «Прочти меня, отдай свое время жизни и сок и кровь!» И наилучшее, во что я сам могу превратиться, это встать на полку такой же книгой, что будет сосать кровь из другого бедолаги... И в возрасте

33 лет бросил Академию Наук и ушел в народ и на флот, на физический труд: в жизнь простую, где ребята-кореша и бабы.. Два года так – и, совершив этот акт свободы, снова интеллектуальный голод узнал – и вернулся, но уже как освобожденный внутренне человек...

Тут встретил Светлану – и осел в семье, в любви и творчестве. Благо жена и дети скромную жизнь нашу приняли, не вынуждали зарабатывать деньги: жили на минимуме потребностей, зато имели свободное время – главную ценность.

Сейчас, записывая скороговоркой, вижу, что все более – про жизнь, «философское» ее проведение говорил. Так что когда третьим из нас говорил Панин, он так:

– Когда студенты поступают, я на первой лекции им говорю: есть три вида, стадии философа: философ по профессии, по призванию и по способу жизни – немногие так, как вон Г.Д.Гачев.

6. Если Вас – на необитаемый остров – и разрешили б взять одну вещь, что бы Вы?

– «Необитаемый»? Значит, людей нет? Только с природой общение?.. Взял бы – спички, огонь.. (Прометеево начало).

Потом Св. «А я думала – ты меня с собой возьмешь. Так бы естественно это», – с такой милой нежностью в электричке назад упрекнула меня. И я: «Конечно! Взял бы жену – и сделал бы необитаемый остров – обитаемым. Свою Еву бы взял!»

Да, дурак, не хватило размаха, христианской оптики, в коей Св. пребывает.

Светлану, когда спросили: как стала философом? – она:

– Я с детства ударена смертностью человека. И как филолог, занималась французским экзистенциализмом, где смерть – в первопроблемах. Но когда попалась книга Кожевникова про Федорова (кстати, в наш дом принес ее известный Юз Алешковский), я – как Татьяна к Онегину: «Вот Он!» Это – мое!

Рассказывая далее, она обмолвилась: «Ну, это уже секрет Полишинеля, что Гачев – мой муж», – и об этом и ее, и меня спрашивали: как на нее повлиял? Она:

– Его воля к творчеству. Каждое утро работал. Это повлияло.

А меня спросили: не под моим ли влиянием стала философом?

– Нет, в ней сразу глубина, и сказал ей как-то: «ты – как труба из жизни в смерть, сквозняк в тебе».

Один из вопросов ей:

– Демокрит говорил, что когда женщина философствует – это смешно.

– Не согласна. Думают, что женщина, раз ближе к природе, то и ее закон выражает. Но она и страдает наиболее от ее закона смерти-рождения. Мужчина более утверждается в культуре – это ему достаточно для бессмертия. А женщина, которая рождает и хоронит, – острее смертность переживает, и она взыскует перемены принципа существования.

Спросили ее: сходны ли наши философии?

– Нет, Гачев – «великий экзистенциальный мыслитель», следит свой личный путь. Я же – **ОБЩЕЕ ДЕЛО** людей развиваю.

Вспомнил, как я говорил там – на такой вопрос: «Есть ли в Вас идея, за которую – на костер?»

– Тут – как Панург Рабле: «Вплоть до костра – исключительно». Нет, неуверен я в своих идеях, нет такой жесткой. Конечно, если приведет Бытие и к этому рубежу, – придется. Но вообще-то я открыт привхождениям. Я баба, влагалище. Кстати, перед нашим выходом на эстраду, Ведущий задал публике вопрос: «Каким представляете себе философа?» Одна: «Очень умный». Другая: «Должен быть настоящий мужчина» Это я вспомнил и уточнил:

– Философ – и то, и другое, андрогин.

А сравнивая нас со Св., четкую разницу вижу: я мужик по телу и баба по мышлению – **ОТДАЮСЬ!** Она же – баба по телу, и человек жесткой и четкой, как стержень, идеи, учитель, пронзающий мир, т.е. мужчина в мышлении.

Так что можно заключить и некое общее правило – о дополнительности мышления, духа – к плоти, а не о тождестве их.

Спросили нас: а **школы** не опочковались от вас?

Я ответил, что мой путь принципиально одинок. Но читатели могут привлечься и подобное делать. (Не упомянул Эпштейна...)

Галстук и коса

Был у меня в заготовке пример из моей философии быта:

– Когда одевался на это «шоу», думал: надевать галстук или нет? Но галстук – это удавка, петля на шее: «Бери меня!» – говорит таковой Социуму. Галстук – знак благочиния, чиновничеству присущ. Галстук означает: личность сдается на милость Социуму, ему доверие оказывает, и присущ он «временем мирным».

То же самое и **КОСА** у женщины, знак доверия бытию: бери меня и запрокидывай, скальп снимай: схваченная за косу голова беспомощна... В этом плане – короткая стрижка современных женщин – знак их самости, обособления, недоверия бытию, ощеренности в мир: приняты меры предосторожности.

Однако, увидев нашего компаньона, Панина, в галстуке, – воздержался говорить такое. Хотя очень подходило: он – декан, казенный философ по профессии, вписан в нишу истеблишмента. Я же – вольный мыслитель – и с раскрытым воротом рубашки, нараспашку почти, выхожу. Во всяком случае – не перекрывая дыхание и голос удавкой галстука.

Из зала спросил один:

– Что же: философия требует безделья?

– Конечно: некая свобода от текущих потребностей, нужд...

Праздность вольная – подруга размышленья,

– писал Пушкин в «Деревне». Но это – не безделье, а деятельность активная – в Духе. Как и «недеяние» Лао-цзы: удержание от действия требует усилий...

– А практическая польза есть ли какая от философии?

На это Панин хорошо отвечал:

– Излечение от беспокойств. Приходят молодые – и мудреют...

Светлана напомнила «Утешение философией» Бозция. И еще:

– Как раз преступность и шатания нынешних людей – от потери ориентировки на главные вопросы.

– Говорят, что нужна общая идея глобальная, так ли? – спросили нас.

– У нас уже была такая, – напомнил Панин, – коммунизм. Рухнула. Не верю в единую. Плюрализм сейчас естественен.

– Нужна объединяющая мир идея, – Светлана. – Борьба со смертью, экология. А для России особо нужна – привыкли мы: без Идеи Русской пропадаем.

– Конечно, нужны главные идеи: возлюби, и проч, что в религиях... – я.

– «Не убий!» – добавила Св.

– А уж при шапке этих глобалий – каждый пролагает свой путь, свой вариант мировоззрения.

Возвращаюсь к Канту

С. 87. Встреча трех богатырей должна произойти в синтезе: «*Восприимчивость* (женская способность. — Г.Г.) только в соединении с *самодеятельностью* (мужская способность — самость и активность. — Г.Г.) может произвести знание. Эта самодеятельность есть основание троякого синтеза, необходимо присущего всякому знанию: именно, **аппрегензии** представлений, как модификации души (*Gemüt*) в наглядном представлении (то, что перед, снаружи, — функция того, что внутри. — Г.Г.), *воспроизведения* их в воображении и *воспризнания* их в понятии».

Последнее — проблема УЗНАВАНИЯ, проблема еще Эдипа: он все знал (априорно), но не узнавал. Он знал, что должен убить отца и жениться на матери, но он **не воспризнал** отца в старике на дороге и мать во вдовствующей царице Фив. Та проблема античной трагедии, что в перипетии УЗНАВАНИЯ Аристотелем означена в «Поэтике», —

стоит вечно и перед всяким умником (каким был Эдип, и вот Кант): как УЗНАТЬ свое, то, что знаешь внутри себя, — в некоем привхождении снаружи, из мира?

Шахта и путь — в «Предварительных замечаниях», а по-немецки: *Vorläufige Erwägungen* «во-внутривание перед бегом»...

«Дедукция категорий связана с такими трудностями (стоп: *Schwierigkeiten* — тяжестями): это русскому «труд» в тяжесть, а немец труда не боится. — Г.Г.), она заставляет так глубоко проникать в первые основания (*Gründe* — «грунт». — Г.Г.). Поэтому пусть читатель не пугается пока неясностей (*Dunkelheit* — «темноты». — Г.Г.) на еще вовсе не проторенном пути».

Темнота в штреке, пока привыкнешь к внутреннему свету. А в синтезе надо «обозреть многообразие (*durchlaufen* — «пробежать насквозь») и собрать его вместе (*Zusammennehmung* — стягивание вместе, сжатие в кулак. Как супонь на хомуте, запрягая, стягивают. — Г.Г.).

С. 88. А вот и гофмановский персонаж Циннобер явился — в перевоплощениях: «Если бы **киноварь** была то красною, то черною, то легкою, то тяжелою, если бы человек принимал образ то одного, то другого животного (тут и некогдашняя в Германии алхимия, и будущий к Канту романтизм Гофмана содержится. — Г.Г.), если бы в самый длинный день в году земля бывала то покрыта плодами, то льдом и снегом...»

«Явления суть **игра** наших представлений», что **выбегают** (*auslaufen*) из «внутреннего чувства».

С. 89. «Представляю себе время от одного полудня до другого» — вот интимная Канту точка в сутках: время обеда! А обеды с друзьями и беседами он долгие проводил: «философ не должен обедать один», — так говорил. Вспоминается, что по-немецки «супруг» — это (*Gemahl(in)*), буквально — «со-ед-ник», «сотрапезница».

С. 91. «Поток явлений» — его надо остановить через «ухват» (*Begriff*) понятия.

С. 112. Характерные примеры: «рисую форму **дома**», «замерзание воды».

С. 118. «Эмпирическое понятие *тарелки* однородно с чистым понятием круга». Гурман — Кант! Оральный Эрос — туда в нем перекачался плотской, понизовый. Ну и—в Ум, который непрерывно источает-зачинает...

С. 120. «Образ числа **пять**». «Понятие **собаки**».

Различение **образа** и **схемы**: «В основе наших чистых чувственных понятий действительно лежат не образы предметов, а схемы». «Этот схематизм нашего рассудка в отношении явлений чистой формы их есть сокровенное в недрах человеческой души искусство

(Verborgene...in den Tie-fen); тут Berg — «гора» в «глубине» — воззрение народа-горняка, — Г.Г.), настоящие приемы которого нам едва ли когда-либо удастся проследить и вывести наружу».

Это бы — процитировать в начале работы моей об образности у философов: что и сам Кант понимал, что умозрения залегают в основе выкладок ума. Схема истекает из недр, из субстанции национального космоса. Тут ОБРАЗНЫЙ АПРИОРИЗМ, который я разыскиваю.

С. 121–122. Все схемы приведены ко Времени — как супер-архетипу во германском мироощущении.

С. 127. Без синтеза в предмет опыт был бы «не знанием, а **рапсодией** восприятия».

С. 135. «Тринадцать талеров» как «денежная величина» и «как агрегат, т.е. как число монет».

С. 137. «Освещенная поверхность».

С. 142. «Сколько весит дым?»

С. 142–3. Показательно, как Кант переводит универсальное понятие «субстанция», что буквально с латинского значит «под-стояние», «под-станция», то есть пространственное представление, — в немецкое Beharrlichkeit от halten — «ждать», то есть переживание из оперы Времени:

«Если то в явлении, что мы желаем называть субстанцией, должно быть настоящим субстратом всякого определения времени, то всякое существование как в прошедшем, так и в будущем времени может быть определено единственно и исключительно на основе субстанции. Поэтому мы можем дать явлению название субстанции только в том случае, если предполагается существование его во всякое время, что не вполне выражается словом Beharrlichkeit (постоянство, как упорство, неизменяемость — то есть свойства души-психеи, «иннере», из оперы Времени: изменяться или нет. — Г.Г.), так как оно имеет в виду преимущественно будущее время. Впрочем, **внутренняя необходимость** (священные коровы в германском Loiose! — Г.Г.) постоянно существовать в будущем неразрывно связана с необходимостью постоянного существования в прошедшем, и потому термин Beharrlichkeit может быть принят».

И показательна потребность германца освоить, транспонировать готовое данное латинское понятие (субстанция) — на свое: с германским корнем и с присущим им национальным представлением в подспуде.

С. 146. «Аппрегензия многообразия в явлении дома, стоящего передо мной».

С. 147. «Я вижу, например, лодку, плывущую вниз по течению реки».

И опять **дом**: «В случае рассматривания дома мои восприятия могли начаться в аппрегензии с **верхушки дома** и закончиться основанием его, или наоборот, начаться снизу и закончиться верхом, я мог аппрегендировать многообразие этого эмпирического наглядного представления справа или слева». Наклонение германского Логоса к вертикали тут сказывается в автоматике первенства смотреть на вещь по этой оси, тогда как русский Логос, склонный к равнине и плоскости, скорее воззрится бы по горизонтали, начав «справа или слева».

С. 149. Причинность = принуждение.

С. 151. «Напр., в комнате теплее, чем на улице. Я ишу причину этого и нахожу ее в том, что печь натоплена».

С. 152. «Если шар, положенный на набитую **подушку** (Kissen), выдавливает в **ней ямку** (Grübchen). Какие нежные слова: «ямочку!»

«Стекланный стакан».

Все комнатные, помещенские сравнения — из Innere Haus-a.

С. 153. «Если возникновение явления рассматривается как действие причины, исходящей из иного мира, то оно называется творением».

С. 157. «Слово *общение* (Gemeinschaft) — как «коммерция», «причастие».

«Разлитый свет».

С. 171. Термин Канта «внешние наглядные представления» (в отличие от внутренних, которые «чистые») подходит к тому, что я выискиваю у него: «грязные» образы: чем нечист сам чистый разум?

«Чтобы представить *изменение*, как наглядное представление, соответствующее понятию *причинности*, мы должны взять для примера **движение**».

С. 172–173. Образ из эпохи великих географических открытий — в английском духе. Кант представляет себя **мореплавателем**, открывшим и исследовавшим **остров**, составившим его **карту**, — и теперь в раздумии: отправляться ли в бурный океан, где туманы и льдины, миражи возможных стран и земель?..

«Кажется, что **выгоды**... не окупают затраченных сил». Однако «ничто так не вредит расширению наших знаний, как желание знать выгоду, приносимую ими, раньше исследования».

А это — уже эпоха рынка и капитала. Адам Смит и английские экономисты.

«Ленивый и неповоротливый ученик».

«Границы... сферы».

С. 174. Пальцы, костяшки счетов, палочки, точки — образы для числа.

С. 175. Образ для реальности — **наполнение**. Образ для величины — «сколько раз?»

С. 176. Образ для причины — **смена**.

«Мнимое основоположение... выступает с большой важностью».

С. 177. «Гордое имя онтологии... должно быть заменено скромным именем простой аналитики чистого разума».

Против аристократической гордыни за бюргерскую скромность, бережливость и экономичность. И не блефовать. Стиль, что свяжет потом М. Вебер и назовет: «Протестантская этика и дух капитализма».

С. 182–183. В связи с различием ноуменов и феноменов: «область сферы явлений остается (для нас) пустою... Понятие ноумена есть только пограничное понятие, служащее для ограничения притязаний чувственности...»

Как скрупулезно Кант-пограничник межует пределы всему!

С. 184. «Но такое извращение смысла слов есть лишь софистская уловка, имеющая целью уклониться...»

С. 185. Как можно и чем — мыслить ноумены? «Где здесь то **третье**, что требуется..., чтобы связать?...» «И проблематическая мысль, оставляющая все же для них **место открытым**, служит, наподобие какого-то **пустого** пространства, лишь для **ограничения**...» Это Raum в отношении к Haus'у наших априорных сил.

«Рефлексия... не имеет дела с самими предметами и не получает понятий прямо от них; она есть такое состояние души... есть сознание отношения...» И так я вижу: что рефлексия — это свой свет, лампа в доме души, домашний свет, без выхода в пространство, а самовозжигание в трении отношений и сравнений. Как огниво германских сказок — в руках умельца-солдата иль мастерового.

И тут свой цех: «раньше всякой **обработки** своих представлений (как изделий. — Г.Г.) мы должны решить, в какой способности познания они связаны друг с другом» = перед обработкой материалов надо решить, какому инструменту они подлежат.

С. 186. Способ мыслить = прием «строить... суждение». И «трансцендентальная рефлексия» — для сравнения предметов: направляет к разным способностям — как реле, различитель направлений, диспетчер, посылает заказ в тот или иной цех = способность познания.

С. 189. «Трансцендентальное место» — как ящичек на полочках способностей, откуда брать и куда вдвигать. Образцовый порядок инструментов у мастера в чистеньком немецком бюргерском доме с этикетками. А противны этому — «амфиболия понятий» = смешение, всякое спутыванье полочек, «подтасовка» понятий — беспорядок.

Противны также «шумиха» (Blendwerk). Чуть не влип я, начав выкладывать насчет чуткого уха немца, музыканта (что и на с. 191 обличит Лейбница, кто «возвестил с помпою»...). Тут же «бленда» — шоры, стихия света и ослепления, и даже полярно с русским: их Blend-fenster — у нас «глухое окно», хотя на Руси стихия света роднее, чем звука.

С. 192. Лейбниц предоставлял «чувственности лишь низменную задачу спутывать и искажать представления рассудка».

С. 193. Как **внутреннее** важно и дифференцируется! «Я не нахожу ничего **безусловно** внутреннего, а всегда только **сравнительно** внутреннее». Кант за мужество и стоицизм ограничения и безнадежности — против утешительных иллюзий о будто знании. Как у Лейбница: вещи = «я», монады с Innere...

Кант иронизирует над **жалобой**: «мы не видим ничего внутреннего в вещах» — над германской жадой, тоской по внутреннему во всем, как месту истины для немца во всяком бытии. Тогда нам надо иметь иные познавательные способности: «чтобы мы были не людьми, а какими-то существами, о которых мы не знаем даже, возможны ли они и каковы они».

С. 195–196. Продолжается самокритика немецкой потребности мыслить непременно наличным внутреннее в каждой вещи, понятии:

«На первый взгляд отсюда следует вывод, что в каждой вещи (станции) есть нечто безусловно внутреннее, предшествующее всем внешним определениям».

С. 198. «Рассудок ограничивает чувственность, не расширяя однако этим своей области». И далее: «Критика... не позволяет нам создавать новую область предметов»... А — хочется! Тянет немцев — ко **«грюндерству»** на новых землях: в Прибалтике, в России, на Украине; колонисты и в Польше (см. «Форпост» Пруса).

Запрет уноситься в умопостигаемые миры — опьяняться иллюзией будто знания...

С. 199. Примеры «Ничто»: тень, холод.

С. 200. Таблица «Ничто» — из 4-х видов. Как у Мейстера Экхарта почтение к Ничто. Разработка «НИХИЛЬ».

С. 201. Смесь — главный враг, источник иллюзий, отклонений.

Ложное суждение — как диагональ в параллелограмме сил, можно разложить и очистить. Кант — как мастеровой с линейкой.

С. 202. Различение: «трансцендентный» и «трансцендентальный». Тут Кант — в борьбе с германской тенденцией империализма: выходить за свои пределы (в частности — «Дранг нах Остен»), необоснованно расширять свое «жизненное пространство».

«Основоположения, устраняющие эти (опыта. — Г.Г.) границы и даже повелевающие переступить их, называются трансцендентными». — Разрушить пограничные столбы и вступить на новую почву.

Но действует Рок: нельзя избежать впадения в трансцендентальную иллюзию (как Вотан у Вагнера — подавлен роком договоров-правил. — Г.Г.) — так **море** роковым образом кажется «посредине более высоким, чем у берега», а **луна** на восходе кажется большею.

С. 203. «Естественная диалектикаЕ не перестает обольщать его даже после того, как мы раскроем ее **ложный блеск**».

С. 204. Законы в обществе и «законы» природы.

«Давно уже высказывается желание, которое, может быть, когда-нибудь исполнится, — желание, чтобы взамен бесконечного разнообразия гражданских законов были найдены их принципы, так как только в разрешении этой задачи заключается тайна упрощения законодательства». И это возможно, в нашей воле, ибо мы — конструкторы законов тут, так как тут тождество — нас, и наших законов. А к природе так не подойти: она инопланетянка нам, только недоумевает нашим претензиям.

Вектор Канта — **свести** многообразию знаний к наименьшему числу принципов. Вворачиванье внутрь, взгляд в центр, в узел.

Подчинение высшего низшему — более глубокому. Цеховая иерархия способностей.

Разум регулирует «распоряжение запасами нашего рассудка» — как экономный домохозяин.

Светлана в ливень в босоножках пошла

29.6.96. Эх, благодать! За окном — морось и холодок, а мы (чуть не написал «ты», но тут же расширился: тебе хорошо потому, что все почти твои — тучочка, вместе) — в уюте и тепле. Лежат еще, покойные (не покойники!), а ты бодрствуешь на своей уже передовой, радуясь, что в тылах — все в порядке.

А вчера дура Света — в дождь проливной поехала в город каким-то итальянцем для фильма о России рассказывать по-французски о Федорове — в нашем музее-читальне. И поехала в босоножках!

— Нет у нее подходящих туфель одеть, — Настя объясняет.

— Так ведь при бедности — как поступают? Едут в ботах или могла кроссовки надеть, а взять с собой туфельки — и там переодеть. Как советские бедные женщины, что не имели избытка обуви!

Пошла – большая пухленькая девочка: долг и к делу своему, к Федорову, и к слову данному (я ее отговаривал: в такую погоду и собаку не выгоняют!..) – и так шла, задаром. Как и накануне на телевидении нам ничего не заплатили: мол, – реклама вам!.. Но ведь труд и истечение праны, целый день пропал у двоих... Так что рассердились на себя, что не умеем о деньгах говорить, как целомудренные на этот счет савейские, милые, – и расхрабрилась Св. сказать про гонорар. И что же? Вечером 100 долларов принесла... Работяжка, трудяжка – как те ломовые русские бабы, на ком страна и жизнь в ней держится. Волновался за нее – сидя тут на крытой веранде и беседуя уютно с Кантом. Ахал Насте: что дурак я, надо было мне настоять – не выпускать ее в такой ливень!

Н. оценила мои волнения о жене – и передала вечером Св.:

– А Гошка за тебя волновался!..

Не избалована она заботой мужа о себе – и растаяла в улыбке, и были умиление и нежность меж нас. Взвидел я в ней «возлюбленную отроковицу», что предалась 30 лет назад с риском – «дяде», и она себя снова маленькой деткой ощутила сейчас, о коей «папка» волнуется.

А под утро я проснулся – с памятью о лекции, которую только что читал во сне – о национальных космогосах – женской аудитории. Всё – отдача-впечаток позавчерашнего «теле-шоу», И как ярко лампочка ума горела! – помню. Хоть запи-сывая лекцию!

А по телевизору – близится пароксизм баталий к выборам президента. Как сплотились молодчики-грабители страны вокруг пахана своего – Ельцина! Так и видишь – слой поверхностный пустоплясов-бесов: и политиков, и журналистов, и «рыночников», кто урывают себе куски от тела страны и земли и недр и народа, – и жируют и готовы смыться за рубеж, когда взъярится народ и их по п..де мешалкой! А пока перекачивают себе добро России в доллары и покупают недвижимость за рубежом. Такой идет поток. А мы, а люди тут – в состоянии голодного быдла без работы и средств – приводятся... Одно их тревожит – команду власти и журналистов: не пересолили ли в оголтелой рекламе за Ельцина? Не вызовет ли обратный эффект?.. А хотелось бы...

Даже патриарха перетянули к себе: все рядом с Ельциным появляется. Пужают коммунизмом – как бы в Италии Ренессанса пужали христианством, акцентируя годы правления Савонаролы: конец искусству и свободе!

Смех Судьбы над Кантом: стремился упростить, а такое насложил!

Ну ладно: назад к милому Канту («миРЛому» = «милому» и «мирному»: такая ошибочка-неологизм случилась).

Поразительная усмешка судьбы и бытия — и над Кантом и его трудом! Ведь пафос его труда был — УПРОСТИТЬ, добраться до простого и экономного пути жить и понимать, сбросив аристократические излишества в разуме и философии. А что наделал! Построил такой готический барочный собор — со столькими новыми терминами, категориями. В такой сложной и четкой иерархии, соподчинении чиновническом друг со другом, такие тонкие дифференции, — и не входить отныне в здание Ума и Познания и Философии, не изучив все эти тонкости и термины! Такую надменность философов породил — и такое им занятие игро-шахматное: головоломки кантовых терминов и их соподчинения держать в уме и преподавать студентам — студиозусам, стремящимся познать, — и вынужденным тонуть и вязнуть в дебрях-деталях кантовых лесов-пролегомен еще только — к зданию Разума!

Но, впрочем, конечно, достиг простого и чистого видения, Его принцип — АПРИОРИЗМ. Разделение двух миров: явлений и «вещей в себе». И филигранное распутывание наличного клубка представлений и понятий и терминов философии и науки и культуры — в этой оптике; и поправки к ним, исходя из своего видения; и натворение новых категорий и терминов; и пересклад всего хозяйства в новый Дом — собор Разума. Так что в Канте и то, и другое: и кристальная чистота и простота единого принципа — видения, и многосложное построение на его основе.

Тут — как в параллельно совершившейся реформации в Музыке: перешли от многоусложненного полифонизма — к гомофонно-гармоническому стилю, и в нем простейший круг гармонии устоялся: Тоника-Субдоминанта-Доминанта-Тоника; и так стали возможны грандиозные построения — разработки симфоний Гайдна-Моцарта-Бетховена... Как и последующим философам задал Кант темы и сюжеты: Фихте, Шеллингу, Гегелю, Шопенгауэру, Гуссерлю, Хайдеггеру...

Однако продолжим вникать в дифференции Канта и прозревать в них и под ними — Германский образ мира.

Итак, мы в таком пункте находимся: «Трансцендентальной диалектики первая книга. О понятиях чистого разума».

Значит: переход от Рассудка к Разуму. Душа вздыхает: словно выходишь из душного уже и затхлого Дома (все там чистка, уборка и перестановка мебели идет!) — на простор, в Пространство, можно грудь расправить и воздуху хлебнуть. Тут уже Небо вместо потолка-крыши, свет, высота. Идеи! Платон! Полет Духа, возможно, начинается, вместо его методичного приковывания к галере априоризма и опыта...

Да, как у Данте — переходишь на новые круги и сферы в его «Божественной комедии», так и у Канта — на новые уровни-этажи, в новые отсеки и помещения. Но снова тут — в переборках и анфиладах и дверях запутаться можно. А ему снова, как поводырю-чичероне по замку, — терпеливо разъяснять дифференции и правила и водить экскурсию.

С. 208. Вон они — этажи-уровни и отсеки в различении Разума и Рассудка. «Самый термин *понятие* разума уже указывает на то, что такие понятия не **ограничиваются сферой** опыта, так как они **относятся** к такому знанию, в отношении которого всякое эмпирическое знание **составляет** лишь **часть** (быть может, это знание есть **целое** возможного опыта или его эмпирического синтеза), и на ступень которого не может **подняться** никакой действительный опыт, хотя он и **входит** всегда в него. (Вот и разберись в соотношениях сих помещений: подняться не может, но входит! — Г.Г.).

С. 208. «Понятия разума служат для *понимания* (Begrreifen), а понятия рассудка для *суждения* (Verstehen) (о восприятиях)». Все четкие, как в математике, термины. Но сам Кант тут испытывает трудности — и предается ламентации эмоциональной по поводу слов и терминов в языках — он, обычно столь сдержанный в чувствах.

С. 209. «Несмотря на богатство наших языков, мыслитель нередко затрудняется найти название, точно соответствующее его понятию, и вследствие этого не может сделаться вполне понятным не только для других, но даже и для самого себя. Создавать новые слова — это значит иметь притязание на законодательство в языке, редко венчающееся успехом». Лучше поискать наличные, сдвинуть смысл... Но опасно: специальный твой термин «затеряется в **груде** других терминов»... «Груда» (Haufen — куча; Haufen — не Haus), «смесь» — вот что (bête noire) «черный зверь» — ужасное для Канта.

Смерть = стена

Вошла Св. Жалуется:

— Н. меня так ПОСЛАЛА!

— Ну, нервная она, перегруженная.. А ты мне скажи: как раз пишу bête noire, какого рода? Ставить ли «е»?

— Женского — ие...

– А я тебе нашел место, близкое к тебе и Федорову, – про «природный порядок существования»: можно ли согласовать законы природы с законами общества, идеалами людей? Вон – и зачитываю со с. 204: «Давно уже высказывается желание..., чтобы взамен бесконечного разнообразия гражданских законов были найдены их принципы, так как только в разрешении этой задачи заключается тайна упрощения законодательства» и т.д. Но тут можно упростить и согласовать с нашими идеалами, ибо законы эти сами создаем для себя же. А вот природа – за стеной, за пропастью от нас...

– Нет, как раз стену проломить, мы тоже часть природы – и можем обратно влиять на природу: «цефализация», «органопроекция» – учиться у природы и т.д.

– Но проблема-то существует! И различие. Вы же с Федоровым ставите акцент на возможном тождестве: и силами ума и стилиа жизни человека победить закон смерти в природе...

Да: СМЕРТЬ – главная Стена в Доме Бытия. И германский культ дома и стен и переборок и различий-дифференций жития человечества – с приятием принципа Смерти.

Смотрю на Св. и думаю: как же это Любовь с годами стремится меж нас – к возрастаню! Гляжу на нее, на черты лица – дрожу и дорожу!

Но как на склоне наших дней
Сильней мы любим и суеверней!

– Тютчев... А он понимал в этом...

С. 209. Так что и в отношении к словам и терминам надо быть экономным, а не расточительным хозяином: не создавать-доставать все новое, а порываться и в стареньком, наличном хламе – старых языков – и заштопать, перелицевать – и использовать наличные слова...

А термин – как чехол для понятия: позволяет сохраниться в чистоте и точности.

Да, роясь в немецком тексте, обратил внимание на слово *deswillen* – «поэтому». Но у немца в корне *Wille* – Воля: «по воле» этого. Какой важный акцент в Логосе! Хоть и стерто слово частым и автоматическим употреблением, но ведь корень его все излучает свою энергетику, даже не осознаваемо нами, – как продолжается энергетика ядерного распада. У нас же «по этому» – по плоскости...

...Почему-то вспомнилось тут, как позавчера на телешоу на вопрос: нужна ли ныне Общая идея и как согласовать с этим плюрализм людей и путей и смыслов жизни? – я вспомнил стих Блока:

Любовь ведет нас к ОДНОМУ,
Но РАЗНЫМИ путями!

– вот и ответ!

Умер Никита Ильич Толстой

– по радио сообщили, когда мы со Св. завтракали.

Бедняга! «Сгорел в плотных слоях атмосферы» – Академии! Выбрали в академики – и везде председательствовать поставили: во всех советах, фондах – им-то нужно имя! Его употребляли. А он добрый, хрупкий, великодушный – не мог отказывать. А люди идут, просят... А главное – заседать! В духоте кабинетов!..

Зачем от мирных нег и дружбы простодушной
Вступил он в этот свет – завистливый и душный?

– хочется спросить. Продолжал бы свои мирные труды над этно-лингвистическим словарем!

Что-то слезы текут. Вспомнил, как он (лет двадцать назад) радостно облобызал меня со своей бородой, когда встретились в церкви «Всех скорбящих радости» на Ордынке!... Там его и отпевать будут...

Или как у Юры Селиверстова встречались на застольях того... Обоих уж нет. Ценил мое «Ускоренное развитие» – говорил: «любимая книга»; поддержал на конгрессе в Братиславе мое выступление...

Топоров – тот потверже: хоть и выбрали его в академики, но не изменил своему ритму жизни: нигде не председательствует – в академических синагогах, никуда не ездит, а знай себе работает, пишет – дома, в библиотеке. Свой ритм установил, свою дхарму исполняет. Мудрый!

– Ну, Топоров – твой миф, – улыбается Св. – Может, и не так живет. Ты разве хуже?

– Ну, я по-моему живу, мне подходяще. Хоть и среди волнений, но ведь и с них я пенки снимаю (осмыслением и писанием – это имею в виду, но Светлане пояснить-договаривать было не надо).

– Так снимаешь же пенки!.. Любит папочка с мамочкой оставаться, когда Настя уезжает! Тогда – ему все! Вон и картошечка, и салатец!

– И с мамочкой завтракать, как старенькие уж – Филемон и Бавкида.

Сел я напротив нее – и так ели и говорили. И сказал ей, так садясь:

–Чтобы милловзоры способнее бросать друг на дружку. Чтоб

Взор во взор – и жгуче-синий
Обозначился простор.

Потом зашел к младенцу. Там Св. только что какуси сняла.

– Как хорошо на ребенка действует классическая музыка! – Св. – Так спокойно играет и даже ритмически движется!

– Да, пифагорейское пусть будет ей воспитание – под благородную музыку сфер. Не то, что рев и децибеллы нынешней якобы «музыки».

— Они не только кричат, но и как кривляются! Как на Лысой горе шабаш бесовский. Такой климат воспитания навязывается...

— Вот приемничек бы купить от Деда в подарок Вере к годовщине — было бы соответствующе мне и присуще, и ей памятно!.. А то переносите мой — и так полуразломанный!..

— Куда там! Уже сотня, что ты дал на день рождения, — на еду текущую пошла!.. («Сотня» — тысяч имеется в виду. «Сотня» рублей сейчас равна 5 копейкам пять лет назад: в 20 тысяч уж раз подорожало все).

Платон у Канта

О, ну — назад, к Канту! На два века назад перенесемся. Да, уже легче стало дышать: Платон появился — с «идеями». А не крохоборство цеховых дел мастера Канта — внимать. Он и сам хорошо сказал про разность их предметов и инструментов:

С. 210. «Платон ясно видел, что наша способность познания включает в себе гораздо более высокую потребность, чем простое чтение явлений по складам согласно синтетическому единству в форме опыта (вот как свое дело «унижает»! Вот что такое «опытное знание»! Однако шаг за шагом, поступательно, зато прочно! — Г.Г.).

Он видел, что наш разум естественно **уносится в область знаний, заходящих так далеко**». Все это противокантово, и именно потому, что «естественно» так влечется наш ум: это-то, что как раз по закону «-гонии», по закону природы, — это и надо осадить и закону «-ургии», Труда подчинить.

Однако и близок Платон немцу — тем, что познание = **воспоминание**, углубление в прошлое и в себя души, как и тут — Erinnerung, «во-внутри-ванье».

С. 211. По поводу «Государства» Платона — солидаризируется: нам надо радеть о свободе, а счастье явится само собой. И не надо принимать во внимание «свойственные черни ссылки на мнимо противоречащий опыт» — грубый. Но надо ориентироваться на максимум, «высшую ступень» и, как ни «велика та пропасть», «свобода может перешагнуть через всякую данную границу».

Так что именно Свобода — главный ПРЕСТУПНИК: способна переступить границы, вершить запретный в опыте природы — «трансцензус».

С. 212. И вон как Кант транспонирует на свой лад ИДЕИ Платона: «человек не совпадает с идеею человечества, хотя и носит ее в своей собственной душе (во внутреннем. — Г.Г.), как образец для своих деятельностей». У Платона идея — через созерцание, умозрение прозревается. У Канта — шаблон для мастерения изделий.

Но хвалит Платона за архитектонику — по своей модели Дома: «Если устранить преувеличения в выражениях (Эрос Платона-художника чужд Канту. — Г.Г.), то нельзя не признать, что **полет** (немец уважает — поступь, шаг за шагом, стопой: «педантизм» — понизовость. — Г.Г.) философа, поднявшегося от кропотливого наблюдения физической стороны миропорядка к **архитектонической связи** его согласно целям, т.е. идеям заслуживает уважения...»

Вот как переводит «идеи» — как «цели», «образцы» — для труда, тогда как для эллинов идея — это, скорее, «энтелехия», «целевая причина» всего и всякой вещи и явления в бытии. То есть **вневременна...**

Так что немецкий конструктивистский подход тут. И далее: «Мы займемся теперь не столь блестящей (все дразнит его аристократизм Платона, полет вдохновения и искусства художника. — Г.Г.), но тем не менее вовсе не бесполезной работой: мы будем **выравнивать и укреплять почву** для этого величественного **здания** нравственности, так как разум, тщетно **копавшийся** в этой почве в надежде найти в ней сокровища, **изрыл ее, как крот, подземными ходами**, которые угрожают **прочности самого здания**».

Кант = бульдозер: выравнивает площадку для постройки.

И берет под защиту термин «идея» — как собственность Платона: «так как нам вовсе не требуется захватывать чужую собственность». И далее проводит парад-обозрение своих инструментов в обработке познания: Представление вообще. Перцепция. Ощущение. Знание. Понятие. Идея. Как сверло, молоток, рубанок, фуганок, стамеска...

С. 214. Направление исследования идей: во **расширение** рассудка на поле целостности и к согласию с собой.

С. 214. Германское склонение в анализе «**абсолютного**» — привести его ко «внутреннему». И далее различает «абсолютную необходимость» от «внутренней необходимости» — важна эта проблема для германского ума.

«Чистый разум предоставляет рассудку» — зону опыта. Как суверен сатрапу-наместнику. А «берет на свою **долю** (в разделении труда в мануфактурном производстве знания. — Г.Г.) одну лишь задачу абсолютной целостности».

С. 217. А вот и у Канта идея моста — перехода от естествознания к гуманитарности, чем я занимаюсь:

«Идеи делают возможным переход от естественнонаучных понятий к практическим понятиям («практический» у Канта — то, что касается до социума, личности, свободы, морали. — Г.Г.) и таким образом могут доставить самим моральным идеям опору и связь со спеку-

лятивными знаниями разума» — т.е. и обратный переход: из области человека, истории, морали, «антропологии и социологии» — к законам природы и исследованию естества.

С. 217–220. Цепь. Восходящий ряд. Нисходящий ряд. Взойти — восхождение, полнота восходящего ряда. Шаг вниз: рассудок самостоятельно может спускаться вниз по ступеням.

С. 231–232. Предположение от противного — образ колонизатора: «Мы сделали бы шаг за пределы чувственного мира, мы вступили бы в область ноуменов, и тогда никто не смел бы отрицать нашего права расширяться в этой области далее, закладывая в ней постройки и приобретать владения в той мере, насколько кому благоприятствует **судьба**».

С. 239. Превращение «в ничто, если не путем деления, то путем постепенного ослабления ее (вещи, субстанции — *Г.Г.*) сил (т.е. путем истощения)»...

С. 240. Степени потемнения и прояснения сознания. Оно есть «даже в некоторых темных представлениях». Германский **сумрак**, туман... В эллинстве сознание = свет: оно есть, либо нет. А тут — светотень рембрандтовская, мерцание.

С. 241. Делимость простого видит не как , а как — надстройку степеней, как этажи дома, степени уплотнения вещества. Ирония над делением душ родителей и их сложением в душу ребенка.

С. 242. «Рассмотрим ряд в обратном порядке», закончим круг... «пока не наткнемся...».

С. 244. Точки — как границы: «Но в пространстве нет никакой реальности, которая была бы простою; в самом деле, **точки** (единственное простое, что есть в пространстве) суть только **границы**, а не что-либо такое, что само по себе, как **часть**, служит для возникновения пространства». Итак: точки — не частицы, а границы. По эллинству, точки — атомы, сути, содержания, материи; по германству — границы, формы. Дом ведь есть сумма границ (стен, форм), а не суть. В нем — пустота, икс, возможность наполнения. Но сам — не полнота, а пустота. Эллинская же точка — частица, тело, а не дом-вместилище.

Германский атом — дом — как раз делим, есть образ возможного деления: отделены друг от друга четыре стены, пол, потолок, а внутри — пустота. Дом есть атом принципиальной делимости (знаю, что «а-том» = «неделимость»), полость, а не твердь, воздух в оправе земли, а не земля в воздухе, как шар-атом.

С. 245. «...Чтобы мы не **бросились в объятия** бездушного материализма... не **потерялись в мечтах** о спиритуализме, лишенном основания... употреблять свое самосознание не для бесплодного **расточитель-**

ного умозрения (ишь, как его — основной платонов инструмент! — Г.Г.), а для плодотворного практического применения (но далее как возносит это делание — как Труд = Призвание — Beruf в протестантской этике капитализма! — Г.Г.), которое, хотя и направлено всегда только на предметы опыта (= на производство товаров и накопление денег: капитала понятий. — Г.Г.), тем не менее заимствует свои принципы из более высокого источника и определяет наше **поведение** (вот уже и этика! — Г.Г.) так, как будто наше **назначение** (вот «призвание» — Beruf. — Г.Г.) далеко выходит за пределы опыта, и, следовательно, за пределы земной жизни».

В Канте — стыдливость разума: предметы — малы (опыт), т.е. в цели — малое; но в исходе, в предпосылке, в принципе, позади за спиной — великое дышит; но от него отводит глаз, так как слепнем при взгляде впрямую и ничего не видим. Эххартова «тьма»...

С. 247–248. Отречение, стоицизм самоограничения теоретического разума: «теоретическое доказательство... поставлено на такое **тонкое острие**», и должен разум «непрерывно **вертеться, как волчок**». Он «не имеет устойчивой основы» — не дом.

Вертикаль германская держится трудом, усилием, непрерывным актом.

С. 256. «Наследственный **порок** спиритуализма», «разлетается, как **дым**, под **влиянием огненного** испытания (как ауто да фе. — Г.Г.) критикою». КРИТИКА разума = огонь, очистка руды в сталь, век индустрии. «Огнеземля» — германский принцип во стихиях.

У разума — «видимость успеха, однако вскоре запутывается», «впадает в **сети** естественной антитетики» — их и не надо «расставлять». «Дремота мнимой уверенности», «догматическое упрямство», «смерть здоровой философии» — «эвтаназия (блаженная кончина) чистого разума».

«Раздоры и раздвоения».

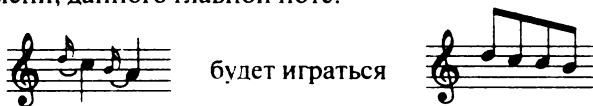
В Германии — причина, во Франции — цель

С. 257. В разделе «Система космологических идей» Кант прочерчивает два ряда: «Абсолютная целостность требуется разумом лишь постольку, поскольку она касается **восходящего** ряда условий для данного обусловленного, а не тогда, когда речь идет о **нисходящем** ряде следствий или об агрегате координированных условий для этих следствий».

Германский ценностный вектор — восходящий ряд от обусловленного к безусловному; назад, вспять, к причине, основанию. Вперед, в будущее идет нисходящий ряд следствий, не важный, открытый. Во Франции, напротив: ряд вперед, в будущее, к цели, где идеал, «финализм» — зона ценности и определения («прогресс», «эволюция»...), а ряд вспять, где причины, — аморфен, зона случайности и мрак доистории.

И та пара, что у Канта обозначена как «основание и следствие», может быть обозначена как «предпосылка и цель», — и ценностный акцент сразу изменится: «цель» важнее «предпосылки» — так же, как в германской паре «причина» важнее «следствия». Одно и то же место в ряду, будучи обозначено как «следствие» или «цель», имеет разный акцент и силу — как в музыке сильная доля и слабая: затакт, форшлаг. Передвинь тактовую черту — и соотношение изменится.

Кстати: во французской музыке (клавесинисты и проч.) форшлаг («пред-удар») как затакт исполняется; у германских же классиков (Гайдн, Моцарт) форшлаг превращается в сильную долю и съедает часть времени, данного главной ноте:

То, что было форшлагом, стало главным звуком на сильном времени. То есть то же, что и у Канта: основное направление — восходящий ряд, и то, что раньше, — ближе к безусловному и забирает силу у последующего.

Во французском мелосе, напротив, — стремление вперед: в песнях, танцах — затакты, форшлагы...

Да и «Марсельеза» вся с затактов:

В Бетховене эта европейская музыка революции слышится среди германской — в этих затактовых возгласах, стремлениях.

В Англии же — синтез причины и цели (как и синтез германско-го и французского языков: саксы и норманны), и у них «энтелехия» — «целевая причина». Дарвин более научен в сравнении с Ламарком, у которого акцент на цели и целесообразности: природа — как социальная утопия выступала.

Оттого так мало утопистов в Германии и много во Франции. И интуиция Ленина верно распределила «Три источника и три составных части марксизма»: французский социализм, немецкая философия и английская политическая экономия = целевая («полит») причина («экономия»). В Англии — практика, настоящее, тогда как во Франции ведет будущее, а в Германии — прошлое.

С. 258. Пространство — агрегат. Время — ряд. Потому в германстве Время, как организованное и направленное, — более важно, чем Пространство.

Подчинение выше координации, сосуществования.

И ряд (времени) образует **границы** в пространстве (последовательность восприятия частей пространства).

С. 259. Границы, стороны. Пространство — обратимо, Время — нет. Итак, границы, формы и балки в пространстве — лишь обнаружение частей и строя времени. Весь Гегель на этом: под Природой (пространством) История (время).

Восхождение, по Канту, есть **ре-гресс**: подниматься к причине, к безусловному.

Итак, уразумеваю: моя тема — априорное в априоризме Канта: то, что им незамечаемо двигало и располагало его выкладки.

С. 259. **Деление** (опять ход вспять) более философично, чем умножение (сложение), ибо есть восхождение к все более мельчайшей составляющей части — к простому, «что уже не есть материя».

Ряд и подчинение выше координации и взаимодействия. Уразумеваю систему Канта еще в таких образах: **дом, окно, мир**. Я из дома через окно чистого теоретического разума гляжу на мир и выхожу через дверь практического разума: действую по долгу.

Окно — априорные формы чувственности и рассудка. В этом отдал себе отчет ум в лице Канта.

Окно и предопределяет: что я воспринимаю мир явлений (он опосредован моими формами: рамами, стеклом, квадратом...), а не вещи в себе открытого бытия, океана.

С. 261. Безусловное — как абсолютная целостность и полнота ряда (восходящего — вспять, в регрессе к первопричине). «Разум начинает здесь свой путь с идеи целостности, хотя, конечно, целью ее служит, собственно, безусловное целого ряда или части его». Герман-

ский ум ищет целостность — и только в этом повороте включается цель. Французский ум ищет цели — т.е. части, совершенства-завершения, — и только в этой связи доходит до него и идея целостности (как совершенства, заверщенного бытия, формы).

Вот: «абсолютно безусловное есть только часть ряда» — первый член ряда, т.е. начало начал, первопричина. И дается Кантом набор первообразов-идей: Начало, Граница, Простое, Самодеятельность (свобода). Необходимость.

Схема этого ряда будет — прямая линия назад:
начало бесконечность

← ← ∞

схема русского космоса: открытость в бесконечность.

⇒ ⇒ ∞

Тут пафос — незавершенность.

В германстве бесконечность — нечто аморфное, темное, к чему отворачиваются спиной, а лицом — к первотолчку. То есть тут модель — тоже однонаправленная бесконечность, только с другим направлением любви и интереса.

С. 261. «Цель регресса» — не правдали, странное сочетание? Нам, вослед за французами, естественно слышать «цель прогресса».

С. 263. «Разум необходимо должен наткнуться при движении вперед»... «Условия его слишком значительны для рассудка... слишком ничтожны для разума» (вот мера, пропорция этих способностей).

Предваряется театр антиномий чистого разума — как прологом: обещает занятое зрелище, арену, турнир, спор. Идет развернутое сравнение — гомеровского типа:

«Эти умствующие утверждения создают, следовательно, диалектическую арену для борьбы, в которой всякий раз побеждает та сторона, которая получает позволение начать нападение, и терпит поражение, наверное, та сторона, которая принуждена вести только оборонительную войну. (Вот германский Логос — в Канте и в Гитлере: первым начать, опередить. Потому немцы первыми начинают войны. Русский же принцип обратный: побеждают как раз в оборонительных войнах... Но тот же принцип заложен и в языке: ударение в немецком слове — на первом слоге, как правило, а в русском — на середине или далее... — Г.Г.). Поэтому ловкий рыцарь (турниры и в

средневековье, и в поэзии Шиллера, и в операх Вагнера. — Г.Г.), все равно, борется ли он за доброе или дурное дело, может быть уверен в победе, если только заботится о том, чтобы иметь привилегию нанести последний удар и не быть обязанным выдерживать новое нападение противника. Понятно, что эта арена издавна часто посещалась для борьбы и что обе стороны одержали здесь немало побед, причем сторонники последнего борца, одержавшего победу, всегда заботились, чтобы защитник доброго дела один удержал за собою поле и чтобы противнику его было запрещено на будущее время брать оружие в руки. Как беспартийные судьи (опять суд, сфера права. — Г.Г.), мы должны оставить совершенно в стороне вопрос, борются ли спорящие стороны за доброе или дурное дело, и предоставить им сначала решить их спор между собой. Быть может, они, более утомив друг друга, чем нанеся ущерб друг другу, сами заметят пустоту своего спора и разойдутся, как хорошие друзья.

Этот метод состоит в том, что мы присматриваемся к спору между утверждениями или даже сами вызываем его, не для того, чтобы в конце концов решить его в пользу той или другой стороны, а для того, чтобы исследовать, не есть ли предмет спора пустой призрак...» (с. 263–264).

Вот дана матрица будущих споров антиномий чистого разума — это будет искусство для искусства диалектики.

Иstek мой разум в трансцендентальное единство апперцепции

30.6.96. Снова – Жизнь: солнце, свет, сверкание промытой зелени, воз=дух озонный – рай! Вынес машинку в сад, сел на ствол черемухи; на стул, как на стол, поставил машинку – и вот блаженствую. Телом гол – отдан солнцу и ветерку, слух птичечкам, ум вдумывается во все и переводит в слова. Играет сачком слов – с бабочками Жизни.

А бедный Никита Ильич – отплыл уж – куда?..

Иль это я – бедный, потому что еще переваливать мне через сей вал крепостной?..

Ну ладно: занимайся каждый своим делом, на коее в сей миг поставлен. Освободившаяся от плоти душа Никиты – да взлетает и ликует в небесах. А в тебе душа да слышит зов плоти, вчера лютоострастно восставшей на соитие с жаной, – и совершили сладкую гребельку и, как каждый раз меж нас, – в небывалом жанре:

насадил я ее на свой вертел, стоя спереди, — и пошли мы так танцевать танго: «Встретились мы в баре ресторана...» Она крупная белая бабища, да еще в туфельках, я ж помене и поддавал снизу. Уф!..

Прости, Господи! Так тоже Тебе работаю: Эрос ведь тоже — Твой служитель...

Фу! Аж писать — раззадоривает, и ОН опять восстает — и ХОЧЕТ.

Погасим. О-КАНТ-уем тебя, голубчик, у-смирим. Отдавай-ка сок, перекачивай из той головы, понизовой, — в вышнюю и поддай жару-духу уму. А то — мыслить нечем: вся силушка так по жилушкам в женское «трансцендентальное единство апперцепции» — в средоточие, в лоно сие, истекла.

А весело было вопить эти кантовы термины заумные, запредельные, — в ходе и в разгар животной нашей мессы! «А ну, Ферштанд! Гони своего коня вскачь на Эрфарунг — в самое пекло! Обойми, поцалуй — свое нежное Наглядное Представление! Преступи границы и проткни свою Трансценденцию!»

Как веселые студенты-ваганты средневековья переиначивали кощунственно божественную литургию — так и нас понесло...

Прости, Господи! Прости, Никитушка!.. Ты ведь добрый. Всегда радостно-детское в тебе было выражение лица. Шалим — тоже...

А в вечер — французское кино «Страсти любви»: как уродливая страшила, кувзина командира полка, страстно влюбилась в его офицера. Ужас! Я ушел, не досмотрев. А женщины мои хохотали: «Гошке бы такую!»

А сюжет, конечно, — остроумный. Прямо «триллер» вышел. Лицо ее — как Смерть сама — и вот нежится страстно, пристаёт...

— А чем виновата? Душа-то романтическая, как у Татьяны Лариной, воспитана на романах Руссо... Так что по-христиански было бы — как раз совокupиться красавцу-офицеру с нею!. Проблема!... Тоже — АНТИНОМИЯ меж любовью Агапэ и любовью Эросом...

С. 268. «Адвокатское доказательство, пользующееся к своей выгоде неосторожностью противника». Нет, по-рыцарски, джентльменски...

С. 277. «Шумиха свободы обещает... дойти до конца в цепи причин..., но так как она сама слепа, то она **обрывает** руководящую нить».

С. 278. «Самопроизвольность действия... — основание вменяемости» — юридическое мышление, суд — модель.

«Если я теперь, например, совершенно свободно... **встаю** со своего стула...» Все помещенская оптика внутренности Дома.

С. 279. «Кто заставляет вас выдумывать... чтобы доставить успокоение вашему воображению?» Кант же — теребит, заставляет работать все способности — в том числе и воображения «репродуктивную способность». Покой германцу — даже не снится, деятельному.

Хотя — стоп! А Гёте? — «На всех вершинах — покой». Auf allen Gipfein Ist Ruh.

Однако у него ж в Прологе на небесах к «Фаусту» Господь: душа человека влечется к покою — так «дам беспокойного я спутника ему»: дух отрицанья и сомненья.

С. 281. «Игра явлений... спуталась бы и сделалась бы бессвязною»

С. 282. «Скачок в сторону» к тому, что не есть «звено ряда».

С. 286. «Четыре естественные и неизбежные проблемы разума». Везде у Канта число 4! И категории, и суждения. 4 стены Дома. И у Шопенгауэра — «О четвероюком корне всякого основания» — стукот германских матриц: «четыре», «корень», «основа». «Философия... обещает дать опору нашим величайшим ожиданиям и надеждам на последние цели».

С. 287. Развернутое «гомеровское» сравнение — про Разум на турнире антиномий, затруднение судьи. Беспристрастие — и интересы.

«К несчастью для теоретического знания (но, может быть, к счастью для практического назначения человека) разум, попавший среди своих величайших надежд в путаницу противоположных доводов (как герой трагедии, Гамлет... — Г.Г.), чувствует себя в высшей степени **стесненным**, и, так как требования его **чести** (достоинство личности—у логической категории! — Г.Г.) и даже его безопасности не позволяют ему **отступить** и **равнодушно** присматриваться к этому **раздору**, как к простой **игре**, или безусловно предписать мир, несмотря на то, что предмет спора глубоко интересуется его (какой тонкий психологический анализ мотивов и поведения! — Г.Г.), то ему не остается ничего больше, как **расследовать** (опять суд и процесс. — Г.Г.) происхождение (а как же! Германский Логос — вперен вспять, в прошлое и причины. — Г.Г.) этого раздвоения разума и узнать, не **виновато** ли в нем простое **недоразумение**, после которого, быть может, **падут гордые** притязания обеих сторон, но зато наступит прочное и спокойное управление разума над рассудком и чувствами (мир после войны. — Г.Г.)».

Вообще у Канта живое, психолого-характерологическое ощущение идей, категорий, принципов — и временами описывает **их характеры**, волнения-переживания и интересы — как моралистический писатель, какой-нибудь Лабрюйер.

«На какую сторону охотнее стали бы мы?» «Пылкие заявления одних и холодные объяснения других».

«В этом случае мы сообразуемся не с логическим критерием истины, а только со своими **интересами**». То есть и Кант видит «партийность» философии, пристрастность и заинтересованность, как они работают и здесь, — и блестяще показывает, какой интерес, даже личный, одушевляет сторону тезисов и сторону антитезисов в споре антиномий.

С. 288. «Обыкновенный рассудок... находит **успокоение** и вместе с тем прочную **точку опоры**, чтобы **привязать** к ней руководящую **нить**..., причем **одна нога** всегда остается **висящею в воздухе**».

С. 289. Опять «нить... оборвать, прицепить»... Как Маргарита за философической прялкой — наш Кант!

И снова психологические характеристики — Идеалиста и Эмпирика. «Хитроумие, заносчивость... разума, который важничает».

«Максима умеренности в притязаниях, скромности в утверждениях». Ведь дан **учитель** — опыт! (опять школа).

С. 290. «Блуждает среди идей», «говорить красноречиво», «суетность»...

С. 291. «Человеческий разум по природе своей архитектурен» — лейтмотив Канта: строить «систему» — Дом. А Эмпирик не может переступить, «не перейдет порога школьной философии». И какая картина разума, освободившегося от практического интереса, отказавшегося «от всякой партийности» (да, этот термин и у Канта)! Его несет к аду колебаний — как «несчастное сознание» у Гегеля или «геенна огненная сомнения» — у Флоренского! «Он впал бы в состояние постоянного колебания... Сегодня ему казалось бы убедительным, что человеческая воля *свободна*, а завтра... что свобода есть лишь самообман.. При переходе же к практической деятельности эта **игра** чисто теоретического разума исчезла бы, как **тени сновидения**».

С. 292. Разум «перед судом присяжных заседателей из своего собственного сословия».

«Бесстыдное хвастовство и эксцентричное самомнение» разума «подорвало бы к себе всякое доверие».

С. 293. «Философу непозволительно уклоняться, ссылаясь на непроницаемую тьму», «отклонить от себя ответственность».

«**Домашние** вопросы науки» — *questiones domesticae*.

Вот Кант это домашнее хозяйство философии и ведает.

С. 294. «Найти ключ», «свалить вину», «природа вполне раскрыта».

С. 295. «Со стороны познавательного **фундамента**».

«Предмет находится только в вашем уме», как в доме, — и будьте добры наладить в нем порядок и все знать.

С. 296. Критика разума дает «освободиться от огромного догматического балласта»... и есть «хорошее очистительное средство» — как клизма и пурген: уничтожает запоры догм.

С. 297. Критика — судилище: выясняет, на ком «вина»: на эмпирии или на чистом мышлении?

С. 298. «Подозрение может навести нас на правильный след для разоблачения...». Кант — следователь.

Эллинские и германские образы: **шар** — и **одежда**. «Если шар не проходит сквозь дыру, то как нужно сказать: шар ли слишком велик или дыра слишком мала?.. Но, конечно, вы не станете говорить, что человек слишком велик для своей одежды».

Одежда — дом для внутреннего

С. 301. «Подготовить почву» — садовник-строитель.

И имя-то **КАНТ** — провиденциальное: «о**КАНТ**овка» бытия, okay-млять, ограничивать... И не вложено ли было Бытием в него вместе с именем задание: «окантовать» чистый разум, найти границы и формы? А ведь имя дает человеку самочувствие и наводит на призвание...

С. 304. «Тело пахнет...».

С. 308. Прогресс — в будущее не нуждается в абсолютной целостности ряда, т.е. в цели. **ПОТОМ**ство «пары родителей».

Различает шествие в бесконечность и в неопределенность. Русская **ДАЛЬ** как архетип — *progressus in indefinitum* («а там еще другая даль» — Твардовский, «За далью даль»). Нам не дано целого, а лишь член ряда: каждый миг, эпоха...

С. 309. «Регулятивный принцип разума» — правило для труда, мастерок, а не изделие. Кант вообще — выявляет инструментарий (для работы — опыта), не предметность, вешность, созданное, готовые вещи. Как вещь изготавливать, а не какова она готовая? — таков кантов вопрос и интерес.

С. 313. Опыт «идет не в бесконечность, а в неопределенную даль» — ср. у Гёте в «Песне Миньоны»: «Туда! Туда! — *dahin! dahin!*».

С. 315. «Разрубание узла, а вовсе не соглашение».

С. 316. «Судья дополняет недостающие законные основания...». «Динамический ряд чувственных условий допускает также инородное условие» — инородца, пришельца.

Безусловное — вне ряда: не **спутывает** его и не **обрывает** (нить).

С. 320. Описывает **характеры причин!**

«*Всякая действующая причина должна иметь ХАРАКТЕР, т.е. закон своей причинности... Эмпирический характер. Умопостигаемый характер*».

С. 324. «Разум... не уступает... и не следует порядку вещей..., а создает совершенно самостоятельно свой собственный порядок».

С. 325. «Истинная моральность поступков (заслуга и вина) остается для нас совершенно скрытою, даже в нашем собственном поведении. Свою вменяемость мы можем относить только к эмпирическому характеру».

С. 326–327. Разбирает «казус злостной лжи» в клещах природы и свободы, меж эмпирическим и умопостигаемым характерами. Виновник лжи мог бы и не солгать, «вина целиком лежит на нем», хотя вполне прослеживаем в воспитании и прочем ряд причин...

С. 330. «Чтобы не покидал нити... и не пускался в область...». «Разум идет одною дорогою в эмпирическом и совершенно иному в трансцендентальном применении».

С. 332. Идеал чистого разума — интеллектуальный образ, «первообраз». Понятия образуют материал для идей. Идеи — для идеала. Потолок предыдущего этажа восхождения и постройки становится полом следующего. Понятия — строительный материал, кирпичи для идей; идеи — для идеала.

С. 333. Идеям нет соответствующих явлений конкретно, но зато «они содержат в себе... полноту и систематическое единство». Вот эстетические качества мира идей, отчего неудержимо влечет германский Логос на этот уровень мыслить. Избегнуть уровня бесконечности (которую Гегель даже обзовет «дурною») и неопределенности, незавершенности. Русский же Логос как раз в положительных и эстетически себе приемлемых и ценных держит эти последние качества.

Наше «Рас-ШИР-ение» из немецкого Erweiterung от weit «далеко», т.е. «раз-дал-ение»...

Наше «все-СТОРОН-нее» из нем. durch-gänglich — «насквозь проходящий». То есть у нас — бок, сторона, внешнее; там — сердце, внутреннее.

«Беззаконная свобода» — по-немецки gesetzlose, «безусадочная». «Закон» — от «оседлость». Еще в Предисловии: «кочевые» — главные инопланетяне для германского космоса.

А »граница« — Schranken: свободу — тоже в шкаф.

«Добро-детель»: Tugend от taugen, «годиться» — в деле. Мудрость Weis-heit = «белизна»

«Идея дает правила, а идеал служит первообразом (Urbild) для всестороннего определения подражаний ему; у нас нет иного руководства (Richtmass — линейка, «правильная мера») для наших по-СТУП-ков (Handlungen — РУКоприкладств)».

Как забавно: где у русских нога-стопа, у немцев — рука! Теперь идеал, ставший домом идей, из них, как инструментов-стройматериалов построенный, — сам становится шаблоном, мастерским инструментом — что наждак для самоочистки и полировки человеком себя в поведении, в жизни.

Идеалы «нельзя считать химерическими» — Hirngespinnste, «мозгом сплетенный»: опять ткань, плести... Русское бы натуральное слово — «при-ЗРАК», от света-видения. Итак, идеал — не химера, а Richtmass, чтобы abzumessen масштаб, чтоб отмерять, отрезать.

«Попытки реализовать на примере, т.е. в явлении, напр., обрисовать мудреца в романе, неосуществимы (unthunlich — «не-ДЕЛ-аемы») и мало назидательны» (верно: ER-bau-liches от bauen — строить, «зиждить»).

С. 334. «Вымысел» — Erdichtung = «вы-плетение», «сгущение». «Идеал разума» как «первообраз» отличается от «созданий воображения, которые не могут быть объяснены».

Кант вдохновляет душу на Свободу

1.7.96. Веселое, конечно, вникание — в Канта, в словечки. Как игра, *резвлечение* в Вечности самой. Ведь язык — Слово Божье, небо, по сравнению с землей текущих событий Истории, что нас, как шепку, метет, увлекает — и дух захватывает — вон через глазение телека, слушание радио; хомутает это нас, наше существо — лучше, чем по рукам и ногам, — и забивает нашу внутренность, душу, своим хламом.

И сколь вдохновляющи высокие мысли Канта — о возможности самоначатия человека и твоего поведения — из свободы, разрывая детерминистский ряд причинности! Так жаль было бегло просматривать эти страницы, когда-то читанные внимательно, а ныне — мимоходом, выискивая пятнышки образов (или что мне таковым кажется)!

Итак, мы остановились на сопоставлении Кантом «идеала разума» и «создания воображения». Вникнем: тут охарактеризовано то, похоже, что мы именуем «художественный образ» — и что я как раз выискиваю в тексте Канта (а не просто наглядные представления).

С. 334. Идеал разума «всегда должен основываться на определенных понятиях (как на краеугольных камнях фундамента. — Г.Г.) и служить правилом и первообразом для подражания и оценки. Совершенно иной характер имеют создания воображения, которые не могут быть **объяснены** и выражены в **доступном** нам понятии. Это как бы монограммы, содержащие в себе лишь **отдельные**, хотя и **неопределимые** никаким выразимым **правилом черты**, которые составляют как бы **смутный очерк** (schwebende Zeichnung — «парящий рисунок») различных данных опыта, чем определенную **картину**, наподобие того, что, по словам **художников** и физиономистов, витает в их воображении (весьма ироническая пошла интонация у Канта. — Г.Г.) и, согласно их уверениям, составляет недоступную передаче **тьнь** их творений или их оценок. Их можно, хотя и не точно, назвать **идеалами чувственности**, так как они должны быть **недостижимым образцом** (термин, что и Маркс применял к художественным творениям античной Греции. — Г.Г.) возможных эмпирических наглядных представлений, хотя они и не дают никаких правил, доступных объяснению и проверке».

Так что художественный образ — «монограмма», то есть такое единичное изображение отдельных черт, что самодержится на правах идеала чувственности, а как? Бог вещь, правила нет, научить нельзя...

С. 335. «При ближайшем исследовании (Unter-suchung — «подискании», рытье, копанье. — Г.Г.) мы находим, что эта идея, как первичное понятие (Urbegriff = праухват», патриарх, предок. — Г.Г.) включает множество предикатов (eine Menge von Prddicaten ausstosse) — выталкивает толпу пересказов».

Так это вижу, что углубление понимания — это рытье, пока не докопаются до пра-семени и корня, что выбрасывает, как артезианский фонтан, из себя растение с кучей отростков...

«...Она, проясняясь, образует всесторонне а priori определенное понятие»... Стоп! По-немецки: durchgänglich... bestimmten Begriffe läutere = «насквозь проходящей огласовкой зазвучит»: добиться чистого звучания — вот что есть «определенность и прояснение понятия» для народа звука-слуха и музыки!

Так что та «совокупность всего возможного», что в данном месте обсуждает Кант, — это что орган, чистое звучание мира-космоса.

С. 336. «Всестороннее определение в нашем разуме имеет в основе трансцендентальный субстрат (= «подслой». — Г.Г.), который содержит в себе (как в помещении. — Г.Г.) как бы весь запас матерьяла (склад для стройки. — Г.Г. , откуда могут быть почерпнуты (gepommen — «взяты» просто, так что тут перевод — переобрАзил», навесив образ источника и стихии воды, на что я попался бы, не проверь по оригиналу! — Г.Г.) все возможные предикаты вещей».

«Всереальность», «безграничное» — основа всех «настоящих отрицаний» как «ограничений». Это еще Спиноза: «всякое определение — есть отрицание».

С. 337. «Совокупность всей реальности... содержит все предикаты... не только под собою, а в себе». Важнейшее во Германстве понятие — **Inbergriff**. Оно — как гигантское Innere, содержащее бесконечность **внутри**. На Руси внешняя бесконечность в сверхценности — «необъятный простор». В Германстве же он именно «объят», содержится в **«В»** — In.

«Все многообразие **вещей** есть лишь многообразие **способов ограничивать** понятие высшей реальности...» Ургийный взгляд на вещь как на изделие. воплощенный прием труда.

С. 340. «Почва погружается, если она не опирается на неподвижную скалу абсолютно необходимого. Однако и само это абсолютно необходимое колеблется без опоры, если вне его и под ним есть еще пустое пространство, и если оно само не заполняет собою всего, не оставляя более никакого места для *почему*».

Вот ужасное видение для германского мироощущения. Навязчивый кошмар для Канта.

С. 342—3. Набор отождествляющих качеств для Бога, как для *causa sui*: причинность последняя = высшая = полная = достаточная; всеохватывающее = совершенное...

«Взойти вплоть до... но не идти дальше».

«У всех народов сквозь самое слепое многобожие все же **просвечивают искры монотеизма**».

С. 344. Идея абсолютно необходимого существа «содержит в себе лишь указание на известную, хотя и недостижимую **полноту** и скорее служит для того, чтобы **ограничивать** рассудок, чем **расширять его кругозор** новыми предметами».

«...Принятое **на удачу**...».

С. 346. «Выиграли игру».

С. 347. «Но мое **имущество** более велико при **ста** действительных талерах, чем при одном лишь понятии их».

С. 348. По поводу «онтологического (картезианского) доказательства бытия высшего существа из понятий»: «человек столь же мало может обогатиться знаниями с помощью одних лишь идей, как мало обогатился бы **купец**, который, желая улучшить свое имущественное положение, **приписал** бы несколько нолей к своему кассовому счету».

«Попытка **выцарапать** (*fausklauben*) из... идеи существование».

С. 349. Бог нужен, чтобы было «на чем остановиться при восхождении». В сущности, «восхождение» по Канту — это, скорее, **спуск** вниз, к первопричинам, основам, вспять, к безусловному, «регресс».

«...Сколько бы ни **затушевывали** и ни **украшали всевозможными завитушками** — космологическое доказательство бытия Бога...».

С. 350. «Мы **вскроем хитрость** разума, с которою он **выдает** старый аргумент в **замаскированной** форме за новый и ссылается на согласие двух **свидетелей**... между тем как... меняет лишь свою одежду и голос, чтобы быть принятым за второго свидетеля».

Прямо сцена из комедии ошибок — с переодеваниями и «кви про кво».

С. 351. «**Обещает повести** нас новым путем, но, сделав **незначительный обход**, опять возвращает нас на старый путь, покинутый нами...».

С. 352. «**Ложное самоудовлетворение** разума по поводу завершения этого ряда.

«**Уловка** космологического доказательства».

«**Потерпел крушение**».

Как лично, характерологически и психически чувствует Кант существа-вания из мира идей, категорий и проч.!

С. 353. «Помочь разуму в его поисках».

«Задачи **противятся** всем самым напряженным нашим усилиям удовлетворить... рассудок... и **успокоить** его».

«Безусловная необходимость... есть настоящая **пропасть** (Abgrund) для человеческого разума. Даже вечность... не производит столь головокружительного впечатления, так как она измеряет только продолжительность вещей, а не носит их в себе» (как недра, утроба, Все-Иннере. — Г.Г.).

«Здесь все ускользает из-под наших ног, и величайшее совершенство (т.е. сам Бог. — Г.Г.), подобно наименее совершенному, колеблется без всякой опоры».

С. 354. — Мы должны **допускать** нечто.. и в то же время с **ужасом отступать** перед бытием такого существа, как перед **пропастью**.

С. 354. «Не могу завершить... но не могу и начать с необходимого существа».

С. 355. Тюрьма мышления: вечное заключение, и не надейся на выход на свободу. «Оставь надежду, сюда входящий!»

«...Чтобы мы также никогда **не надеялись** на это завершение, т.е. не принимали ничего эмпирического за безусловное и **не освобождали** себя таким образом от дальнейшего объяснения».

Точнее: мышление есть вечное освобождение без освобождения.

С. 356. Когда «регулятивный принцип превращается в конститутивный» — это «подмена», ложь. Для немца важнее регулятивный принцип — т.е. правила (Regein) работы (мышления), а не вещь, истина.

Россию скальпируют

1.7.96. 6.40 веч. Собирался в деревню, но дождь отпугнул — и пристроился на закрытой застекленной веранде, а то у меня — темновато. По радивам и телекам — пароксизм кануна выборов. А мне так все взвиделось — в таком образе.

Россия извека существовала с тонким слоем элиты — будь то дворянская цивилизация или советская с интеллигенцией. И так тело страны-народа питалось умом и культурой, а дворяне и интеллигенты — не становились фитюльками и пустоплясами, а имели народный корень и смысл и вдохновение своему существованию. Но это — пока закрыта была страна, границы. Ныне же у нас — как слизнули этот тонкий слой: переманили ученых, художественная интеллигенция и журналисты — все ринулись в западное Эльдorado, и как пленку и скальп сняли со страны, с тела ее, с

череп, — и Запад получил вливание интеллектом, культурой, умом — возвращенным в России, на ее субстанции. А остающиеся тут спешно в быдло деградировать должны — в том числе и элита интеллигентов, как мы, что тут остаются: на грань выживания поставлены.

И так второй раз. Первый — когда русская элита дворян и интеллигенции эмигрировала за границу после Революции — и оплодотворила мощно культуру Запада, Европы и Америки. Потом в эпоху СССР выросла новая элита, особенно в «застой» мирный, — и ее тоже теперь слизывают. А она, элита, думает только о сиюминутном: не понимает, что только в слитности с толщей субстанции страны и судьбы России и народа — ее питание; меряет себя по «мировым стандартам» — и спекулирует, дразнит народ простой: «А мы что, не как все? Хуже, что ли? И мы хотим жить по американским стандартам!» И там могут — все, а у нас лишь элита так, но свой интерес предписывает стране: чтоб стала «открытым обществом». А у нас первое дело — надо призакрыть границы... Как дамбу. А то затопит низину...

А, может, — не страдать? Так мир снимает урожай культуры с России: стригут ее, как овцу. Или как покос — раз в полвека. Состригут — и снова нарастет — иной тип ума и искусства и творчества и культуры! Первая волна эмиграции, вторая, третья... Еще и исход еврейства. Еще и утечка мозгов — по грантам и прочему Соросу... Приманки.

А я остаюся с тобою,
Родная моя сторона:
Не нужен мне берег турецкий
И Африка мне не нужна.

Тоже — предмет и интонация некоей гордости и самоуважения и достоинства в этом... Хотя не надо — и этим гордиться. Тебе ж тут — хорошо, присуще, и не твое время живота — рыпаться. А был бы молод — может, и снялся бы в странствия по чудесам мира — наружным. А уж сидя, будучи всажен растением, деревом — в субстанцию России недвижно, волей-неволей в себя заглубляешься, во внутреннюю жизнь — и ее развиваешь и выражаешь. Что и стало твоим призванием и деланьем.

Все правильно, все справедливо...

А теперь — продолжаем КАНТоваться.

С. 357. «Трансцендентальная идея необходимого вседостаточно первоначального существа до такой степени **безмерно широка**, так **возвышается** над всем эмпирическим, всегда имеющим условный характер, что в опыте никогда нельзя набрать достаточно материала, чтобы **наполнить** такое понятие; к тому же в опыте мы всегда **топчемся** среди условного и **тщетно ищем** безусловного...». Тут эмоциональ-

ное поле: возвышение предмета мысли — и самоуничтожение мыслителя. Прямо поэзия вспыхивает в интонации при таком расплывании, поляризации силового поля меж Идеей и рассудком человека:

«Действительный мир открывает нам такое неизмеримое поприще многообразия, порядка, целесообразности и красоты... что... нашим слабым рассудком... Всякая речь перед столь великими чудесами становится бессильною.. так что наше суждение о целом разрешается в безмолвное, но зато тем более красноречивое изумление».

Красноречие, элоквиция — прямо как Мейстер Экхарт в проповеди — и тоже приводит к молчанию перед бездной и Ничто... как высшей полнотой.

Далее поэзия идет крещендо — и вот дивные и точные слова:

С. 358. Можем достичь высшего, подступиться к нему легко «лишь в виде тонких очертаний абстрактного понятия» (leicht... durch den zarten Umriss — **нежными** очертаниями). — Боже! Просто музыка звучит! Тут же исповедание Любви — но не столько к сему высшему предмету — Богу, сколько к божественному труду мышления, каким занят. Ошупывает тонкую кожу абстрактного понятия — как влюбленный тело женщины. О, Кант! Меджнун чистого разума! Неистовый его духовный Эрос в этих строках-стихах прорвался. Такой же пафос, как и у Платона в «Федре» — об одержимости любовников Духа...

И какое при этом целомудрие, робость приближения! «Это понятие удовлетворяет требованию нашего разума быть **экономным** (Ersparung — «бережливость» трудяги-капиталиста. — Г.Г.) в отношении числа принципов (расхождении понятий: швыряться ими, как купчик или шедрый аристократ, — пошлость и гордыня перед Богом. — Г.Г.).

«Разум... поднимаемый в высь... возрастающими в его руках... доказательствами, не может быть **подавлен** (niedergedrückt — «вниз вдавлен») сомнениями утонченного (это стиль аристократов, либертенгов. — Г.Г.) и отвлеченного умозрения». Также и пошла Канту сентиментальная дряблость «всякой мечтательной нерешительности», что так распространена в немецких «прекрасных душах» (schöne Seelen), что модно рядом в сентиментализме и будет в романтизме...

С. 359. Аналогия между «продуктами природы и произведениями человеческого искусства» — подход мастерового к познанию! — «на основании сходства этих продуктов природы с **домами, кораблями, часами**» — какие предметы назвал! Дом и Часы — архетипы Германства, а Корабль — Английства, чего Кант и отпрыск, и поклонник.

С. 360. «Доказать существование *мирового зодчего*». Мир = Здание, Бог = Бауэр — строитель. Ургийное доказательство бытия Бога — родное наивному германскому Логосу...

С. 361. «Физикотеологическое доказательство **застряло на пути**, перескочило... в замаскированный онтологический аргумент... достигло своей цели... хотя отказалось от родства».

Да тут — прямо история и рассказ о поведении живого существа, человека! А ведь это — о доказательстве. Теперь, после того исповедания любви к «нежным очертаниям абстрактных понятий», — уже не удивляемся психологическим характеристикам категорий, понятий — вообще инструментов разума, как действующих лиц его драмы. Да, Кант дает психологический анализ мотивам и поведению агентов-актеров на сцене Духа.

С. 361. И ниже: «самомнение ясно видящих», «хитросплетения мрачных фантазеров», «в довольно жалкой форме», «не желая, однако, сознаться»...

А при этом какие передвижения — прямо мейерхольдова акробатика на сцене, клоунада комедии дель арте!

«Смотреть сверху вниз», «подвергнуть испытанию», «пройдя... на почве и видя себя далекими от предмета, который манит, они внезапно покидают эту почву и переходят в царство, где стремятся на крыльях идей подойти поближе к тому, что ускользало... Вообразив, будто благодаря такому огромному прыжку удалось стать на твердую почву...».

Какая кинетика и эквилибристика — у сторонников физикотеологического доказательства!

С. 365. **Борцы** на ристалище доказательств бытия Божия.

«У меня нет основания опасаться... догматических борцов; я, хотя и не считаю себя выдающимся борцом, не уклоняюсь от вызова... поэтому я выставляю... чтобы противники оправдали... не разрушает надежд на большое счастье...»

С. 366. «Цензура разума — очищает от примеси, устраняет с пути» — как резец хирурга — эта критика разума! Огонь. «Безукоризненный идеал... завершает и увенчивает».

С. 367. О регулятивном применении.

Мастерство дороже, чем мастер: и мастер умрет, и эмпирическая вещь, а мастерство способно передаваться. Иерархия: разум относится к рассудку, как рассудок — к предмету. «Разум не создает, а только упорядочивает».

С. 368. Образ из оптики. Надо пояснить регулятивное применение трансцендентальных идей. И вот — фокус лучей и проекция предметов за нашей спиной — за отражающую поверхность.

«Они (трансцендентальные идеи. — Г.Г.) устремляют рассудок к известной цели, в виду которой линии направления всех его правил сходятся в одной точке, и хотя эта точка есть только идея (*focus imaginarius*), т.е. точка, из которой понятия рассудка в действительности вовсе не исходят, так как она находится совершенно вне границ возможного опыта, тем не менее она служит для того, чтобы сообщить им величайшее единство наряду с величайшим расширением».

Все убегаю от смерти

2.7.96. Нет! С бытием и жизнью все в порядке! Это я на платформе Переделкино, глядя на стайку юношей и девушек, что едут в поход, — развеселился душой. Такие гибкие, с надеждами, беспечны... Ну, умер Никита Ильич, умирает Берта (вчера Бочаров позвонил), при конце мать моя, сам будь готов — а не страшно это! Вон солнце, лето, люди копошатся и ткут свое существование и изделия. Парят из них и над ними чувства... Психея мировая питается.

Вчера по телеку наши сериал «Династия» смотрели, и с экрана такая фраза женщины: «Я тебя сейчас ненавижу с такой же силой, как когда-то любила!» Св. подскочила ко мне, обеими руками меня за чупрыну дернула и воскликнула:

— Когда же я Гошке такое скажу?!

Вот: буффонно, весело нам...

...Бочаров даже назвал телефон в палате Берты... Но я... боюсь звонить. Не будет ли мой звонок — голос ею воспринят как зов ангела смерти — Азраила? Не звонил, не звонил — и вот: прощаться, значит? Не нахожу естественного тона. Да и когда год назад был там, все тон чуть натужный, не вполне естественный.

Да и вчера: Бочаров сказал, что был на отпевании Никиты Толстого, а я — нет. Все избегаю неприятного...

— Мороженое «Ленинградское», с орешками, 3 тысячи! — проходит с лотком женщина. А у меня всего 1 тыс. — и то Настя уделила на попутку в деревню. Совсем все из нас Бабуся высосет... А вон послезавтра приезжает Грейс из США и везет матрас от пролежней. И невозможно желать и сказать, что желаешь ускорения...⁹¹.

Вон Алабино, где на кладбище родные Светланы и отец мой — условно... Может, и урну с прахом матери моей сюда прикопать — потом?... Ну да! раз христианская уже душа ее, то зачем напрашиваться к Маше — сестре и Соломону, к

⁹¹ С ужасом к себе считываю эти строки, «но строк постыдных не смываю», как Толстой ошибся, цитируя стих Пушкина из «Воспоминания»: «Но строк печальных не смываю». — 25.VIII.96.

родне Цорфасов на еврейское кладбище в Вострякове? Пусть с мужем уж и куда внуки ходят. А умру я – пусть дети перенесут таблицу отца и урну матери – ко мне на могилу.

Уходя утром, записку написал: «Свет! Приеду 7-го. Целую – твоя Тьма». Хорошо экспромтом получилось. Все-то она меня тонизирует, взбадривает на игру и мысль всю жизнь нашу! Ускользаю из города в деревню – аж на 5–6 дней! Большой кусок везу доделать Канта и взял Якова Бёме.

А в Канта уж и влюбляюсь: какая поэзия идет под конец!

Вот Ч.П. – и удача!

На станции Нара, сходя с электрички, на миг загляделся на крутые бедра выходящей женщины, шагнул – и ногой в проем между платформой и вагоном! Упал, кроссовка одна слетела с ноги; лежу на платформе, одну ногу свеся, вбираю ее; из сумки повывлетали 3 конфеты, ручки; очки – с глаз – чуть не раздавил ногой мужчина.

Меня приподымают... Электричка ушла, спрыгнул за кроссовкой на путь – и вот перевожу дух, восписывая эпизод. То одноглазость моя – не точно координирует расстояния. Ну и *cherchez la femme!* – и туточка.

5 ч. Хотя и на несколько дней, но ошеломляет переселение – то в деревню, то в Переделкино, то в город. Вот и сейчас полдня ушло на акклиматизацию тела и души. Обед себе зеленый готовил, ел, дремал, потом полон свеклу, огурцы и кабачки; убирал чуть в доме, чай пил – и вот сел – под куполом неба с подручным простором: весь расстилается, урезанный только лесом вдали... Слишком много блага выпало мне – и трудно все удерживать. Вот мой стиль – избегание социума (а, значит, – и заработка денег), писание в себя, домоседство; мой круг – деревня, дача, городское жилье, институт, издательства. Не говорю уже о жене, детях, матери. Друзей давно нет – и времени на них. Свитья бы, а я все – расширяюсь...

Цени вот этот отпуск тебя женой в деревню – на неделю. Ну и сам себя отпусти – от дум-забот издательских. А вот к Канту – прибегни, продолжай сожительствовать с ним.

Регулятивные принципы

Итак, мы расположились в «Приложении к трансцендентальной диалектике. О регулятивном применении идей чистого разума». И — О! Ба! Знакомые все лица! Мои милые натурфилософские **четыре стихии** здесь Кантом в обличии «чистых химических элементов» приводятся на философский раут.

С. 368. «Мы сводим все виды материи к землям (это как бы просто тяжести), к солям и **горючим** сущностям (как силам) (стихию «огонь» германский ум приводит запрятым в тверди — в стихии «огнеземли» и толкует как «силы», энергии для деятельности. — Г.Г.), наконец, к **воде** и воздуху, как к посредникам (тут Кант вполне солидарен с Платоном, который в «Тимее» стихии: воду и воздух — толкует как посредников между крайними членами пропорции: землей и огнем. — Г.Г.) (это как бы машины, при помощи которых действуют вышеуказанные вещества)». Опять — перевод во инструменты труда: «машины» — как трансмиссии; стихии — передатчики в механизме природы, в ее часах и заводе.

С. 370. «**Бережливость на принципы** становится не только экономическим основоположением разума, но и внутренним законом природы».

С. 371. «Хотя это единство есть только идея, за ним всегда **гонятся так ревностно**, что есть более оснований **сдерживать эту страсть**, чем **поощрять ее**».

И опять примеры — с химиками. Избирательное сродство в германце с этой наукой — чернокнижной и алхимической в Средние века. Но шутка ли? «**Философский камень**» отыскивали умы в материи! Трактую ее как некую тайну, загадку, «инобытие Духа», как ее обзовет Гегель.

Да и Гёте целый роман строит на модели и термине из химии: «Избирательное сродство» есть между химическими элементами разными, в силу чего они вступают друг с другом в химические реакции и перетасовываются, перетягиваются к тем, к кому естественно более влечет, отлипают от одних комбинаций и вступают в новые. Как при встрече «солей» с «кислотами» высвобождается чистый элемент и «шелочь»... — забыл. Или наоборот?.. Но тут это неважно. Так и в романе Гёте дружат две пары влюбленных — и в ходе дружбы, общей жизни, прогулок — перетасовываются, переходят перекрестно друг ко другу...

С. 372. «Экономический прием разума, имеющий целью, насколько возможно, **сберечь труд**... Однако такую эгоистическую цель легко отличить от идеи... и разум здесь не **нищенствует**, а **повелевает**».

Нищева Воля к Власти — и в Чистом разуме Канта. «Это основоположение (**зоркости** или способности различения) ограничивает **легкомыслие** первой способности (остроумия)».

Различение объема и содержания понятия дано тоже в типичных для германства векторах: «под» и «в»: «Рассудок в первом случае мыслит многое под своими понятиями, а во втором случае он мыслит многое в *самих* понятиях».

С. 374. Германский континуум форм — где не дано пустоты, но сплошняк переходов от более общих точек зрения = горизонтов к меньшим, низшим, подвидам, — или вверх, к высшим, к родам. Но промежутков нет: «Всякое понятие можно рассматривать, как точку, которая, как точка зрения наблюдателя, имеет свой горизонт, охватывающий группу вещей... Внутри этого горизонта может быть указано бесчисленное множество точек, из которых каждая имеет в свою очередь более узкий кругозор... Но для всех этих горизонтов, т.е. родов,... можно представить себе общий горизонт» — и т.п.

Опять многоэтажность здания бытия = миро-здания и в Логосе. Но такая структура Логоса имеет соответствие и приводима к германскому Космосу плотно населенной Средней Европы, где «бург» переходит в «дорф» — и нет пустот, так что и в Логике возможно ОПОСРЕДСТВОВАНИЕ, спокойная работа рассудка: «Все различия между видами граничат друг с другом и допускают переход друг к другу не путем скачков, а через все меньшие различия... Всегда возможен промежуточный вид».

Сравним с этим пейзаж России — бесконечный простор, среди которого «как точки, как значки, торчат неприметные твои города» (Гоголь). То есть жилье — и зияние, точка — и тире, пунктир. Так что нет сплошняка, и невозможен последовательный переход от понятия к понятию, а скачком. То-то образ лучше работает в постижении русской действительности, чем понятие, — и вот почему «Умом Россию не понять». То есть рассудком; а разумом, в который входит и художественная способность, — можно.

С. 375. А вот и Дерево — как модель устройства Логоса: «Третий закон соединяет оба первые закона... вследствие чего обнаруживается **средство** между различными **ветвями**, поскольку все они вместе **выросли** из одного **ствола**».

С. 377. Субъективные основоположения... из **интереса** разума (как у человека — интересы, мотивы — психология в чистом разуме! — Г.Г.) я называю максимами разума».

С. 378. Так что спорят люди, и каждый думает, что опирается на истину в объекте, а на самом деле его влечет **склонность** — так полагать. Да это — мой подход: в том числе и национальная склонность то или иное предпочитать и так, а не иначе выстраивать рассуждение. Все бы это место Канта процитировал в эпиграф к моей работе о национальных логиках — про «Различие интересов разума, вызывающее различия в способе мышления». Вот спорят два философа, у одного — интерес к многообразию преобладает, у другого — к единству. «Каждый из них воображает, что черпает свое суждение из знания

объекта, а на самом деле основывает его на большей или меньшей **склонности** к одному из этих основоположений... Когда наблюдаешь **спор между проницательными людьми** из-за характеристики людей, животных, растений или даже минералов (и тут партийность! — Г.Г.), причем одни допускают, напр., **существование особых народных характеров** (моя тема! — Г.Г.), обусловленных происхождением, или резкие наследственные различия между семействами, расами и т.п., а другие, наоборот, настаивают, что природа всему дала совершенно одинаковые задатки, и все различия обусловлены только внешними случайностями, то стоит только принять во внимание природу этого объекта и тотчас же станет понятно, что для обеих сторон она слишком **глубоко скрыта**, чтобы они могли говорить на основании знания ее. Каждая из спорящих партий **принимает близко к сердцу** не что иное, как одну из сторон двойственного интереса разума...»

С. 378. Критика Лейбница с его законом «непрерывной последовательности тварей». Тут такой интерес разума: видеть континуум во всем (о чем и сам выше): «**Ступени лестницы** творения.. стоят слишком далеко друг от друга, и так называемые мелкие различия, обыкновенно, в самой природе суть столь **глубокие пропасти**».

С. 379. Уже образ **государства** чистого разума:

«Идеи даны нам природою нашего разума, и этот **высший трибунал** всех прав и притязаний нашей спекуляции... Между тем толпа софистов кричит, обыкновенно, о нелепостях и противоречиях, **порицающая правительство**, глубину планов которого она неспособна понять, и благодетельному влиянию которого она обязана самим своим сохранением и даже культурою, дающею ей способность порицать и осуждать правительство».

Прямо хоть в газету давай ныне об интеллектуалах и правительстве!

С. 380. «Регулятивные принципы систематического **единства** многообразия эмпирического знания» важнее «**конституитивных** принципов **расширения** нашего знания»... Так это вижу: как в паровой машине Уатта «золотник» (регулятор, цензор, диспетчер движений) важнее, чем рабочие части: шатун, кривошип и проч.

Вообще немцу — не истина, а метод, способ ее добывания — дорог; инструмент и мерка-линейка...

Восхитительное «**как если бы**» (вместо «есть») — модус, под коим можно и душу, и Бога рассматривать, и делать утверждения: «как если бы так и было» — всерьез и на самом деле.

Помню, как по этой же формуле Бахтин в 1964 г. высказал мне свое суждение, когда я в Малеевке в оранжерее рассказывал ему, что собираюсь писать «историю совести» Он, подумав:

— А на что Вы обопрете совесть?

— Как «на что»?

— Для меня — Бог.

Я замялся, так как инстанцию Бога так близко к душе и уму не чувствовал. Тогда он сказал:

— Хорошо: пишите так, **как если бы** совесть была последней инстанцией. Так тоже можно к правдоподобным результатам прийти.

Кант везде уводит, выводит мышление из-под обстрела за его якобы претензии и притязания, извиняясь и говоря: мы не претендуем в эмпирическом знании и рассудке на познание вещей в себе, а лишь явлений; а о трансцендентальных идеях — что они имеют регулятивное, а не конститутивное значение. Везде имматериализует работу познания, выделявая чистое мастерство, не изготавливая истины, понятия.

С. 382. «Я не могу иметь достаточное основание допускать... не имея, однако, права делать свое допущение безусловно...»

Право и основание у Канта — как синонимы употребляются: «имею право = имею основание». Следовательно, в здании общества право (сфера юридического сознания) мыслится как фундамент дома.

С. 385. «Как если бы был» — вместо «есть». Не «Бог есть», а надо (лучше, полезно) жить и мыслить, «как если бы Бог был».

Вот переворот Канта в форме положений философии.

С. 386. «Целесообразность единства вещей» и «весь строй мира **как если бы** он возникал из **намерения** высочайшего разума».

С. 387. «Предположение высшей интеллигенции... может быть полезным разуму и никогда не может ему повредить».

Кант исповедует принцип врачей — «не навреди».

Разум... покидает **почву** опыта, который должен содержать вехи для его пути, и испытывает **головокружение** на этой высоте.

С. 388. «Ленивый разум... удаляется на покой... расстраивает и губит... освобождает себя.. как бы на основании **декрета** трансцендентного разума и проходит мимо»...

Германец — за поддержание разума в бодрой неудовлетворенности и стремлении. Однако важно ему предположить цель, целое, систему мира, единство — достижимыми понять в принципе; образ же бесконечности обескураживает, вызывает апатию (как в русском уме).

С. 389. Извращенный путь разума — когда он регулятивный принцип применяет как конститутивный. Как бы крышу ставит в основание дома. Мы же «не определяем наперед, а только ожидаем. А те — по-**диктаторски** навязывают природе цели».

С. 391. «Мы можем без боязни и не навлекая на себя упреков, допустить в этой идее известные формы антропоморфизма» — так он про Личного Бога — и «Отца»... завуалированно.

С. 392. «Мы не были уполномочены допускать **над** природою» высшее существо, «но получили **право** полагать в **основу** только идею его в формах утонченного антропоморфизма... именно, как существо, проявляющее рассудок, благоволение и неблагоприятие... желания, волю». «Мудрая **заботливость** природы».

С. 393. «**Доводят его согласие** с самим собой посредством систематического единства до высшей степени потому, что так **далеко отодвигают цель** его».

Кантуйся в веселой бедности

3.7.96. Как здесь, в деревне, на час, а то и на полтора-два день начинается мною раньше, чем в семье в П.! Мой ритм. Сейчас 8.

Но приступила тревога к душе: ты бесполезными делами тут занимаешься, что денег не приносят, а вот уже только много полков есть, куда зубы складывать твои и домашних. Вчера Васька Воробей предложил с фермы молока принести — так надо тысяч 10–12, а у меня одна — на смех. «Дашь в долг?» — я, а он смеется: на водку он у меня взял в начале лета «в долг», а теперь «писатель» — у него просит.

И не предвидится приходов. Даже зарплату заморозят после выборов — проклятых, что сегодня как раз идут: «второй тур!» «президент!» — на кой ляд нам эти и слова даже чужие?.. И как припомню рукописи и уже наборы книг моих, что застряли в издательствах, голова шеломится... И забирать-то назад — не все выволочешь. Ой! И не вспоминай даже, где что... И сколько труда — напрасно положено!...

Нет, нет, прочь! Вон солнышко. А по радио — жизнерадостность прет из мюзикла «Май фэйр лэди»: тоже ведь — бедны девушка и родитель Дулитл. А как веселы!

Да, в веселой бедности — препровождай день и дни! На подножном корму — можешь же тут прокантоваться! Крапивка, свекла, щавель, да смородинка — плюс к куску сала и пачке геркулеса-крупы, что привез, да четыре яйца — «не пустяк», как в советской песне «матрос партизан Железняк»:

Штыком и гранатой прорвемся, ребята.

И десять гранат — не пустяк!

И в самом деле: что толку, если я впущу в себя заботы о заработке сейчас, сюда, где я в блаженстве на природу выпущен и в бескорыстном миллом труде о Канте пребываю? Все равно же не уеду отсюда пять дней: хоть рот лишний от семьи

убрал — и то толк-польза. А зачем осквернять душу и ум минусовыми эмоциями пустого, бесплодного раздражения? Набирай, по крайней мере, сил и устойчивости — на возможные потом беготни.

Вон снова солнышко высветлило и вытепелило мир. Радуйся — со всеми творями: со ласточки-птички, со бабочки-стрекозки, животина и ты природно-божия...

Вот уже и босой я могу сидеть — плюс к тому, что голый. Лицо раздвигается в улыбке — щурясь солнцу встречь. Заликуем, Исаяя! Какой блеск росистый на мирадах травок-листочков, сожителей моих тут... Помрут ведь, завянут — но как сейчас радуются! И ты так давай...

Так вот помпой разума накачиваю радость в свою внутренность⁹², извне ее заимствуя — из опыта контакта с радостным утром природы. Это я уж Канта — применяю к дню жизни своей. На меня множество влияний извне и изнутри: вон память привела на ум много неприятных образов забот. Но я, движимый самосохранительным интересом, накачиваю им свой разум и поворачиваю его волей — к приятным впечатлениям от солнечного утра природы — и отодвигаю, заслоняю те, неприятные, — и отдаюсь на волю Божию в уповании на Его и Бытия благоволение, проецирую в них доброту и благо высшее — так хочу, и могу ведь: применяя регулятивно трансцендентальную идею разума — технику душенастроения, что и уже реально помогает и настраивает душу благостно.

То есть рассуждая по модусу «как если бы» — Бог существовал и обо мне заботился, или даже просто по животному оптимизму формулы «все к лучшему», но не утверждая реальность их, — я уже от сих предположений имею **реальное** улучшение настроения здесь и теперь.

Так и в познании: трансцендентальные идеи разума, применяемые регулятивно, помогают рассудку в орудовании с эмпирией.

Ишь, росинки еще опадают с листиков Ларисиной березы — мне на бумажечку и свои бесцветные кляксы плодят — милые!..

Однако сдвинусь, чтобы не смыли буковки с моих записей в тетрадке чернилами «Радуга» 28 лет назад.

Когда пишу все это такое — естественное для гигиены души в каждое мое утро, одновременно краем ума прикидываю: как это звучит в тексте о Канте, что веду? — и слышу, что неплохо: перемежаться он так будет слоями личными, и читателю может быть интересно. Так что не просто «пишу» свое безоглядно, но и «вписываю» — в текст, как бы делая «про-из-ведение» из моей жизни и духа в косвенно ориентированном на возможного читателя (как у Канта — на «возможный опыт» ориентирован рассудок) размышлении-писании.

О, уже и припекает — возле 9 часов. Еще и купаться сегодня можно будет!

⁹² А в этот день Берте, твоей первой жене, хуже стало, далеко, в другой стране, и всего два дня осталось жить. А ты тут!.. Эх... Стыд и Ужас!... Бессердечие... — 26.VIII.96.

Юридические сравнения

Итак, в душенастроении: «Бог не выдаст, свинья не съест»! — приступаю колдовать над Кантом далее. А, кстати, в этой пословице два главных деятеля в бытии: Бог и Природа (за кого в качестве синекдохи: часть за целое — представляет «свинья»). Так что вполне кантово раздвоение уровней и агентов бытия и ориентировок разума.

Заканчиваю главу «О конечной цели естественной диалектики человеческого разума» — как раз этого естественного его раздвоения (ДИА-лектика!), которое в вышеприведенной пословице. Конечная цель — образование в уме представления о мире как целом, его систематического единства — для работы рассудка, а для души — устанавливать в ней мир и упование на Бога, и нравственное и свободное поведение...

С. 393. Труд разума — «**проникнуть** до самой **глубины** природы». То есть разум — совершенный бур, набор инструментов для бурения.

«Но не переходить за границы природы, вне которой ничего, кроме **пустоты**». — Ничто Эххарта.

«И если бы люди не относились с недоверием... если бы увлекательные ложные надежды не побуждали их сбросить с себя иго этих учений...»

Вон эмоциональная гамма, психологический анализ в работе Канта-гносеолога...

И снова лейтмотивный образ **процесса, суда**: «Мы могли бы избавить себя от **затруднительного вопроса** всех диалектических **свидетелей**, которых трансцендентный разум заставляет **вступать в защиту** — своих **притязаний**...»

С. 394. ...Было полезно **составить** как бы **подробные акты** этого **процесса** и **сложить их в архиве** человеческого разума для **предупреждения** будущих заблуждений подобного рода.

Такова интенция всего труда «Критик» Канта. Она — юридическая. И в самом деле: сколь сладостно незаметному клерку, чиновнику университетскому — учинить промеж себя в тиши Страшный Суд всей деятельности человеческого разума за всю историю! — и так сравниться с Вечным Судией! Фаустианская гордыня в затее Канта! Недаром почти одновременно эти два высших замысла стали осуществляться германским Словом-Логосом: и первый том «Фауста» Гёте, и «Критика чистого разума» — вышли в 70-е годы XVIII века.

А приступая к последней части своего труда «Трансцендентальное учение о методе». Кант предваряет его развернутым «гомеровским сравнением» — и снова о постройке здания — как Вавилонской

башни. Все же нужно ему как бы осенить себя неким архетипическим образом-символом, прежде чем погрузиться в свою штольню, уйти с общечеловеческого света — во тьму «Иннере», где возжигаться лишь внутренним огнем.

С. 397. «Рассматривая совокупность всех знаний чистого и спекулятивного разума как **знание**, идея которого по крайней мере имеется у нас, я могу сказать, что в трансцендентальном учении об элементах мы **оценили строительные материалы** и определили, для какого здания, какой **высоты и прочности** годятся они. Оказалось, что хотя мы мечтали о **башне**, которая должна была доходить до небес (замысел человеко-бога. — Г.Г.), запаса матерьяла на деле хватило только для **жилища**, достаточно просторного лишь для нашей деятельности на **равнине** опыта и достаточно высокого, чтобы обозреть ее (итак, не «мироздание», а уютный бюргерский дом, *gemütliche Haus*. — Г.Г.); между тем **смелое предприятие**, упомянутое выше, должно было не удалиться по недостатку матерьяла, не говоря уже о **смешении языков**, которое неизбежно должно было вызвать **разногласие среди рабочих** из-за **плана** и рассеять их по всему миру, причем всякий начал **строить** самостоятельно, по своему собственному плану. Теперь нас интересуют не столько матерьялы, сколько план здания; получив предупреждение не увлекаться слепо любую затеею, которая, быть может, превосходит все наши способности, но тем не менее не будучи в состоянии отказаться от постройки прочного жилища, мы сделаем **счету** на постройку здания в отношении к матерьялу, который дан нам и вместе с тем сообразуется с нашими потребностями».

С. 398. Защита, культ **ОТРИЦАТЕЛЬНОСТИ** в Германстве — потом и у Гегеля: «Отрицательные суждения, имеющие отрицательный характер, не только по своей логической форме, но и по содержанию не пользуются особым **уважением** людей при их **страсти** к знанию: на них смотрят, как на **завистливых врагов** нашего влечения к знанию, неустанно стремящегося к расширению, и нужна почти **апология**, чтобы вызвать к ним только **терпимость**, и тем более завоевать благосклонность и уважение к ним» — как к живым существам с душой, к личностям.

То есть, человек ценит положительные знания, утверждения, истины. А вот Сократ рассказывал о своем «демоне», который говорил ему «нет», удерживал от шага и мысли в некую сторону, как реле реагировал, однако не говорил никакого «да», предоставляя его найти самому Сократу, человеку. Но если Сократ — акушерка при родах знания, то Кант — врач-гигиенист при родах: знание рождается само, эмпирия самоконтролирующая (как математика и прочие опытные науки), а вот чтоб сепсиса не было...

Удержание от заблуждений. Воздержание, дисциплина. Культура недеяния при том, что человек рвется к деланию и утверждению (которое всегда — САМОутверждение, эгоизм) — опрометчиво...

Отрицание = обрезание, обрезка (как дерева, чтоб лучше росло), от-гранивание, о-предел-ение. Везде забота — о стене, мере. «Мера» по-немецки — Mass от messen — «резать», и «нож» Messer.

Важное различие: «Дисциплину следует отличать от культуры», которая дает положительные навыки и суждения и есть зона «да», открытый таланта, расширения. Т.е. рефлексия (дисциплина, самоудержание) и творчество..

Вопросы о дисциплине самого разума: т.е. Кант заподозрил самого цезаря, а не жену его. (Как французы — короля тоже на плаху).

С. 399. «Видя торжественность и серьезную осанку, с какою он выступает, никто не подозревал, что он легкомысленно играет (своими подданными и их жизнями. — Г.Г.) созданиями воображения вместо понятий и словами вместо вещей». То есть король — блефует! голый!

Где нет видимой колесницы, там нужно «укрощать страсть разума к расширению» своего жизненного пространства; немец переживает его узость — в отличие от русского, где и так аморфно широко жизненное пространство.

С. 405. Гимн математике, что подает надежду и философии, которая «стряпает учения о природе», а тут, «у мастеров математического искусства нет недостатка **уверенности** в себе, да и общество возлагает **большие надежды на их ловкость**».

С. 406. На «непрочной почве чистых понятий» — «нельзя ни стоять, ни **плавать**, а можно только сделать несколько **слабых шагов**», от которых **время** не сохраняет ни малейшего следа» — как писать по воде. «Необходимо отнять последний якорь у богатых фантазиями надежд». «Строить карточные домики».

Примеры: золото, вода.

С. 407. «Напр. понятие **корабельных часов**» — англогерманский гибрид архетипов главных национальных. А вот это бы взял я в эпитафию:

«Понятие предмета, поскольку оно дано, может содержать в себе **много смутных представлений**, упускаемых нами из виду при анализе, но тем не менее всегда применяемых нами на практике».

Вот я и хочу даже из-под Канта — короля разума — откопать то, что и он применял, не отдавая в том себе отчета.

С. 408. Завидные образцы для философии — математика и юриспруденция: «Философия **кишит** ошибочными определениями». И даже «юристы и до сих пор ищут определения для своего понятия права».

С. 407. Интересно, как решает Кант затруднения с немецким языком там, где есть латинские термины:

«Немецкий язык имеет для понятий *экспозиция, экспликация, декларация и дефиниция* (определение) только один термин — объяснение (Erklärung).

А вот латинскую «форму» — уточняет по-своему:

С. 408. «В форме (в которую он облачается)», а по-немецки короче: *in der Form (der Einkleidung — s. 561)*. В кантовом умозрении форма = одежда. Она, как и Дом, — раньше человека, они — априорны ему.

С. 410. Разум должен оглядываться на ходу, выверять курс, возвращаться к исходу.

С. 411–412. Опять Суд, процесс и юридическое сознание. Свобода и права на критику. Начинаю уразумевать, что и тут Кант — англофил германский, как его почти современник Вольтер — англофил французский. Ибо именно в Англии установилась мощная третья власть — Суда и Закона, в разделении трех властей. А какую же модель мог Кант подсмотреть у себя на родине? Какой тут суд — в Померании-Пруссии? Указ монарха — и все тут. Так что юридическое сознание тут в новинку и вольнодумно, как и одновременно драмы Лессинга и Шиллера («Эмилия Галотти», «Коварство и любовь» и проч.), где действие — среди беззаконий и произволов капризных самодержцев в маленьких германских эрцгерцогствах с их микро-законодательствами. Так что тотальная чистка разных законов в области разума и приведение их к единому знаменателю в критической работе Канта — провозвестие будущего объединения Германии. То же, что одновременно творили гении немецкой музыки, создавая «темперированный строй» (Бах), сонатную форму (Гайдн) и четкий круг гармонической последовательности: тоника-субдоминанта-доминанта-тоника, на основе которого грандиозные соборы симфоний стали возможны.

Но послушаем, с каким пафосом излагает Кант свой юридический подход к поприщу мышления:

С. 411. «Разум во всех своих предприятиях должен подвергать себя критике и **никакими запретами не может нарушать свободы ее**, не нанося вреда самому себе и не навлекая на себя опасных подозрений. Здесь нет ничего столь важного по своей полезности и столь **священного**, что имело бы право **уклоняться** от этого испытующего и **контролирующего расследования**, не признающего никаких **авторитетов**. На этой свободе основывается само существование разума, так как разум не имеет никакой **диктаторской** власти, и его **приговоры** основыв-

ваются всегда на **согласии свободных граждан**, из которых каждый должен иметь возможность выражать свои сомнения и даже без стеснения налагать свое veto».

Да это же — якобинизм!

С. 412–413. Продолжается матрица суда, а потом — арена борцов, удары в воздух в антитетике чистого разума: «Но эта почва не удерживает ни одного борца в полной амуниции и с оружием, которого следовало бы бояться. Он может выступать только с насмешками и хвастовством, которые можно осмеять, как детскую забаву».

С. 414. «Даже **яды** для того, чтобы преодолевать другие яды, зарождающиеся в самих соках нашего тела... и должны находиться в аптеке».

«Спорным оказывается не *предмет, а тон*». Давид Юм предстает — как хладнокровная копательная машина, экскаватор: «**подкопал** путем старательно подобранных сомнений»... и был движим (топливо и двигатель) «намерением подвинуть разум вперед и вырвать из-под насилия самомнения».

С. 415. Какой памфлет, инвектива — в стилистике! «Если вы **кричите о государственной измене**, если вы созываете как бы для **тушения пожара**... Вместо того, чтобы **размахивать мечом**, лучше спокойно приглядывайтесь из безопасного убежища критики» — как из ложи наблюдать турнир.

С. 416. «В человеческой природе есть некоторая **неискренность**». Она — враг «Иннере». Дом морали строится извне — правила, манеры, потом вселяется искренний человек внутренний, и «эта лживость должна быть **искоренена**... она портит **сердце** и не дает добрым настроениям подняться из **сорной травы** красивой, но лживой **внешности**» (модель Растения).

С. 417. «Слабые стороны» — Blüsse: нагота, голость = без одежды и растительности.

«Спор» — Händel, от «руки».

Критика полагает конец войне, что в естественном состоянии разума, и побуждает подчиниться закону в согласии со свободой. Опирается опять на англичанина Гоббса.

С. 418. Русское «налицо» — Vor der Hand = «перед рукой» (s. 576).

С. 419. «Жадными глотками пьет яд» — догматизма.

Русский перевод — «шаг за шагом» того, что Stück für Stück, «кусок за куском» Русский — ходок. Германец — мастеровой, кирпичи кладет, строитель.

«Превратить в пыль» — in lauter Dunst, в чистый (букв. «громкий») чад, дым — от стихии огня, тогда как у нас — от земли, мати сырой...

10 ч. Даже приятно, хотя и светло еще снаружи, взобраться под настольную лампу — из пространства в укромность на сгущение думы. Этот свет настольной лампы — как олимпийский огонь, передаваемый сквозь века, как воля к сосредоточению — от умника к умнику. Возжегши лампу, как причастие принимаю к колдунам-книжникам всех времен.

И вот, как в библиотеке, раскрываю фолиант Канта и делаю выписку — какая уютная работа!

Но нет, еще отдается в душе встреча с друзьями — по радио «Свобода», которое слушал за ужином своим: передача, посвященная Юзу Алешковскому, и его голос, и голос Сергея Бочарова — оба из узенького круга моих друзей, кого поминаю в утренней молитве. Немного позавидовал: по всем заграницам Юз поездил, видел, издался, а я — вот безвылазно жизнь в деревне да семье... Какой мой круг впечатлений? Мизер. А все — отчего? Оттого, что вопрос о своей бабе и своей семье — мне пуще всех сокровищ мира. И раз удалось ЭТО, то все прочее — факультативно по важности. Как прикоренился через Светлану к России — так и врос. И это естественно мне, нам с ней — тут жить и творить и не рыпаться в чужое, а свое создавать.

Ну ладно — к Канту.

С. 419. Валгаллу поминает Кант -- германский миф, потом — вагнеровский: «В области чистого разума не бывает настоящей полемики. Обе стороны наносят удары в воздух, борясь с своими тенями... Тени, разрушаемые ими, моментально срastaются вновь, как герои Валгаллы, чтобы опять развлекаться бескровными битвами».

Философия = игра богов, их занятие.

«**Подстрекать** разум против самого себя, доставлять оружие обеим сторонам и затем спокойно и насмешливо присматриваться к их разгоряченной борьбе — это имеет с догматической точки зрения некрасивый вид **злордства и злобности**».

С. 420. «Если я представляю себе поверхность земли как **тарелку** — утварь дома. Мог бы другой образ привести: поле, равнину, диск... Дает под конец своей «Критики» — умозрения, образы своим понятиям: «Совокупность всех возможных предметов нашего познания представляется нам в виде **плоскости**, которая имеет свой кажущийся горизонт...»

«Юм был одним из географов» страны разума.

Английская логика терпима к неограниченности горизонта. Ну да: страна океана. А Германия — континентальная, упирается в предел. И Кант — все ограничивает да ограничивает. Пограничник!..

Три шага разума и ряды сравнений. «Первый шаг в делах чистого разума, характеризующий детский возраст его, есть *догматизм*... Второй шаг есть *скептицизм* (= возраст юности. — Г.Г.). Третий шаг — зрелой и возмужавшей способности суждения. Это не цензура (шаг второй — сомнение. — Г.Г.), а критика разума».

Характерны элементы этого сравнения: число, возраст, учреждение в социуме или культуре: цензура, скептицизм...

С. 422. «Скептицизм есть место отдыха... разума» после догматического «странствования». Но лишь критика дает жилье (Wohnplatz) для «постоянного пребывания» (Aufenthalt — приют). Мечтанный Дом. Фазы: странствие, отдых, дом = кочевье (чуждо — см. начало «Критики»), оседлость (земледелие), город-бюргер-закон. Последнее самое свое.

Обдумываю выборы. Рассеяние третьего в «да» или «нет»

4.7.96. Уточним местонахождение души на сегодняшнее утро. Выборы, от коих убежал в деревню, настигли и тут — по радио. Ну что ж: сохранение некоего статуса кво — дление Ельцина — не худший вариант. Хотя торжественатели (власти и тонкая пленка прессы, что сделали его победу) в очередной раз «обманули дурака — Ивана, народ — на четыре кулака». Однако теперь победителям придется принять многое из программы побежденных: о сохранении целого страны печься, о сельском хозяйстве, что вот по моему совхозу вижу в развале, о криминале. Вон Лебедь в вице-президенты наклеивается, и его линия — государственно-почвенническая, почти как у коммунистов. Так что некий синтез, что образовывается без радикальной смены инерции власти и ее ответственности, — лучше, чем бы крен в иную сторону резкий.

А в деревеньке у меня — тоже хорошо. Плохое — позади: ливень прошел ночью, и сейчас расчистилось небо — голубизна, и солнышко светит и духу во мне и греет тело. Вот вдохнул широко-глубоко и раздвинул-разгладил лицо в улыбке. Утренний щебет птичек голосит в pendant солнышку, как аккомпанемент звука — свету. Ветер легкий поднялся. Солируют птички — переговариваются. То голоса флейтовые, то фоготные, то гобойные — с гнусинкой чуть...

Однако как разные переходные, срединные партии и кандидаты — размылись! Как вон облачка на небе — истаивают, рассеиваются сейчас, учуя и подчинясь победе света с солнца. Но ведь они же могли утучнять небо своими массивами и собраться в дождливость.

Какой, однако, нюх-чутье у политиков: тот же Святослав Федоров, Лебедь, Явлинский, даже Жириновский — повернули к Ельцину, чуя заранее — проигрываемость другой стороны!

Разум — не равнина, а сфера

Ну продолжим свои интеллектуальные игры с Кантом. В записях моих того года — осени 1968, которые я сейчас обрабатываю, снова много сравнений перевода русских терминов — с немецкими и выводы отсюда.

С. 422. «Наш разум не есть неопределенно далеко простирающаяся (*weit ausgedehnte* = «далеко рас-шир-яющаяся») равнина (*Ebene* — это тебе не «е..на мать» — сыра земля России, где как раз этот образ подходит и для Космоса, и для национального Логоса: равнина, путь-дорога бесконечная. — *Г.Г.*), пределы которой известны лишь в общих чертах (в России же, напротив, пафос беспредельности, незавершенности. — *Г.Г.*); скорее его следует сравнивать со сферою, радиус которой можно вычислить из кривизны дуги на ее поверхности (из природы априорных синтетических положений) и отсюда уже определить с точностью содержание и границы ее (т.е. проблемы и противоречия внутри разобранных Кантом элементов-инструментов работы разума — это та «кривизна дуги» — важное сравнение и уравнение и образ самого Канта, — тот кусочек, по которому можно вычислить целое. То есть: из анализа того, что внутри сферы, — описать ее внешнюю поверхность. Но это нужно не для этой сферы и наружи и что ЗА поверхностью сферы, а чтобы еще лучше разбираться опять же с тем, что внутри. Об этом говорит Кант в продолжении сей мысли. — *Г.Г.*). Вне этой сферы (область опыта) для разума нет объектов; даже вопросы о подобных **мнимых** предметах (как мнимые числа в математике. — *Г.Г.*) касаются только **субъективных** принципов всестороннего определения отношений, которые могут встречаться среди понятий рассудка **внутри** этой сферы».

То есть и ВНЕ — для ВНУТРИ. Интравертно. Внешняя политика для внутренней. Бисмарк это понимал — и он же поэтому предостерегал немцев от облизывания на равнину русского бесконечного простора: увязнете со своей «огнеземлей» — в «матери-сырой земле».

Априорные знания — «присущи нам: *beiwohnen* = приживут», сожители с нами в доме.

«Шаги разума в этом направлении» — *nach der Richtschnur*, «по прямому (натянному) шнуру» — геометра или строителя.

«Разум порождает в своих недрах» — *in ihrem Schosse erzeugt* = «в лоне изделивает, производит»: в месте «гонии», где рожать присуще, «-ургию» помещает немецкий Логос. То же, что мы наблюдали в *Waum* = «дерево» — буквально «построенное», то есть произвольный синтез Природы и Труда. Натуры и Культуры в германстве.

И потому сам разум платит счет — *Rechenschaft*.

Кант с точки зрения Эроса:

С. 423. «Скептик Юм не различал этих двух видов суждений, хотя и должен был сделать это, и считал это расширение понятий **из самих себя** и, так сказать, **самопорождение** (*Selbstgebärung*) нашего рассудка (вместе с разумом), **без оплодотворения** (*ohne geschwängert zu sein*) опытом, прямо невозможным».

Самозачатие — возможно. Кант — муже-дева, гермафродит или, точнее, андрогин (вспомним миф Платона в «Пире»), как это и присуще вообще человеческому типу философа как антропоса. Он пронизает мир, как мужчина, мощным лучом-стержнем своей мысли, но он же и отдается входить миру в себя, как в лоно воспринимающее, — в созерцании, откровении, наблюдении, в ощущении=вос-приимчивости опыта. И Кант — не бесплодный скептик, а мужик мастеровой.

По-английски «опыт» — *experiment, it* = «оно». По-немецки *die Erfahrung* — «она», при том, что рассудок, *der Verstand* — «он» (хотя «разум», *die Vernunft* — тоже «она»). Так что скорее рассудок оплодотворяет опыт, что и издевался Кант, исследуя априоризм — то есть собственный семенник понятий, арсенал внутри нас, в рассудке.

Вот подспудно, из языка — эросное соотношение в выкладках Канта интуицией вливается. индукцией наводится.

Нуда: природа, материя — она, женщина. *Erfahrung* — букв. «изъезженность»: дает субстанцию, ткань, тело. Мужское же начало — избыток в себе, способность к синтетическим суждениям априори, и обуславливает продукт женщины (опыта) — явление.

То есть из женщины (опыта) мы имеем не «вещь в себе», из одной природы явившуюся, но некое соединение мужского семени (устройство рассудка в его ориентации заранее на возможный опыт) с этим самым возможным опытом — как уже обусловленное нечто.

Пример: «Что лучи солнца, освещающие воск, также растопляют его, а **глину** делают более твердую, никакой рассудок не может угадать этого из понятий... и только опыт может открыть».

Русский термин «опыт» путает все соотношения: получается педерастия — мужчина с мужчиной = рассудок с опытом дробятся.

Юм и Кант — встреча английского Логоса с немецким. Юм не вник в возможный опыт как потенциальную энергию (*Vermögen* — «мощь»), а примитивно «смешал с синтезом предметов действительного опыта» — *wirkliche Erfahrung* — с тем, что случилось, что есть кинетическая энергия, факт.

То же делал и английский Логос в XX веке: Бертран Расселл и др. спутали философию с математикой, от чего предупреждал Кант:

«Философские определения осуществляются только в форме экспозиции данных понятий, а математические определения в форме конструирования первоначально созданных понятий» (с. 407).

С. 424. Юм исследует основоположение причинности — связь двух для движения. Кант открывает «основоположение устойчивости» (*Beharrlichkeit* — «упорство») — для постройки Дома разума, чтоб в нем можно уютно жить, самопитаясь, а не только для наружной прагматики — употребления с пользой, утилитаристски.

«Юм только **суживает** наш рассудок», не **ограничивая** (*einschränkt ohne ihn zu begrenzen*).

Юм — неопределенную ограниченность усматривает, Кант — определенные границы находит.

«Отречение от **права**» разума — юриспруденция в Канте.

Но и — **реваншизм**. Да, после Юма он делает реконкиту разумом своих прав и наследственного домена.

«Он вновь вооружается для защиты от нападений (*rüstet man sich zur Gegenwehr* — снаряжает «абвер») и тем упрямее подымает голову» — отвесно, *steifer*.

Итак, свиться в достоверность ограниченного владения — не в *Raum*, а в *Haus* и здесь обрести мир, уют. Ограниченная, но бесспорная собственность. Кант — как бы предупреждение Германии: ограничиться бесспорным. Но там не послушались, не расслышали кантова предупреждения, и стали отдаваться тяге к расширению: и войны Первая и Вторая мировые — опытно научили-вразумили немцев. Вот Бисмарк — как Кант: часть расширил, но в меру: не поддался трансцендентальной иллюзии — идти на Россию как будто «жизненное пространство» для Германии = покуситься выйти за пределы «возможного опыта». И опять Англия вразумляла Германию в этом, как Локк и Юм научили Канта. Да он и прямо — о войнах говорит:

С. 425. «Таким образом скептик играет роль воспитателя, который приводит умствующего догматика к здоровой критике рассудка и самого разума. Придя к этому, он может более не опасаться никаких **нападений**, так как он отличает тогда **свои владения** от того, что лежит вполне за их пределами, на что он не предъявляет никаких притязаний и о чем он не станет спорить».

О гипотезах: не открывается ли «широкое поле сгущать (*dichten*) гипотезы» — *leere Hirngespinnste*, «пустые выветки» «ленового разума»?

С. 427. «Самые **дикие гипотезы**... более **выносимы**, чем гиперфизические»... Это напоминает реплику физика в XX веке: «Ваша гипотеза безумна. Но достаточно ли она безумна, чтобы быть к тому же и верной?» — так примерно.

С. 427. «Эта вольность (лицензия)... лишила бы его всех плодов обработки (Früchte der Bearbeitung, т.е. «гонии» от «ургии». — Г.Г.) принадлежащей ему почвы, именно опыта» = лишила бы жены. Обада земледельца.

С. 428. Образы спора, полемики, сражения. «Необходимая оборона»...

С. 429. Гипотезы в поле чистого разума — «военное оружие» не для обоснования права, а для его защиты. Противника же надо каждый раз искать в себе — внутри.

«Возражение» — Einwurf, букв. «вброс», как в ворота, в «Иннере». Русское видение «возражения» — скорее «отвод», боковой акт, а не в центр и в поддыхало.

«Вырастить сорную траву... вырвать с корнем».

«Свинцовое оружие (так как оно не закалено)»: буквально — не «осталено». Свинец и сталь — народ горняков-металлургов, немцы!

С. 431. Гипотезы нужны «даже для **внутреннего** покоя в борьбе с зарождающимися сомнениями».

Так это вижу: Кант сочиняет руководство, как обращаться с таким обоюдоострым оружием, инструментом, как гипотеза.

«В этом виде следует сохранять их и тщательно оберегать» от рчи — от ржавчины, если выйдут из чехла (границ опыта) на озонный воздух вещей в себе, чтобы не «засоряли разум» (ersaufen «утопляли»: стихия воды опасна, а не стихия земли — германцу). «Без этой предосторожности доказательства, подобно воде, выступившей из берегов, дико устремляются туда, куда их случайно направляет **наклон скрытых ассоциаций**».

В тетради запись от 3.IX.68:

Кант пролагает разделение властей, юрисдикций и компетенций, как в Англии в это время:

законодательная власть — разум априорный;

исполнительная власть — зона опыта, чувственность, рассудок;

судебная власть — способность суждения = подведение частного под общее, под трансцендентальную схему; сила воображения и взаимный контроль властей.

И изоляция от всего этого мира, как Кесарева, — от Божова: религии, практического разума. У нас же сейчас в России — неразличение функций, полное переплетение и неразбериха: все вроде имеют право лезть в дела друг друга, но зато никто ни за что целиком не отвечает. Партия влезает в дела правления, МГБ — в литературу, суд — зависим от «установок», а не от законов.

5 ч. Вернулся из леса: сходил туда за едой – по грибы. А то уж кончается, что с собой привез. Но мало: сыроежки, лисички – еще маленькие. Дожди-то прошли, а тепла ночью нет: то-то грибы и не растут. Но все же на кастрюльку набрал – на два дня будет.

Коля Фирс приходил утром – потолковали об итогах выборов.

– Вчера, – говорит, – до 3-х ночи не спал: по телевизору проценты сообщали. Никита Михалков рассказывал, как к шахтерам ездил и говорил с ними: «Вы чего бастуете? Денег не платят? А придет новая команда к власти – заплатят? Нет? Свалят все на прежнюю власть. Так что уж лучше оставить этих: с них все же спросить можно». И прав он: пусть уж эти.

Я рассказал ему притчу Эзопа про Лисицу в пруду и Ежа: не надо отдираТЬ пиваок: вот эти уже налились жирные, а видишь, плавают тощие, отдерешь первых, новые присосутся – и мне конец тогда.

Обещал мне буханку хлеба одолжить. Да и, возвращаясь из лесу, к Каргину в его дом возле озера зашел: даст молока 5 литров в обмен на бутылку водки, что у меня есть. Приглашает придти к нему вечером – вместе распить на троих («и жена у меня любит выпить» – говорит), да и борщ с бараниной у него есть – поужинаем. Так что – «обожратушки» мне предстоят.

С. 432. Кант заботится об экономии усилий разума («бесплодные усилия»).

С. 433. «Всякий труд напрасен» («тшетны усилия»).

С. 434. «Если догматик выступает с десятком доказательств, то можно быть уверенным, что у него нет ни одного...» Он похож на «адвоката в парламенте, который высказывает один аргумент для одного, а другой для другого члена парламента».

«Апагогические доказательства... средство помощи в нужде» (Nothilfe – «скорая помощь»).

«**Противоречие** всегда представляется с большею ясностью, чем самая тесная связь (Widerspruch führt у Гегеля встретим такую формулу: «противоречие ведет». – Г.Г.).

С. 435. «Снисходя» – mit Nachsicht, «с послезрением». Обратил внимание на важные слова с корнем зрения (sehen) в германстве: Vorsicht – «осторожность», Nachsicht – снисходительность, Absicht – намерение и т.п. В русском везде – без «зрения».

С. 434. «Если основания... скрыты («зарыты в горе» – ver-borgen) слишком глубоко, то мы пытаемся, нельзя ли найти их через их следствия». То есть корни через росток достать.

С. 436. «Апагогические приемы доказательства суть та шумиха» (Blendwerk – «бленда», «ослепление» – опять от зрения. И частое это слово у Канта и раньше).

«Чемпион» (из английства понятие. — Г.Г.) «берется сразиться со всяким» (zu gaufen — «таскать за волосы» = лишать растительности: германский страх голости, наготы, лысости).

Опять образ войны. Теперь сюжет: кто первый нападет: «одна из сторон начинает нападение» — германский «блиц-криг» — «молниевая война». Русский же стиль в войне — оборона; медленная раскочка, пока нападающий уже выложится, раскроет карты — и тогда «может быть загнан в тупик» (in die Enge getrieben — в угол, теснину = в «котел», «мешок») — вот страх для немца, и такую тактикой его били в войне. Германская тактика — стержень: клин, «свинья» — мужской фалл. Русская — влагалище: заманить, засосать в лоно матери-сырой земли — и там, в болоте или на озере (Чудском), устроить котел с засадой — и разбить.

Кант разрабатывает в сфере разума «искусство побеждать» — как и Суворов в это же время.

С. 437. Рассматривается «Канон чистого разума».

«Унизительно», что чистый разум «ничего не может достигнуть (nichts ausrichtet — «ничего не выпрямляет») и даже нуждается в дисциплине (zu bändigen — «чтоб его связывали»)). Что же остается из прежних гордых притязаний ума, какая твердь? Есть ли домен из аристократического феода, что сохраняется и в новых условиях, так чтобы права получил на кусок того, что прежде силой захватил? Так перетолковываю тут проблему Канта. «Величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума имеет только **отрицательный** характер:... служит не как орган для расширения, а как дисциплина для определения границ, и вместо того чтобы открывать истину, она берет на себя лишь скромную роль оберегать от заблуждений».

Вот суть и ключ и ступок дела Канта.

«Однако где-нибудь должен существовать источник положительных знаний». Откуда — неистребимая жажда разума **стать твердою ногою** где-либо за пределами опыта?»

Кант — геолог-следопыт. Разум «выступает на путь чистой спекуляции, чтобы приблизиться к ним» (новым предметам вне опыта — Г.Г.); «однако они бегут от него».

Прямо — как в сказке видения или в мифе о муках Тантала.

Канон — набор правил для применения инструментов-способностей согласно их функциям.

«Надеяться на большое счастье». Однако скоро: «отложим счастье в сторону» (почему-то Лосский перевел как «успехи». — с. 438).

С мужиками под водку о рыбалке и политике

5.7.96. Вчера милое сидение у Каргина за водочкой, в теплый вечер на закате, за столиком над озером. Только я пришел с бутылкой, как сверху к ним еще мужичок за молоком – и тоже с бутылкой. Вынесла жена Галя баранины холодной, нарезали, мужик – сала и огурец выложил, еще луку – и пошли стопки и разговор.

Мужичок – не большой, легонький, звать – Федор Иваныч Смирнов, с 29 года, мой ровесник, но на пенсии много раньше, ибо сварщик классный. Главное удовольствие – рыбалка, и много об этом говорили, как удочкой, как бреднем:

– Это нельзя, за это штраф, в мильон сейчас! – он Каргиным; а те простодушно рассказывают, как вместе ночью ловили. Мужичок же вспомнил, как еще мальчонкой поймал карася – в 4 кг, и как тот его водил, не давался к берегу, а утаскивал. Как он кричал – мужики сбежались сверху; как он сидел на карасе, и тот как шевелится – так он и подпрыгивал!

Вот безобидные радости русских мужиков: рыбка и водка. Не надо ни бабы, женщины, ни богатства, путешествий. Нет, баба-то нужна – своя жена-хозяйка, а вот «женщин» – не надо.

Каргин – плотник.

– Сколько построил?

– Да пол-Новоселок – за жизнь. Вот и дом этот – дачу над озером (при том, что в Каменском у него 4-х-комнатная квартира, где сын, и гараж, а в нем машина, но разбитая).

– Я как работал? Сутки в совхозе, а потом три – свободен, калымил.

– Ну, так разбогатеть мог! – я.

– Машина, обстановка в доме, вот дача – хватит...

О политике, естественно, говорили: это я поднял вопрос, а им-то про рыбалку интереснее.

– Вот если б землю раздавали – взяли бы?

– На кой она? Столько требует – возиться!

И по всему так выходит, что очень удобная и гибкая форма – объединяющее общее хозяйство: колхоз, совхоз. Все при нем и при деле, как дети при отце-начальстве, – и в то же время все понемногу потаскивают оттуда: комбикорм, бензин-солярку, стройматериалы – в свое личное хозяйство. Так и был при социализме нашем естественный синтез и государственной, и частной экономики. А сейчас – что?

Разваливается совхоз. Сергей Андрианов – приватизировал трактор, а что толку? Солярку раньше в совхозе брал и на совхозном тракторе домой ездил, и все свое работал, и калымил. А сейчас ни общей работы, ни на себя. Поворовывание, на которое смотрели сквозь пальцы, – это был законный приработок – компенсация за малую оплату труда. И получилось – сносно.

Сталина добром поминают. Требуется инфантильному русскому мужичку-мальчику Отец, батька; патриархальное сознание.

— Он не знал, что на местах делали! Он вызывает генерала Павлова — а его на пути шпокнули. И сколько предательства было вокруг: накануне войны — разоружили границу! Власов две армии сдал!

И Танька Генералова позавчера, что напротив меня капусту и картошку обрабатывала, — разговорилась:

— При Сталине дисциплина была: боялись на минуту опоздать. И не пили.

И дружно жили, сообща. А теперь — делать друг другу конкурентов, врагов — и такую энергетику запустить в русского человека? — Не удастся. Он тянется — жить вместе, к общению, к беседе за водкой...

Не всадить в него энергетику эгоизма — даже таким кнутом развала и бедности, как сейчас. Чтоб из отрицательности возникло положительное богатство, из зла — добро, из эгоизма частных индивидов — общественное благо... А таков принцип «гражданского общества». Энергетику злых страстей человеческой природы — через русла законов направить в русло блага, чем гордится капитализм, рыночная экономика и Американизм...

И у нас перестроечники: разобщить — и потом собрать заново социум. Только воров и низость в человеках развивать взялись. Мол, дойдут до предела зла — и потом оттолкнутся и повернутся строить благо и закон, но уже на основе развитых личностей, делать «общественный договор», — а не так, чтобы общество шло как естественное продолжение первичной семьи-родства-общины, как это — в странах-государствах Старого света и у нас, в России. Не только в народе, но и в дворянстве — патриархальная психика: «двор», «дети царя», «высший свет», «честь» — так и Пушкин жил, соблюдал, хотя и ерепенился...

И в народе «калым» и «шабашник» — это частная активность ВНУТРИ большого государственного хозяйства, им опекаемая. А не на свой страх и риск и ответственность и разорение и самоубийство. Нет, тут весело, игрово — и защищенно, как дети под отцом, — шалят.

Показал мне Федор «удостоверение участника войны» — такая корочка на документе, с которой он бесплатно все ездит в электричках.

— Я не воевал, — хитро он, — а вот такую корочку купил — и сразу от меня контролеры отходят. Теперь их не выпускают...

Маленько надул и тут Державу — батьку за нос провел. Но добродушно меж ними — такой стиль и склад отношений.

С. 439. Разум оказывается, по Канону чистого разума, — между двумя женщинами: Freiheit и Erfahrung, Свобода и Опыт-Природа. Причем дается жесткое условие: при одной должен забыть о другой — как Тангейзер Вагнера: в гроте Венеры отшибает память о его чистой возлюбленной (Елизавете), и лишь когда труп ее несут — опаматовывается.

Практический разум, его зона — это мир Воли. Он — мужеский. Тут вопрос: «что должно **делать?**» (не «как жить?» — русский вопрос. Чернышевский и Ленин с этими вопросами — выкормыши германского Логоса.)

И вот вдруг — инфантильное, расслабленное жизнечувствие: «Последней целью мудро заботящейся о нас природы при устройстве нашего разума была, собственно, лишь мораль».

Уютно расположился человек меж Отцом-Богом и Матерью-Природой. И можно — отдаться.

С. 440. «Что мы должны и чего не должны делать» (а как энергично это звучит в оригинале: Thun oder Lassen!). «Нарушить единство системы», verletzen — «ранить». Но это от Letzte — «последний». Так что «ранить», «нарушить» — это «о-ПОСЛЕ-дить». Так важен порядок! И начало, и ударение на первом слоге; первое — привилегированное в германстве — и в опережении в нападении... В русской ценностной шкале «последний» (эсхатологизм, конец света) — в почете. В германстве же erste=beste. И «затеряться» — auszuschweifen — «вы-ХВОСТ-иться».

Кант — как Одиссей: за мачту держится от соблазнов, проплывая море сирен и Симплегады: «Я надеюсь избежать и того и другого (Сциллы и Харибды. — Г.Г.) тем, что буду как можно **ближе держаться** трансцендентальной стороны вопроса», оставляя в стороне психологию и эмпирию...

С. 441. Траектория Разума: повел «нас через область (поле — Feld) опыта... перешел... опять вернул» (wider-um — «опять кругом»).

«Остается еще одна попытка» — как у спортсмена.

3 основных вопроса:

1. Что я **могу** (kann) знать? — возможность-способность изнутри.

2. Что я **должен** (soll) делать?

3. На что я **имею право** (darf) надеяться? — можно, позволено извне.

Русский вопрос: «как **жить?** зачем?» «жить же надо!...» Знание — мало интересует.

И еще я подчеркнул модальные глаголы в формулах Канта. Вообще **модальность** в русском Логосе мало развита: проблемы возможности, долженствования...

Почему дурак — баран?

3.30. Что-то замудохал я себя Кантом — в уныние — этой педантической реализацией мелких наблюдений в тетрадке 68-го года.

Дай-ка развеселю себя – запишу, что вчера мужичок Федор Иваныч за бутылкой сказал:

– Знаешь, почему баран – дурак? (Почему барана с дураком сравнивают? – поясняю).

– Нет, скажи.

– Потому что до Покрова он сиську сосет, а после Покрова – мать е.ет.

– И козел – тоже, я слышал.

– Тоже.

Ничего не охота стало делать: ни копать – зачем? все равно зарастет! Да и убирать, коли вырастет, – мне же горбатиться. Дурная бесконечность трудов человека под солнцем – Экклезиастова тоска до тошноты и ступора стала доводить. Тут бы кофе заделать – так электричество по деревне выключили – и радио замолкло. В ошалении взялся книжку Лукницкого «Веселенькая справедливость» почитать – и восхитился изобретательностью и выдумкой и иронией. Надо всерьез его как писателя принять-почитать.

Пошел за молоком к Каргину – замок там на двери, что как раз вчера навесил и которую мы обмывали.

Продолжил – к озеру и искупался для бодрости – и действительно: вода прохладноватая – охладила – и вызвала приток воли к жизни. В этом эффект «моржиного» купания зимой: создается контраст – и разность потенциалов в существе – и сразу охота жить и действовать-двигаться. Так и я повеселел. Придя, увидя, что света нету, решил печку потопить и на ней грибы поджарить, картошку, чай, что и сделал, – и вот снова в тонусе я. Потом в шезлонге читал газетку Литературную, что тут оказалась – давняя. Все – интересно: и про миф об убиении Горького, а на самом деле – его раздвоение на Пешкова – доброго человека и Горького – «великого писателя». И интервью с Голомштоком и Кимом, и Бежина про Гуманитарный университет при Литгазете, где и из моей «Жизни с Мыслью» цитату дает, и проч. И все же много реактивности – отталкивания от прежней эпохи, а не позитивное творчество ныне...

Докопал грядку, полил укроп – новую порцию. А редиску – вечером, когда свет включают – и под радио. А сейчас – в тишине и лишь птичьим сопровождением – за Канта!

Добираемся до Бога

Восцениваю опытное знание. Вон запись в тетради: «Действительно: лишь из опыта я узнаю, что х.. встает и что успокоит его п...; что надо – есть, что яблоко – съедобно, есть пища».

С. 442. «Блаженство есть удовлетворение всех наших склонностей» — *Ve-fried-igung* = «замирение» — мир после войны. Сильнее это.

«Стремление к блаженству» — *Bewegungsgrunde der Glückseligkeit* = «грунт движения»: даже у движения — фундамент. Тяжкие жернова, а не крылья — движение по-германски.

«Распределение блаженства согласно принципам»: *Austheilung... zusammenstimmt*. Сначала разделить счастье на части, а потом собрать вместе на хоровое согласие — как пение. Резонанс во всем германский слух ищет, преследует.

С. 443. «Блаженство, связанное пропорционально с моральностью».

С. 444. «Система моральности, награждающей себя самое». По-немецки энергичнее и грубее: слово *Lohn* — плата, заработок... Так что выходит «система себя оплачивающей моральности». Рассуждает — как работодатель рабочим на мануфактуре Разума. «Блаженство... распределяется в **точном** соответствии с моральностью». Прямо точная оплата по труду. Как у английских экономистов: время — мера труда, той же матрицей соображает Кант; только вместо стоимости — моральность, а части счастья — как монеты.

Германские выкладки о Боге: в нем тождество высшего и глубочайшего, крыша дома бытия — и его грунт, фундамент. Бог — узел, свод готического собора, конек. Бог нужен, иначе вся постройка здания, систематическое единство — разрушится.

«Допустим, что *высший разум...* есть вместе с тем и причина природы»... Тут проще и образнее; «прапричина» *Urgrund* — «залегает в грунте». Вот тождество Выси и Глуби, *Nöhe* и *Tiefe*, основных координат германского Космоса.

С. 445. «За исключением того, поскольку» — *ausser insofern* = «вне... так далеко».

«Разум (буду переводить сам — *Г.Г.*) привязывает к идее морального закона действующую причину» (как трансмиссию на маховик. — *Г.Г.*).

«Не служат **мотивом**» — *Triebfedern*, «гонящие крылья» буквально, но применяют и как технический термин — «двигательная пружина». А *Triebgrad* — «маховое колесо», так что угадал я образ машины в сознании Канта, когда он выписывал сии ходы мысли.

Кант — оптимистическая система. Какие стрельчатые арки протягивает, чтобы соединить счастье и нравственность! Необходим их свод в Высшем благе, Боге... Единое **должно быть**, дабы одна воля мир и природы, и свободы пронизывала, обнимала.

С. 446. «Мир... **возникший** из единой идеи» (*entsprungen* — «высочить»). «Исследуем причину» (*erwägen* — «взвесить»).

С. 447. «Расширение... разума»: Steigerung — «восхождение по ступеням». Вертикаль, тогда как в русском переводе-Логосе — горизонталь. «Грубые и смутные» понятия о Божестве — «сырые» и «хвостом болтающиеся» (rohe und umherschweifende).

Понятие о Боге приволокли и поставили как столп (brachten zu Stande).

С. 448. «Насколько практический разум имеет право руководить нами, мы будем считать поступки обязательными не потому, что они суть заповеди Бога, а потому будем считать их заповедями Бога, что мы **внутренне** обязаны осуществлять их».

Бог — из «Иннере» произведен, а не внутреннее наше упорядочено согласно заповедям Бога. Какая красота и смелость! Что человек признает должествованием своим — то божественно! Человеко-бог!

С. 449. А вот и мое занятие указано:

«...Анализировать субъективные *причины суждения*, принимаемые нами за объективные *основания* его, и, следовательно, объяснить... утверждение, как событие в нашей душе, не обращаясь к свойствам объекта».

С. 450. «Врач... чахотка»: Schwindsucht — «искание исчезновения», стремление к смерти в этом слове — гораздо сильнее термин-образ, чем «туберкулез».

«Пробный камень» крепости веры — пари! (как у Паскаля — «пари на Бога»). Вера — риск на 10 или на 1 дукат...

С. 455. А вот и верование Канта — о неземных цивилизациях! «Я бы держал пари на все, что у меня есть, за то, что, по крайней мере, на какой-либо из видимых нами планет есть обитатели, если бы можно было проверить это опытом. Поэтому я утверждаю, что мысль о существовании обитателей других миров есть не только мнение, а сильная вера (за правильность которой я рисковал бы многими благами жизни)».

Какое трогательное чаяние, простодушное!

Подвергаю критике мой жизненный выбор

9.30 веч. Ой, устал — мочи нет — с обширным пространством, которое занял в жизни, — возиться. Распластался я по разным домам-местам по поверхности земли, по природе, — и убрал себя из социума; истекает моя жизненная сила на пребывания то тут, то там, на обслуживании своих имений — и прозевал самоутверждение в обществе; мало там бываю, а все сбегая — на простор, и тут только с бумажками беседую, не имея человека собеседником. Вот и пложу простыни и километры писаний — тоже большое пространство вышло-излилось из меня сюда. А иной бы

выбор жизненного пути — пружинный: иметь малый тыл, одну бы квартиру и малую семью — и врубаться в социум, там фигурировать, карьеру делать, траекторию пролагать: имя, слава, издания, поездки, почести...

А все — жажда независимости, свободы — от мира сего, от людей, учреждений. Гордыня. И — Любовь. Одну зависимость тотально принял — от Женщины, Жены, Семьи. И она стала оплотом — независимости от общества. Природа и Дух — мои обитатели. Эрос — тоже природа, плоть. И раз есть куда МОЕМУ ВОТКНУТЬСЯ (и — как удачно: только жену все вождедею, так что она избавила меня от зависимости от мировой пи. дятны — лоханки сей бесконечной, бочки данайд), то и спружинить смог я беспрепятственно и тотально — в дух, творчество безоглядное.

Так что я, в общем, — свой оптимум делаю, мне присущий путь пролагаю... Но все ж облизываюсь — на иные дхармы-пути. Ну и свой начинает гирями ощущаться.

Вот эта деревенька, земля своя, изба, сад-огород. Завел их (30 почти лет как), чтобы спастись от социума и жить гармонически и на природе, и вести натуральное хозяйство в подкрепу моей младшеначности скудной: летом и дача детям, и корм нам, подкорм и на зиму, — чтоб на это денег не зарабатывать и не продавать душу советчине и ее идеологии. И так и спасался на своем — обитаемом по-нашему — острове.

Ну а теперь — уже угнетает слишком разросшаяся пространственность и природность. Изба эта же — нет охоты поубрать, почистить. Да нет и времени — на огороде еле что-то успеваю. И хлам, через который хожу, уж действует угнетающе на душу. Глаза бы не смотрели, мерзость запустения — без хозяина и хозяйки и дом, и хозяйство.

То же и в городской квартире в Москве, то же и в Переделкине. То же и с рукописями моими неумеренными — не справлюсь со всем до конца живота. Так в хаосе и подохну и проклинать меня будут домашние.

Да, я сам и все мое — как
Огромный запущенный сад,
Приют задумчивых дриад.

Именно — все задумчивости предаюсь беспрепятственно. А «с думы с ума сой-дешь!» — как мне Бабка Дуня в Щитове говорила.

Имя «Эммануил» индуцирует априоризм

Надписал заголовок (предыдущий), прежде чем новую страницу зачинать, — и, введя слово «критика», уже понял, осознал, что я — Канту исповедуюсь, под ним себя чищу (формула из поэмы «Ленин» Маяковского: «Я себя под Лениным чищу»). А что? Так уж сроднил-

ся с его душой, вникая в ее извилины настроений и что ему дорого, — что уж чую как бы его взгляд души, на меня направленный с вопросом: «А ты что за человек, который взялся меня промышлять?» Вот и рассказываю — и себе, и ему, как уже природенному, близкому существу.

Да, Эмма... Кант... А, кстати, имя «Эммануил» означает «С нами Бог». Тоже и в имени повеление Канту — разобраться с Богом и всем хозяйством Духа. Более того: тут напророчен и его АПРИОРИЗМ! Раз «с нами Бог», со мной, человеком, при нас и в нас, внутри нас содержится, — то все заложено внутрь нас, и с этим хозяйством и надо мне, гомо сапиенсу, — разобраться: что содержится в нас, в душе, в разуме — еще до выхода наружу, в мир, на жизнь и опыт и познание? Этим и занялся Иммануил — по подсказке своего имени как именно ПРИзвания — самим ПРОзванием тебя (не «его» — так всеобщее мысль: и меня, и его касается). «Эммануил» = это «все мое ношу с собой».

А на важную и красивую интуицию я набрел и уразумение...

Итак, утонул я в ПРОСТРАНСТВЕ бытия, убягая от ВРЕМЕНИ. Именно — таков мой выбор. Недаром и эпитафию я себе такую сочинил: «УПУСКАЯ ВРЕМЯ — ЖИЛ СЧАСТЛИВО» (см. конец книги «Жизнь с Мыслью»). Кант в этом смысле — антипод мне: Время пуше Пространства чтит и полностью пружинно реализовался в Культуре и Социуме, сам себя предельно обузив и сократив в пространственном и природном отношениях. Пространство его — всю жизнь Кенигсберг, жилище и университет, и всегда одни и те же пути — хронометрированные передвижения экономные по пространству. И женщины не имел (не знал?) — и семьи не завел.

Ну, конечно, достаточно с них, с Кантов, — того, что 12 у него братьев и сестер (сам — тринадцатый) — как поросят нерезанных. Деторождение тогда не проблема... А я, стукнутый холостой жизнью в первом браке, реактивно впился в живую самку во втором — и так задорожил ее и семейным лоном, чем меня Господь, наконец, благословил! Дорвался я — и успокоился.

...Вот и свет дали. А то, не имея на чем сварить ужин, ходил к Каргину за молоком, и он простоквашей с хлебом угостил, — и сыт, даже побуркивает в животе: две кружки выпил. Так что с ужином можно не возиться.

Еще и Коля Фирсов проходил с косой; я одолжил скосить мой дурьян, и он меня стыдил (хороший неологизм опечаткой получился: «ДУРЬян» вместо «Бурьян»):

— Как же Вы так живете, Г.Д., — без газа, холодильника, без косы?... Надо, чтоб приехал — и все на мази: газ крутанул, из холодильника сало, мясо вынул... Вон мои приехали — костер, десять шампуров шашлыка...

– О, уж сколько лет такого не едал!

– Надо все иметь: вот две косы у меня, эта – запасная. Правильно я говорю? Если у меня чего нет – у меня уж душа болит, не сплю...

– Ну вот Вы сами себя и опровергли, – говорю. – Иметь всего мало – как хорошо! Не так озабочена душа, не так обременена, легкая...⁹³.

Да, так у меня получается «ЛЕТО С КАНТОМ»: разрослось затеянное скромное Приложение к «ОСЕНИ С КАНТОМ» — в целую «исповесть-трактат».

А приятная работенка — расковыривать образы путем буквального перевода терминов и выражений. Вернусь чуть.

С. 449. «Убеждение» — Über-zeugung от Zeug: от ziehen — «тянуть» (оттуда и Zeit — время) — нить, откуда «ткань» и «материя» — первое значение слова Zeug.

А главное — инструмент, прибор. В словаре Пауля: «главное значение — устройство (Gerät), что для какой-то технической деятельности используется». То есть из и для «-ургии».

Однокоренно Zeuge — «сВИДетель». У нас — от «видения», в германстве — от делания.

Так что «убеждение» — Überzeugung = «сверх-изделивание».

«Основание согласия всех суждений» — Grund der Einstimmung aller Urteile = «грунт (земля) едино-гласия всех старых частей». «Не следует подвинчивать (!) себя к мнению» — как гайку!

С. 452. Что хорошо? — «Твердо держаться» — Fest zu halten, иметь Leitung («водительство» вождя, фюрера), Leitfaden — «путеводную нить».

Что плохо? — Wanken — «колебаться», «качаться». «Вера в Бога сплетена» — verwebt, ткацкое дело...

С. 453. «Природу нельзя обвинять в партийном распределении ее даров» (Вспоминаются «партраспределители» — феномен советского быта).

Время — субстанция материи

6.7.96. «Последний нынешний денечек гуляю с вами я, друзья» — с Кантом. Уж к концу приходит и том «Критики разума», и в тетради моих комментариев — четыре странички осталось. Не будем отвлекаться на жизнь (сейчас теплынь, в трусах я на солнышке — распределило мне бытие частицу блаженства, мне присущего) — и вбуравлю ум в Канта.

⁹³ Увы! Повесился Коля Фирсов на белом проводе в углу своего сарая 5 апреля 2000, накануне своего 72-летия. Верно, устал жить... — 19.

Работало во мне вчерашнее узвание: что в *Zeug* первое значение — «материя», «ткань» — от *ziehen* — «тянуть» нить; и что от этого же *ziehen* — *Zeit* = Время. Все это довело меня до уразумения, что в германской естественной интуиции Материя из Времени сплетена — выткана. А если еще *Zeug* — и «устройство», «инструмент», то тут и «ургия» добавляется, Труд и *Tat* — как начало бытия.

Сходятся три сверх-принципа: Время, Труд, Материя — и философские первокатегории. То-то Время в германстве в такой первоочести: оно субстанция всего — вплоть до вещества мира. Оно, имматериальное, — образует Материю. Понятно теперь, почему германский Логос склонен к идеализму: Дух ставить перее Материи, а природу понимать как «инобытие Духа» (Гегель). И отчего даже по замечаниям марксистов «деятельную сторону бытия» разработал как раз идеализм — германский. Ну да: Идея, Дух тут — работают инструментально в труде, а не предаются созерцаниям пассивным и эротико-гедонистическим, каков идеализм эллина Платона.

С. 453. Завершая раздел «О мнении, знании и вере», Кант развивает мысль о демократизме философии: что она — трудяга, как и другие виды деятельности, и что «не боги горшки обжигают», но что философия приводит к тому же, что понимает и простой человек:

«Неужели же вы требуете, чтобы знание, касающееся всех людей, превосходило силы обыденного рассудка и открывалось только философам?» Плебей Кант — против аристократизма в Духе. И человеку достаточно быть «до известной степени добрым», чтобы уже понимать главное, что надо.

...Быть добрым малым,
Как вы да я, как целый свет.

А на выходе из домны философии (она — печь), из ее индустрии-промышления в *Innere*, — «результат отрицательный».

Кант не согласен принимать «черный ящик» прибора, как согласилась нынешняя наука: лишь бы на выходе был внятный результат, — но разбирает само устройство Разума, с опасностью и разломать игрушку. Ибо как сороконожка, когда перед ней поставили бы вопрос: что делает 27-я нога, когда ступает 39-я? — задумавшись, перестала бы ходить. Так и кантианцы во многом навели своим агностицизмом — некий паралич, оцепенили Ум...

«Высшая философия может вести не иначе...» *Die höchste... nicht weiter* — «высшее... не дальше». Тут связь Высоты и Дали — взаимная их препоясь. И Даль, плоскость общего рассудка, умеряет гордыню Выси, рассеивает ее. И в этом преклон принципа Германства — Вер

тикаль — перед принципом континента-материка Евразии, где Россия, с ее Горизонталью (Даль-Ширь)... Так же и преклон личности перед обществом: «обыденный рассудок» — по-немецки *gemein*, а *Gemeinschaft* = «общество».

С. 454. Раздел — «Архитектоника чистого разума». Эта идея — лейтмотив построения Канта. Он — архитектор и строит здание. А здание — система, не агрегат. Не куча, «рапсодия», а симфония, жесткое построение и последовательность сонатной формы, что тогда же явлена Гайдном.

Но какая амбиция — все предусмотреть! Ничего лишнего и случайного. Конечно, таков должен быть инженер-строитель здания. Однако же — погода, природа, да и «сопромат» — сопротивление Матери-и-Природы и Жизни?.. Но нет: прокалить огнем землю. Жизнь закалить Смертью!

Вспоминается притчевый образ из неоконченного романа А.Фадеева «Черная металлургия»: именно жизнь, сохраняющаяся в металле, корежит его и приводит к коррозии. Так и в человеке — «гвозде» и «винтике» машины... — пробивается жизнь, чувство и свобода, открытость, незавершенность... Тут даже советский русский Фадеев мыслит аналогично философу русскому Бахтину.

А Кант — вдруг в диктаторском стиле аксиоматических утверждений — о том, какова должна быть система (предтеча он «системно-го анализа» в методологии науки XX века):

«Ни одной части нельзя упустить из виду, а также нельзя сделать никакой случайной прибавки или остановиться на **неопределенной** величине совершенства... Целое расчленено..., а не свалено в кучу; оно может, правда, **расти внутренно**.... но не извне... подобно телу животного, рост которого состоит не в присоединении новых членов, а в том, что каждый орган, без изменения пропорциональности, становится более сильным и более приспособленным к своим целям».

Тут ГОМУНКУЛЮС — мечта германских алхимиков: зародыш = маленький человечек, ничто не добавляется. Кант с априоризмом — предтеча «преформизма» в науках XIX–XX вв. — в биологии... Ну и Э.Т.А.Гофман населил мир такими гомункулюсами-человечками...

...Однако, за парным молоком сходить — пора. Уж 9.40.

С. 455. Уже Послесловие к себе, к своей работе, пишет Кант, раскрывает карты. приоткрывает двигавшее им со-прятанно в глубине нутра — видение:

«К сожалению (эмоция! — Г.Г.), только после того, как мы долго **рапсодически собирали**, по указанию **скрыто заложенной** в нас идеи, многие относящиеся к ней знания в качестве **строительного материа-**

ла, и... **технически** объединяли... становится возможным усмотреть идею в более ясном свете (выйти из платоновой «пещеры», где Кант приковал себя волей логики и честного исследования деталей — сидеть во тьме, среди теней явлений, как гном-нибелунг, и впериться в собственный внутренний свет самообслуживания там. — Г.Г.). Системы кажутся, подобно **червям**, возникающим... из простого **скопления** собранных вместе понятий (и Червь важен у немцев: гном, горняк, членист — родное существо. И в начале «Критики» — образ дома, источенного червями, был. — Г.Г.); а между тем все они имели свою **схему**, как первоначальный **зародыш** (ургийно-гонийное уравнение: схема, план искусственный, = **зародыш** природно-естественный. — Г.Г.)... и допускают архитектонику..., когда собрано или может быть взято **из развалин старых зданий** так много материала».

«Общий **корень** нашей познавательной способности **раздваивается** и производит **два ствола**».

«Подразделения всего здания системы» — Lehrgebäude — «здание учения».

С. 456. Заученные знания = «гипсовый снимок с живого человека». «Научить можно» — не философии, «а в лучшем случае философствованию». То есть — не предмету готовому, знаниям, истине, но труду мастерового, его мастерству, приемам.

Идут разными путями, пока не найдут в зарослях чувственности единственную **тропинку**, «пока не удастся,... сделать копию равную первообразу» (Nachbild и Urbild = «послеобраз» и «праобраз»).

С. 457. «Виртуоз разума» — Vernunftkünstler «искусник», использует все «орудия», Werkzeuge — инструменты.

С. 460. Снова сопоставим «совокупность» и In-begriff = in — «изнутри», be — «извне», «об», так что буквально: «в-о-хват» — типично германские направления, единство противоположностей в этом слове, как и в hegaus, «сюда-из», что в анализе «Ифигении в Тавриде» Гёте мною промедитировано (в сочинении февраля-марта 1968 года).

С. 461. О психологии — как о бедной родственнице, которой все же надо пока дать приют, хотя «должна быть... изгнана». Приживалка метафизики. Рассуждает Кант, как домохозяин: все же приходится **оставить для нее местечко** в метафизике из экономических соображений, так как она еще не настолько **богата**, чтобы **самостоятельно** составить предмет изучения, и в то же время слишком **важна**, чтобы совершенно выбросить ее... «Следовательно, она играет роль **чужестранца**, который пользуется **приютом** лишь до тех пор, пока не создаст себе собственное жилище».

Интонация домохозяйина, держашего семейный совет: куда эту пристроить? Ведь более близких родственников у нее нет, и «прицепить ее к какой-либо другой науке» нет смысла.

«Хотя метафизика не может быть **фундаментом** для религии, все же она остается **бруствером**»...

«Обуздывать разум (zügeln) от опустошений» — от кочевья шатающегося разума. Критика = сбруя оседлого земледельца.

С. 462. К метафизике «вернуться, как к **разлученной... возлюбленной**».

Разум «неустанно принужден работать или над приобретением..., или над разрушением»... Разум-тудяга — как (не)управляемая машина, ей все равно, что делать: создавать или разрушать.

Разум **отваживается** полететь на собственных **крыльях**».

Sitte — «нравы» близко к Gesetz — «закон»: оба от sitzen — «сидеть», «сесть» — т.е. оседлость, в отличие от кочевья.

«Метафизика все сводит к Мудрости, и именно путем Науки» — так, как аллегории в немецких моралистических романах, хочется и нам с большой буквы, олицетворяя эти понятия, писать. В немецком языке они и так — с большой буквы. Есть в этом — **оличивание** существований: имена нарицательные, безличные там как бы отсутствуют, а все — собственные. Высокая персонализация Логоса и жизни в этом...

Функция критики разума — **цензорская** в государстве культуры: воздержание, целомудрие блюдет.

С. 463. «Теология и мораль были двумя **пружинами**, или, вернее, точками **тяготения**». Характерное уточнение: Толчок или Тяготение — первопричина движения в мире? Декарт, французский Логос, — избирает толкание, Ньютон, английский Логос, — тяготение (всемирное). Германский же ум их антиномически отождествляет, и его принцип движения — «тяни-толкай!»

Тут то же соединение, как и в термине Inbegriff — «в-об-хват», где пружина двигательная — «из в-нутри», а точки тяготения лежат извне на границах сферы, в объеме, в зоне «об».

С. 464. Ирония над натуралистами: расстояние до Луны определяют на глазок, не прибегая к математическому «окольному пути» (к околице). «Извлекать истину из **глубокого колодца**».

И вот последний аккорд, каденция — галантный реверанс к читателю: «Если читатель благосклонно и **терпеливо прошел это путь** в моем обществе (Кант — как вожатый, Вергилий при Данте, — в странствии по кругам, точнее — этажам миро-здания — Г.Г.)... «Превратить **тропинку** в торную **дорогу** (Heeresstrasse — «дорога войска»). Доставить полноту и утолить жажду — напоить и умиротворить (Befriedigung)»...

Таковы последние — главные образы и ценности...

Оглавление

Со страхом приступаю	3
Воля и подсказ имени: «Гачев» и «Кант»	6
«Иду на вы!»	10
А чист ли «чистый разум»?	12
Схема и образ	14
Фабрика. Место красит человека	18
Название. Эпиграф. Посвящение	21
Разум — принц в темнице	23
Априоризм в бытовой жизни	25
Город разума против Природы	27
Преимущество малого государства	32
Остужаю рефлексией жар мышления	36
Поведение и нравы понятий	41
Суд	44
Колышущееся мироощущение	46
Двухголосье моего текста	48
Английский островной Логос	49
В путь или в глубину?	52
Англичанин и немец. «Есть» и «должно быть»	53
Английский и немецкий Логос. Юм и Кант	57
Рубашка — как монада, модель мира	61
После греха — покаяние	68
Потом — как причина	70
Заклоченный	77
Английский Логос	78
Содержательность формы	80
Быть здесь и теперь	84
Расчистка дома	88
Языковое неравноправие философов	91
Зов Судьбы	93
Немецкое Raum и русское «пространство»	94
Вероятность и необходимость	99
Как знать до знания?	102
Возлюбленный враг	104
Империализм синтеза	104
Сказка философии	105
Борщ бытия	107
Мейстер Экхарт и Кант	115
Нирвана в буддизме и «Ничто» у Экхарта	123
Каталог образов Экхарта	126
Вид на Германство через буддизм	135
О Времени	141
В геенне меж двух семей	146
От созерцания — к мышлению	152
Кто он, Кант, — ангел или бес?	156

Стояки и ухваты чистого понятия	159
Муж — рассудок и жена — чувственность	165
Суждение — как действие на дворе выпрямления	167
Метаморфозы фигового листка	168
Категории — как трудовые операции	169
Одерживаю сердце Кантом	171
Терпение, нега и совесть	173
Пишу образный подстрочник к Канту	174
Об историзме. По истории или по истине?	176
Возможно ли самозарождение совести?	180
У Бога ноздрей нет	183
Необходимость — германский чорт	184
Космоургия в Девятой симфонии Бетховена	186
Анализ, синтез, диалектика в Элладе и в Германии	188
Логика формальная и трансцендентальная	189
Категории — работы	193
Философия быта как бытия	199
Мудрость предрассудка	200
Канва категорий и ткань опытного знания	203
Хватка понятия в поездке опыта	206
Три подмастерья: Чувствуй, Воображай, Хватай	209
Радуга сверхидей и национальный спектр	212
Космическое призвание России и Германии	215
Раскол Бытия и трансцензус	218
Какого цвета Время?	220
Соответствия между музыкой и философией (Походив и продолжая инерционно думать)	222
Рассеянное бытие (Россия) и расколотое (Германия)	223
Народы — как химические элементы	225
«Естина» и Иван-дурак	230
Думы после поездки к Канту в Кенигсберг	232
Идеалист летом, материалист зимой	238
Лето с Кантом (Приложение к исследованию: «образность в «Критике чистого разума»»)	240
К «Осени с Кантом» послесловие	240
Проработанность деталей	241
Начинаю «Лето с Кантом». Лариса и бабуся	245
Продолжаю комментарий	248
Готовлюсь к теле-ток-шоу на тему: «профессия — философ»	253
Выискиваю образы далее	256
На теле-ток-шоу: «профессия-философ»	257
Галстук и коса	260
Возвращаюсь к Канту	261
Светлана в ливень в босоножках пошла	267
Смех Судьбы над Кантом: стремился упростить, а такое наложил!	268
Смерть = стена	270
Умер Никита Ильич Толстой	272
Платон у Канта	273

В Германии — причина, во Франции — цель	276
Иstek мой разум в трансцендентальное единство апперцепции	280
Кант вдохновляет душу на Свободу	286
Россию скальпируют	289
Все убегаю от смерти	293
Регулятивные принципы	294
Кантуйся в веселой бедности	299
Юридические сравнения	301
Обдумываю выборы. Рассеяние третьего в «да» или «нет»	307
Разум — не равнина, а сфера	308
С мужиками под водку о рыбалке и политике	314
Почему дурак — баран?	316
Добираемся до Бога	317
Подвергаю критике мой жизненный выбор	319
Имя «Эммануил» индуцирует априоризм	320
Время — субстанция материи	322

1. Ускоренное развитие литературы (на материале болгарской литературы первой половины XIX века). М.: Наука, 1964.
 - 1а. Ускореното развитие на културата (на болг. яз.). София: Наука и изкуство, 1979.
 2. Любовь, человек, эпоха (Рассуждения о повести «Джамиля» Чингиза Айтматова). М.: Сов. писатель, 1965.
 3. Содержательность художественных форм. Эпос. Лирика. Театр. М.: Просвещение, 1968.
 - 3а. Съдържателност на художествените форми. Епос. Лирика. Театр (на болг. яз.). София: Наука и изкуство, 1982.
 4. Жизнь художественного сознания. Очерки по истории образа. Часть I. М.: Искусство, 1972.
 - 4а. Книга переведена на арабский язык. Триполи, 1985.
 5. Творчество, жизнь, искусство. М.: Дет. лит., 1980.
 6. Образ в русской художественной культуре. М.: Искусство, 1981.
 7. Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
 8. Чингиз Айтматов (в свете мировой культуры). Фрунзе: Адабият, 1989.
 - 8а. Панорамата на световната литература (Панорама мировой литературы) – на болг. яз. София: Наука и изкуство, 1989.
 9. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский, Киргизский. Грузинский. Армянский). М.: Сов. писатель, 1988.
 10. Жизнемысли. М.: Правда, 1989.
 11. Русская Дума. Портреты русских мыслителей. М.: Новости, 1991.
 12. Книга удивлений, или Естествознание глазами гуманитария, или Образы в науке. М.: Педагогика, 1991.
 13. Логика вещей и человек. Прение о правде и лжи в пьесе М. Горького «На дне». М.: Высш. шк., 1992.
 14. Наука и национальные культуры (Гуманитарный комментарий к естествознанию). Ростов н/Дону: Изд-во Ростовско го гос. ун-та, 1992.
 15. Образы Индии (Опыт экзистенциальной культурологии). М.: Наука, «Вост. лит.», 1993.
 16. Русский Эрос. М.: Интерпринт, 1994.
 17. Семейная комедия. Лета в Шитове (исповести). М.: Школа-пресс, 1994.
 18. Национальные образы мира. Космо- Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995.
 19. Жизнь с мыслью. Книга счастливого человека (пока...). Исповесь. М.: ДИ-Дик-Танаис, 1995.
 20. Национальные образы мира. Америка в сравнении с Россией и Славянством. М.: Раритет, 1997.

21. Национальные образы мира. Курс лекций. М.: Академия, 1998.
 22. Творчество в живота - и културата Христо Ботев, (Творчество в жизни и культура), болг. яз. София, 1998.
 23. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Ин-т ДИ–ДИК, 1999.
 24. Воображение и Мышление. М.: Вуз. книга, 1999.
 25. Музыка и световая цивилизация. М.: Вуз. книга, 1999.
 26. С Толстым встреча через век. М.: Вуз. книга, 1999.
 27. Андрей Синявский – Абрам Терц. М.: Вуз. книга, 2000.
 28. Вещают вещи. Мыслят образы. Академ. проект, 2000.
 29. Национальные образы мира. Центральная Азия: Казахстан, Киргизия, Космос Ислама. Издат. сервис, 2002.
 30. Национальные образы мира. Кавказ: Грузия, Азейрбайджан, Армения. Издат. сервис, 2002.
 31. Гуманитарный комментарий к физике и химии (Диалог между науками о природе и о человеке). Логос, 2003.
 32. Национальные образы мира. Соседи России: Польша, Литва, Эстония. М.: Прогресс-традиция, 2003.
 33. Ментальности народов мира. М.: Эксмо-Алгоритм, 2003.
- Адрес в Интернетe <http://gachev.userline.ru>